

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НОМОТНЕТІКА: ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПРАВО

SCIENTIFIC JOURNAL

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

2026. Том 51, № 3

НОМОТНЕТІКА:

Философия. Социология. Право.

2026. Том 51, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г. Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры, НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари

Вангородская С.А., доктор социологических наук (НИУ «БелГУ»)

Егоров Н.С., кандидат философских наук (НИУ «БелГУ»)

Берент К.А., кандидат юридических наук (НИУ «БелГУ»)

Члены редакционной коллегии

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Боянич Петар, доктор философских наук, профессор (г. Белград, Сербия)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Зиёдуллаев М.З., доктор юридических наук, профессор (Республика Узбекистан)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (г. Белгород, Россия)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Максименко А.А., доктор социологических наук (НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Мареева Е.В., доктор философских наук (г. Москва, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (г. Тула, Россия)

Новиков В.Г., доктор социологических наук, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Савчук В.В., доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (г. Воронеж, Россия)

Таболін В.В., доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Тоценко Ж.Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва, Россия)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член СП России (г. Грозный, Россия)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Гарнитур Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 21,8. Дата выхода 30.09.2026. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 541 **Бобков А.И.** Концепт «русский Ницше»: системная завершенность связи религиозного опыта и этнокультурной субъектности в русской философии

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 551 **Шевырев А.В., Федотова М.А.** О методологических аспектах исследования сознания с позиций постсинергетики

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 564 **Мисихин В.Р.** Дефицит кадров как фактор институциональных изменений: стратегии российских работодателей в условиях структурных дисбалансов
573 **Шмарион Ю.В.** Социальная технология соуправления малыми группами: двухконтурная обратная связь как механизм распределения властных функций

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 588 **Зилунников Н.В.** «О грамматологии» Жака Деррида: философско-правовой анализ
599 **Ситников К.А.** Коллективная память сотрудников органов внутренних дел: теоретико-правовой и социологический аспекты
611 **Цуканова Е.Ю., Бакирова Д.М.** Общая часть кодифицированного акта как нормативная модель фактических систем в праве

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 620 **Власова У.А., Новикова А.Е.** Конституционно-правовое представительство: понятие, границы и видовое многообразие
632 **Синенко В.С., Федоряченко А.С.** Интерес как правовая категория
639 **Ярошук И.А., Косолапова Н.А., Гетьман К.А.** Правовое обеспечение предотвращения и смягчения химико-биологических рисков для экологии: рекомендации для муниципалитетов, регионов и государства

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. НРАВСТВЕННОСТЬ

- 651 **Дагаев Р.Р.** Онтология свободы в цифровых субкультурах: философский анализ трансформаций молодежной идентичности
658 **Хасуев А.Э.** Цифровой нomaдизм и трансформация молодежных субкультур: философско-культурологический анализ феномена диффузной идентичности

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 665 **Ивашина Е.В., Ивашина Р.А.** Национальное самопознание в опыте русского религиозно-философского паломничества (путешествие Н.Н. Страхова на гору Афон)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- 670 **Киреева О.А.** Орнамент: динамика культурно-исторических форм и концептов
679 **Нассонов М.С.** Драматизация, романтизация и поэтизирование как концепты творчества поэта
691 **Посохова Н.В., Лапина В.О.** Трансформация праздничной субкультуры: философско-культурологический анализ традиции в современном мире
698 **Ван Чживэй.** Баухаус в Китае: архитектурные и дизайнерские реформы XX–XXI веков

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 706 **Величко И.В.** Метаморфозы рыцарского идеала в современной культуре: постмодернистская трансформация героического

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ

- 717 **Резник Н.С., Резник С.В.** От методологии ислама к постмодернистской теологии. Рецензия на книгу: Т.Е. Седанкина. Методология теологии. Казань : РИИ, 2024. 552 с.
723 **Трунов А.А.** Философско-антропологическая реконструкция идеологии. Рецензия на книгу: Marius S. Ostrowski. Ideology. Cambridge ; Medford : Polity Press, 2022. 200 p.
730 **Липич Т.И., Липич В.В.** Особенности «религиозного ренессанса» XX–XXI веков. Рецензия на книгу: Жиртуева Н.С. Философско-мистические традиции мира. М. : Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2025. 274 с.
735 **Лыткин В.В., Капалин А.Н.** Память в структуре индивидуальной и коллективной идентичности

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2026. Volume 51, No. 3

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995.

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate of Science and Doctor of Science should be published.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod National Research University "BelSU". Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

Rimskiy, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod State National Research University)

Deputy Editors-in-Chief

Babintsev, V.P., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Borisov, S.N., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Tonkov, E.E., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of Philosophy
(Belgorod State National Research University)

Executive Secretary

Vangorodskaya, S.A., Doctor of Sociology
(Belgorod State National Research University)
Egorov, N.S., Candidate of Philosophical Sciences,
(Belgorod State National Research University)
Berent, K.A., Candidate of Law Sciences
(Belgorod State National Research University)

Members of the Editorial Board

Barkov, S.A., Doctor of Sociology, Professor
(Moscow, Russia)
Belyaeva, G.S., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)
Bojanic Petar, Doctor of Philosophy, Professor
(Belgrade, Serbia)
Vlasenko, N.A., Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
Gabov, A.V., Doctor of Law, corresponding member
of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation
(Moscow, Russia)
Drach, G.V., Doctor of Philosophy, Professor
(Rostov-on-Don, Russia)

Ziyodullaev, M.Z., Doctor of Law, Professor
(Republic of Uzbekistan)
Zubok, Y.A., Doctor of Sociology, Professor
(Moscow, Russia)
Kalinina, G.N., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod, Russia)
Klimova, S.M., Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
Kuksin, I.N., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Lipich, T.I., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Maydanskiy, A.D., Doctor of Philosophy, Professor
(Belgorod State National Research University)
Maksimenko, A.A., Doctor of Sociology (Moscow, Russia)
Malko, A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State
University of Justice, Professor (Saratov, Russia)
Mareeva, E.V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow
State Institute of Culture (Moscow, Russia)
Nazarov, V.N., Doctor of Philosophy, Professor (Tula, Russia)
Novikov, V.G., Doctor of Sociology, Doctor of Economics,
Professor, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod State National Research University)
Prokazina, N.V., Doctor of Sociology, Professor (Moscow, Russia)
Savchuk, V.V., Doctor of Philosophy, Professor
(St. Petersburg, Russia)
Starilov, Y.N., Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Tabolin, V.V., Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Toshchenko, Zh.T., Doctor of Philosophy, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
Turanin, V.Yu., Doctor of Law, Professor
(Belgorod State National Research University)
Yarychev, N.U., Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of
Philosophy, Professor, member of the Joint Venture of Russia
(Grozny, Russia)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФЦ77-77840 of 31.01.2020. Publication frequency: 4/year
Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition, page layout O.G. Tomusyak. English text editor E.S. Danilova. E-mail: Rimskiy@bsuedu.ru; pocheptsov@bsuedu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. 21.8 publishing sheets. Date of publishing 30.09.2026. Dummy layout has been prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russia.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY AND THE SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES

- 541 **Bobkov A.I.** The Concept of “Russian Nietzsche”: Systemic Completeness of the Connection between Religious Experience and Ethnocultural Subjectivity in Russian Philosophy

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 551 **Shevyrev A.V., Fedotova M.A.** On the Methodological Aspects of Consciousness Research from the Perspective of Post-Synergetics

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 564 **Misikhin V.R.** Labour Shortage as a Factor of Institutional Change: Strategies of Russian Employers under Structural Imbalances
- 573 **Shmarion Yu.V.** Social Technology for Co-Management of Small Groups: Two-Circuit Feedback as a Mechanism for Distributing Power Functions

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 588 **Zipunnikov N.V.** Jacques Derrida's “Of Grammatology”: A Philosophico-Legal Analysis
- 599 **Sitnikov K.A.** Collective Memory of Law Enforcement Officers: Theoretical-Legal and Sociological Aspects
- 611 **Tsukanova E.Yu., Bakirova D.M.** The General Part of a Codified Act as a Normative Model of Factual Systems in Law

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 620 **Vlasova U.A., Novikova A.E.** Constitutional and Legal Representation: Concept, Boundaries and Variety
- 632 **Sinenko V.S., Fedoryaschenko A.S.** Interest as a Legal Category
- 639 **Yaroshchuk I.A., Kosolapova N.A., Getman K.A.** Legal Support for the Prevention and Mitigation of Chemical and Biological Risks to the Environment: Recommendations for Municipalities, Regions and the State

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 651 **Dagaev R.R.** Ontology of Freedom in Digital Subcultures: A Philosophical Analysis of Youth Identity Transformations
- 658 **Khasuev A.E.** Digital Nomadism and the Transformation of Youth Subcultures: A Philosophical and Culturological Analysis of the Diffuse Identity Phenomenon

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 665 **Ivashina E.V., Ivashina R.A.** National Self-Discovery through the Experience of Russian Religious-Philosophical Pilgrimage (N.N. Strakhov's Journey to Mount Athos)

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

- 670 **Kireeva O.A.** Ornament: The Dynamics of Cultural and Historical Forms and Concepts
- 679 **Nassonov M.S.** Dramatization, Romanticization and Poetizing as Concepts of a Poet's Creativity
- 691 **Posokhova N.V., Lapina V.O.** The Transformation of Holiday Subculture: A Philosophical and Cultural Analysis of Tradition in the Modern World
- 698 **Wang Zhiwei.** Bauhaus in China: Architectural and Design Reforms of the 20th and 21st Centuries

THESES

- 706 **Velichko I.V.** Metamorphoses of the Knightly Ideal in Contemporary Culture: The Postmodern Transformation of the Heroic

SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

- 717 **Reznik N.S., Reznik S.V.** From the Methodology of Islam to Postmodern Theology. Review of the Book: T.E. Sedankina. Methodology of Theology. Kazan: RII, 2024. 552 p.
- 723 **Trunov A.A.** A Philosophical-Anthropological Reconstruction of Ideology. Review of the Book: Marius S. Ostrowski. Ideology. Cambridge ; Medford : Polity Press, 2022. 200 p.
- 730 **Lipich T.I., Lipich V.V.** On the Features of the “Religious Renaissance” of the 20th–21st Centuries. Review of Book: Zhirtueva N.S. Philosophical and Mystical Traditions of the World. Moscow : Vuzovskiy Uchebnik ; INFRA-M, 2025. 274 p.
- 735 **Lytkin V.V., Kapalin A.N.** Memory in the Structure of Individual and Collective Identity

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY AND THE SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES

УДК 130.3

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-541-550

EDN MZZUSD

Концепт «русский Ницше»: системная завершенность связи религиозного опыта и этнокультурной субъектности в русской философии

Бобков А.И.

Восточно-Сибирский институт МВД России
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110
iab71@inbox.ru

Аннотация. Роль философии Ф. Ницше в осмыслении этнокультурной субъектности и ее связи с религиозным опытом является недостаточно осмысленной философским сообществом. Авторы предлагают иначе рассмотреть концепт «русский Ницше» – подойти к нему не с позиции совпадения философских идей Ф. Ницше с идеями русских мыслителей, таких как К.Н. Леонтьев или В.В. Розанов, а с позиции того, что философия Ф. Ницше выступает системным завершением асистемной философской традиции русской религиозной философии. Парадокс здесь состоит в том, что предугадывание асистемной философской системы Ф. Ницше русской философии является не вполне методологически обоснованным. Авторы полагают, что Ф. Ницше как раз и является завершающим систематиком философии новых начал И.В. Киреевского. Именно он вслед за славянофилами допускает то, что религиозный опыт этнокультурной общности и является основой ее философии.

Ключевые слова: Фридрих Ницше, русская философия, этнокультурная субъектность, религиозный опыт, русская философия, народ в силе, масса, сверхчеловек

Для цитирования: Бобков А.И. 2026. Концепт «русский Ницше»: системная завершенность связи религиозного опыта и этнокультурной субъектности в русской философии. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 541–550. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-541-550
EDN: MZZUSD

The Concept of “Russian Nietzsche”: Systemic Completeness of the Connection between Religious Experience and Ethnocultural Subjectivity in Russian Philosophy

Alexander I. Bobkov

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
110 Lermontova St., Irkutsk 664074, Russian Federation
iab71@inbox.ru

Abstract. The role of F. Nietzsche's philosophy in understanding ethno-cultural subjectivity and its connection with religious experience is insufficiently comprehended by the philosophical community. The author suggests considering the concept of "Russian Nietzsche" differently. It must be approached not from the position of the coincidence of F. Nietzsche's philosophical ideas with the ideas of Russian

thinkers such as K.N. Leontiev or V.V. Rozanov, but as a statement that Nietzsche's philosophy is a systemic completion of the asystemic philosophical tradition of Russian religious philosophy. The paradox here is that the prediction of the asystemic philosophical system of F. Nietzsche of Russian philosophy is not completely methodologically justified. The author believes that F. Nietzsche is the final systematist of I.V. Kireevsky's philosophy of new beginnings. It is he who admits, following the Slavophiles, that the religious experience of an ethnocultural community is the basis of its philosophy.

Keywords: Friedrich Nietzsche, Russian philosophy, ethno-cultural subjectivity, religious experience, Russian philosophy, people in power, mass, superman

For citation: Bobkov A.I. 2026. The Concept of "Russian Nietzsche": Systemic Completeness of the Connection between Religious Experience and Ethnocultural Subjectivity in Russian Philosophy. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 541–550 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-541-550 EDN: MZZUSD

Введение

Проектов по преодолению кризиса этнокультурной идентичности российского общества существует множество, начиная от неоязыческой этноархаики, сконструированной из различных интерпретаций коллективных представлений, и заканчивая некой идеей европейской интеграции как глобального проекта человечества по актуализации христианского наследия с целью преодоления конфликтов между всеми, кто сегодня испытывает «неудобство с идентичностью». В первом случае речь идет об отречении от христианского наследия в силу того, что возвращение к нему не дает той энергетики меньшинства, которое в условиях неолиберальной идеологии сохраняет и обретает властные полномочия за счет демонтажа последних субъектных идентичностей большинства.

Русскую философию полагают вечно второй, не имеющей возможности для того, чтобы стать основой самобытной оригинальной философской системы. Однако есть соображения о том, что русская философия предопределила многие идеи неоклассической философии. Между тем неклассическая философия на сегодняшний день полагается усугубляющей проблему идентичности. Тотальная объективация мира вела к тому, что человеку приходилось исчезать, отрекаясь от жизненных форм идентичности. Индивидуальность, отрекаясь от принуждающего воздействия квазирелигиозной организации, отождествляла все формы субъектности с ней, полагая религию способной только к сотворению массы и не более того. Предубеждение в отношении религии передается и Ф. Ницше. Однако он отчасти выходит из него. И выходит во многом благодаря русской философии. Выходит при помощи генеалогического метода, полученного за счет предположения человекообразности там, где до этого обозначалось его исчезновение. Он подвергает сомнению наличие в человеке гарантии обретения человеческого в будущем за счет уподобления всего человечества последнему человеку. Ницше вслед за К.Н. Леонтьевым обнаружил, что духовный регресс никто не рассматривает как утрату человеком тех идентичностей, которые обнаруживали человеческое как сверхчеловеческое в прошлом, а не в будущем. В будущем обнаружение человеческого возможно лишь при условии отречения от связи религиозного опыта и этнокультурной идентичности в угоду квазирелигиозному лабиринту идентичностей индивидуального характера. Религиозный опыт заброшен, но не преодолен. Более того, именно он определяется Ф. Ницше как путь, ведущий от человека к сверхчеловеку, а затем к богу. Именно так народ верит в пророков и не верит набожным апокалиптикам, полагающим свой путь устрашения масс единственным путем спасения человеческого в человеке. То, что этот человек без этнокультурной идентичности не может понять, какой Бог умер, это мало волнует квазирелигиозных вождей массы. Ставя вопрос о

реконструкции связи этнокультурной субъектности с религиозным опытом, Ф. Ницше следует в лоне православного дискурса, отходя от католико-протестантского дискурса, отрицающего эту связь во имя избранности и цивилизационной экспансии. Отсюда две мистики в прорыве нуминозного. Первая мистика пророческая, когда человеку стоит измениться через диалог с этнокультурным сообществом, созданным им и создавшим его. Это радостный мистический опыт, когда быть лучше, чем казаться. Священное в нем преобразует мир через преобразование человека непостижимым образом, это тот сверхчеловек, в котором актуализирована религиозная память. Второй же мистический опыт вводит человека в ужасное нуминозное, и дальше он из него к покою и великодушию не приходит. Он ожидает только смерти и милости. Бессмертие за счет милости при созерцании не Бога, а победившего святость последнего мстящего человека. Однако он именно этим считает бога, оставшись в невыносимом одиночестве, столь мощно культивируемом квазирелигиозным ресестиментом. Мстящей массе и религиозный опыт кажется мстящим. Поэтому месть этнокультурной идентичности субъектного характера необходима столь долго объективированной массе.

Актуальные аспекты анализа философии Ф. Ницше

Анализ философских идей Ф. Ницше в истории философии представлен тремя аспектами. Первым аспектом является утверждение ряда авторов о том, что так называемое наследие философа представляет собой «безнадежно рассогласованный и противоречивый набор блестящих размышлений на разные темы» [Цендровский, 2015, с. 998]. Отсюда первое табу, запрещающее воспринимать философию Ф. Ницше как некую законченную мировоззренческую систему. Авторами этого табу следует назвать Ж. Батая, В.А. Подорогу и других. Наиболее ярким представителем этого подхода был К. Ясперс, утверждавший, что «в лице Ницше имеет место некое новое философствование, которое не является чем-то цельным. Вопрос о том, кем он был и чего хотел, остался навсегда открытым. Он подобен вечному начинанию. Кроме того, у него есть собственная философия, которая говорит, не указывая пути» [Марков, 2003, с. 47].

Степень влияния табу можно, вслед за О.Ю. Цендровским, оценить как принятое без сомнения большинством философского сообщества. Автор утверждает вполне обоснованно, что «в количественном отношении это мнение столь безраздельно доминирует вот уже более столетия, что девять из десяти авторов не просто твердо держатся за него – они чувствуют за собой поддержку всего научного сообщества, заявляя, что это “общепризнано”» [Цендровский, 2015, с. 998].

Для неклассической философии, одним из основателей которой считается Ф. Ницше, такой ярлык вполне приемлем, более того, он необходим. Это наиболее подходит для русской философии, состоящей, по мнению А.Г. Дугина, «из фрагментов» и заимствующей системы для того, чтобы по-новому систематизировать науку и демонтировать любую философскую систему, основанную на отсутствии возможности решения проблемы человека [Дугин, 2011].

Однако антиномичность философии Ф. Ницше заключается в том, что наряду с асистемной парадигмой анализа философии Ф. Ницше имеет место и системная парадигма. Если первая настаивает на том, что все произведения Ф. Ницше не выстраиваются в представление о нем как о целостном мыслителе, то вторая утверждает обратное. В. Кауфман, М. Хайдеггер, К. Левит, Ж. Делез, О. Финк, П. Кlossовски настаивают на том, что мысль Ф. Ницше целостна, строга и закончена. Все мнимые противоречия на самом деле не имеют существенного значения.

Методологически верно также то, что системный подход к философии Ф. Ницше хоть и утверждается данными авторами, но они не берутся рассмотреть его более подробно. Следует согласиться с тем, что «самые проницательные комментаторы все еще

разбирают его мысль фрагментарно и не берутся обнажить прочную и стройную взаимосвязь всех тем его учения» [Цендровский, 2015, с. 998].

Если опираться на убеждение М.К. Мамардашвили о том, что философия сначала случается, а лишь потом становится системной, асистемный и системный характер философии Ницше, может быть, действительно ведет нас к тому, что философские системы по своему генезису могут быть двух видов. Первая системность возникает вначале философского проекта системы же, как скажем философия И. Канта. Вторая заключается в том, что системность философии возникает уже постфактум, как это произошло с философией Ф. Ницше. Видимо именно системно-асистемная философия Ф. Ницше и смогла прижиться в России благодаря этому своему качеству. Однако важность этой черты заключается в том, что Ф. Ницше удалось вернуть истории философии качество не музейного собрания мертвых систем, а учителя жизни, как живой жизни мысли. История мышления здесь предстает не как некое логическое высказывание о чем-то, а как высказывание чего-то, пусть и противоречивого на первый взгляд.

Сочетание в философии Ф. Ницше системности и асистемности можно рассмотреть также с позиции точки зрения на нее. Если рассматривать данную философию как вызов любой философской системе критического характера, когда творцу дают минимум возможностей, а то вообще не дают, то вполне возможно утверждение того, что она асистемна. Это как картина, если к ней приблизиться на расстояние, когда видны хаотические мазки, а сама картина не видна в принципе. Иное дело, когда смотришь на картину с другой точки зрения и видишь ее всю целиком. Тогда она целостна и системна. Единственным упущением в такой целостности является невозможность узреть «умозрение в красках» мысли (Е.Н. Трубецкой). Скорее всего необходимо сочетать и ту и другую точку зрения, чтобы явленное упорядоченное настоящее сочетать с ее хаотическим прошлым. Иначе прошлое не сможет растолковать настоящее. Вера в вечный прогресс, унаследованная или привнесенная в философию наукой, у Ф. Ницше как у художника не сочетается. Ему противна утрачиваемая через объективацию природы человекообразность бытия. Поэтому его алогичность с точки зрения науки есть явленная логика жизни интуитивного характера. Человек, разрубающий время на отрезки во имя того, чтобы одна картина мира заменила другую, завешивая тот просвет бытия, который и был отражен в предыдущей картине, но был признан бессмысленным, пустым, ничто, не может смириться с тем, что он сам пуст. Поэтому утверждаемая Ф. Ницше субъективная асистемность является одной из сущностей его генеалогического метода и ведет к системной субъектности через преодоление объективации жизни бесчеловечной, но системной и разумной. Обреченность замены этнокультурной субъектности объективированной системной национально-цивилизованной массой возможна только в расколдованном мире, где божий дар мышления все-таки заменен критикой исследования.

Асистемность философии Ф. Ницше можно объяснить тем, что едва ли не впервые в философскую систему была введена философия человека, но не как обреченного на отсутствие места субъекта в ней, а наоборот, как цели философствования. Антропологизм и генеалогизм философии Ф. Ницше потребовал ухода от механического объективизма систем философствования. Поэтому здесь привычная логика научного мышления, приемлемая философией системосозидающей, была нарушена в интересах философии жизнепостигающей. Н.В. Мотрошилова отмечала, что «...в большинстве (изученных мною) случаев стрелы критики Ницше поражали не вымышленные цели, а были направляемы против действительных слабостей, затруднений философской мысли прошлого и его (Ницше) современности» [Фридрих Ницше..., 2017, с. 688].

Смерть бога философов начинается именно тогда, когда объектность ставится выше субъектности. Именно это есть успех непротиворечивой системы объективного характера. Отсюда и упреки Ф. Ницше в том, что он противоречив и не целостен. Только нежизненная целостность философии до него полагается вынесенной за скобки. Скорее

всего Ф. Ницше интуитивно понял генеалогию такой философии из теологии как рутинизированной харизмы. Теология стремится к остановке связи религиозного опыта и этнокультурной субъектности с целью замены последней на объективированную субъективность реактивной власти, скрывающей свои властные амбиции научностью. Слабость такого властного самосохранения для Ф. Ницше была очевидна. Поэтому он добивался освобождения философии от подчинения системности естественных или социально-гуманитарных наук, уповая на их параллельное развитие. Исток у философии не в науке, а в религии и мифе как более приближенных к ценности и жизни. Как полагает В.И. Визгин, смена вектора философии у Ф. Ницше происходит в сторону обозначения связи религиозного смысла философии как основы для выявления связи этнокультурной субъектности и религиозного опыта. Именно в этом повороте мысли открывается пространство для этой связи. Открыто оно было в русской философии как предтече неклассической философии. Религиозное непринятие жизни М. Вебера есть неправильное протестантское критическое истолкование католицизма и не более. Отметим, что католицизм в русской мысли религией не был, как ею не был и протестантизм. Скорее всего, если вдуматься в слова В.И. Визгина о том, что «...открываемое им пространство мысли развертывается не под "небесными" знаками разума и достоверности, а под "земным" знаком жизни и ценности», то следует понять тот факт, что религиозный опыт не может не признавать «народ в силе» в качестве своего, лежащего в основании (субъекта истории, соборного субъекта) [Визгин, 2004, с. 283].

Третий аспект анализа философии Ф. Ницше заключается в том, что ее необходимо все-таки проанализировать в качестве новой философской системы, которая отличается как раз тем, что она отрицает возможности связи продуктивности философии с теологией или с наукой как частями идеологии или квазирелигии, но является тесно связанной с религиозным опытом, который и является наиболее важной основой для обозначения философии как одного из способов жить, а не приспособливаться.

«Русский Ницше» как системное завершение русской религиозной философии этнокультурной субъектности

Однако такое допущение идет во многом от того, что «философия не является абсолютным знанием, она осознает свои возможности и границы в соотношении с религией откровения. В отличие от атеизма, философия не отрицает религию, а ставит ее и себя под вопрос, она обращается к разуму людей, которые сами должны решить, как им жить и во что верить» [Марков, 2003, с. 47]. Именно с ним не согласны те, кто полагает теологические системы основой философии. Именно они начинают подозревать философские учения, основанные на отрицании теологии через религиозный опыт, в их причастности к различным социально-политическим экспериментам, влекущим «восстание масс», наклеивая на них ярлыки, не раскрывающие их сущности. Так идет перекладывание ответственности с теологизированной или наукообразной философии на философию, связанную с религиозным опытом. Утверждение Б.В. Маркова здесь вполне четко очерчивает смысл связи философии и религиозного опыта в контексте философии Ф. Ницше, который «характеризовал свою философию как экспериментальную, она протекает в форме опытов и продумывании возможностей. Под опытом здесь понимается испытание различных возможностей, а не открытие чего-либо абсолютно достоверного» [Марков, 2003, с. 46]. Путаница религиозного опыта с теологизированной философией ведет к тому, что даже Ф. Ницше иногда скатывался на их отождествление. И, к сожалению, наши современники пытаются вместе с ним объединить квазирелигию с религией, чтобы обвинить последнюю в том, что она заменила народ массой и над ней стала проводить эксперименты. Вот высказывание Б.В. Маркова: «Многие считают религию полезной, так сказать, культурной, или цивилизованной, точкой зрения. Бог — это просто идеальный образ человека, эталон для оценки его практических деяний.

Но М. Шелер, отстаивавший этот тезис в своем проекте теонормной антропологии, не учел, что многие земные институты построены по образцу "божьего града". Прежде всего верховные правители отождествляют себя с богами и смело карают или милуют своих сограждан. Например, судя по совпадению надписей на вратах Ада и Освенцима, модели католической теологии использовались для создания самых страшных творений человека – концентрационных лагерей» [Марков, 2003, с. 28].

И это же указывает на то, что теология, подчинившая философию через отстраненность от религиозного опыта, не знает Бога, а знает лишь властные устремления отдельных субъектов, о которых говорит Ф. Ницше. Причина в том, что зачастую философия начинает брать понятие Бога интерпретированным, уже готовым из теологической интерпретации. Именно это ведет к тому, что, как полагает Б.В. Марков, «бог философов и теологов – это холодный ужасный монстр. Он мыслится как абсолютный защитник, однако, выброшенный за пределы Универсума, он никого ни от чего не защищает. Осознавая это, теологи и вынуждены были использовать веру в существование Ада. Их модель превосходила все возможные представления о наказании. Ад – это бесконечный эксцесс боли и страданий» [Марков, 2003, с. 28]. Именно это выбрасывание бога из теологических и философских систем, основанных на теологических утверждениях умопостигаемого характера, вело и ведет к тому, что в них нет места и человеку. Более того, именно они заставляют человека воспринимать религию и философию в качестве неких практик расколдовывания мира и отрицания жизни.

Не случайно А. Шопенгауэр определил теологизацию философии как отвлечение ее внимания от анализа связи религиозного опыта и этнокультурной субъектности. Именно это торжество квазирелигии над религией снижает значимость философии в преодолении бессубъектного этнического состояния. Народ больше не первоначально философского, он объект. Это устанавливается достаточно легко, когда вместо религиозного опыта как основы этнокультурной субъектности подается государственная религия, а точнее квазирелигия как основа для понимания населения как массы и только массы. Философия не способна к осознанию наличия этнокультурной субъектности тогда, когда согласно А. Шопенгауэру, «в результате оказывается, что, пока существует церковь, в университетах всегда будет преподаваться лишь такая философия, которая насквозь проникнута соображениями о государственной религии, в существенном идет рука об руку с последней и потому – несмотря на все свои завитушки, причудливые украшения и вытекающую отсюда невразумительность – всегда в основном и главным представляет собою не что иное, как парафразу и апологию государственной религии» [Шопенгауэр, 2001, с. 107]. Религия в данном случае, как и подлинная философия, не могут быть освоены в силу того, что им отказано в праве выступать одновременно и основой, и целью мышления. Именно этот момент нуждается в том, чтобы понять одну идею, которую неоднократно высказывал Ф. Ницше, а именно то, что религия и философия питаются не страхом масс пред будущим, а преодолением этого страха этнокультурной субъектностью в прошлом, «...мужеством, приключениями, желанием неизвестного, на что никто еще не отважился, – мужеством кажется мне вся предшествующая история человека» [Ницше, 2007, с. 304].

Именно «смерть Бога в душах людей» (Н.А. Некрасов) заботит русскую мысль. Мы часто полагаем, что Ф. Ницше был создателем самобытной философии, в основании которой лежат идеи А. Шопенгауэра, Я. Буркхардта, Р. Вагнера. Однако здесь можно усомниться и показать то, что генезис философии Ф. Ницше таится в русской полифонической мысли Ф.М. Достоевского. Ведь сама противоречивость философии Ф. Ницше, может быть, происходит от того, что в романах Ф.М. Достоевского «слово героя, поэтому, вовсе не исчерпывается здесь обычными характеристическими и сюжетно-прагматическими функциями, но и не служит выражением собственной идеологической позиции автора (как у Байрона, например). Сознание героя дано как

другое, чужое сознание, но в то же время оно не опредмечивается, не закрывается, не становится простым объектом авторского сознания» [Бахтин, 2000, с. 12].

Именно Ф.М. Достоевский впервые, согласно М.М. Бахтину, дал возможность философским системам теологического и научного характера, разрывая связь религиозного опыта и этнокультурной субъектности, вслед за западной теологией довести себя до абсурда, представив народ некой безвольной массой. Вот откровение Шатова, дошедшего до того, что называется объективация этнокультурного бытия или конструирование этнокультурной идентичности: «Ни один народ... ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума; не было ни разу такого примера, разве на одну минуту, по глупости. Социализм по существу своему уже должен быть атеизмом, ибо именно провозгласил, с самой первой строки, что он установление атеистическое и намерен устроиться на началах науки и разума исключительно. Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков» [Достоевский, 2021, с. 217]. А вот высказывание о науке Ф. Ницше: «Ибо страх – наследственное, основное чувство человека; страхом объясняется всё, наследственный грех и наследственная добродетель. Из страха выросла и моя добродетель, она называется: наука» [Ницше, 2005, с. 304]. Сконструированная этноархаика, имеющая основу в наукообразных системах социально-гуманитарного характера, сегодня полагается тем, что называется сущностью народной субъектности, его концом как субъекта истории. Цивилизация здесь наиболее четко превосходит культуру, ибо народ устраивается в качестве абстрактной системы, обреченной на замещение массой. Только вот этому замещению Ф. Ницше не верит, ибо генеалогия народа и генеалогия масс у него не совпадают. Если народ у Достоевского происходит из «живой жизни», то масса, наоборот, из жизни искусственной, сконструированной. Именно в этой жизни Великий инквизитор видит смысл создания религии, тогда как Ф.М. Достоевский видит ее как раз в том, чтобы уйти от сконструированной этноархаики. Именно этот смысл создания Бога и видит И. Карамазов, а другого смысла он не видит. Между тем Ф. Ницше, вслед за Ф.М. Достоевским, понимает, что смысл создания Бога – в обретении целостности бытия как имеющего смысл, а не абсурдного [Фридендер, 1985, с. 264].

Если не допустить симфонической личности, а именно народа субъектно интегрированного в индивидуальность, а индивидуальность, интегрированную в субъектность народа, то идея сверхчеловека окажется весьма близкой к тому, что он признает массу основой своей власти и независимости от нее. Тем самым мы выгоняем Ф. Ницше «из собственного дома» (А.В. Перцев) и лишаем его права быть создателем философской системы, в центре которой стоит этнокультурная субъектность, связанная тесно с религиозным опытом живой жизни. Тем самым мы получаем вновь отказ от того, что русская философия все же имеет своим началом, что и выразил Ф. Ницше, связь религиозного опыта с этнокультурной субъектностью. Индивидуальность здесь не в отрицании народа, а в отрицании массы как единственного состояния народа, бессубъектного состояния. Отрицание того состояния, когда «в недрах большого общества само собой формируется сообщество авторитетных (харизматических, если угодно) вождей, малое, но более энергичное и волевое. И ему не составляет никакого труда управлять миром без его ведома» [Московичи, 2020, с. 7].

Именно в преображении человека в качестве ухода от состояния последнего человека и таится та самая идея сверх-человека, который по сути не есть сочетание полного отсутствия «...злопамятности и мщенья Спасителя с экспансивностью, повышенной витальностью римского владыки» [Цендровский, 2015, с. 1004]. Скорее всего, сверх-человек Ф. Ницше – это преобразенный человек, который как раз обладает пониманием смысла обретения народом своего бога через непостижимое наличие этнокультурной субъектности в расколдованном мире. Варварство массы, приписываемое

народу, есть утрата стиля жизни, есть состояние утраты мужества утверждения наличия этнокультурной субъектности в прошлом, в первоистоке.

Вслед за Ф.М. Достоевским Ф. Ницше полагает, что богоискательство народа закончится тогда, когда он поймет, что его Бог был всегда с ним, и стоит снять завесу богооставленности или смерти Бога, чтобы прийти к тому, что утверждает литературный герой Шатов, а потом философ Ф. Ницше. Преемственность здесь настолько очевидна, что для доказательства следует привести только один фрагмент из «Бесов», а потом из «Антихристианина». Методологически важно отметить лишь то, что в своем Боге герой Достоевского видит русского Христа, Христа, ставшего своим для русских тогда, когда при помощи теологов его отовсюду «выгнали» те, кто не хотел поставить народ выше личности и правящей массой элиты. Русские обрели этнокультурную субъектность, благодаря тому, что «на Руси со времен принятия православия доминирует стремление дойти до первоистока и оградить его от посягательств, чтобы затем сохранять в незамутненном виде: вольные и субъективные мнения комментаторов тут никого не интересуют» [Перцев, Фархитдинова, 2016, с. 5].

Ницше идет дальше и пытается найти Бога, подобного Христу, для каждого народа, чтобы утвердить Христа для всех. В этом и есть продолжение Ф.М. Достоевского. Ницше критикует христианство без Христа, полагая, что именно оно и есть Антихрист, лишаящий религиозный опыт связи с этнокультурной субъектностью, причем возникший тогда, когда на место религии как создателя этнокультурной субъектности пришла церковь с ее квазирелигиозным устрашением масс и поощрением их рессентимента. «Мстящий Христос» у Ф. Ницше невозможен, как и у Ф.М. Достоевского, ведь именно в этом образе исчезает связь религиозной памяти и этнокультурной субъектности. Достоевский такого Христа не хочет знать, ибо это совсем не тот русский Христос. Он говорит о том, что образы Христа многообразны, а вот Антихрист универсален.

Хотя сходство их мыслей еще раз позволяет сказать нам, что религиозный смысл философии состоит в том, чтобы этнокультурная субъектность стала высшей искомой ее точкой. Философия не должна смиряться с торжеством утраты массами религиозной решимости народа. В этом Достоевский и Ницше являются схожими, а это ключ к тому, чтобы понять Ф. Ницше как создателя русской философии на новых его искомых началах. Парадокс в том и состоит, что Ф. Ницше является продолжателем идеи религиозной памяти как основы этнокультурной субъектности открытой русской философией. Ницше – творец русской идеи и ее продолжатель. Можно легко обнаружить очевидное совпадение предшествующего Ф. Достоевского с его продолжателем Ф. Ницше, обратившись сначала к «Бесам» (год написания 1872), а затем к «Антихристианину» (год написания 1888). Вот фраза Шатова: «Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог. Никогда еще не было народа без религии, то есть без понятия о зле и добре. У всякого народа свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное зло и добро. Когда начинают у многих народов становиться общими понятия о зле и добре, тогда вымирают народы, и тогда самое различие между злом и добром начинает стираться и исчезать» [Достоевский, 2021, с. 217]. Как видим, здесь продолжается уход Шатова от социализма к религиозной памяти, или христианскому социализму (С.Н. Булгаков), а проще, к этнокультурной субъектности. А вот высказывание Ф. Ницше: «Конечно: когда гибнет народ; когда он чувствует, что его вера в будущее, его надежда на свободу, наконец, угасают; когда он осознает подчинение как первую пользу, а добродетели подчиненных как условия сохранения, тогда его бог тоже должен измениться. Он становится теперь трусливым, робким, скромным, советует "душевный покой", уже не ненависть, снисходительность, "любовь" даже к другу и врагу. Он постоянно морализирует, он заползает в пещеру всякой частной добродетели,

становится для всех Богом, становится частным лицом, становится космополитом...» [Nietzsche].

Как отмечает Е.Н. Левандовская, «Ницше утверждает, что культура народа, в отличие от варварства, проявляется в единстве стиля во всех его жизненных проявлениях. Народ, которому приписывают обладание культурой, должен быть живо единым, не распадающимся на внешнее и внутреннее, форму и содержание...» [Левандовская, 2015, с. 125].

Заключение

Эрзац-культура, производимая в современном для Ницше обществе модерна, заботит его тем, что в ней больше не явлена в качестве основы связь религиозного опыта и этнокультурной субъектности. Раскрытие этого завешивания связи заключается в том, что утрачена сама идея культуры, которая на самом деле и играет в философии Ф. Ницше одну из ключевых ролей. Народ в подлинной культуре решительно идет к реализации ее идеи; в эрзац-культуре, когда вещь уже не является символом связи этнокультурной субъектности с религиозной памятью эта идея скрывается. Изобретение исчезает и идет подражание. Диагноз такой культуре у Ницше выглядит так: «Наша современная культура именно потому и имеет характер чего-то неживого, что ее совершенно нельзя понять вне этого противоречия, или, говоря иначе, она, в сущности, и не может вовсе считаться настоящей культурой; она не идет дальше некоторого знания о культуре, это – мысль о культуре, чувство культуры, она не претворяется в культуру-решимость. То же, что на самом деле действует как мотив, проявляясь в поступке, является часто не более как безразличной условностью, жалким подражанием или даже грубой гримасой» [Ницше, 2013, с. 112].

Список литературы

- Бахтин М.М. 2000. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2: Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. М., Русские словари, 798 с.
- Визгин В.П. 2004. На пути к другому: От школы подозрения к философии доверия. М., Языки славянской культуры, 800 с.
- Дугин А.Г. 2011. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М., Академический проект; Гаудеамус, 500 с.
- Левандовская Е.Н. 2015. О роли понятия культуры в философии Ницше. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 31(1): 123–129.
- Марков Б.В. 2003. Ясперс о Ницше. В кн.: Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. Пер. с нем. Ю. Медведева. СПб., Владимир Даль: 5–59.
- Московичи С. 2020. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. Пер. с фр. Т.П. Емельяновой. М., Академический проект, 396 с.
- Ницше Ф. 2007. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., Культурная революция, 432 с.
- Ницше Ф. 2013. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1/2: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. М., Культурная революция, 480 с.
- Перцев А.В., Фархитдинова О.М. 2016. «Философ, психолог, антихристианин»: Фридрих Ницше в интерпретации Вальтера Кауфмана. В кн.: Кауфман В. Ницше: философ, психолог, антихристианин. Пер. с англ. В.А. Сухаревой. СПб., Владимир Даль, 655 с.
- Фридлендер Г. 1985. Достоевский и мировая литература. Л., Советский писатель, 456 с.
- Фридрих Ницше: наследие и проект. 2017. Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая, Е.А. Полякова; пер. А.Г. Жаворонков, И.М. Полякова. М., Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 824 с.
- Цендровский О.Ю. 2015. Система философии Ницше. *Философия и культура*, 7: 997–1007. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.7.12000.
- Шопенгауэр А. 2001. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Parerga и Paralipomena: в 2 т. Т. 1: Parerga. Пер. с нем.; Общ. ред. и сост. А. Чанышева. М., ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 400 с.
- Nietzsche F. Der Antichrist. URL: https://royallib.com/read/nitsshe_fridrih/ Der_Antichrist.html#20480 (дата обращения: 05.02.2026).

References

- Bakhtin M.M. 2000. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 7 vols. Vol. 2: Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Stat'i o Tolstom. Zapisi kursa lektsiy po istorii russkoy literatury [Problems of Dostoevsky's Creative Work. Articles on Tolstoy. Notes from a Course of Lectures on the History of Russian Literature]. Moscow, Publ. Russkie slovari, 798 p.
- Vizgin V.P. 2004. *Na puti k drugomu: Ot shkoly podozreniya k filosofii doveriya* [On the Way to the Other: From the School of Suspicion to the Philosophy of Trust]. Moscow, Publ. Yazyki slavyanskoy kul'tury, 800 p.
- Dugin A.G. 2011. *Martin Khaydegger: vozmozhnost' russkoy filosofii* [Martin Heidegger: The Possibility of Russian Philosophy]. Moscow, Publ. Akademicheskiiy proekt; Gaudeamus, 500 p.
- Levandovskaya E.N. 2015. O roli ponyatiya kul'tury v filosofii Nitshe [On the Role of the Concept of Culture in Nietzsche's Philosophy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 31(1): 123–129.
- Markov B.V. 2003. *Yaspers o Nitshe* [Jaspers on Nietzsche]. In: Yaspers K. Nitshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya [Nietzsche: An Introduction to Understanding His Philosophizing]. Translated from the German. St Petersburg, Publ. Vladimir Dal': 5–59.
- Moskovichi S. 2020. *Vek tolpa: Istoricheskiy traktat po psikhologii mass* [The Age of the Crowd: A Historical Treatise on Mass Psychology]. Translated from the French. Moscow, Publ. Akademicheskiiy proekt, 396 p.
- Nitshe F. 2007. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 4: Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vseh i ni dlya kogo* [Complete Works: in 13 vols. Vol. 4: Thus Spoke Zarathustra. A Book for All and None]. Moscow, Publ. Kul'turnaya revolyutsiya, 432 p.
- Nitshe F. 2013. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 1/2: Nesvoevremennyye razmyshleniya. Iz naslediya 1872–1873 gg.* [Complete Works: in 13 vols. Vol. 1/2: Untimely Meditations. From the Nachlass 1872–1873]. Moscow, Publ. Kul'turnaya revolyutsiya, 480 p.
- Pertsev A.V., Farkhitdinova O.M. 2016. “Filosof, psikholog, antikhrisťianin”: Fridrikh Nitshe v interpretatsii Val'tera Kaufmana [“Philosopher, Psychologist, Antichrist”: Friedrich Nietzsche as Interpreted by Walter Kaufmann]. In: Kaufman V. Nitshe: filosof, psikholog, antikhrisťianin [Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Antichrist]. Translated from the English. St Petersburg, Publ. Vladimir Dal', 655 p.
- Fridlender G. 1985. *Dostoevskiy i mirovaya literatura* [Dostoevsky and World Literature]. Leningrad, Publ. Sovetskiiy pisatel', 456 p.
- Fridrikh Nitshe: nasledie i proekt [Friedrich Nietzsche: Legacy and Project]. 2017. Comp. and ed.-in-chief Yu.V. Sineokaya, E.A. Polyakova; transl. A.G. Zhavoronkov, I.M. Polyakova. Moscow, Publ. Izdatel'skiy Dom YaSK: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 824 p.
- Tsendrovskiy O.Yu. 2015. Sistema filosofii Nitshe [The System of Nietzsche's Philosophy]. *Filosofiya i kul'tura*, No. 7: 997–1007. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.7.12000.
- Shopengauer A. 2001. *Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 4: Parerga i Paralipomena: v 2 t. T. 1: Parerga* [Collected Works: in 6 vols. Vol. 4: Parerga and Paralipomena: in 2 vols. Vol. 1: Parerga]. Translated from the German. Moscow, Publ. TERRA – Knizhnyy klub; Respublika, 400 p.
- Nietzsche F. *Der Antichrist* [Online resource]. URL: https://royallib.com/read/nitshe_fridrikh/Der_Antichrist.html#20480 (accessed: 05.02.2026).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.02.2026

Поступила после рецензирования 13.05.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received February 13, 2026

Revised May 13, 2026

Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бобков Александр Иванович, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander I. Bobkov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 316.4

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-551-563

EDN NUXWIU

О методологических аспектах исследования сознания с позиций постсинергетики

¹ Шевырев А.В., ² Федотова М.А.

¹ Школа системной креативности

Россия, 10901, г. Москва, ул. Ильинка, д. 3/8

² Московский авиационный институт

Россия, 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4

ewrikamail@mail.ru; fedotova-ma@yandex.ru

Аннотация. Авторы развивают идеи, связанные с разработкой новой методологии сознания и управления человекомерными системами, основанной на постсинергетических принципах самоорганизации систем, начатые в предыдущих работах. Рассматривается коррекция программы исследования сознания, предложенной Ф. Криком и К. Кохом, связанная с переводом программы в перманентный процесс стратегирования. Предложена новая технология исследования сознания – С(А&КМ), основанная на синтезе системной аналитики (аналитики 4.0) и системно-креативного мышления, реализующая концепт трансверсальности мышления Ж. Делеза, Э. Гваттари и В. Вельша. Дано определение понятий «креативность» и «креативный менеджмент» с позиции концепции ЦВ-иерархий (в виде схемы некоммутативной симметрии, разработанной авторами для исследования процессов потери или обретения устойчивости системами). Описана структура процесса сознания в виде ЦВ-иерархии как взаимодействия циклов динамических иерархий и вихрей фокусов, представляющих собой логические формы развития знания. Дана новая трактовка феномена «квалиа» как результата естественной эволюции информации в сознании; введено понятие ноуменального опыта, или сознания.

Ключевые слова: концепты, методология саморазвития и сложности, трансверсальность, креативность, креативный менеджмент, когнитивные и нейротехнологии, топологическая модель сознания, ЦВ-иерархия процесса сознания, фокусы топологической модели сознания

Для цитирования: Шевырев А.В., Федотова М.А. 2026. О методологических аспектах исследования сознания с позиций постсинергетики. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 551–563. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-551-563 EDN: NUXWIU

On the Methodological Aspects of Consciousness Research from the Perspective of Post-Synergetics

¹ Anatoly V. Shevyrev, ² Marina A. Fedotova

¹ School of Systemic Creativity

3/8 Ilyinka St., Moscow 10901, Russian Federation

² Moscow Aviation Institute

4 Volokolamskoye Hwy., Moscow 125993, Russian Federation

ewrikamail@mail.ru; fedotova-ma@yandex.ru

Abstract. The authors propose ideas related to the development of a new methodology of consciousness and management of human-dimensional systems based on post-synergetic principles of self-organization of systems initiated in their previous works. A correction of F. Crick and K. Koch's consciousness

research program is explored, related to the transfer of the program into a permanent strategizing process. The paper proposes a new technology for the study of consciousness – C (A & CM), based on the synthesis of system analytics (SA) (analytics 4.0) and system-creative thinking (SCM), which implements the concept of transversality of thinking. Deleuze, E. Guattari and V. Welsh. The concepts of "creativity" and "creative management" are defined from the perspective of the CV hierarchies concept (in the form of a scheme of noncommutative symmetry developed by the authors to study the processes of loss/acquisition of stability by systems). A brief description of the structure-process of consciousness in the form of a color hierarchy is provided as an interaction of cycles of dynamic hierarchies and vortices of foci, representing logical forms of knowledge development. The paper contains a new interpretation of the phenomenon of "qualia" as a result of the natural evolution of information in consciousness. New concepts of "noumenal experience/consciousness" are introduced.

Keywords: concepts, methodology of self-development and complexity, transversality, creativity, creative management, cognitive and neurotechnology, topological model of consciousness, color hierarchy of the consciousness process, foci of the topological model of consciousness

For citation: Shevyrev A.V., Fedotova M.A. 2026. On the Methodological Aspects of Consciousness Research from the Perspective of Post-Synergetics. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 551–563 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-551-563 EDN: NUXWIU

*Путник, у тебя нет дороги. Дорога строится
по мере продвижения по ней.
Антонио Мачадо*

Как объективный Мир смог породить субъективность? Каково это быть летучей мышью? [Nagel, 1974]. Следуя концепции метаменеджмента (М-менеджмента), в частности используя концепт цикло-вихревых иерархий (ЦВ-иерархия) [Федотова, Шевырев, 2025], можно предположить, что данный механизм обеспечивает субъектам условия эффективной адаптации и развития в среде. Модель такого механизма может быть представлена как трехуровневая ЦВ-иерархия, включающая в себя ноуменальный (недоступный для чувственного восприятия; в концепции ЦВ-иерархий недоступность объясняется недостаточностью информации для формирования/воспроизводства феноменальности), феноменальный («квалиа») и рефлексивный уровни. Ноуменальный уровень характеризуется философскими категориями «взаимодействия» и «связи», формирующими ноуменальный опыт ощущений/«касаний». Такой опыт возникает, как правило, в виде реакции на проблемные ситуации, однако возможна его генерация чисто искусственным путем как результат медитации; феноменальный – «отношения» и «свойства», формирующие чувственный опыт («квалиа»); рефлексивный уровень, характеризуется категориями «функции» и «структуры/формы», формирующими смыслы как системообразующее начало, лежащее в основе системы. Каждому уровню такой ЦВ-иерархии соответствует свой тип сознания и мышления – ноуменальный, феноменальный и рефлексивный. С точки зрения технологий креативности, наиболее интересным является интуитивный ноуменальный опыт, его обработка и развитие в виде основы наиболее эффективных решений как собственных функций среды. Ноуменальный опыт наиболее близок (первичен) физиологии нейрональных процессов. Существующие теории и модели сознания и мышления можно разделить на части: это «философские» теории (множественных проектов (Д. Дэннет), сенсомоторная теория (К. О’Риган), биологический натурализм (Дж. Сирл), натуралистический дуализм (Д. Чалмерс), теории сознания высшего порядка (Д. Розенталь, П. Каррутерс), экстерналистский репрезентационализм (Т. Дретцке)) и «эмпирические» (нейрофеноменология, теория виртуальной реальности, теория глобального рабочего пространства – ТГП, нейробиологическая теория, общая теория поля, теория динамического ядра, теория

информационной интеграции, теория таламокортикальной связи, теория рекуррентной обработки, теория микросознания, сознание как чувство происходящего, теория нейронных (клеточных) ансамблей, теория мышления на основе синапсов, электромагнитная теория сознания, «поток» сознания и др.) [Ревонсуо, 2013]. Сразу отметим, что авторы исключают экстернализм теорий сознания как не отвечающих концепции ЦВ-иерархий/метаменеджмента [Шевырев и др., 2025]. На смену постмодерну с его сложностным мышлением, которое не редуцирует и не поляризует сознание, напряженность, создаваемая сосуществованием противоположностей, приводит к появлению новых свойств, которые, в свою очередь, приводят к перестройке систем, на более высоких уровнях сложности (Э. Морен, К. Майнцер, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий, В.Г. Буданов, В.И. Аршинов и др.) идет трансмодерн с его мышлением трансверсальности, совмещающем различия в их единстве (В. Вельш, Ф. Гваттари и Ж. Делез). С учетом современных достижений нейронауки предлагается скорректировать (перевести в перманентный процесс стратегирования) [Федотова, 2019] программу исследования сознания, предложенную Ф. Криком и К. Кохом в 1990 году, основанную на принципах системного анализа и отказа от объяснения «квалиа», а также поиске нейрокоррелятов сознания (НКС), осуществляемого в теориях: глобального пространства (ТГП) Б. Баарса, нейронального глобального рабочего пространства (НГП) С. Дехена, Л. Наккаше и Ж.-П. Шанже, рекуррентной обработки В. Ламме, а также теории соматических маркеров принятия решения А. Дамасио и, прежде всего, теории виртуальной реальности Метцингера и С. Легара. Такая коррекция в виде перевода ее в стратегию возможна с использованием принципов синергетики (Г. Хакен, С.П. Курдюмов, Е.Н. Князева, В.Г. Буданов, В.И. Аршинов и др.) [Чернавский, 2002; Аршинов, Буданов, 2006; Буданов, 2010] и постсинергетики (модель ЦВ-иерархий/метаменеджмента как управления воспроизводством «управляемости» системой, в частности, сознанием, включающая три иерархических уровня – А («восприятие»), В («мышление») и С (как ментальное/нейрональное «поведение» в пространстве сознания разных типов) [Федотова, Шевырев, 2025], представляющих сознание как самоорганизующуюся/автопоэтическую информационную систему, предназначенную для обработки и генерации информации. В настоящее время отмечается недостаточность и невозможность алгоритмического (вычислительного) описания реальности («вычислительный барьер» как вычислительная несводимость – Д. Чалмерс и др.), существует граница, за которой вычислительные методы становятся недостаточны, необходим другой тип знания – креативно-интуитивный. Одновременно сомнение вызывает превалирующая ориентация на эмпирическое (индуктивное) моделирование работы нейросетей мозга, в ходе реализации вышеупомянутой программы Ф. Крика и К. Коха, забывая о ключевой роли собственно логико-когнитивных, в т. ч. креативных процессов. Технология С(А&КМ) (ей будет посвящена отдельная статья), основанная на синтезе системной аналитики (СА) и системно-креативного мышления (СКМ) [Федотова, Шевырев, 2021], реализует концепт трансверсальности мышления Ж. Делеза, Э. Гваттари и В. Вельша, ориентированного на неравновесные системы и интуитивно-креативные решения, создавая возможности, фундированные знанием общих закономерностей развития систем. Трансверсальное мышление ведет себя как гносеологически амбивалентная способность, не затрагивающая конкретных содержательных аспектов, а анализирующая лишь концептуальные взаимодействия смыслов средствами логики, прежде всего неклассической, расширяя систему факторов, обеспечивающих креативную самоорганизацию систем [Шевырев, 2007; Федотова, Шевырев, 2025]. В концепции метаменеджмента «креативность» определяется как способность генерации нового знания путём технологически управляемого восприятия, мышления и ментального поведения (например, поведение в синапсах и отдельных нейронов, «сущностных узлах» и «коалициях», обусловленное психофизиологическими и/или социально-психологическими феноменами в сенсорной

коре – Ф. Крик и К. Кох), позволяющего расширить и трансформировать реальность как будущее, способное системно организовать настоящее, т. е. «креативность» – это творческое конструирование в режиме самоорганизации процесса мышления, создающего ноу-феноменальность и опирающегося на общие закономерности развития систем: управление настоящим с позиции будущего [Шевырев и др., 2016]. Как показывает практика проведения авторских семинаров, креативность до и после точки квазисингулярности (отмеченной красным крестиком на рис. 1) [Федотова, Шевырев, 2025] качественно разная, во втором случае такой тип креативности можно назвать «безудержным» (аналогично высказыванию Ж.-Л. Жиндера о «маркетинге без тормозов»), состояние ментальной эйфории в этом случае проявляется более ярко, но эффективность такой работы значительно ниже. Исходя из предложенной авторами концепции ЦВ-иерархий [Федотова, Шевырев, 2025], функционирование ментальной/когнитивной системы (в виде топологической модели сознания) можно представить как ЦВ-иерархию, например, как состояние и динамику индивидуального состояния сознания субъекта сознания (рис. 1).

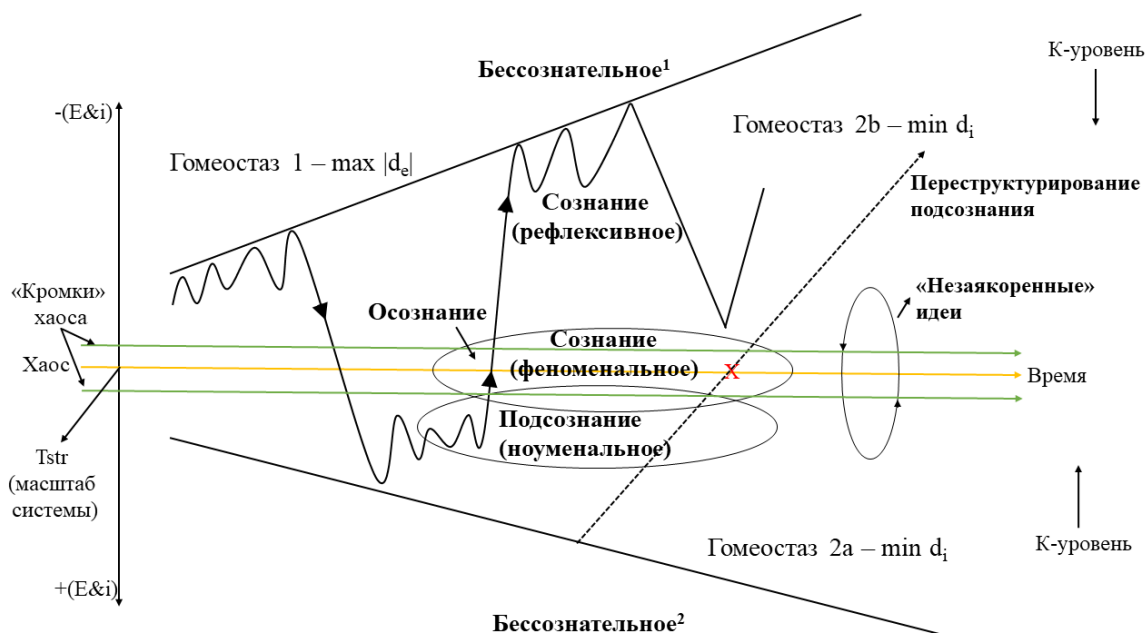

Рис. 1. Упрощенная схема структуры сознания в концепции ЦВ-иерархий как некоммутативная симметрия

Fig. 1. A simplified diagram of the structure of consciousness in the concept of Cycle-Vortex hierarchies as a noncommutative symmetry

На рисунке (см. рис. 1) отмечены следующие области и параметры: гомеостаз 1 – максимизация энергии и информации, получаемой системой извне (максимизация внешней энтропии – $\max|de|$, с использованием внешней полезной работы с учетом работы проталкивания против равновесия), гомеостаз 2a – минимизация затрат и потерь энергии и информации в системе (минимизация внутренней энтропии – $\min d_i$, с использованием внутренней полезной работы против равновесия), гомеостаз 2b – эволюционное переструктурирование подсознания с помощью трансформации языка и идеологии («подсознание структурировано как язык» – Ж. Лакан, скорее, язык структурирован как подсознание, эти феномены взаимосвязаны) в результате роста его эмерджентности (как реакции на изменение социальных стандартов) после прохождения системой точки «квазисингулярности» [Федотова, Шевырев, 2025], «рефлексивное сознание» (осознание? возникает из репрезентативных психических состояний, в т. ч. тех, которые не осознаются – подсознание и бессознательное первого и второго типов), ощущаемое, чувствуемое и

системно/эмерджентно интерпретируемое в смыслах, упорядочивающих ноуменальный и феноменальный опыт.

В этой ситуации ключевым фактором становится «продуктивность» – количество предлагаемых идей, а не их когнитивное «разнообразие». В практической деятельности состояние «безудержной» креативности обычно характеризует когнитивную незрелость (первый этап развития – креативность ради самой креативности) или серьезные социально-психологические девиации субъекта (индивида/команды). «Креативный менеджмент» как «системное управление процессом креативного мышления (индивидуального и командного), осуществляющегося в сознании как информационной системе, представленной в модели ЦВ-иерархий (синтез «циклических/цикло-динамических иерархий» и «цикло-вихрей» [Шевырев и др., 2016; Федотова, Шевырев, 2025]. Сегодня менеджмент становится универсальной наукой – пройдя долгий путь от управления объектами и трудовыми операциями Ф.У. Тейлора до управления мыслительными (ментальными) операциями субъекта, его предмет – феномен системной креативности, а объект – процесс креативного мышления» [Шевырев, 2007]. Ключевой задачей авторов статьи являлась попытка представить сознание (в т. ч. предложить описание/объяснение феноменального опыта-«квалиа») в виде модели ЦВ-иерархии на предложенной авторами схеме некоммутативной симметрии (с запретом обмена) с одновременной конструктивной интерпретацией поведения сознания в терминах параметров ЦВ-иерархии (К-уровня неравновесности, наличия двух типов гомеостаза сознания, стадий его эволюции, двух типов хаоса – «разрушительного» и «созидательного», структуры фокусов и т. д.), а также предложить способ повышения эффективности сознания за счет синергии синтеза нейрональных, когнитивных, психофизиологических (для состояний сознания «ниже» гомеостаза Г2 – «воплощенное» познание мыслящего субъекта в нейрофеноменологии Ф. Варелы, Лутца, Томпсона и Ное) и социально-психологических (для состояний сознания «выше» Г1 – сознание включается в социальную среду (см. рис. 1)) технологий в виде специфических макротехнопакетов [Бабинцев и др., 2020; Федотова, Шевырев, 2025]. Схема синтеза процесса стратегирования и обеспечивающих его нейрокогнитивных, психофизиологических и социально-психологических технологий в модели сознания как ЦВ-иерархии приведена на (рис. 2).

Рис. 2. Схема синтеза процесса стратегирования и его технологического обеспечения в модели сознания как концепции ЦВ-иерархии

Fig. 2. Scheme of synthesis of the strategizing process and its technological support in the model of consciousness as a concept of a Cycle-Vortex hierarchy

Основными инструментами такого синтеза являются нейро-когнитивные и психофизиологические стратегии, каждая из которых обеспечивается специфическими технологиями социальных (психофизиологических) макротехнопакетов как структур-аттракторов при разрешении противоречия между существующим (наличным) знанием и знанием, необходимым для эффективного управления когнитивными функциями сознания при разрешении проблемных ситуаций [Бабинцев и др., 2020].

Управление и совершенствование человеческих возможностей на основе методологии саморазвития и сложности становятся ключевым стимулом развития общества; трансформация науки определяется переориентацией ее деятельности с познавательной на проективно-конструктивную (формирование дополненной и модифицированной/доработанной реальностей), проблемы, возникающие в процессе этой деятельности отражены в работах исследователей [Саден, 2025; Жульен, 2025]. Этот феномен обозначается термином технонаука. В ней истина заменяется понятием «технологическая эффективность» как нестабильное множество контуров («странный аттрактор») знания, которое предстает как проектная деятельность и конструирование смыслов, становясь моделью познания.

В рефлексивном типе сознания фиксируется полная «цепочка/цикл категориальных элементов» (объекты, взаимодействия, связи, отношения, свойства, функции, структура/форма), создающих новый объект, его эмерджентность (рис. 3).

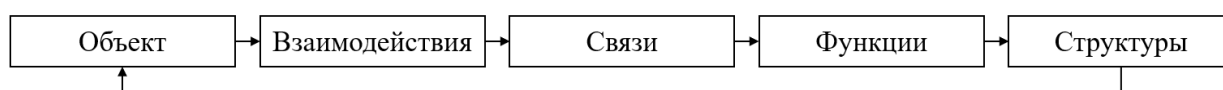

Рис. 3. «Цепочка категориальных элементов», формирующая реальность
 Fig. 3. The "Chain of categorical elements" forming the reality

Сознание – это внутреннее восприятие того, что происходит в нашем разуме/мозге на подсознательном и бессознательном уровнях – теории высшего порядка (Д. Розенталь, П. Каррутерс) – используется адаптивная стратегия; «феноменальное сознание» – чувствуемое и несистемно/неэмерджентно интерпретируемое (в результате интроспекции), здесь фиксируются «взаимодействия», «связи», «отношения» и «свойства» «цепочки категориальных элементов» – адаптивно-формирующая стратегия, «ноуменальное сознание», термин, введенный авторами статьи, – ощущаемое, но не интерпретированное (ощущение наличия «третьей стороны» / виртуального объекта, своего рода инсайт предпроблемной ситуации, фиксируются только «взаимодействия» и «связи» с реальностью вследствие минимума информации об ноу-объекте как виртуальном объекте, используется креативно-интуитивная стратегия. «Ноуменальное сознание/подсознание» играет исключительно важную роль при разрешении сложных, слабоструктурированных, «корявых» (Р. Румельт) проблемных ситуаций, особенно на первом этапе, до выработки окончательной стратегии поиска эффективных решений. Ноуменальное мышление как функция ноуменального сознания предполагает поиск «мгновенных» решений, ориентированных на исключение негативного влияния/существования самого объекта, основанный на взаимодействиях и связях объектов/субъектов в проблемных ситуациях, полученных, прежде всего, в результате ноуменального опыта. Бессознательное 1 – как общественное бессознательное, результат трансформации бессознательного 2 – «касание» сознания с внешней реальностью («ноосфера» – В. Вернадский, Т. Шарден, «сверхсознание»). Эмоционально образная активность по разрешению сложных эмоциональных задач, попытка выхода из трудных ситуаций, физиологический механизм – правополушарная доминанта, считается, что сверхсознание в отличие от подсознания призвано не разгружать, а, напротив, нагружать сознание работой [Симонов, 1985]). Бессознательное 2 – как индивидуально-психическое

«касание» сознания с внутренней средой/психическими структурами, проекциями классической/актуальной, виртуальной, дополненной и модифицированной реальностями, представленных в сознании (аффекты, предрефлексы), обеспечивающее предрефлексивное/ноуменальное переживание физической субъективности/эмпирического воплощения, глубоко встроенной в сознание с самого начала (М. Мерло-Понти). Авторы статьи придерживаются описания структуры сознания, предложенной Л.И. Еникеевым [Еникеев, 1999].

По мнению авторов, сторонников когнитивной нейронауки, сознание является, прежде всего, системой генерации и обработки информации (теории динамического ядра и информационной интеграции Дж. Эдельмана, Дж. Тонони), включающей в себя ноу-феноменальность Мира, в т. ч. «квалиа» (в отличие, например, от Д. Деннетта с его концепцией конкуренции сценариев информации за их доступ к системам речи, хотя моделирование (в виде моделей нелинейных процессов Лотки-Вольтерра или Ферхюльста) самого механизма конкуренции информации/смыслов в сознании может быть весьма полезно в управлении мышлением.

Авторская версия существования и формирования ноу-феноменальных «квалиа» состоит из нескольких тезисов:

1) сознание как информационная система сугубо утилитарно, неустойчивость такой системы является ключевым условием генерации новой полезной информации, которая может быть создана только в условиях неустойчивости;

2) мир един (принцип всеединства) [Чернавский, 2002], однако физические и психические процессы имеют разную основу и не могут быть совмещены «бесшовно», необходим «переходник» как модель субъектно-объектной инвариантности;

3) такой «переходник» должен отражать/обладать общими для двух частей Мира характеристиками;

4) такими характеристиками могут быть философские категории: «объекты», «взаимодействия», «связи», «отношения», «свойства», «функции» и «структура» («цепочка» категориальных элементов постоянно формирующих/развивающих «объекты»), обе части Мира обладают ими и могут быть объективно представлены с их помощью;

5) задачи «переходника» – максимально полно (системно/эмерджентно) преобразовать физическую энергию/информацию в психическую и обратно, используя все элементы «цепочки»;

6) данная категориальная «цепочка» может быть представлена как ЦВ-иерархия из шести уровней (которые в практических целях могут быть сведены к трем – «пред/прасистемный»/ноуменальный («касания») – «взаимодействия» и «связи»-аналог, уровня «восприятия» (А), «досистемный»/феноменальный («ощупывание», попытка интерпретации «касаний» сознанием) – «отношения» и «свойства»-аналог уровня «ментальное поведение» (С) и «системный»/эмерджентный (интерпретация «ощупывания») – «функции» и «структуры» /формы-аналог уровня «мышление» (В), а каждый элемент этих уровней имеет «вихревую» природу, при этом «ноуменальный» уровень включен в «феноменальный» и они оба включены в «эмерджентный» [Федотова, Шевырев, 2025]. Некоторую аналогию данному подходу можно найти у Фэроу [2020], хотя существует принципиальное отличие – М. Фэроу выделяет три уровня: «физиологический», «феноменальный» и «концептуальный», что, на взгляд авторов, методологически неправильно – физиология лишь обеспечивает все предложенные уровни. В этом же направлении (биосемиотика) работают и другие исследователи [Vehkavaara, 1998; Emmeche, 1999; Stjernfelt, 2007; Kull, 2009; Ferreira, 2011];

7) гипотеза – (а) «переходник» осуществляет ограниченную передачу энергии/информации в обе стороны: «восприятия» и «поведения», при этом «конусы» «восприятия» и «поведения» имеют границы, для представления этого процесса

используется модель «ленты Мёбиуса»; (б) «квалиа» являются результатом отражения/трансформации физической части Мира в психическую в нейрональных процессах мозга, обеспечивающих ноуменальное и феноменальное сознание, т. е. «квалиа» (как системно «неполный», ноу-феноменальный опыт без эмерджентности, рефлексии функциональности/назначения и завершённой формы/структуры), есть не побочный,

а промежуточный результат сознания, является результатом недостроенной до полной эмерджентной системы «цепочкой» категориальных элементов (и не полностью осознаётся), включая в себя феноменальный (чувственный-есть «что-то») и ноуменальный (ощущения-«что-то» есть) опыт.

В модели ЦВ-иерархий «квалиа» проявляются/формируются на стадиях реорганизации – созидательной хаотизации (РОРГ-СХ) как результат изменения («разрушения», «реорганизации» и «созидательной хаотизации») существующего потока неактуальной информации/смыслов. В этом случае конкурентным, в терминах теорий глобального рабочего пространства Баарса и нейронального глобального рабочего пространства С. Дехена, Л. Наккаше и Ж.-П. Шанже (неосознанным/формальным), преимуществом является более «полная»/завершённая эмерджентная «цепочка» категориальных элементов, представленная в конкретном ноу-феноменальном опыте – «квалиа» в виде «облака-объекта» в концепции ЦВ-иерархий (рис. 4), формирующего текущее содержание сознания (расширение GWT – теория глобального рабочего пространства Б. Баарса – конкуренция между специализированными неосознаваемыми модулями обработки информации, которые могут получить доступ к сознанию).

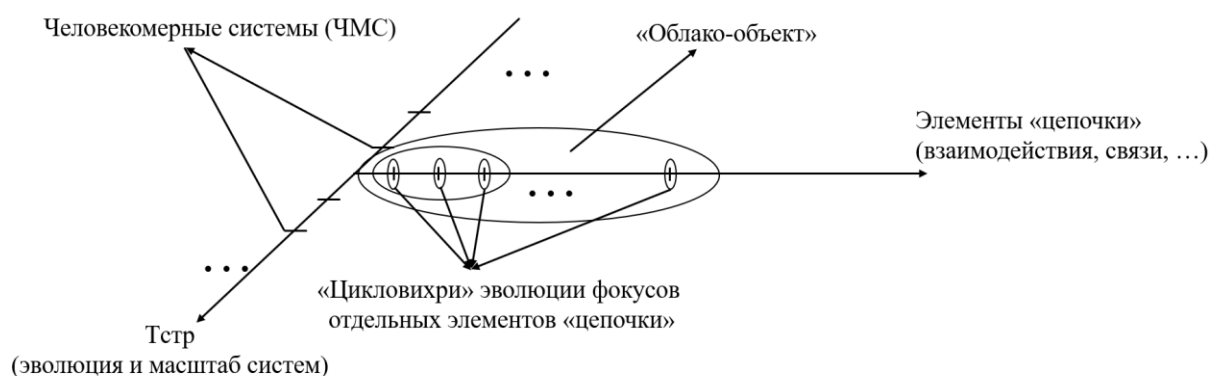

Рис. 4. Схема «облако-объект» ноу-феноменального опыта
 Fig. 4. The "cloud-object" scheme of noumenal and phenomenal experience

Как следует из вышеизложенного, «квалиа» являются не просто конгломератом субъективных качественных состояний сознания или побочным результатом его функционирования, а определенным образом логически структурированным и самоорганизующимся образом реальности (актуальной, виртуальной, дополненной и модифицированной) в виде «облака-объекта» – ноу-феноменального опыта в сознании, «пытающегося» создать самоорганизованную эмерджентность как конкурентное преимущество в естественном отборе. Сознание утилитарно, структурируя «поток» исходных «квалиа» от различных систем доступа, «пытаясь» максимально достроить всю «цепочку» категориальных элементов до полных эмерджентных систем (эндо-экосистем Э. Морен) [Морен, 2013], проходя путь от «взаимодействий» и «связей» (как устойчивых «взаимодействий») до «отношений» (как устойчивых «связей») и т. д., до «свойств», «функций» и «структур/форм» к аутопоэтическим/эндо-эко системам. Успешность этой деятельности определяется общим нейрокогнитивным потенциалом субъекта, где когнитивность определяет прежде всего семантическое разнообразие содержания

сознания, а нейрональность – продуктивность сознания, здесь проявляется ключевой принцип структурной связи (principle of structural coherence) между ноу-феноменальностью «квалиа» и когнитивными функциями (обработка и репрезентация информации). Но, в отличие от Д. Чалмерса, авторы не считают «квалиа» как проявления неких психофизических законов, фундаментальными особенностями Вселенной, такими как масса, гравитация, скорость света и т. п., хотя и согласны с его тезисом о том, что именно в результате обработки информации в процессе мышления возникает сознание как эмерджентная бифуркационная реакция макро-уровня «мышления» (В) на разрушение параметров порядка мега-уровня «восприятия» (А) и флуктуаций микро-уровня «поведения» (С) (концепция ЦВ-иерархий) [Федотова, Шевырев, 2025], а не в результате «обычных» иерархических микро-, макро-отношений между элементами более низкого и более высокого уровня когнитивного структурирования системы как причинно-следственных связей (Д. Чалмерс) [Ревонсуо, 2013]. В нашем случае физическая, нейрональная деятельность действительно создает/самоорганизует ноу-феноменальные и рефлексивные состояния сознания, а не просто коррелирует с ней. Вместе с тем концепция ЦВ-иерархий предполагает, что осознание ментального состояния формируется не только из содержимого актуального рефлексивного сознания (как в НОТ-теориях), но также из психического материала подсознания и бессознательного обеих типов, т. е. репрезентативных психических состояний ноу-феноменального сознания, которые не осознаются, – осознание является внутренним восприятием того, что происходит в разуме субъекта (см. рис. 1). В этом случае сводить феноменальные состояния к их репрезентационному (внешнему) содержанию или объяснить их этим содержанием (редуктивный материализм – Тай, Дрекке) также некорректно.

Идентификация сознания с общим когнитивным доступом (без феноменальности, «квалиа») присуща и другим концепциям – сенсомоторной теории К. О’Ригана и Ное – сознание находится не в мозге, но в физическом взаимодействии мозга и реальности (отрицание важности исследований нейронауки и поиска нейронных коррелятов сознания – НКС). Сразу отметим, что модель сознания в виде концепции ЦВ-иерархий предполагает наличие сознания именно в мозге при его физическом взаимодействии с реальностью, что предполагает поиск и использование/управление минимальных нейрональных механизмов, обеспечивающих осознаваемые и неосознаваемые ноуменальный и феноменальный опыт-«квалиа». Остается вопрос: можно ли эффективно управлять таким опытом? Хотя искусство, прежде всего, изобразительное, пытается это делать, например, импрессионизм.

Как считается в современной науке о сознании, «если мы идентифицируем сознание с уровнем интеграции информации, это ведет к онтологическому отделению («объяснительный разрыв») феноменального сознания от его биологической основы... как компьютерная метафора когнитивной психологии... отделяет разум (программное обеспечение) от мозга (аппаратных средств)... Ни одна из этих теорий не объясняет, почему информация (любого вида) должна сопровождаться каким-то феноменальным переживанием... эти теории также не могут избавиться от «трудной проблемы» или устранить «объяснительный разрыв»» [Ревонсуо, 2013]. Авторы считают, что здесь присутствует очевидная методологическая ошибка – информация напрямую не создает энергию, необходимую для нейрональных процессов в мозге, она используется системой для «добывания» энергии в среде, путем управления этой системой (ключевое условие – общая энтропия системы (S) должна быть отрицательной). Динамические иерархии (тем более ЦВ-иерархии) имеют энергетическое обеспечение во взаимодействии со средой, «отдавая» свои степени свободы [Буданов, 2010]. С. Лем вообще считал, что сознание может «сесть» на любой носитель, в т. ч. небиологической природы.

Смысл эффективного управления когнитивной системой в условиях неопределенности сводится к тому, чтобы не попадать в зоны глубокого непродуктивного

равновесия (как «высокого» Г1, так и «низкого» Г2 гомеостаза) и хаоса, придерживаясь практики «челнока» внутри границ «региона сложности», а попав, сконструировать решение («пакет» решений), максимально использующее энергию разрушения предшествующей когнитивной структуры-процесса в нейрональных циклах в целях обеспечения «скачка» к новому психодинамическому равновесию. При этом во время движения когнитивной системы в «регионе сложности» её возможности постоянно растут, но само «окно» возможностей существует всё более короткое время, одновременно растут системные угрозы – в системе накапливается энтропия [Шевырев и др., 2016, с. 48; Федотова, Шевырев, 2025]. Разнообразие параметров модели сознания как ЦВ-иерархии предполагает различные модели ее поведения, которые необходимо исследовать экспериментально, например, гомеостаз разного типа предполагает различные реакции сознания: формирующая стратегия – для Г1 система «не слышит» среды (сознание активно «строит» свои собственные дополненную и модифицированную реальности), оставаясь при этом «хрупкой», с точки зрения состояния сознания, системой (тип 1 в терминах Н. Талеба) [Талеб, 2014], для Г2 – среда «не слышит» систему (система «копирует»/ориентируется-адаптируется только на «традиционные решения» среды, «эффект Линди» – хрупкость второго типа). В этом случае, следуя определениям Н. Талеба, «неуязвимыми» можно назвать системы на ОРГ- и РОРГ-стадиях ЦВ-иерархии модели сознания (выжидательная стратегия), причем «ослабленные» (РОРГ-СХ)-стадии, присущи и ОРГ-стадии в целом. «Антихрупкими» могут считаться только системы на СОРГ-стадии (формирующая стратегия) [Шевырев и др, 2016; Федотова, Шевырев, 2025]. На РХ- и СХ-стадиях сознание находится в положении, наилучшим образом обеспечивающим состояние «потока» У. Джеймса – интуитивно-креативная стратегия (интуиция как самодостраивание).

Заключение

В свете изложенного наиболее перспективными направлениями исследования сознания являются следующие: поиск нейрокоррелятов сознания (НКС), связанных с ноуменальным опытом, с помощью тестирования на основе логико-креативных (формализованных) процедур; разработка технологий удержания «открытых/нестабильных» форм ноу-феноменальных «квалиа» как результата использования С(А&КМ)-технологии; исследование иррационального ноуменального опыта «квалиа» путем моделирования предпроблемных состояний субъекта с помощью искусственного интеллекта (Big Live Data) на основе «тюнинговых» параметров, характеризующих такие состояния (отслеживание «траекторий» смыслов по стадиям развития сознания в модели ЦВ-иерархии, меняя ее характеристики – К-уровень, тип гомеостаза, структуру фокусов как точек зрения на анализируемую проблемную ситуацию и т.д.); исследование НКС с использованием концепции ЦВ-иерархии/метаменеджмента, как управления воспроизводством «управляемости» – удержание сознания в «регионе сложности»; разработка психофизиологических макротехнопакетов управления состоянием сознания в соответствии с концепцией макротехнопакетирования [Бабинцев и др., 2020]; разработка методов оценки и определения типов состояния сознания по типологии Н. Талеба («хрупкие», «неуязвимые» и «антихрупкие»); формирование программы исследования и анализа НКС с учетом параметров ЦВ-иерархий.

Список литературы

- Аршинов В.И., Буданов В.Г. 2006. Сознание и осознание в синергетике. В кн.: Синергетика на рубеже XX–XXI вв.: 55–73.
- Бабинцев В.П., Федотова М.А., Полушин П.В. 2020. Системное управление командной работой на основе гуманитарного развития концепции социального технопакетирования. *Вестник*

- Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки, 13(6): 28–38. DOI: [10.17213/2075-2067-2020-6-28-38](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2020-6-28-38).
- Буданов В.Г. 2010. Управление человекомерными системами и методология синергетики. В кн.: Философия управления: проблемы и стратегии. М., ИФ РАН: 89–112.
- Еникеев Л.И. 1999. Общая и социальная психология. М., Норма, Инфра-М, 611 с.
- Жюльен Ф. 2025. Невозможная нагота. М., Владивосток, Ад Маргинем Пресс, 149 с.
- Морен Э. 2013. Метод. Природа Природы. М., Канон+, 488 с.
- Симонов П.В. 1985. О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознании. В кн.: Бессознательное. Вып. IV. Тбилиси, Мецниереба: 149–159.
- Ревонсуо А. 2013. Психология сознания. СПб., Питер, 336 с.
- Саден Э. 2025. Среди призраков: Рассуждение об эпохе метавселенной и генеративного искусственного интеллекта. СПб., Издательство Ивана Лимбаха, 272 с.
- Талей Н.Н. 2014. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М., КоЛибри, Азбука-Аттикус, 762 с.
- Федотова М.А. 2019. Постнеклассическое стратегирование проблемных ситуаций в концепции соционавигации: переход от целевого управления к атрибутивному конструированию. *Экономические стратегии*, 21(8(166)): 94–101. DOI: [10.33917/es-8.166.2019.94-101](https://doi.org/10.33917/es-8.166.2019.94-101).
- Федотова М.А., Шевырев А.В. 2025. Контуры новой методологии мышления и управления: постсинергетический подход (цикло-вихревые иерархии в концепции метаменеджмента). *Экономические стратегии*, 27(5(203)): 96–103. DOI: [10.33917/es-5.203.2025.96-103](https://doi.org/10.33917/es-5.203.2025.96-103).
- Федотова М.А., Шевырев А.В. 2021. К вопросу о синтезе когнитивных и нейротехнологий (концепция и инструментарий). *Профессиональное образование и рынок труда*, 4(47): 88–97. DOI: [10.52944/PORT.2021.47.4.006](https://doi.org/10.52944/PORT.2021.47.4.006).
- Фэрроу М. 2020. Эмергенция субъектности: атрибутирование качеств, феноменальный опыт и существование. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, 10: 91–122. DOI: [10.31249/metod/2020.10.04](https://doi.org/10.31249/metod/2020.10.04).
- Чернавский Д.С. 2002. О методологических аспектах синергетики. В кн.: Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., Прогресс-Традиция: 50–66.
- Шевырев А.В. 2007. Креативный менеджмент: синергетический подход. Белгород, ЛитКараВан, 215 с.
- Шевырев А.В., Михеев В.А., Шаламова Н.Г., Федотова М.А. 2016. Системная аналитика в управлении. Введение в научно-исследовательскую программу. Белгород, ЛитКараВан, 384 с.
- Шевырев А.В., Федотова М.А., Шевырев В.А. 2025. Проектные и командные технологии как ключевые концепты новой методологии социального управления. *Теория и практика общественного развития*, 2: 49–61. DOI: [10.24158/tipor.2025.2.6](https://doi.org/10.24158/tipor.2025.2.6).
- Emmeche C. 1999. The Biosemiotics of Emergent Properties in a Pluralist Ontology. In: Taborsky E., ed. *Semiosis, Evolution, Energy: Towards a Reconceptualization of the Sign*. Aachen, Publ. Shaker Verlag: 89–108.
- Ferreira M.I.A. 2011. On Meaning: Individuation and Identity – The Definition of a World View. Newcastle upon Tyne, Publ. Cambridge Scholars Publishing, 235 p.
- Kull K. 2009. Biosemiotics: To Know, What Life Knows. *Cybernetics & Human Knowing*, 16(3–4): 81–88.
- Nagel T. 1974. What Is It Like to Be a Bat? *The Philosophical Review*, 83(4): 435–450. DOI: [10.2307/2183914](https://doi.org/10.2307/2183914).
- Stjernfelt F. 2007. Biosemiotics as Material and Formal Ontology. In: *Diagrammatology: An Investigation on the Borderlines of Phenomenology, Ontology, and Semiotics*. Dordrecht, Publ. Springer: 197–223. DOI: [10.1007/978-1-4020-5652-9_9](https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5652-9_9).
- Vehkavaara T. 1998. Extended Concept of Knowledge for Evolutionary Epistemology and for Biosemiotics: Hierarchies of Storage and Subject of Knowledge. In: Farré G.L., Oksala T., eds. *Emergence, Complexity, Hierarchy, Organization*. Espoo, Publ. The Finnish Academy of Technology: 207–216.

References

- Arshinov V.I., Budanov V.G. 2006. Soznanie i osoznanie v sinergetike [Consciousness and Awareness in Synergetics]. In: *Sinergetika na rubezhe XX–XXI v. [Synergetics at the Turn of the 20th–21st Centuries]*: 55–73. (In Russian).
- Babintsev V.P., Fedotova M.A., Polushin P.V. 2020. Sistemnoe upravlenie komandnoy rabotoy na osnove gumanitarnogo razvitiya kontseptsii sotsial'nogo tekhnopaketirovaniya [System

- Management of Teamwork Based on the Humanitarian Development of the Concept of Social Technopackaging]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 13(6): 28–38. DOI: [10.17213/2075-2067-2020-6-28-38](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2020-6-28-38). (In Russian).
- Budanov V.G. 2010. Upravlenie chelovekomernymi sistemami i metodologiya sinergetiki [Management of Human-Dimensional Systems and Methodology of Synergetics]. In: *Filosofiya upravleniya: problemy i strategii* [Philosophy of Management: Problems and Strategies]. Moscow, Publ. Institute of Philosophy RAS: 89–112. (In Russian).
- Enikeev L.I. 1999. *Obshchaya i sotsial'naya psikhologiya* [General and Social Psychology]. Moscow, Publ. Norma, Infra-M, 611 p. (In Russian).
- Jullien F. 2025. *Nevozmozhnaya nagota* [The Impossible Nude]. Moscow, Vladivostok, Publ. Ad Marginem Press, 149 p. (In Russian).
- Morin E. 2013. *Metod. Priroda Prirody* [Method. The Nature of Nature]. Moscow, Publ. Kanon+, 488 p. (In Russian).
- Simonov P.V. 1985. O dvukh raznovidnostyakh neosoznavaemogo psikhicheskogo: pod- i sverkhsoznaniy [On Two Varieties of the Unconscious Psyche: Subconsciousness and Superconsciousness]. In: *Bessoznatel'noe* [The Unconscious]. Issue IV. Tbilisi, Publ. Metsniereba: 149–159. (In Russian).
- Revonsuo A. 2013. *Psikhologiya soznaniya* [Psychology of Consciousness]. St. Petersburg, Publ. Piter, 336 p. (In Russian).
- Sadin E. 2025. *Sredi prizrakov: Rassuzhdenie ob epokhe metavselennoy i generativnogo iskusstvennogo intellekta* [Among the Ghosts: A Discourse on the Era of the Metaverse and Generative Artificial Intelligence]. St. Petersburg, Publ. Ivan Limbakh Publishing House, 272 p. (In Russian).
- Taleb N.N. 2014. *Antikhrupkost'. Kak izvlech' vygodu iz khaosa* [Antifragile: Things That Gain from Disorder]. Moscow, Publ. KoLibri, Azbuka-Atticus, 762 p. (In Russian).
- Fedotova M.A. 2019. Postneklassicheskoe strategirovanie problemnykh situatsiy v kontseptsii sotsionavigatsii: perekhod ot tselevogo upravleniya k atributivnomu konstruirovaniyu [Post-Non-Classical Strategizing of Problem Situations in the Concept of Socionavigation: Transition from Target Management to Attributive Designing]. *Economic Strategies*, 21(8(166)): 94–101. DOI: [10.33917/es-8.166.2019.94-101](https://doi.org/10.33917/es-8.166.2019.94-101). (In Russian).
- Fedotova M.A., Shevyrev A.V. 2025. Kontury novoy metodologii myshleniya i upravleniya: postsinergeticheskiy podkhod (tsiklo-vikhrevye ierarkhii v kontseptsii metamenedzhmenta) [Outlines of a New Methodology of Thinking and Management: Post-Synergetic Approach (Cyclic-Vortex Hierarchies in the Concept of Meta-Management)]. *Economic Strategies*, 27(5(203)): 96–103. DOI: [10.33917/es-5.203.2025.96-103](https://doi.org/10.33917/es-5.203.2025.96-103). (In Russian).
- Fedotova M.A., Shevyrev A.V. 2021. K voprosu o sinteze kognitivnykh i neyrotekhnologiy (kontseptsiya i instrumentariy) [On the Synthesis of Cognitive and Neurotechnologies (Concept and Tools)]. *Vocational Education and Labour Market*, 4(47): 88–97. DOI: [10.52944/PORT.2021.47.4.006](https://doi.org/10.52944/PORT.2021.47.4.006). (In Russian).
- Pharoah M. 2020. *Emergentsiya subektnosti: atributirovanie kachestv, fenomenal'nyy opyt i sushchestvovanie* [Emergence of Subjectivity: Attribution of Qualities, Phenomenal Experience and Being]. *METOD: Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*, 10: 91–122. DOI: [10.31249/metod/2020.10.04](https://doi.org/10.31249/metod/2020.10.04). (In Russian).
- Chernavsky D.S. 2002. O metodologicheskikh aspektakh sinergetiki [On Methodological Aspects of Synergetics]. In: *Sinergeticheskaya paradigma. Nelineynoe myshlenie v nauke i iskusstve* [Synergetic Paradigm: Nonlinear Thinking in Science and Art]. Moscow, Publ. Progress-Traditsiya: 50–66. (In Russian).
- Shevyrev A.V. 2007. *Kreativnyy menedzhment: sinergeticheskiy podkhod* [Creative Management: A Synergetic Approach]. Belgorod, Publ. LitKaraVan, 215 p. (In Russian).
- Shevyrev A.V., Mikheev V.A., Shalamova N.G., Fedotova M.A. 2016. *Sistemnaya analitika v upravlenii. Vvedenie v nauchno-issledovatel'skuyu programm* [System Analytics in Management: Introduction to the Research Program]. Belgorod, Publ. LitKaraVan, 384 p. (In Russian).
- Shevyrev A.V., Fedotova M.A., Shevyrev V.A. 2025. Proektnye i komandnye tekhnologii kak klyuchevye kontsepty novoy metodologii sotsial'nogo upravleniya [Project and Team Technologies as Key Concepts of the New Methodology of Social Management]. *Theory and Practice of Social Development*, 2: 49–61. DOI: [10.24158/tipor.2025.2.6](https://doi.org/10.24158/tipor.2025.2.6). (In Russian).

- Emmeche C. 1999. The Biosemiotics of Emergent Properties in a Pluralist Ontology. In: Taborsky E., ed. *Semiosis, Evolution, Energy: Towards a Reconceptualization of the Sign*. Aachen, Publ. Shaker Verlag: 89–108.
- Ferreira M.I.A. 2011. On Meaning: Individuation and Identity – The Definition of a World View. Newcastle upon Tyne, Publ. Cambridge Scholars Publishing, 235 p.
- Kull K. 2009. Biosemiotics: To Know, What Life Knows. *Cybernetics & Human Knowing*, 16(3–4): 81–88.
- Nagel T. 1974. What Is It Like to Be a Bat? *The Philosophical Review*, 83(4): 435–450. DOI: [10.2307/2183914](https://doi.org/10.2307/2183914).
- Stjernfelt F. 2007. Biosemiotics as Material and Formal Ontology. In: *Diagrammatology: An Investigation on the Borderlines of Phenomenology, Ontology, and Semiotics*. Dordrecht, Publ. Springer: 197–223. DOI: [10.1007/978-1-4020-5652-9_9](https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5652-9_9).
- Vehkavaara T. 1998. Extended Concept of Knowledge for Evolutionary Epistemology and for Biosemiotics: Hierarchies of Storage and Subject of Knowledge. In: Farré G.L., Oksala T., eds. *Emergence, Complexity, Hierarchy, Organization*. Espoo, Publ. The Finnish Academy of Technology: 207–216.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 23.02.2026

Поступила после рецензирования 23.05.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received February 23, 2026

Revised May 23, 2026

Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевырев Анатолий Викторович, кандидат экономических наук, научный руководитель, Школа системной креативности, г. Москва, Россия.

Федотова Марина Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом, Московский авиационный институт, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anatoly V. Shevyrev, Candidate of Economics, Scientific Director of the School of Systemic Creativity, School of Systemic Creativity, Moscow, Russian Federation.

Marina A. Fedotova, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Personnel Management at Moscow Aviation Institute, Moscow, Russian Federation.

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.4

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-564-572

EDN RLVVZV

Дефицит кадров как фактор институциональных изменений: стратегии российских работодателей в условиях структурных дисбалансов

Мисихин В.Р.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 119571, г. Москва, пр-т. Вернадского, д. 82
misikhin@mail.ru

Аннотация. Структурные дисбалансы российского рынка труда (2022–2024), сопровождающиеся рекордно низкой безработицей и устойчивым кадровым голодом, актуализируют анализ адаптационных стратегий работодателей. Преобладание макроэкономических исследований оставляет в тени субъективные трактовки дефицита кадров и реальные управленческие практики бизнеса, что создаёт пробел в понимании микроинституциональных механизмов адаптации. Цель исследования – реконструировать оценочные суждения и поведенческие реакции работодателей как ключевых агентов рынка труда. Эмпирическую базу составили 43 экспертных интервью с представителями промышленности, ИТ, сферы услуг, торговли, строительства и кадровых агентств из семи регионов РФ, проведенные в 2024 году. Полученные результаты демонстрируют, что дефицит кадров воспринимается как долгосрочное структурное ограничение, обусловленное демографическим спадом, институциональными барьерами и разрывом между образованием и производством. В ответ организации эволюционируют от экстенсивного поиска к интенсивному удержанию и воспроизводству персонала, расширяют социальные пакеты, внедряют гибкие форматы занятости, создают корпоративные учебные центры и влияют на образовательные стандарты. Исследование показало, что кадровый дефицит выступает не только ограничением, но и драйвером институциональных изменений, перераспределяющих функции подготовки кадров между бизнесом и государством. Зафиксирован ценностный сдвиг в пользу нефинансовых факторов занятости.

Ключевые слова: рынок труда, кадровый дефицит, работодатели, адаптационные стратегии, институциональные изменения, человекоцентричность, нефинансовые факторы занятости

Финансирование: работа выполнена в рамках выполнения научно-исследовательской работы № 1.9-2024-1 государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Мисихин В.Р. 2026. Дефицит кадров как фактор институциональных изменений: стратегии российских работодателей в условиях структурных дисбалансов. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 564–572. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-564-572 EDN: RLVVZV

Labour Shortage as a Factor of Institutional Change: Strategies of Russian Employers under Structural Imbalances

Vladimir R. Misikhin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa)
82 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation
misikhin@mail.ru

Abstract. The structural imbalances of the Russian labor market (2022–2024), marked by record-low unemployment and a persistent labour shortage, bring the analysis of employers' adaptive strategies to the

forefront. The predominance of macroeconomic research leaves subjective interpretations of the labour deficit and actual managerial practices in the shadows, creating a gap in understanding micro-institutional adaptation mechanisms. The study aims to reconstruct employers' evaluative judgments and behavioral responses as key labour market actors. The empirical basis comprises 43 expert interviews with representatives from industry, IT, services, trade, construction, and recruitment agencies across seven Russian regions, conducted in 2024. The findings show that the labour shortage is perceived as a long-term structural constraint driven by demographic decline, institutional barriers, and the mismatch between education and production. In response, organizations are evolving from extensive recruitment toward intensive retention and reproduction of personnel, expanding social benefits, introducing flexible employment arrangements, setting up corporate training centres, and influencing educational standards. The research demonstrates that the labour deficit acts not only as a constraint but also as a driver of institutional changes that redistribute the functions of personnel training between business and the state. In addition, a value shift in favour of non-financial employment factors has been registered.

Keywords: labor market, labor shortage, employers, adaptation strategies, institutional change, human-centeredness, non-financial job characteristics

Funding: The research was carried out within the framework of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) under research project No. 1.9-2024-1.

For citation: Misikhin V.R. 2026. Labour Shortage as a Factor of Institutional Change: Strategies of Russian Employers under Structural Imbalances. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 564–572 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-564-572 EDN: RLVVZV

Введение

Развитие российского рынка труда с 2022 года характеризуется нарастанием структурных дисбалансов, проявляющихся в устойчивом дефиците рабочей силы и рекордно низком уровне безработицы. Согласно данным Росстата в 2023–2025 гг. уровень безработицы стабилизировался на исторически минимальных значениях, в ряде регионов приближаясь к 2–3 %, что интерпретируется как признак практически полной занятости экономики¹.

В научной литературе причины кадрового дефицита трактуются по-разному. В рамках демографического подхода его связывают с долгосрочным сокращением численности населения трудоспособного возраста и старением рабочей силы – это подтверждается как российскими, так и международными исследованиями [Алёхин, 2024; Marois et al., 2026]. Институциональный подход сдвигает внимание на несоответствие между системой профессионального образования и структурой спроса на труд, а также на низкую межрегиональную и межотраслевую мобильность [Барина, Земцов, Царева, 2023; Капелюшников, 2023]. В ряде работ ставится вопрос о том, в какой степени фиксируемый дефицит квалификации является реальным структурным ограничением, а в какой – следствием институциональных дисфункций рынка труда, включая негибкость системы оплаты труда и низкую территориальную мобильность [Гимпельсон, 2004]. Отдельное направление исследований фиксирует трансформацию трудовых ценностей, рост значимости нематериальных факторов занятости – баланса работы и личной жизни, психологического комфорта, гибкости, возможностей профессионального развития. Особенно отчётливо эти изменения проявляются среди молодого поколения работников [Радаев, 2020].

Региональные и отраслевые показатели демонстрируют устойчивое превышение числа вакансий над числом зарегистрированных безработных, что так же свидетельствует о формировании долгосрочного структурного дефицита [Алёхин, 2024]. Одновременно расширяются практики внутрифирменного обучения и обостряется конкуренция

¹ Труд и занятость в России. 2025: Стат. сб./Росстат М., 172 с.

работодателей за персонал. Подобные практики, от расширения соцпакетов до создания корпоративных «кузниц кадров», уже не раз фиксировались исследователями как ответ бизнеса на сжатие предложения труда, и в комплексе они образуют контуры той структурной перестройки занятости, которую ещё в середине 2010-х годов описали В.Е. Гимпельсон и Р.И. Капелюшников [2017].

Сходные тенденции наблюдаются и за рубежом. Исследования выявили смещение трудовых приоритетов в сторону автономии и психологического комфорта [Kalleberg, Marsden, 2019], а концепция прекариата [Standing, 2011] предлагает интерпретацию этого феномена через призму роста неустойчивых форм занятости. Демографическое старение рабочей силы, в свою очередь, усиливает структурный дефицит квалификаций [Marois et al., 2026].

В российских условиях эти глобальные процессы накладываются на последствия демографического спада 90-х и запаздывание образовательной системы, что и формирует специфику текущего кадрового голода. Но при значительном объёме макроэкономических и институциональных исследований рынка труда, интерпретация ситуации самими работодателями остаются в тени. Между тем именно работодатели выступают ключевыми агентами, непосредственно принимающими решения о найме, удержании и развитии персонала. Их представления позволяют увидеть не только масштаб дефицита, но и реальные механизмы адаптации организаций к изменяющимся условиям. Поэтому в качестве цели исследования поставим вопрос: как работодатели оценивают причины кадрового дефицита и какие стратегии адаптации используют в условиях структурных изменений рынка труда.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено с применением качественного метода – экспертного (полуструктурированного) интервью. Экспертное интервью зарекомендовало себя как эффективный инструмент для выявления процессов принятия решений и институционального поведения [von Soest, 2023; Anderl, 2015].

Интервью проводились в 2024 году Лабораторией полевых исследований Центра «ИНСАП» ИПЭИ РАНХиГС. Всего состоялось 43 интервью продолжительностью от 50 до 90 минут в семи регионах России. Офлайн-интервью прошли в Москве, Абакане (Хакасия), Кызыле (Тыва) и Красноярске; онлайн-интервью – с респондентами из Казани, Архангельской области, Тюменской области и удалённых районов Красноярского края.

Отбор участников осуществлялся комбинированным способом, через административные каналы (контакты с органами власти и ассоциациями предпринимателей), методом снежного кома, а также с использованием неформальных связей. Выборку составили представители промышленных предприятий (13 чел.), IT и телекоммуникации (7 чел.), сферы услуг (5 чел.) и розничной торговли (5 чел.), строительства (10 чел.), кадровые агентства (3 чел.), преимущественно (80%) из крупного и среднего бизнеса. Эксперты в данном случае выступают не просто наблюдателями, но, образно говоря, «технологами» причинно-следственных механизмов [Elster, 1998]: они не только знают, что произошло, но и могут объяснить, почему были приняты те или иные решения и как выстраивались стратегии поведения.

Был разработан полуструктурированный гайд, включавший вопросы о бизнесе респондента, его целях и проблемах; об особенностях подбора и работы с персоналом; об оценке общей ситуации на рынке труда; о мерах государственной поддержки; о социальном капитале (взаимодействие с властью, ассоциациями, профсоюзами); а также о перспективах рынка труда в целом.

Для анализа полученного материала применен метод тематического кодирования [Braun & Clarke, 2006]. Все интервью были транскрибированы, затем проведено открытое кодирование, после чего коды агрегировались в тематические категории. Валидность выводов обеспечивалась методом триангуляции данных [Denzin, 2017]. При цитировании конкретных интервью все информанты анонимизированы.

Результаты и обсуждение

Анализ интервью позволил выделить пять взаимосвязанных аналитических тем, последовательно раскрывающих эволюцию адаптационных стратегий работодателей в условиях устойчивого дефицита рабочей силы: (1) структурный дефицит как системный вызов и его операционализация; (2) переход от экстенсивного найма к интенсивному удержанию персонала через социальные инвестиции и гибкость; (3) институциональный сдвиг: превращение работодателей из потребителей в производителей человеческого капитала; (4) институциональное несоответствие государственных посредников как катализатор корпоративных инициатив; (5) новая трудовая этика как триггер становления человекоцентричных моделей управления.

Структурный дефицит как системный вызов: операционализация проблемы

Хотя практически все опрошенные работодатели независимо от отрасли и региона характеризовали ситуацию на рынке труда как состояние устойчивого кадрового голода, важнее другое – то, как работодатели структурируют этот дефицит, какие причинные цепочки выстраивают и какие типы «нехватки кадров» различают. Это во многом определяет их дальнейшие управленческие решения.

Для опрошенных руководителей дефицит – это не временная «трудность», а фундаментальная характеристика рынка, берущая начало в демографической яме 1990-х и обусловленная старением кадрового состава по ключевым рабочим специальностям: *«Сварщик – это будет 45 плюс, 50; слесарь – это будет 55 плюс, 65 плюс в лучшем случае»* (муж., 55 лет, промышленная сфера). Однако за этой общей картиной вскрывается неоднородная структура дефицита кадров – острее всего (36 из 43 опрошенных) ощущается нехватка квалифицированных рабочих (станочники, сварщики, ремонтники), тогда как дефицит менеджеров и инженеров упоминался реже (14 из 43). По сути, основная болевая точка – это сегмент среднего технического звена, непосредственно обеспечивающий производственные процессы.

Качественная составляющая дефицита проявляется в том, что даже при наличии кандидатов их компетенции часто не дотягивают до реальных требований. Работодатели говорят о нехватке «готовности к труду» и «технологической дисциплины», разрыв между дипломом и практическими навыками становится правилом, а не исключением. Показательно высказывание руководителя крупного промышленного предприятия: *«Расширение импортозамещения создало новые рабочие места, но людей с нужной квалификацией нет, приходится обучать с нуля»* (муж., 55 лет, промышленная сфера).

В ряде интервью прозвучало парадоксальное утверждение: социальные пособия становятся барьером к трудоустройству. Типичный пример: женщина с тремя детьми отказывается от предлагаемой зарплаты, поскольку совокупные выплаты от соцзащиты, льготное питание и субсидии на ЖКХ оказываются выше: *«У неё трое детей. Она говорит: "Спасибо большое, но эта зарплата меньше, чем я сейчас получаю от соцзащиты. Я буду получать льготное питание в школе, субсидии на ЖКХ"»* (жен., 45 лет, сфера розничной торговли). Такие случаи по оценкам работодателей не единичны, существующая система поддержки, гарантируя доход вне занятости, дестимулирует выход на рынок труда, и даже повышение зарплаты не всегда перекрывает этот «социальный минимум».

Итак, работодатели оперируют не абстрактным понятием «нехватки кадров», а сложной типологией дефицита: количественным (демографический провал), качественным (разрыв компетенций) и институциональным (дестимулирующая роль социальных трансфертов). Именно эта диагностика определяет спектр возникающих адаптационных стратегий.

От экстенсивного найма к интенсивному удержанию: инвестиционные стратегии работодателей

Поскольку причины дефицита носят структурный и долгосрочный характер, работодатели вынуждены переходить от экстенсивной стратегии, поиска готовых

специалистов на внешнем рынке, к интенсивной стратегии удержания уже работающего персонала. На основе проведенного исследования можно выделить два измерения этой трансформации: материально-социальное и организационно-гибкое.

Материальные и социальные инвестиции. Большинство респондентов отмечали расширение социальных программ, таких как добровольное медицинское страхование, оплата питания и транспорта, жилищная помощь, дополнительные премиальные выплаты. Однако важен не перечень льгот сам по себе, а их целевая функция. Работодатели противопоставляли подобные меры прямому повышению заработной платы, оценивая их как более эффективный инструмент укрепления долгосрочной лояльности. Один из респондентов сформулировал это так: *«Вложения в соцпакет всегда намного выгоднее, чем вложения в заработную плату. Если мы видим, что можем сделать что-то полезное для людей, мы это делаем»* (муж., 45 лет, промышленная сфера). Таким образом работодатель выступает институциональным гарантом жизненных стратегий работника, что является адаптивным ответом на внешнюю неопределённость. Исследование выявило и ресурсные ограничения данной стратегии. Возможности малого и среднего бизнеса существенно уже, чем у крупных корпораций. Представители небольших компаний признавали, что не могут конкурировать в «социальной гонке», однако подчёркивали необходимость хотя бы минимального набора льгот как условия сохранения конкурентоспособности. Это порождает новую дифференциацию рынка труда, где крупный бизнес выступает бенефициаром, а малый оказывается в зоне риска из-за невозможности предложить сопоставимый «социальный пакет».

Организационная и функциональная гибкость. Гибридный и удалённый режимы работы, особенно в IT-секторе и сфере услуг, становятся не привилегией, а конкурентной необходимостью. Московский рекрутер констатировала: *«Все сотрудники сейчас, большинство до 30 лет, просят удалённый или гибридный режим работы. Работодатели будут соглашаться, потому что выхода нет»* (жен., 50 лет, кадровое агентство). Это высказывание фиксирует не только тренд на гибкие форматы занятости, но и изменение баланса сил на рынке труда: работодатель уступает там, где раньше диктовал условия.

Интересным решением представляется практика совмещения профессий на промышленных предприятиях. Красноярский респондент описал это следующим образом: *«Электромонтёр, он же токарь, он же фрезеровщик, он же наладчик. Он может быть в разных цехах, стабилизировать доход разными инструментами внутри завода»* (муж., 60 лет, промышленная сфера). В условиях, когда завод не может предложить удалёнку, он предлагает работнику внутризаводскую мобильность. Это позволяет ему в периоды простоя в одном цехе переключаться на другую работу и тем самым стабилизировать совокупный доход. Здесь мы видим не просто удержание, а реконфигурацию рабочего места: работодатель сознательно размывает профессиональные границы, чтобы повысить ценность работника и снизить текучесть кадров.

Стратегии удержания включают не только финансовые стимулы, но и гибкость режимов и функциональную диверсификацию труда. Однако эти меры носят преимущественно защитный характер и не решают проблему воспроизводства кадров в долгосрочной перспективе. Это подводит нас к следующему уровню адаптации – проактивному формированию собственного человеческого капитала.

Институциональный сдвиг: от потребителей к производителям человеческого капитала

В ходе исследования было выявлена трансформация роли работодателя от пассивного потребителя образовательных услуг к активному актору формирования кадров. Этот сдвиг, как показывают данные, носит системный характер и выходит за рамки точечных корпоративных инициатив. Ключевым триггером этого сдвига выступает критическое недоверие к внешним институтам подготовки. Практически все респонденты выражали неудовлетворённость системой среднего профессионального и высшего образования. Прозвучавшие претензии включали отрыв учебных программ от реального

производства, отсутствие практических навыков у выпускников, обучение на устаревшем оборудовании и длительные сроки подготовки. Один из участников исследования выразил эту позицию радикально: *«Надо просто закрыть институты и отправить всех в ПТУ, а потом кто лучший – отправить в институты. А кто остались – пусть идут работать. И естественно, надо как-то развивать престиж рабочих профессий»* (муж., 60 лет, промышленная сфера). За этой гиперболой стоит не эмоция, а рациональная оценка – система образования не успевает за скоростью технологических и организационных изменений и, как следствие, выпускники приходят не готовым «ресурсом», а «полуфабрикатом», требующим доработки. В ответ на это институциональное несоответствие работодатели разворачивают собственные образовательные экосистемы, от наиболее простых (программы наставничества, производственные практики) до сложных (корпоративные учебные центры с собственными программами и преподавателями). Руководитель высокотехнологичного предприятия так описывал свой опыт: *«Мы набрали корпоративную группу из студентов нескольких направлений подготовки. Наши технологи сами разработали программу обучения под конкретное производство»* (жен., 40 лет, производственная сфера). Работодатели не просто «доучивают» выпускников, а полностью перепроектируют процесс входа в профессию, сокращая время адаптации и снижая риски несоответствия. Многие организации готовы брать кандидатов без опыта и «выращивать» их с нуля. Это означает переход от модели «приобретения» готового специалиста к модели «производства» специалиста под себя. Данный сдвиг имеет далеко идущие институциональные последствия, работодатели осваивают новые функции (педагогические, методические, оценочные), что меняет их идентичность и структуру издержек [Ломтева и др., 2024]. Этот тренд московский рекрутер, принимавший участие в исследовании, резюмировал так: *«Всё меньше поиска готовых специалистов, всё больше готовности компаний к самостоятельному развитию, переобучению, переквалификации. Растёт спрос на специалистов по обучению, на внутренних бизнес-тренеров, на наставников»* (муж., 45 лет, кадровое агентство).

Кадровый дефицит, таким образом, выступает не только ограничением, но и институциональным драйвером, заставляющим бизнес брать на себя образовательные функции, традиционно принадлежавшие государству.

Институциональное несоответствие государственных посредников как катализатор корпоративных инициатив

Исследование показало, что при взаимодействии работодателей с государственными центрами занятости (ЦЗН) существует расхождение между формальными функциями института и реальными потребностями рынка труда. Ограниченная эффективность ЦЗН выступает дополнительным стимулом, подталкивающим работодателей к развитию собственных кадровых механизмов, описанных выше. Большинство респондентов в той или иной форме сотрудничают с центрами занятости, однако только каждый четвёртый оценил это взаимодействие как эффективное. Основные претензии концентрируются на двух аспектах: низкое качество кандидатов и высокая бюрократизация: *«Кандидатов нужной квалификации там практически нет. В основном приходят либо те, кто потерял работу и не может найти сам, либо те, кто просто числится для получения пособия»* (жен., 49 лет, торговая сфера). Оценки ЦЗН сильно дифференцированы в зависимости от региона. В Москве, где у работодателей широкий спектр альтернативных каналов (коммерческие агентства, онлайн-платформы), центры занятости воспринимаются как рудиментарный институт. В регионах, напротив, оценки смешанные и даже положительные. Как отметил один из респондентов: *«В Москве, может, и не нужны центры занятости, а у нас в регионах – это один из немногих каналов, особенно для массового подбора. Не идеально, но работать можно»* (муж., 50 лет, строительная сфера). Это подтверждает гипотезу [Баринова и др., 2023] о зависимости регионального бизнеса от государственных институтов в условиях, когда альтернативы ограничены.

При этом даже критически настроенные работодатели не ставили под сомнение необходимость существования ЦЗН как института. Были высказаны конкретные предложения по модернизации: улучшить базу данных по рабочим профессиям, организовать обучение под заказ предприятий за государственный счёт, сократить бюрократические процедуры: *«Если бы центр занятости не просто собирал безработных, а обучал их под наши заявки, было бы идеально. Мы говорим: нам нужно десять сварщиков. Они набирают двадцать человек, обучают за государственный счёт, а мы потом трудоустраиваем лучших»* (муж., 60 лет, промышленная сфера). Проблема, следовательно, не в отсутствии государственных посредников как таковых, а в их ограниченной способности адаптироваться к новым условиям структурного дефицита кадров. Это функциональное несоответствие, наряду с критикой системы образования, вынуждает работодателей становиться «самозанятыми» в сфере подготовки и подбора кадров. Но даже самые совершенные корпоративные механизмы не могут преодолеть ограничений, которые задают изменяющиеся ценностные ориентации работников.

Новая трудовая этика как триггер человекоцентричности и управленческих решений

В основе всех перечисленных стратегий (социальных инвестиций, гибких режимов, корпоративного обучения) лежит один глубинный фактор – это трансформация трудовых ценностей, которую работодатели фиксируют как долгосрочный и необратимый тренд. Анализ показывает, что он не сводится к простому росту «требовательности» молодёжи, а представляет собой сдвиг в самой структуре трудового контракта.

Рост значимости нефинансовых факторов. Респонденты единодушно отмечали, что для молодых соискателей (до 30–35 лет) заработная плата перестала быть единственным или даже главным критерием выбора. На первый план выходят гибкость графика, психологический комфорт, качество корпоративной культуры и возможности самореализации: *«Человек может понимать, что зарплата хорошая, что карьера сложится. Но он уходит с формулировкой: "не прикольно". И это не разовый случай. Это устойчивая тенденция»* (жен., 50 лет, кадровое агентство). Эта не просто констатация «прихоти», а свидетельство изменения критериев оценки рабочего места, – работа теперь должна быть осмысленной, комфортной и релевантной идентичности человека, а не только доходной.

Снижение организационной лояльности. Вторым важным следствием является радикальное сокращение горизонта планирования занятости. Смена работы каждые один-два года воспринимается респондентами уже как норма. Зарплатные ожидания выросли, по оценкам, на 20–50 %. В этих условиях организации вынуждены постоянно пересматривать системы мотивации, карьерного развития и обучения. Это создаёт принципиально новую управленческую реальность: работодатель не может рассчитывать на «пожизненную» привязанность, а должен ежедневно доказывать свою привлекательность.

Конфликт ценностей и структурные ограничения. Наиболее остро данный конфликт проявляется в промышленном секторе: *«Молодёжь хочет удалёнку. А мы завод. Мы не можем станок домой отправить. Проигрываем IT-компаниям, даже если зарплату предлагаем выше»* (муж., 60 лет, промышленная сфера). Эта коллизия выявляет структурный предел человекоцентричности, не все запросы могут быть удовлетворены в силу технологической природы производства. Работодатели оказываются в ситуации вынужденного компромисса – они не могут дать «удалёнку», но могут предложить стабильность, социальные бонусы и внутривозможную мобильность.

Опрошенные солидарны в том, что перечисленные изменения – это не конъюнктурная реакция, а сдвиг к новой модели, где конкурентоспособность работодателя определяется не только зарплатой, но и средой, гибкостью, возможностями роста. По их прогнозам, этот тренд сохранится даже при улучшении макроэкономической ситуации, а значит, описанные стратегии удержания, обучения и гибкости становятся постоянными элементами управления персоналом.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что кадровый дефицит в России имеет структурную природу, укоренён в демографических процессах, институциональных разрывах и ценностных сдвигах. В ответ работодатели переходят от поиска готовых специалистов к их воспроизводству через корпоративное обучение, наставничество, участие в разработке образовательных стандартов. Одновременно растёт роль нефинансовых факторов – гибкость, соцпакет, психологический комфорт становятся не менее важными, чем зарплата. Однако для промышленности этот тренд ограничен технологическим барьером, невозможностью удаленной работы, что создаёт системное преимущество для более мобильных секторов экономики.

Результаты интервью показывают, что государственные институты (центры занятости, система образования) часто не успевают за запросами бизнеса. Это стимулирует компании к автономным действиям, но создаёт риск дальнейшей фрагментации рынка труда, где крупный бизнес формирует собственные образовательные экосистемы, а малый и средний оказываются в уязвимом положении.

Главный вывод: дефицит кадров выступает катализатором институциональных изменений, но лишь при условии, что бизнес и государство координируют усилия. Пока же бизнес адаптируется самостоятельно, и остаётся вопрос, перерастёт ли эта автономия в системную политику или разрыв между сторонами будет углубляться.

Список литературы

- Алехин Б.И. 2024. Кадровый дефицит в российских регионах. *Пространственная экономика*, 20(1): 163–186. DOI: [10.14530/se.2024.1.163-186](https://doi.org/10.14530/se.2024.1.163-186)
- Баринаева В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. 2023. В поисках предпринимательства в России. Часть 1. Что мешает малому и среднему бизнесу развиваться. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 400 с.
- Гимпельсон В. 2004. Дефицит квалификации и навыков на рынке труда (недостаток предложения, ограничения спроса или ложные сигналы работодателей?). *Вопросы экономики*, 3:76–94. DOI: [10.32609/0042-8736-2004-3-76-94](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-3-76-94)
- Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. Капелюшников Р.И. 2017. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения: доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследований рынка труда НИУ ВШЭ. Под ред. В. Гимпельсона и др. М.: 145 с.
- Капелюшников Р.И. 2023. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов. *Вопросы экономики*, 8: 5–37. DOI: [10.32609/0042-8736-2023-8-5-37](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37)
- Ломтева Е.В., Бедарева Л.Ю., Полушкина А.О. 2024. Вовлеченность высшего образования в подготовку специалистов среднего звена. *Университетское управление: практика и анализ*, 28(3):5–16. DOI: [10.15826/umpa.2024.03.021](https://doi.org/10.15826/umpa.2024.03.021)
- Радаев В.В. 2020. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. *Социологический журнал*, 26(4):31–60. DOI: [10.19181/socjour.2020.26.4.7641](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7641)
- Anderl, F. 2015. Process Tracing: From Metaphor to Analytic Tool. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*, 16(3). DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-16.3.2456>
- Braun, V., & Clarke, V. 2006. Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2): 77–101. DOI: <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
- Denzin N. K. 2017. *The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods*. New York, Routledge, 390 p.
- Elster J. 1998. A plea for mechanisms. In: *Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory*. Ed. by P. Hedström, R. Swedberg. New York. Cambridge University Press: 45–73.
- Kalleberg A.L., Marsden P.V. 2019. Work Values in the United States: Age, Period, and Generational Differences. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 682(1): 43–59. DOI: [10.1177/0002716218822291](https://doi.org/10.1177/0002716218822291)
- Marois G., Potančoková M., Bélanger A. 2023. Labour Force Projections for the European Union. *Demographic Research*, 48: 129–160. DOI: [10.4054/DemRes.2023.48.6](https://doi.org/10.4054/DemRes.2023.48.6)
- Standing G. 2011. *The Precariat: The New Dangerous Class*. London. Bloomsbury Academic, 198 p.
- von Soest C. 2023. Why Do We Speak to Experts? Reviving the Strength of the Expert Interview Method. *Perspectives on Politics*, 21(1): 277–287. DOI: [10.1017/S1537592722001116](https://doi.org/10.1017/S1537592722001116)

References

- Alekhn B.I. 2024. Labor Shortage in the Regions of Russia. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 20(1): 163–186 (in Russian). DOI: [10.14530/se.2024.1.163-186](https://doi.org/10.14530/se.2024.1.163-186)
- Barinova V.A., Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V. 2023. V poiskakh predprinimatel'stva v Rossii. Chast' 1. Chto meshaet malomu i srednemu biznesu razvivat'sya [In search of entrepreneurship in Russia. Part 1: What holds small and medium-sized businesses back] Moscow, Publ. House "Delo" RANEPa, 400 p.
- Gimpelson V. 2004. Shortage of Skills in the Labor Market: Limited Supply, Lack of Demand, or False Signals from Employers? *Voprosy Ekonomiki*, 3:76–94 (in Russian). DOI: [10.32609/0042-8736-2004-3-76-94](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-3-76-94)
- Gimpelson V.E., Zudina A.A., Kapeliushnikov R.I. 2017. Rossiyskiy rynek truda: tendentsii, instituty, strukturnye izmeneniya: doklad Tsentra trudovykh issledovaniy i Laboratorii issledovaniy rynka truda NIU VShE. Pod red. V. Gimpel'sona i dr. [Russian Labor Market: Trends, Institutions, Structural Changes: Report of the Center for Labor Studies and the Laboratory for Labor Market Research of HSE University. Edited by V. Gimpelson et al.]. Moscow, 145 p.
- Kapeliushnikov R.I. 2023. The Russian labor market: A statistical portrait on the crises background. *Voprosy Ekonomiki*, (8):5-37 (in Russian). DOI: [10.32609/0042-8736-2023-8-5-37](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37)
- Lomteva E.V., Bedareva L.Yu., Polushkina A.O. 2024. Involvement of Higher Education in The Training of Mid-Level Specialists. *University Management: Practice and Analysis*, 28(3):5–16 (in Russian). DOI [10.15826/umpa.2024.03.021](https://doi.org/10.15826/umpa.2024.03.021)
- Radaev V.V. 2020. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i empiricheskoe obosnovanie. [The Split of the Millennial Generation: Historical and Empirical Justification]. *Sociological Journal*, 26(4): 31–60. DOI: [10.19181/socjour.2020.26.4.7641](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7641)
- Anderl, F. 2015. Process Tracing: From Metaphor to Analytic Tool. *Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research*, 16(3). DOI <https://doi.org/10.17169/fqs-16.3.2456>
- Braun, V., & Clarke, V. 2006. Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2): 77–101. DOI:10.1191/1478088706qp063oa
- Denzin N. K. 2017. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. New York, Routledg, 390 p.
- Elster J. 1998. A plea for mechanisms. In: Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory. Ed. by P. Hedström, R. Swedberg. New York. Cambridge University Press: 45–73. DOI: [10.17169/fqs-16.3.2456](https://doi.org/10.17169/fqs-16.3.2456)
- Kalleberg A.L., Marsden P.V. 2019. Work Values in the United States: Age, Period, and Generational Differences. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 682(1): 43–59.
- Marois G., Potančoková M., Bélanger A. 2023. Labour Force Projections for the European Union. *Demographic Research*, 48: 129–160. DOI: [10.4054/DemRes.2023.48.6](https://doi.org/10.4054/DemRes.2023.48.6)
- Standing G. 2011. The Precariat: The New Dangerous Class. London. Bloomsbury Academic, 198 p.
- von Soest C. 2023. Why Do We Speak to Experts? Reviving the Strength of the Expert Interview Method. *Perspectives on Politics*, 21(1): 277–287. DOI: [10.1017/S1537592722001116](https://doi.org/10.1017/S1537592722001116)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 29.07.2026

Received July 29, 2026

Поступила после рецензирования 24.08.2026

Revised August 24, 2026

Принята к публикации 30.08.2026

Accepted August 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мисихин Владимир Русланович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия.

Vladimir R. Misikhin, Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Moscow, Russia.

УДК 316.4
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-573-587
EDN VBZIYB

Социальная технология соуправления малыми группами: двухконтурная обратная связь как механизм распределения властных функций

Шмарион Ю.В.

Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 42

jbshmarion@mail.ru

Аннотация. Традиционные моноцентрические модели управления малыми группами характеризуются высокой концентрацией властных функций, что воспроизводит паттерны пассивности исполнителей и снижает эффективность горизонтальных механизмов координации. В современной социологии управления недостаточное внимание уделяется операционализации механизмов соуправления в реальном времени; отсутствуют концептуальные модели, рассматривающие обратную связь как инструмент трансформации статусно-ролевой иерархии. Целью исследования является теоретико-эмпирическое обоснование двухконтурной системы обратной связи как социальной технологии, перераспределяющей управленческие функции между участниками взаимодействия. Исследование реализовано в формате квази-эксперимента с контрольной группой ($n = 30$, пре-, пост-тест дизайн). Эмпирическая апробация подтвердила гипотезу: институционализация ролей «студент-эксперт» и «коллективный верификатор» обеспечивает статистически значимое снижение разброса экспертных оценок и рост конвергентной валидности по сравнению с моноцентрической моделью. Зафиксирован выраженный сдвиг в структуре нормативной референции, свидетельствующий об интернализации норм объективности. Разработанная технология обеспечивает воспроизводимое распределение властных полномочий, снижение транзакционных издержек координации и формирование самоорганизующейся системы соуправления, что расширяет методологический инструментарий прикладной социологии управления и демонстрирует потенциал масштабирования на корпоративные и проектные малые группы.

Ключевые слова: социология управления, двухконтурная обратная связь, распределение властных функций, горизонтальный социальный контроль, ролевая динамика, самоорганизация

Для цитирования: Шмарион Ю.В. 2026. Социальная технология соуправления малыми группами: двухконтурная обратная связь как механизм распределения властных функций. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 573–587. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-573-587 EDN: VBZIYB

Social Technology for Co-Management of Small Groups: Two-Circuit Feedback as a Mechanism for Distributing Power Functions

Yury V. Shmarion

Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University
42 Lenin St., Lipetsk 398020, Russian Federation

jbshmarion@mail.ru

Abstract. Traditional monocentric management models in small groups are characterized by a high concentration of power functions, which reproduces passive executor patterns and reduces the efficiency of horizontal coordination mechanisms. In contemporary sociology of management, insufficient attention has been paid to the operationalization of real-time co-management mechanisms; conceptual frameworks

treating feedback as an instrument for transforming status-role hierarchies remain underdeveloped. This study aims to provide a theoretical and empirical substantiation of a two-circuit feedback system as a social technology that redistributes managerial functions among participants in group interaction. The research employs a quasi-experimental design with a control group ($n = 30$, pre-test/post-test design). Data analysis includes descriptive statistics, Student's t-test for independent samples, Pearson correlation, and content analysis with inter-coder reliability assessment. Empirical validation confirms the hypothesis: institutionalizing the roles of "student-expert" and "collective verifier" ensures a statistically significant reduction in the dispersion of peer assessments and an increase in convergent validity compared to the monocentric model. A pronounced shift in normative reference structure evidences the internalization of objectivity norms. The developed technology ensures reproducible redistribution of power authorities, reduces transactional coordination costs, and fosters a self-organizing co-management system, thereby expanding the methodological toolkit of applied sociology of management and demonstrating scalability to corporate and project-based small groups.

Keywords: sociology of management, two-circuit feedback, distribution of power functions, horizontal social control, role dynamics, self-organization

For citation: Shmarion Yu.V. 2026. Social Technology for Co-Management of Small Groups: Two-Circuit Feedback as a Mechanism for Distributing Power Functions. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 573–587 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-573-587 EDN: VBZIYB

Введение

Современная образовательная среда функционирует в условиях устойчивого воспроизводства моноцентрических управленческих моделей, где высокая концентрация целеполагающих и контрольных функций в руках формального лидера закономерно генерирует паттерны ролевой пассивности и ограничивает потенциал горизонтальной координации. Исследования показывают, что лишь незначительная часть студентов демонстрирует устойчивую внутреннюю мотивацию к участию в коллективных формах активности, тогда как большинство ориентировано на узкопрагматические цели либо пассивную социализацию [Ефимов, 2024]. При формальной осведомленности о существовании самоуправления реальное участие в нем принимают лишь 30 % студентов, причем ключевыми барьерами выступают дефицит информации, непрозрачность процедур и нехватка времени [Ковбас, 2025]. Проблема усугубляется действием институциональных барьеров, воспроизводящих социальное неравенство [Паникарова, 2025]. На микроуровне малой группы критическую роль играет ролевая структура. Исследование М. Грота показало, что жесткие иерархические структуры ведут к подавлению инициативы и формированию устойчивых паттернов «интерперсональной регуляции аффекта» [Грот, 2024]. Традиционные модели образовательной среды не решают проблему отчуждения, а воспроизводят феномен группового давления. В современных условиях этот эффект усиливается непрозрачностью оценочных процедур и запаздыванием обратной связи, что подрывает внутригрупповое доверие акторов как ключевой ресурс управления [Фролова, 2023]. Таким образом, образовательная малая группа выступает полигоном апробации универсальной социальной технологии соуправления [Казаева, 2014], применимой к любым малым социальным системам с распределённой властной архитектурой, для которых среди известного множества моделей соуправления наиболее приемлемой является партисипативная модель соуправления [Петрович, 2016] предполагающая, что все участники вовлечены в процессы постановки цели, планирования и контроля, но при наличии формального лидера или координатора.

М. Швардак систематизирует инструменты партисипативного управления, доказывая, что вовлечение стейкхолдеров в управленческие процессы обеспечивает

адаптивность образовательных систем [Швардак, 2025]. Н. Колесниченко и Г. Коваль отмечают, что партисипативное управление требует создания механизмов, превращающих объект управления в субъект [Колесниченко, 2021]. Однако, несмотря на обширную литературу по самоуправлению [Ефимов, 2024] и исследования ролевой динамики [Грот, 2024], практически отсутствуют работы, рассматривающие обратную связь как механизм перераспределения управленческих функций в режиме реального времени.

Актуальность исследования определяется противоречием между декларируемой необходимостью партисипативных моделей управления и отсутствием верифицированных социальных технологий, обеспечивающих распределение властных функций в малых группах в реальном масштабе времени.

Цель исследования – теоретико-эмпирическое обоснование двухконтурной системы обратной связи как социальной технологии соуправления малыми группами. Гипотеза исследования: институционализация ролей «студент-эксперт» и «коллективный верификатор» в рамках двухконтурной системы обратной связи обеспечивает снижение разброса экспертных оценок и повышение уровня интернализации норм объективности по сравнению с традиционной моноцентрической моделью управления.

Материалы и методы исследования

Для эмпирической верификации гипотезы о трансформации ролевой иерархии в сетевую структуру соуправления исследование реализовано в формате квази-эксперимента с контрольной группой (pre-test/post-test design). Экспериментальная группа (n=15) функционировала в рамках двухконтурной модели соуправления; контрольная группа (n=15) – в традиционной моноцентрической модели. Рандомизация на индивидуальном уровне не проводилась в силу организационных ограничений образовательного процесса; группы сформированы по принципу естественных учебных коллективов, что соответствует практике полевых исследований в прикладной социологии управления [Иванов, Патрушев, 2004; Волкова и др., 2025].

В исследовании участвовали 30 студентов 2–3 курсов направлений «Социология» и «Государственное и муниципальное управление» (ЛГПУ, РАНХиГС, Липецкий филиал), возраст 19–22 года, гендерный баланс ~50/50. Критерии включения: добровольное информированное согласие, отсутствие академической задолженности, участие в не менее чем 80% занятий. Обоснование размера группы: численность 12–18 человек обеспечивает оптимальную плотность взаимодействий для институционализации экспертных ролей [Волкова и др., 2025]. Экспериментальная группа (ЭГ, n = 15) функционировала в рамках двухконтурной модели соуправления; контрольная группа (КГ, n = 15) – в традиционной моноцентрической модели с вертикальной обратной связью. Выбор студенческой малой группы обусловлен возможностью стандартизации процедур, высокой плотностью регулярных взаимодействий и фиксацией ролевых трансформаций в реальном времени, что делает её релевантным полигоном для апробации универсального управленческого механизма, масштабируемого на проектные команды и корпоративные малые группы.

Теоретические категории переведены в измеримые индикаторы следующим образом: распределение властных функций – индекс делегирования: (количество решений по целеполаганию, контролю и оценке, принятых участниками) / (общее количество управленческих решений в цикле); горизонтальный социальный контроль – частота и качество взаимных экспертных оценок, фиксируемая через унифицированный бланк (4 блока, макс. 70 баллов); статистическим маркером выступает коэффициент вариации (CV) экспертных оценок (целевое значение < 0,20).

Интернализация норм объективности – сдвиг в дискурсе рефлексии от внешней референции («преподаватель требует») к внутренней легитимации («мы договорились о критериях»); измеряется через рефлексивные оценки с расчётом межкодерской надёжности; эффективность соуправления – конвергенция экспертных оценок и

результатов итогового верифицирующего тестирования (корреляция Пирсона), а также индекс удовлетворённости процедурой управления (5-балльная шкала Лайкерта).

Процедуры сбора данных.

1. Pre-test (неделя 1): диагностика исходного уровня знаний (тест из 25 вопросов), оценка вовлечённости (адаптированный опросник) и диагностика уровня внутри-группового доверия.

2. Экспериментальный период (недели 2–14): ЭГ: реализация двухконтурной модели (45 докладов, 42 экспертные оценки на участника, публичная двухпетлевая рефлексия); КГ: традиционные семинары с одноконтурной вертикальной обратной связью. Еженедельный сбор: бланки экспертных оценок, аудиофиксация дискуссий (с информированного согласия), рефлексивные эссе.

3. Post-test (неделя 15): итоговое верифицирующее тестирование, повторное анкетирование, сбор эссе для контент-анализа.

Для проверки гипотезы использовались следующие статистические методы: описательная статистика (среднее, стандартное отклонение, коэффициент вариации); t-критерий Стьюдента для независимых выборок (сравнение динамики Δ между ЭГ и КГ); корреляционный анализ Пирсона (проверка конвергентной валидности экспертных оценок); анализ рефлексивных оценок и расчётом к Коэна ($> 0,80$). Все процедуры соответствуют стандартам эмпирической социологии управления и обеспечивают триангуляцию количественных и качественных данных. Обработка эмпирических данных осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics 28.0.

Социология соуправления: концептуальные основания

В современной социологии управления наблюдается смещение фокуса с изучения централизованных иерархических структур к анализу сетевых, партисипативных и соуправленческих моделей, в которых властные функции распределяются между множеством акторов. Соуправление (co-management) концептуализируется в данной парадигме как социальный механизм трансформации отношений «субъект – объект» в отношения «субъект – субъект», при котором целеполагание, контроль, оценка и рефлексия норм становятся распределёнными функциями внутри малой социальной группы [Колесниченко, Коваль, 2021; Швардак, 2025].

1. Понятийно-категориальный аппарат: от иерархии к распределённой власти.

Традиционная модель управления опирается на моноцентрическую структуру, где власть сконцентрирована в руках формального лидера, а остальные участники выступают в роли исполнителей. Социология управления фиксирует системные издержки такой модели: отчуждение индивидов от принятия решений, редукцию социальной энергии группы, воспроизводство паттернов пассивности и группового давления [Грот, 2024; Фролова, 2023]. В противовес этому соуправление предполагает распределение управленческих функций через институционализацию новых ролей, формализацию процедур контроля и обеспечение прозрачности оценочных критериев. Ключевыми категориями социологического анализа соуправления выступают: властные полномочия как распределённый ресурс, легитимизируемый через публичные процедуры и экспертную практику; ролевая динамика как механизм перераспределения статусов и формирования горизонтального социального контроля; субъектность как способность участника к рефлексии норм, аргументированному влиянию и принятию ответственности за коллективный результат [Иванов, Патрушев, 2004; Щербина, 2016].

2. Теоретический синтез: кибернетика, партисипативность и статусные конструкции. Концептуальные основания социологии соуправления в данной работе опираются на три взаимодополняющих теоретических пласта. Во-первых, кибернетическая парадигма (Н. Винер, А. Богданов) постулирует, что устойчивость любой динамической системы обеспечивается многоконтурной обратной связью. В социальных

системах наличие второго контура трансформирует жёсткую иерархию в самоорганизующуюся структуру, способную к рефлексии собственных оснований и адаптации к изменениям [Винер, 1968; Богданов, 2003; Логиновский, Козлов, 2013]. Во-вторых, партисипативный подход в социологии управления (М. Швардак, А. Михацька, К. Арджирис, Д. Шён) связывает эффективность соуправления с переходом от однопетлевого к двухпетлевому обучению. Если первый уровень коррекции направлен на устранение ошибок в рамках заданных норм, то второй предполагает коллективную рефлекссию самих норм, критериев и допущений, что обеспечивает легитимацию новых правил взаимодействия и повышает адаптивность системы [Argyris, Schön, 1996; Швардак, 2025; Михацька, 2025]. В-третьих, теория статусных конструкций (С. Риджуэй) объясняет микроуровневые механизмы закрепления соуправленческих практик. Повторяющийся опыт исполнения высокостатусной роли (например, «студент-эксперт») формирует устойчивые статусные верования, которые интернализируются участниками как нормы объективности, ответственности и аналитичности. Это превращает ситуативное наделение полномочиями в устойчивый культурно-ролевой паттерн [Ridgeway et al., 1998; Lyu, 2025; Hudson, 2025].

3. Механизмы институционализации соуправления в малых группах. Социология управления подчёркивает, что соуправление становится устойчивым только при условии его институционализации. В контексте малой социальной группы это достигается через: формализацию экспертных процедур – внедрение универсальных бланков оценки, фиксирующих критерии качества и минимизирующих субъективизм; публичность рефлексии – обсуждение результатов в коллективном пространстве, где объектом критики становятся не личности, а нормы и способы организации деятельности; накопление социального капитала – структурированное взаимодействие повышает уровень доверия, снижает транзакционные издержки коммуникации и формирует консолидированное экспертное сообщество [Волкова и др., 2025]. В результате малая социальная группа трансформируется из пассивной в самоорганизующуюся социальную систему, где контроль осуществляется не сверху вниз, а горизонтально, через взаимную верификацию и коллективный консенсус.

4. Социальная технология как инструмент управления. Генезис понятия социальной технологии восходит к работам К. Поппера, Н. Стефанова, В. Афанасьева, определившего социальную технологию как «деятельность, в результате которой достигается поставленная цель и изменяется объект деятельности», и, который трактовал ее как «элемент механизма управления» и «средство перевода абстрактного языка науки на конкретный язык достижения поставленных целей» [Афанасьев, 1977]. Дальнейшее развитие категория получила в трудах А. Зайцева, Ю. Сурмина, Н. Туленкова, а также социологов белгородской школы Л. Дятченко, Н. Данакина, В. Бабинцева. Существенный вклад внесли В. Иванов и В. Патрушев, рассматривающие социальные технологии как «способ производства социальной энергии общества» и инструмент разрешения противоречий в диалоге человека и социальной среды. Они отмечают, что подлинная технологизация предполагает не просто алгоритмизацию действий, но и развитие субъектности участников, их способности к рефлексии и самоорганизации. Таким образом, теоретическая традиция задает понимание социальной технологии как нормативно закреплённого, алгоритмизированного и воспроизводимого способа деятельности, обеспечивающего достижение социально значимых результатов и предполагающего активную субъектную позицию всех участников управленческого взаимодействия. [Иванов, 2004].

Обобщение подходов позволяет выделить сущностные характеристики социальных технологий:

Алгоритмичность предполагает расчленение сложного процесса на последовательные, внутренне взаимосвязанные этапы, фазы, операции, выполняемые в

строго определенном порядке. Каждый этап имеет временные нормативы и четкие критерии результата.

Дискретность означает наличие фиксированных начала и завершения процесса.

Воспроизводимость – возможность многократного применения технологии в сходных условиях с гарантированным получением ожидаемого результата. Как подчеркивает Зайцев, технология именно тем и отличается от разового действия, что может быть воспроизведена.

Нормативность – наличие системы предписаний, регламентирующих действия участников и критерии оценки результатов.

Управляемость обеспечивается двухконтурной обратной связью на оперативном и стратегическом уровнях.

Субъект-субъектный характер предполагает признание активности всех участников. Эффективное управление невозможно без формирования субъектности, способности к рефлексии и самоорганизации [Бабинцев, 2010; Щербина, 2016].

Социальная технология должна удовлетворять всем характеристикам. Она алгоритмизирована, дискретна, воспроизводима, обладает управляемостью, реализует субъект-субъектный тип взаимодействия и носит инновационный характер.

В социологии управления устойчивость любой распределённой модели зависит не столько от формальных регламентов, сколько от способности системы к самовоспроизводству норм без постоянного внешнего принуждения. Именно этот переход обеспечивается процессом интернализации норм – социальным механизмом, посредством которого внешние управленческие процедуры (оценочные бланки, ролевые назначения, публичная верификация) трансформируются во внутренние стандарты участников, формирующие устойчивую основу горизонтального контроля.

Теоретически интернализация в предлагаемой модели опирается на синтез теории статусных конструкций (С. Риджуэй) и концепции двухпетлевого обучения (К. Арджирис, Д. Шён). Наделение участника высокостатусной ролью «эксперта» или «верификатора» создаёт не ситуативное изменение позиции, а запускает цикл социального подтверждения: публичное исполнение роли → получение обратной связи от коллег и мета-управленца → когнитивное согласование статуса → формирование устойчивых статусных верований.

Двухпетлевая рефлексия превращает внешние требования в предмет коллективного согласования, что значительно повышает легитимность принимаемых стандартов и снижает сопротивление им. Участники, перестают воспринимать контроль как внешнее принуждение, начиная трактовать его как условие профессиональной компетентности и групповой кооперации. С управленческой точки зрения интернализация норм снижает транзакционные издержки координации. Когда критерии качества усвоены группой на уровне внутренних убеждений, необходимость в постоянном внешнем мониторинге отпадает. Система переходит в режим самоорганизации: горизонтальный контроль поддерживается не через санкции, а через взаимные ожидания соответствия интернализированным стандартам.

Социально-технологическая модель соуправления

Соуправление рассматривает распределение управленческих функций как процесс, обеспечиваемый синтезом кибернетических принципов саморегуляции, партисипативных процедур легитимации норм и статусно-ролевых механизмов интернализации ответственности. Двухконтурная обратная связь в данной парадигме выступает социальной технологией трансформации иерархии в сетевую структуру соуправления, что создаёт теоретико-методологическую основу для описания конкретной социально-технологической модели, представленной ниже.

Концептуальная модель двухконтурной системы обратной связи опирается на синтез кибернетической парадигмы, теории двойной петли обучения и статусно-ролевого

подхода, детально раскрытых в разделе «Социология соуправления: концептуальные основания». В данном подразделе фокус смещён на методологию операционализации теоретических конструктов в расчётную модель социального взаимодействия.

Ключевым методологическим допущением выступает трактовка малой социальной группы как динамической социальной системы, устойчивость которой обеспечивается многоконтурной обратной связью [Винер, 1968; Богданов, 2003]. Операционализация двухпетлевого обучения [Argyris, Schön, 1996] достигается через институционализацию ролей «студент-эксперт» и «коллективный верификатор», что позволяет трансформировать вертикальную иерархию в сетевую структуру горизонтального контроля. Концептуальная схема модели двухконтурной системы обратной связи представлена на рис. 1.

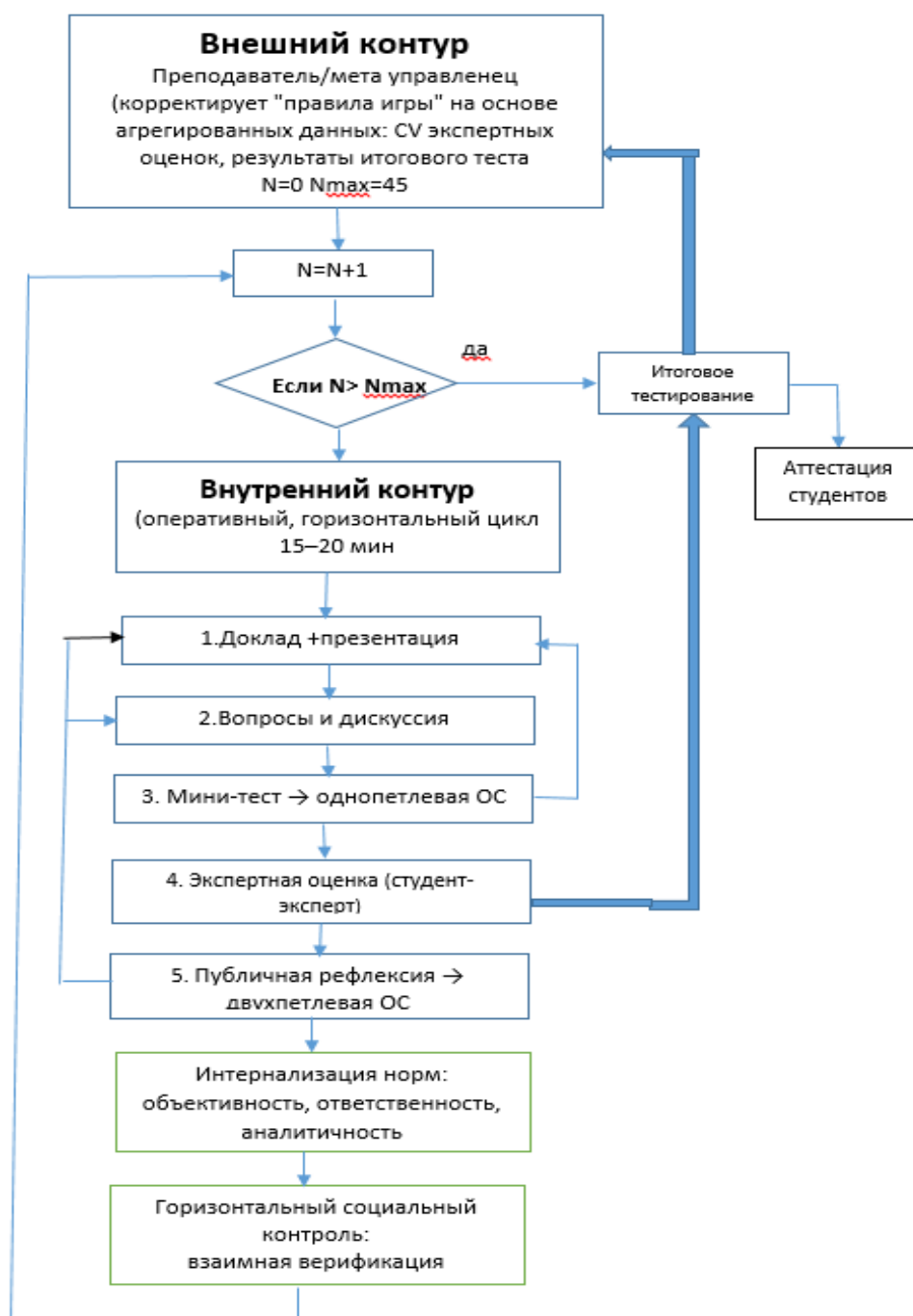

Рис. 1. Концептуальная схема модели двухконтурной системы обратной связи
Fig. 1. Conceptual diagram of the model of a two-loop feedback system

Внешний контур. Стратегический контур (вертикальный, семестр) обеспечивает мета-управление: преподаватель анализирует агрегированные данные (коэффициент вариации экспертных оценок 0,06–0,17), корректирует «правила игры» и легитимирует сложившуюся ролевую архитектуру.

Внутренний контур. Оперативный контур (горизонтальный, 15–20 мин) реализует диагностику усвоения и запускает двухпетлевую рефлекссию над качеством трансляции знания, адекватностью критериев и процедурами оценки. Он формирует горизонтальный социальный контроль и интернализацию норм объективности.

Архитектура системы. Модель реализует принцип иерархического управления через два взаимосвязанных контура. Двухконтурность реализуется на двух уровнях: как различие между оперативным и стратегическим контурами, и как внутренняя двухпетлевая структура оперативного контура.

Оперативный контур: микродинамика группы

Временной горизонт: 15–20 минут. Функция: немедленная диагностика усвоения, реализация горизонтального контроля и рефлексия над нормами.

Структура оперативного контура: презентация материала (10–11 минут), вопросы и дискуссия (3–5 минут), мини-тестирование (5 вопросов за 1–2 минуты), экспертная оценка по универсальному бланку, обсуждение результатов, рефлексия над критериями.

Механизм обратной связи первого порядка (однопетлевое обучение). Первичная обратная связь реализуется через мини-тестирование. Процент правильных ответов – индикатор эффективности коммуникации. Низкие результаты (<60%) сигнализируют о недостаточном качестве трансляции знания, требуют дополнительных пояснений.

Механизм обратной связи второго порядка (двухпетлевое обучение). Принципиальная инновация – создание условий для двухпетлевого обучения в том же временном интервале. Объектом рефлексии становятся не только ответы, но и способ организации знания, качество презентации, адекватность оценочных средств. Инструментальная основа – институционализированная экспертная оценка.

Универсальный бланк эксперта содержит четыре блока: качество выступления (30 баллов), качество ответов на вопросы (20 баллов), качество презентации (10 баллов), качество тестовых вопросов (10 баллов).

Процесс развертывания двухпетлевого обучения:

1. Мини-тестирование (однопетлевой уровень).
2. Заполнение бланков эксперта (индивидуально, конфиденциально).
3. Публичное обсуждение результатов, где объектом рефлексии становятся критерии качества.

Экспертная оценка превращается в материал для коллективной рефлексии над нормами. Студент-докладчик выступает «поставщиком управленческого решения» – теста, который коллектив верифицирует. Высокий процент ошибок сигнализирует о низком качестве «управленческого воздействия».

Включение экспертной оценки меняет позицию студента-слушателя. Он перестает быть объектом контроля и становится субъектом, формулирующим суждения о качестве работы другого. Это требует выработки критериев, способности аргументировать, готовности нести ответственность за оценки.

Стратегический контур: макродинамика курса

Временной горизонт: семестр. Функция: системная диагностика эффективности, коррекция норм программы.

Механизмы: итоговое тестирование из 25 вопросов, отобранных из совокупного банка (225 вопросов); статистический анализ 42 экспертных оценок на каждого студента (расчет коэффициента вариации)

В рамках предложенной модели двухконтурная обратная связь выступает не техническим, а социальным механизмом перераспределения власти. Она визуализирует переход от моноцентрической иерархии к сетевой структуре соуправления и

операционалізує теоретичні конструкти, раскрыті в розділі «Соціологія управління: концептуальні основи».

Модель структурована по чотирьом взаємозв'язаним рівням:

1. Системний рівень: мала соціальна група трактується як динамічна система, стійкість якої забезпечується багатоконтурною зворотною зв'язкою [Вінер, 1968; Богданов, 2003].

2. Когнітивно-нормативний рівень: розрізнення однопетлевого і двупетлевого навчання [Арджиріс, Шен, 1996]. Оперативний контур (15–20 хв) забезпечує трансформацію ролівої структури при розгортанні двупетлевої рефлексії, де об'єктом критики стають самі норми, критерії і процедури оцінки.

3. Ролівий рівень: інституціоналізація позицій «студент-експерт» і «колективний верифікатор» перерозподіляє властні функції, створює умови для горизонтального соціального контролю, формування статусних віровань і накоплення соціального капіталу [Грот, 2024; Ridgeway, 1998; Волкова і др., 2025].

4. Часовий рівень: дискретність циклів зворотної зв'язки забезпечує високу щільність соціальних взаємодій (45 доповідей, 42 експертні оцінки, 45 дискусій на учасника за семестр), що створює умови для інтерналізації норм об'єктивності.

Зв'язки між рівнями відображають потоки управлінських функцій: горизонтальний контур (студент–студент) забезпечує неперервну діагностику і взаємну коррекцію, вертикальний контур (преподаватель–група) виконує функцію мета-управління, коректуючи «правила гри» на основі агрегированих даних. Двухконтурність виступає соціальним механізмом, перерозподілюючим властні повноваження, трансформуючим роліву ієрархію і створюючим умови для самоорганізації малої групи без постійного зовнішнього адміністративного примусу. Таким чином, двухконтурність зворотної зв'язки виступає соціальним механізмом, перерозподілюючим властні функції, трансформуючим роліву структуру і створюючим умови для самоорганізації.

Расчётная модель временного ресурса социального взаимодействия

Расчётная модель забезпечує не тільки часову виробничість, але і соціальну щільність взаємодій: кожен учасник виконує ролі доповідача (3 рази), експерта (42 оцінки) і верифікатора (45 дискусій) за семестр, що створює умови для інтерналізації статусних віровань через повторювану практику високостатусних ролей.

Для групи з 15 студентів (16 занять по 45 хв = 720 хв):

- 1) максимальное количество докладов на студента: $720 / (15 \times 15) = 3,2 \rightarrow 3$ доклада,
- 2) общее количество докладов: $3 \times 15 = 45$,
- 3) время на доклады: $45 \times 15 = 675$ минут,
- 4) время на итоговое тестирование: 25 минут,
- 5) количество вопросов в итоговом тесте: 25,
- 6) банк тестовых вопросов: $45 \times 5 = 225$,
- 7) экспертных оценок на студента: $3 \times 14 = 42$.

Модель створює високу щільність соціальних взаємодій.

Трансформация социальных ролей как механизм управления

Ключевая інновація – змінення ролівої структури. В традиційній моделі – жорстка дихотомія «управляющий – управляемые». Студент-докладчик тимчасово займає більш високу позицію, але його функція – ретрансляція. Студент-слухач – об'єкт впливу.

В двухконтурной моделі формується гнучка структура:

Студент-докладчик: цілеположення і розробка рішення.

Студент-слухач: масова верифікація і зворотна зв'язь.

Студент-експерт: контроль і оцінка (ключова трансформація).

Преподаватель: мета-управління і фасилітація.

Количественный анализ подтверждает социальную плотность. Формируется «общество равных экспертов». Статистическая обработка 42 оценок на студента позволяет рассчитать коэффициенты вариации. Низкий коэффициент вариации (0,06–0,17) интерпретируются как маркер успешной институционализации горизонтального социального контроля. Трансформация ролевой структуры запускает следующие социальные механизмы вовлеченности:

Формирование социального капитала. Регулярное структурированное взаимодействие ведет к накоплению доверия [Волкова, 2025].

Интернализация статусных верований. Повторяющийся опыт исполнения высокостатусной роли ведет к интернализации норм объективности, ответственности, аналитичности [Ridgeway, 1998].

Горизонтальный социальный контроль. Возникает контроль «студент – студент», опирающийся на формализованные критерии и осуществляемый в публичном пространстве.

Преодоление группового давления. Эффект минимизируется благодаря четкой формализации критериев, индивидуальному характеру первичной оценки, праву на особое мнение.

Удовлетворение потребностей высшего порядка. Рост субъектной позиции участников и интернализация норм коллективной ответственности приводит к тому, что актер получает возможность удовлетворения потребностей в признании и уважении через исполнение роли эксперта, публичное обсуждение, влияние на результаты коллег.

Интернализация норм как механизм устойчивости самоуправления

Наделение участника высокостатусной ролью «эксперта» или «верификатора» создаёт не ситуативное изменение позиции, а запускает цикл социального подтверждения: публичное исполнение роли → получение обратной связи от коллег и мета-управленца → когнитивное согласование статуса → формирование устойчивых статусных верований.

Повторяющаяся практика (42 экспертные оценки на участника за семестр) закрепляет эти верования как внутренние нормы объективности, аналитичности и ответственности за коллективный результат, превращая ситуативное делегирование в устойчивый культурно-ролевой паттерн. Ключевым условием интернализации выступает процедурная справедливость. В оперативном контуре (15–20 мин) двухконтурной системы объект рефлексии смещается с оценки личности на оценку норм: «Почему данный критерий считается релевантным?», «Насколько адекватны предложенные индикаторы качества?». Это напрямую объясняет эмпирически фиксируемый низкий разброс экспертных оценок (коэффициент вариации 0,06–0,17), который в данной парадигме интерпретируется не как унификация мнений, а как маркер консолидации экспертного сообщества и успешной институционализации самоуправленческих практик.

Таким образом, интернализация норм выступает необходимым условием устойчивости социальной технологии самоуправления. Она обеспечивает переход от внешнего административного регулирования к внутренней саморегуляции малой группы, создавая социальный фундамент для долгосрочного функционирования распределённой властной архитектуры без деградации в формальный ритуал или возврата к моноцентрической иерархии управления.

Результаты эмпирической апробации

В соответствии с разработанным дизайном исследования эмпирическая верификация гипотезы осуществлена в формате квази-эксперимента с контрольной группой ($n = 30$). Сравнительная динамика ключевых индикаторов представлена в табл. 1. Статистический анализ выявил значимые межгрупповые различия по всем операционализированным конструктам. В экспериментальной группе зафиксировано статистически значимое снижение коэффициента вариации экспертных оценок ($\Delta = -0,23$; $t = 9,14$; $p < 0,001$; Cohen's $d = 1,82$), тогда как в контрольной группе изменение носит незначимый характер ($\Delta = -0,03$; $p = 0,32$).

Таблица 1
 Table 1

Сравнительная динамика ключевых индикаторов соуправления
 в экспериментальной и контрольной группах (n = 30)
 Comparative dynamics of key indicators of co-management in the experimental
 and control groups (n = 30)

Показатель	Группа	Pre-test (M±SD)	Post-test (M±SD)	Δ (Post–Pre)	t-критерий	p-value	Cohen's d
Коэффициент вариации экспертных оценок	ЭГ	0,34 ± 0,07	0,11 ± 0,04	– 0,23	9,14	< 0,001	1,82
	КГ	0,32 ± 0,06	0,29 ± 0,08	– 0,03	1,02	0,32	0,18
Конвергентная валидность (r экспертной оценки с тестом)	ЭГ	0,38	0,81	+ 0,43	–	–	–
	КГ	0,41	0,44	+ 0,03	–	–	–
Доля высказываний с внутренней референцией норм (%)	ЭГ	14 ± 5	62 ± 9	+ 48	11,27	<0,001	2,15
	КГ	15 ± 6	21 ± 7	+ 6	2,14	0,04	0,51
Удовлетворённость процеду- рой управления (5-балльная шкала)	ЭГ	2,8 ± 0,9	4,5 ± 0,4	+ 1,7	5,68	<0,001	1,42
	КГ	2,9 ± 1,0	3,2 ± 0,8	+ 0,3	1,15	0,26	0,28

Примечание: ЭГ – экспериментальная группа, КГ – контрольная группа; М – среднее, SD – стандартное отклонение, Δ – динамика (Post–Pre), d – размер эффекта Козна. Расчёты выполнены в IBM SPSS Statistics 28.0.

Конвергентная валидность экспертных оценок в экспериментальной группе возросла с $r = 0,38$ до $r = 0,81$, что свидетельствует о высокой согласованности горизонтального контроля с объективным критерием качества; в контрольной группе данный показатель практически не изменился ($\Delta = +0,03$). Наиболее выраженный эффект зафиксирован по индикатору интернализации норм: доля высказываний с внутренней референцией в экспериментальной группе увеличилась на 48 процентных пунктов ($\Delta = +48$; $t = 11,27$; $p < 0,001$; $d = 2,15$), тогда как в контрольной группе рост составил лишь 6 п. п. ($p = 0,04$). Индекс удовлетворённости процедурой управления в экспери-ментальной группе продемонстрировал значимый прирост ($\Delta = +1,7$; $p < 0,001$; $d = 1,42$), в то время как в контрольной группе динамика статистически не подтверждена ($p = 0,26$). Полученные количественные показатели формируют эмпирическую базу для теоретической интерпретации механизма соуправления.

Обсуждение результатов и выводы

Представленные эмпирические данные подтверждают выдвинутую гипотезу: институционализация ролей «студент-эксперт» и «коллективный верификатор» в рамках двухконтурной системы обеспечивает статистически значимое снижение разброса оценок и повышение уровня интернализации норм объективности по сравнению с моноцентрической моделью. Интерпретация результатов в рамках социологии управления позволяет выделить несколько ключевых механизмов. Во-первых, снижение коэффициента вариации при одновременном росте конвергентной валидности ($r = 0,81$) свидетельствует не о статистической унификации мнений, а о консолидации экспертного сообщества: интернализированные нормы обеспечивают согласованность суждений без

утраты их содержательной адекватности. Во-вторых, резкий сдвиг в структуре нормативной референции ($\Delta = +48$ п. п.) в сочетании с ростом удовлетворённости процедурой подтверждает, что горизонтальный контроль воспринимается участниками не как внешнее принуждение, а как легитимное условие профессиональной компетентности и групповой кооперации. Это согласуется с положениями теории статусных конструкций и концепции процедурной справедливости, согласно которым публичная институционализация высокостатусных ролей трансформирует внешние регламенты во внутренние стандарты.

Полученные результаты демонстрируют, что наличие второго контура обратной связи трансформирует жёсткую иерархию в сетевую структуру, снижая транзакционные издержки координации. Необходимость в постоянном внешнем мониторинге отпадает: система переходит в режим самоорганизации, поддерживаемый взаимными ожиданиями соответствия интернализированным стандартам. В отличие от традиционных партисипативных моделей, ориентированных на формальное делегирование полномочий, предлагаемая технология обеспечивает реальное перераспределение властных функций через алгоритмизированные процедуры и публичную верификацию норм.

Несмотря на подтверждение гипотезы, исследование имеет ряд ограничений. Эмпирическая апробация проведена в образовательном контексте на выборке $n = 30$, что требует обоснования выборочной совокупности при экстраполяции на иные малые социальные системы. Временной горизонт ограничен одним семестром, что не позволяет оценить долгосрочную устойчивость интернализированных норм. Операционализация интернализации через контент-анализ и анкетирование носит качественный характер; в перспективе целесообразно дополнить дизайн прямыми психометрическими шкалами и лонгитюдным наблюдением.

Вклад исследования заключается в операционализации концепта соуправления как воспроизводимой социальной технологии, верифицированной в квази-экспериментальном дизайне. Технология демонстрирует масштабируемость на корпоративные проектные команды, волонтёрские объединения и иные малые группы, где требуется распределение управленческих функций при ограниченных ресурсах мета-управления. Перспективы развития связаны с цифровой трансформацией модели: автоматизацией сбора экспертных данных, внедрением LLM-агентств для первичной аналитики и разработкой дашбордов мониторинга горизонтального контроля в реальном времени.

Заключение

Двухконтурная система обратной связи представлена в исследовании как научно обоснованная социальная технология распределённого управления, обеспечивающая трансформацию моноцентрической иерархии в сетевую структуру соуправления малых социальных групп. Горизонтальный контур, функционирующий в реальном времени, обеспечивает непрерывную диагностику, взаимную коррекцию и формирование консенсусных представлений о качестве, переводя систему из состояния внешнего регулирования в режим внутренней саморегуляции. Вертикальный контур выполняет функцию мета-управления, корректируя институциональные «правила игры» на основе агрегированных данных и легитимируя сложившуюся ролевую архитектуру.

Синтез кибернетического принципа многоконтурной обратной связи с теорией двойной петли обучения и концепцией статусных конструкций позволил решить ключевую управленческую задачу — преодоление отчуждения индивида от процессов выработки и принятия решений. Актор, наделённый функциями эксперта и источника обратной связи, переходит из позиции пассивного исполнителя в позицию соуправляющего, несущего ответственность за качество коллективного результата. Разработанная расчётная модель обеспечивает воспроизводимость технологии, а эмпирическая верификация в квази-экспериментальном дизайне подтверждает её статистическую значимость и практическую эффективность.

Предлагаемая социальная технология не ограничена образовательным контекстом и может быть масштабирована на любые малые социальные системы, характеризующиеся необходимостью распределения властных функций при сохранении процедурной прозрачности и горизонтального контроля. Дальнейшие исследования целесообразно направить на лонгитюдную проверку устойчивости интернализованных норм, кросс-институциональное сравнение эффективности модели в различных организационных средах, а также на интеграцию цифровых инструментов автоматизации экспертной аналитики, что откроет новые возможности для развития прикладной социологии управления в условиях цифровой трансформации.

Список литературы

- Арджирис К. 2004. Организационное научение. М.: ИНФРАМ, 328 с.
- Афанасьев В.Г. 1977. Человек в управлении обществом. М.: Политиздат, 382 с.
- Бабинцев В.П. 2010. Социально-технологическая культура как фактор эффективности управления. *Социологические исследования*, 7: 45–52.
- Башмаков В.И., Леньков Р.В. 2025. Социология управления. 3е изд. М.: Юрайт, 409 с.
- Богданов А.А. 2003. Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 496 с.
- Винер Н. 1968. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио. 328 с.
- Волкова Н.В., Бордунос А.К., Чикер В.А., Почебут Л.Г., Кораблева С.А. 2025. Digital Modeling for Scoping Review in Studying Intergenerational Social Capital in Organizations. *Social Psychology and Society*, 1: 5–27.
- Грот М., Биндл У.К., Ванг К., ван Клеф Г.А. 2024. How social roles shape interpersonal affect regulation at work. *Organizational Psychology Review*, 14 (1): 25–88.
- Данакин Н.С. 1994. Теоретические и методические основы разработки технологий социального управления: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 40 с.
- Дятченко Л.Я. 1993. Социальные технологии в управлении общественными процессами. Белгор. центр соц. Технологий. БелГУ Белгород: Центр соц. технологий, 343 с.
- Ефимов Д.Б., Батищев А.С., Костюк А.А., Махсон А.М., Свойский М.Ю. 2024. Культуры вовлеченности студентов в российское студенческое самоуправление. *Вопросы образования*, 4: 1–28.
- Зайцев А.К. 1988. Внедрение социальных технологий в практику управления. *Социологические исследования*, 5: 23–30.
- Иванов В.Н., Патрушев В.И. 2004. Социальные технологии. М.: Муниципальный мир, 480 с.
- Казаева Е. А. 2014. Роль партисипативности в системе высшего образования. *Педагогическое образование в России*, 1: 25–30.
- Ковбаса Н.В. 2025. Студенческое самоуправление глазами студентов разных курсов. *Мир педагогики и психологии*, 11 (112).
- Колесниченко Н., Коваль Г. 2021. Партисипативное управление в области образования. *Актуальные проблемы государственного управления*, 3 (84): 105–109.
- Логиновский О.В., Козлов А.С. 2013. Модель управления социально-экономической системой с двойной петлей обратной связи. *Вестник ЮУрГУ*.
- Михацька А.В. 2025. Партисипативне управління як чинник ефективності закладів освіти. *Педагогічні науки*, 1: 112–119.
- Паникарова С.В., Ермакова И.И. 2025. Институциональные барьеры межпоколенческого социального неравенства и высшее образование. *Региональная экономика и управление*, 3 (83).
- Патрушев В.И. 2018. Социально-технологическая революция. М., Икар, 352 с.
- Петрович М.В. 2016. Партисипативная модель в современном управлении: методология и практика. *Экономика и управление*, 10(132): 51–56..
- Поппер К. 1992. Открытое общество и его враги. М., Феникс, 446 с.
- Стефанов Н. 1976. Общественные науки и социальная технология. М.: Прогресс, 251 с.
- Сурмин Ю.П., Туленков Н.В. 2004. Теория социальных технологий. Киев: МАУП, 607 с.
- Тейлор Ф.У. 1991. Принципы научного менеджмента. М., Контроллинг, 104 с.
- Фролова Е.В., Рогач О.В. 2023. Доверие как фактор развития кооперации в России. *Мониторинг общественного мнения*, 6: 35–57.

- Швардак М. 2025. Партисипативне управління в освіті: інструменти та механізми реалізації. *Молодь і ринок*, 3: 78–84.
- Щербина В.В. 2016. Рационализирующие социальные технологии. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 1: 141–162.
- Argyris C., Schön D.A. 1996. *Organizational Learning II: Theory, Method, and Practice*. Reading, MA: AddisonWesley, 305 p.
- Dyachenko Y., Humenna O., Soloviov O., SkargaBandurova I., Nenkov N. 2025. LLM services in the management of social communications. *Frontiers in Artificial Intelligence*, 8: Art. 1474017.
- Hudson K. 2025. Selection or Socialization? RoleTheoretic Mechanisms of Political Ideological Change in Top Management Teams. *Group & Organization Management*. DOI:10.1177/10596011251403023
- Lyu Y. 2025. Role Hierarchy as a Status Construction Machine: A Replication. *Social Psychology Quarterly*, 88 (1).
- Mayo E. 1975. *The Social Problems of an Industrial Civilization*. London: Routledge & Kegan Paul, 296 p.
- Ridgeway C.L., Boyle E.H., Kuipers K.J., Robinson D.T. 1998. How do status beliefs develop? *American Sociological Review*, 63 (3): 331–350.
- Xu Y., Chen L. 2025. University students' metaverse attachment and its predictors: escaping from reality. *Frontiers in Psychology*, 16: Art. 1594256.

References

- Argiris K. 2004. *Organizational learning*. Moscow: INFRAM, 328 p. (in Russian).
- Afanasyev V.G. 1977. *A man in the management of society*. M.: Politizdat, 382 p. (in Russian).
- Babintsev V.P. 2010. Socio-technological culture as a factor of management effectiveness. *Sociological Research*, 7: 45–52. (in Russian).
- Bashmakov V.I., Lenkov R.V. 2025. *Sociology of management*. 3rd ed. Moscow: Yurait, 409 p. (in Russian).
- Bogdanov A.A. 2003. *Tectology: A universal organizational science*. Moscow: Finance, 496 p. (in Russian).
- Viner N. 1968. *Cybernetics, or Control and communication in an animal and a machine*. Moscow: Sovetskoe Radio. 328 p. (in Russian).
- Volkova N.V., Bordunos A.K., Chiker V.A., Pochebut L.G., Korableva S.A. 2025. Digital modeling for analytical review in the study of intergenerational social capital in organizations. *Social Psychology and Society*, 1: 5–27 (in Russian).
- Groth M., Bindle W.K., Wang K., van Cleef G.A. 2024. How social roles influence the regulation of interpersonal relationships in the workplace. *An overview of organizational psychology*, 14(1): 25–88 (in Russian).
- Danakin N.S. 1994. *Theoretical and methodological foundations of the development of social management technologies: abstract of the dissertation of the Doctor of Social Sciences*, Moscow, 40 p. (in Russian).
- Dyatchenko L.Ya. 1993. *Social technologies in the management of social processes*. Bel-mountain social center Technology. BelSU Belgorod: Center of Social Technologies, 343 p. (in Russian).
- Efimov D.B., Batishchev A.S., Kostyuk A.A., Makhson A.M., Svosky M.Yu. 2024. The culture of students' involvement in Russian student government. *Questions of Education*, 4: 1-28 (in Russian).
- Zaitsev A.K. 1988. The introduction of social technologies into management practice. *Sociological Research*, 5: 23–30 (in Russian).
- Ivanov V.N., Patrushev V.I. 2004. *Social technologies*. Moscow: Municipal World, 480 p. (in Russian).
- Kazaeva E.A. 2014. The role of participation in the higher education system. *Pedagogical education in Russia*, 1: 25-30 (in Russian).
- Kovbasa N.V. 2025. Student government through the eyes of students of different courses. *The World of Pedagogy and Psychology*, 11(112). (in Russian).
- Kolesnichenko N., Koval G. 2021. Participatory management in the field of education. *Current Problems of Public Administration*, 3 (84): 105–109 (in Russian).
- Loginovskiy O.V., Kozlov A.S. 2013. A model of managing a socio-economic system with a double feedback loop. *Bulletin of SUSU*. (in Russian).
- Mikhatska A.V. 2025. Participative management is a tool for efficiency and transparency. *Pedagogical Sciences*, 1: 112–119 (in Russian).
- Panikarova S.V., Ermakova I.I. 2025. Institutional barriers to intergenerational social inequality and higher education. *Regional Economics and Management*, 3(83). (in Russian).

- Patrushev V.I. 2018. The socio-technological revolution. Moscow: Ikar, 352 p. (in Russian).
- Petrovich M.V. 2016. The participatory model in modern management: methodology and practice. *Economics and management*, 10(132): 51–56 (in Russian).
- Popper K. 1992. The Open Society and its enemies. Moscow: Phoenix, 446 p. (in Russian).
- Stefanov N. 1976. Social Sciences and social technology. Moscow: Progress, 251 p. (in Russian).
- Surmin Yu.P., Tulenkov N.V. 2004. Theory of social technologies. Kiev: IAPM, 607 p. (in Russian).
- Taylor F.W. 1991. Principles of scientific management. Moscow: Controlling, 104 p. (in Russian).
- Frolova E.V., Rogach O.V. 2023. Trust as a factor in the development of cooperation in Russia. *Monitoring of Public Opinion*, 6: 35–57 (in Russian).
- Shvardak M. 2025. Participatory management in Russia: instrumental mechanics of implementation. *Molodi i rinok*, 3: 78–84 (in Russian).
- Shcherbina V.V. 2016. Rationalizing social technologies. *Bulletin of the RUDN University. Series: Sociology*, 1: 141–162 (in Russian).
- Argyris S., Sean D.A. 1996. Organizational Learning II: theory, method and practice. Reading, Graduate School: Addison Wesley, 305 p.
- Dyachenko Yu., Gumenna O., Soloviev O., Skargabandurova I., Nenkov N. 2025. Master of Law's services in the field of social communications management. *Frontiers in Artificial Intelligence*, 8: Article 1474017.
- Hudson K., 2025. Selection or socialization? Role-based theoretical mechanisms of political ideological changes in senior management teams. *Managing groups and organizations*. DOI:10.1177/10596011251403023
- Liu Yu. 2025. Role hierarchy as a mechanism of status formation: repetition. *Quarterly Journal of Social Psychology*, 88 (1).
- Mayo E., 1975. Social problems of industrial civilization. London: Routledge & Kegan Paul, 296 p.
- Ridgway K.L., Boyle E.H., Kuipers K.J., Robinson D.T., 1998. How do status beliefs develop? *American Sociological Review*, 63 (3): 331–350.
- Xu Yu, Chen L. 2025. University students' attachment to the metaverse and its predictors: escape from reality. *Frontiers of Psychology*, 16: Article 1594256.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 04.03.2026

Поступила после рецензирования 28.05.2026

Принята к публикации 10.06.2026

Received March 4, 2026

Revised May 28, 2026

Accepted June 10, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шмарион Юрий Васильевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия.

Yuri V. Shmarion, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Management, P.P. Semyonov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.12:81'42

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-588-598

EDN VCEOEY

«О грамматики» Жака Деррида: философско-правовой анализ

Зипунников Н.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Россия, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82

АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»

Россия, 119002, г. Москва, ул. Арбат, д. 16/2

zipunnikovnv@yandex.ru

Аннотация. В философии права сохраняет значение вопрос о том, как юридический смысл остается устойчивым при толковании и изменении контекста применения нормы. Несмотря на развитие правовой герменевтики, исследований юридического языка и цифровизации права, грамматологический подход Жака Деррида редко используется как инструмент анализа нормативного текста. Цель исследования – установить, как категории письма, следа, различания, восполнения и повторяемости позволяют объяснить текстуальную природу права, формирование юридического смысла и пределы определенности нормативного текста. Методологическую основу составляют философско-правовой анализ, герменевтическая реконструкция и сопоставление с теориями правового толкования. Показано, что значение нормы формируется в институциональной цепочке чтения, цитирования, квалификации и легитимации. Выявлено значение понятий письма, следа, различания, восполнения и повторяемости для анализа юридического языка, законотворчества и машиночитаемого права. Вклад автора заключается в обосновании грамматологии как оптики, объясняющей устойчивость правового текста и его контекстное толкование.

Ключевые слова: грамматология, философия права, юридический текст, интерпретация права, юридический язык, деконструкция, законотворчество, правовая герменевтика

Для цитирования: Зипунников Н.В. 2026. «О грамматики» Жака Деррида: философско-правовой анализ. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 588–598. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-588-598 EDN: VCEOEY

Jacques Derrida's "Of Grammatology": A Philosophico-Legal Analysis

Nikita V. Zipunnikov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation

Agency for Strategic Initiatives

16/2 Arbat St., Moscow 119002, Russian Federation

zipunnikovnv@yandex.ru

Abstract. Contemporary philosophy of law faces the problem of how legal meaning remains stable while norms are interpreted in changing contexts. Although legal hermeneutics, legal language studies, and digital law are developing, Jacques Derrida's grammatology is rarely used for analyzing normative texts.

The purpose of the study is to establish how the concepts of writing, trace, difference, supplement, and iterability explain the textual nature of law, the formation of legal meaning, and the limits of certainty in normative texts. The methodology combines philosophico-legal analysis, hermeneutic reconstruction, and comparison with theories of interpretation. The study shows that the meaning of a legal norm is formed through an institutional chain of reading, citation, qualification, and legitimation. The concepts of writing, trace, difference, supplement, and iterability are relevant to legal language, lawmaking, and machine-readable law. The author's contribution is to substantiate grammatology as a perspective explaining the stability of legal texts and contextual interpretation.

Keywords: grammatology, philosophy of law, legal text, legal interpretation, legal language, deconstruction, lawmaking, legal hermeneutics

For citation: Zipunnikov N.V. 2026. Jacques Derrida's "Of Grammatology": A Philosophico-Legal Analysis. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 588–598 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-588-598 EDN: VCEOEY

Введение

Работа «О грамματοлогии» Жака Деррида [2000] посвящена гораздо более широкому кругу вопросов, чем может следовать из ее названия. Разбирая сложившееся в европейской философии отношение к письму, Деррида обращается к основаниям самой метафизической традиции. Одной из ее устойчивых черт он считает представление о непосредственном присутствии смысла. С этим представлением связан и привычный приоритет устной речи перед письмом. Предполагается, что мысль существует до ее языкового выражения, а голос оказывается ближе к первоначальному смыслу, поскольку говорящий одновременно слышит собственную речь. Отсюда возникает ощущение непосредственной связи между субъектом, его мыслью и произнесенным словом. Письму в такой системе отводится производная роль. Оно воспринимается как способ зафиксировать уже существующий смысл, причем письменный текст отделяется от автора и допускает прочтения, которые тот уже не способен контролировать. Деррида показывает, что подобное различие речи и письма связано с более общей системой философских и культурных иерархий. Через нее одни способы производства и передачи смысла получают статус исходных и естественных, тогда как другие рассматриваются как производные и менее надежные. Поэтому логоцентрическая конструкция требует последовательного деконструктивного анализа.

Философско-правовой интерес к работе «О грамματοлогии» вытекает из простой предпосылки: право существует прежде всего как письмо. Сила права закрепляется именно в текстах, нормы по общему правилу действуют только тогда, когда они официально опубликованы и имеют соответствующие формы удостоверения (подпись, печать, регистрацию). Законы, иные нормативные правовые акты, судебные решения, договоры – без надлежащего оформления их реализация в большинстве случаев невозможна. Юридическая сила строится на том, что текст действует в отсутствие автора и в изменяющихся обстоятельствах – законодатель не присутствует в момент применения нормы, адресат может быть неопределенным, фактическая ситуация каждый раз иная. Более того, большинство видов толкования норм права использует именно текст нормы.

Юриспруденция на протяжении всей своей истории сталкивается с борьбой между идеалом и интерпретацией – между «буквой» и «духом», грамматическим и телеологическим толкованием, равным применением и справедливостью в конкретном случае. Чаще всего эту борьбу объясняют несовершенством языка, недостатками юридической техники или субъективностью интерпретатора. Грамматологический (используя терминологию Ж. Деррида) подход позволяет увидеть, что источник проблемы глубже – неопределенность и конфликт смысла связаны со структурой знака, его повторяемостью и зависимостью от контекста. Если принять, что значение того или иного

понятия возникает не само по себе, а посредством отсылок к другим понятиям, то правовая практика никогда не сможет устранить толкование как помеху; она может лишь институционально управлять интерпретацией, делая ее предсказуемой, проверяемой и аргументируемой.

Одной из исходных работ для философско-правового прочтения деконструкции остается исследование Дж. Балкина, который связал самостоятельность юридического текста с множественностью его интерпретаций [Balkin, 1987]. В современной российской литературе близкая проблематика развивается прежде всего в исследованиях цифровизации права. М.А. Липчанская и С.А. Привалов [2022] рассматривают машиночитаемое право в связи с усложнением правовой системы, неоднозначностью толкования норм и потребностью в алгоритмизации регулирования. А.Е. Берлин и О.В. Блинова [2025] исследуют лингвистические источники юридической неопределенности и способы их автоматического выявления. А.А. Писарев [2025] обращает внимание на риск ослабления субъектной позиции человека при алгоритмическом управлении. Наименее разработан вопрос о том, как категории письма, следа, различания, восполнения и повторяемости позволяют одновременно объяснить устойчивость нормы, изменчивость ее смысла и пределы машинной формализации права. Этому вопросу посвящено настоящее исследование.

Цель исследования – установить, как категории письма, следа, различания, восполнения и повторяемости позволяют объяснить текстуальную природу права, формирование юридического смысла и пределы определенности нормативного текста. Для достижения цели необходимо определить роль повторяемости и контекста в действии нормы, выявить способы институциональной стабилизации смысла юридического текста и оценить применимость грамматологического подхода к законотворчеству и машиночитаемому праву.

Грамматология как критика логоцентризма

Деррида открывает труд «О грамматологии» демонстрацией того, что понятие письма изначально нагружено культурными и политическими иерархиями. Тройной экзерг (так Ж. Деррида называет эпиграф) – клинопись и свет солнца у «писца», классификация письма у Руссо и тезис Гегеля о «разумности» буквенного письма – показывает, что европейская традиция связывает письмо с идеей света, истины и универсальности. В рамках этой установки буквенное, фонетическое письмо выступает мерой цивилизованности, а иные формы записи – признаком неполноты. Деррида формулирует этот момент предельно прямо: «метафизика фонетического письма... была... самым первым и самым мощным этноцентризмом» [Деррида, 2000]. Из этого следует, что дискуссия о письме с самого начала является дискуссией о «нормальном» и «правильном», легитимных формах знания и праве говорить от имени универсального.

Следующий шаг Деррида – расширение понятия письма. Он фиксирует, что в XX веке слово «язык» стало использоваться для обозначения многочисленных «структур» (бессознательного, поведения, искусства), и по аналогии слово «письмо» тоже перестало обозначать только буквенную графику. Он подчеркивает, что под письмом понимаются не только физические жесты записи, но вся «целостность условий ее возможности»; более того, «все то, что делает возможной запись как таковую – буквенную или небуквенную...». Таким образом, письмо перестало быть вторичной техникой, приложенной к языку, и превратилось в общее условие означивания: через фиксацию различий, повторяемость знака и его отделимость от единичного события. Именно это расширение и делает возможным проект «грамматологии» как науки (или, точнее, критического знания) о письме в широком смысле.

Деррида деконструирует привилегию голоса над письмом. Европейская метафизика часто предполагает, что устная речь ближе к смыслу и к самому означаемому, хоть и не

равнозначна ему: говорящий слышит себя в момент произнесения, а потому будто бы передает смысл без посредника. Письмо же мыслится как внешний механизм, который может функционировать в отсутствие автора и тем самым производит отчуждение. Однако то, что метафизика считает опасностью, на самом деле составляет условие любого знака. Если знак не повторяем, он не отличим от единичного события; если знак не отделим от автора, он не может быть обращен к другому; если знак не переносим в новые контексты, он не является знаком. Поэтому письмо в широком смысле – то есть структура повторяемости и отделимости – не может быть вторичным по отношению к речи: сама речь действует как знак и тоже предполагает повторяемость, различение и возможность быть услышанной или понятой иначе, чем задумано.

Эта мысль проверяется на материале структурной лингвистики, прежде всего в работах создателя Женевской лингвистической школы и структурализма Фердинанда де Соссюра [Соссюр, 2023]. Соссюр утверждает, что значение возникает не из непосредственной связи слова и понятия, означаемого им, а из различий внутри системы языка. Но вместе с тем он стремится удержать письмо как вторичную систему, как изображение речи. Деррида показывает, что здесь сохраняется скрытый фоноцентризм: голос трактуется как более «естественный» носитель языка, а письмо – как добавление. Однако структуралистская установка на различие подрывает возможность «самоприсутствия» смысла в голосе: если смысл – эффект различий, то голос не может быть привилегированным источником присутствия. Тем самым Деррида, критикуя Соссюра, идет дальше него самого и показывает, что и устная речь в системе структурализма не может быть первичной по отношению к письму в смысле означаемого, так как сама строит понятие означаемого путем различия с другими понятиями.

Для обозначения предшествующей речи и письма возможности означивания Деррида использует понятие первописьма (*archi-écriture*). Первописьмо – это не «первое письмо» по времени создания и не гипотеза о доисторической графике. Это условие того, что вообще возможны след, различие и повторение. В этой логике «письмо до письма» – структурный уровень: то, что делает возможной как речь, так и графическую запись. Поэтому спор о первичности речи и письма оказывается спором о методе: что считать истоком смысла.

Связанное с первописьмом понятие *différance* (различАние) указывает на двойную работу различия: оно и различает (создает отличия), и откладывает (переносит смысл во времени). Значение никогда не совпадает с собой в одном моменте: оно конституируется сетью различий с другими значениями и отсылает к будущим и прошлым употреблениям. В праве эта структура видна в том, что окончательный смысл нормы «откладывается» в цепочке процедур – от текста закона к его применению, разъяснениям и последующей почти неизбежной корректировке практики.

Из понятия следа проистекает критика линейности письма и «книги» как модели знания. Линейная запись поддерживает образ смысловой передачи: от автора к читателю, от истока к копии, от смысла к выражению. Но если значение структурно зависит от различий и повторений, то линейная модель оказывается исторически ограниченной формой организации смысла. Деррида фиксирует это в знаменитой формуле: «Конец линейного письма – это конец книги». Это выражение имеет у Деррида метафорический смысл. Речь идет об отказе от представления о книге как замкнутом и завершенном носителе смысла. Значение возникает через многочисленные отсылки, связи с другими текстами и повторные прочтения. Для права такая логика вполне узнаваема. Правопорядок складывается из множества связанных между собой текстов: законов, подзаконных актов, судебных решений, разъяснений и комментариев. В цифровой среде эта особенность стала еще заметнее. Один и тот же правовой текст существует в разных редакциях, связан гиперссылками с другими актами, включен в поисковые системы и постоянно воспроизводится через цитирование.

К понятию восполнения, или добавки (*supplément*), Деррида приходит при разборе произведений Руссо. Письмо у Руссо связано с утратой первоначальной непосредственности, однако культура при этом невозможна без письма, воспитания, правил и устойчивых общественных форм. Именно это противоречие интересует Деррида. То, что первоначально выглядит дополнительным и внешним, оказывается необходимым для существования самой предполагаемой целостности. Язык, знаки, правила и институты поддерживают то, что воспринимается как естественное и самодостаточное. Подобную логику можно увидеть и в праве. Формализуя общественные отношения с помощью процедур, определений и санкций, право одновременно закрепляет тот порядок, который затем воспринимается как исходный.

Понятие восполнения позволяет иначе посмотреть и на устройство нормативного регулирования. Закон обычно воспринимается как основной текст, тогда как подзаконные акты, судебные позиции, инструкции и различные формы толкования занимают зависимое положение. Однако без них нормативное предписание во многих случаях остается слишком общим для непосредственного применения. Они уточняют его содержание, определяют порядок реализации и постепенно включают норму в правоприменительную практику. В этом смысле исходный текст существует не изолированно. Его действие поддерживается последующими текстами и интерпретациями, которые вместе с тем неизбежно меняют первоначальный смысл. Именно в руссоистском контексте появляется формула «вне текста не существует ничего», ставшая одной из наиболее известных концентрированных идей работы «О грамматологии». Внутри книги эта мысль не означает отрицания материального мира. Она означает, что доступ к смыслу всегда опосредован: мы встречаемся с миром через системы различий, записи и повторения, а потому нельзя вынести истину «за пределы текста» так, будто текст – чистая оболочка. Проще говоря, у нас нет доступа к смыслу иначе как через знаковые системы в целом и через текст в частности. Для философско-правового анализа важно подчеркнуть: право конструирует юридическую реальность именно через текстуальные процедуры – квалификацию, протоколирование, публикацию. Для права событие или деяние приобретает статус юридического факта, когда оно нормативно квалифицировано и процессуально установлено – то есть описано и закреплено в допустимой форме.

Право как текст и проблема интерпретации

Текстуализм часто исходит из предположения, что смысл присутствует в словах как фиксированное содержание; телеология – что смысл присутствует в цели или в намерении законодателя. Грамматология показывает ограниченность обоих подходов. Намерение само реконструируется из текстов (материалов обсуждения, стенограмм, пояснительных записок), и эта реконструкция всегда зависит от выбранного способа чтения. Значение же слова возникает в сети различий (внутри правовой системы) и в истории употреблений (судебной, административной, доктринальной). Следовательно, конфликт интерпретаций не является случайной ошибкой; он является структурным следствием текстуальности права. Сегодня идеи Деррида о грамматологии получают новое практическое применение и актуальность ввиду развития технологий машиночитаемого права. Если говорить о российском контексте, то ключевым документом, где зафиксировано понимание этого феномена, является Концепция развития технологий машиночитаемого права (далее – Концепция)¹. В первом же разделе Концепции говорится о равнозначности по юридической силе в будущем и одновременном вступлении в силу норм, написанных на формальном и на естественном языках.

¹ Концепция развития технологий машиночитаемого права. 2021. Утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31.

В контексте идей Деррида интересным представляется тезис из Концепции о том, что стимулировать развитие машиночитаемого права возможно путем унификации подходов к переводу норм права в машиночитаемый вид. Если правовые нормы формулируются на человеческом языке, априори несовершенном в плане передачи смыслов, как мы разобрали выше, то каким образом эти слова можно перевести на формальный язык и кто будет определять, в каком толковании переводить норму в машиночитаемый формат? Возможно ли это в принципе, учитывая, что сам институт права есть «плоть от плоти» человеческого сознания и человеческого языка со всеми их смыслами и толкованиями, недомолвками и семантическими сдвигами? На этот и смежные вопросы еще нет окончательного ответа. Над ним размышляют многие правоведы, лингвисты и философы.

Правоведы указывают на несовершенство естественного языка, который «недостаточно точен и выразителен для сложных правоотношений», что в конечном счете ведет к существенным издержкам из-за неверного понимания норм и необходимости прибегать к помощи профессиональных юристов. С таким мнением согласны и лингвисты, которые отмечают, что «правовая неопределенность произрастает из лингвистической» [Берлин, Блинова, 2025], что мешает однозначному пониманию правовых норм. В целом машиночитаемое право и развитие его применения в юридической среде признается «объективной потребностью по ряду причин [Липчанская, Привалов, 2022]: наличие архисложной системы и большого объема современного права; неоднозначность интерпретации правовых норм в традиционном изложении субъектами правоприменения; необходимость алгоритмизации общественных отношений; развитие и внедрение цифровых технологий».

Философская же мысль обоснованно бьет тревогу: опасность перевода нормы и ее применения в автоматический и цифровой формат в том, что адресат нормы будет рассматриваться не как субъект (способный понимать, спорить, аргументировать), а как профиль данных, к которому применяют процедуру. «Сегодня получают распространение практики управления, которые используют нейросети, и уже не предполагают какого-либо образа человека, не формируют никакого субъекта» [Писарев, 2025]. Иными словами, использование и применение машиночитаемого права несет риск утраты человеком субъектности как таковой. И тут мы возвращаемся к мысли, что, возможно, с утратой права, написанного и сформулированного на человеческом языке, будет утрачено и понимание человека с его сознанием и чувствами. Все человеческое вместе с правом рискует перейти в цифровой формат.

Деррида указывает на изменение статуса голоса в технических практиках записи. Он подчеркивает, что распространение звукозаписи и иных средств сохранения устной речи делает возможным «его функционирование в отсутствие говорящего». Тем самым «живой голос» утрачивает монополию на присутствие: он становится тем, что можно фиксировать, архивировать и воспроизводить как запись. Для правовой перспективы это наблюдение особенно показательно: юридический мир изначально строился на документировании, но технологический сдвиг делает документальность тотальной, включая цифровые следы, записи коммуникаций, метаданные. Письмо в понимании Деррида можно рассматривать как одну из основных форм организации современной культуры. Право особенно ясно показывает эту зависимость от записи, воспроизведения и сохранения знаков. В этом отношении идеи Деррида соприкасаются с рассуждениями Х. Л. А. Харта и Р. Дворкина. Харт [Hart, 1958] связывал неопределенность права с существованием пограничных случаев, в которых общий термин уже не дает готового ответа и правоприменителю приходится выбирать между несколькими возможными решениями. Дворкин [Dworkin, 1986] исходил из необходимости искать такое толкование, которое лучше всего согласуется с принципами и целостностью правопорядка. У Деррида источник неопределенности описывается иначе. Знак способен повторяться в новых обстоятельствах, а его значение зависит от контекста употребления. Поэтому

окончательно закрепить за правовым текстом единственное значение трудно. Выбор приемлемого толкования происходит внутри сложившейся системы текстов, юридических процедур и способов аргументации.

Связь между самостоятельностью текста и действием права хорошо передает формула Дж. Балкина [Balkin, 1987]: «управляют тексты, а не люди, которые создали их». После принятия закона его действие уже не зависит от непосредственного присутствия автора. Норма цитируется, толкуется и применяется в обстоятельствах, которых законодатель мог вовсе не предусматривать. Именно способность текста сохраняться и воспроизводиться позволяет праву действовать во времени. Та же способность неизбежно создает возможность разных прочтений, поэтому правовая система вырабатывает процедуры, которые позволяют закреплять одни интерпретации и отклонять другие.

С этих позиций меняется и привычное для юриспруденции соотношение текста и воли. Деррида связывает существование знака с возможностью повторения: письмо как «работа знаков» «начинает порождать повторы, значит, и идеальное». Юридически значимое действие также должно приобрести форму, в которой его можно распознать и воспроизвести. Подпись, формулировка нормы, содержание договора или судебного решения приобретают значение потому, что их можно зафиксировать, предъявить другому участнику, прочитать позднее и соотнести с новой ситуацией. Воля участника при этом получает юридическое значение через форму, доступную для последующего прочтения и применения.

Текстуальная природа нормативности особенно отчетливо проявляется в прецедентах и практике цитирования. Судебное решение не исчерпывается разрешением конкретного спора, а формирует фрагмент «памяти» правопорядка, который затем воспроизводится в последующей аргументации. Юридическое рассуждение строится как цепочка отсылок к нормам, прежним решениям, доктрине и установленным фактам. В этой цепочке смысл действует как след: каждое новое употребление повторяет прежний текст, одновременно перенося его в иной контекст и тем самым наращивая значение.

Апелляция к цели или к намерению законодателя в грамматологическом фокусе требует особой осторожности. Намерение не дается как таковое. Оно существует в той же форме, что и сам закон, т. е. в форме текста – пояснительных записок, докладов, стенограмм, официальных сообщений. Это означает, что контекст – тоже текст, и потому он не способен окончательно закрыть смысл. В правоприменении это проявляется как конкуренция контекстов: одна сторона использует системное толкование, другая – телеологическое, третья – строго грамматическое, а четвертая и вовсе добавляет смысл путем апелляции к конституционным принципам или международным обязательствам. Грамматология помогает увидеть, что спор идет не о «возвращении» к исходной цели, а о выборе того набора текстов, который будет признан релевантным и легитимным для данного конкретного случая, так как до «настоящего», первоначального смысла нормы не добраться вообще, тем более что законодатель – это не персонифицированная личность, а совокупность лиц, которые даже выступают не как самостоятельные личности, но как представители законодательной или исполнительной (в случае законотворческой инициативы, поэтому, возможно, и судебной) ветви власти, связанные регламентами, предвыборными обещаниями и подчиненностью вышестоящим руководителям.

Если перейти от философских оснований к языковой стороне права, становится очевидно, что юридический язык постоянно сталкивается с полисемией, омонимией и контекстной вариативностью. Одно и то же слово может иметь общелитературное, специальное и доктринальное значения; некоторые термины переносятся из других отраслей (например, из экономики или техники) и меняют смысл в юридической среде. Кроме того, право использует конструкции, где значение зависит от грамматики: «и (или)», «если иное не предусмотрено», «в том числе», «вправе» и «обязан». Даже небольшое изменение синтаксиса способно повлиять на объем полномочий, обязанностей

или ответственности. Поэтому форма юридического текста имеет самостоятельное значение: порядок слов, структура конструкции и выбранная грамматическая связь непосредственно участвуют в формировании содержания нормы.

Конституция, принципы и законотворчество

Особый интерес с позиций грамматики представляют конституционные и другие учредительные тексты. С ними обычно связывают волю народа, учреждение государства и исходную точку правопорядка. Однако действие конституции не исчерпывается моментом ее принятия. Ее положения постоянно получают новое прочтение в судебной практике, законодательстве и доктрине. Устойчивость конституционного текста во многом зависит от сложившихся институтов толкования и конституционного контроля.

Иной способ объяснения этой устойчивости предлагает Ганс Кельзен в «Чистом учении о праве» [Кельзен, 2015]. В его теории конституция занимает высшее место в системе позитивного права, а действительность правопорядка связывается с постулируемой основной нормой: «Должно вести себя так, как предписывает конституция». Через нее юридическое мышление придает нормативный смысл действиям, которые признаются правотворческими. Основная норма тем самым выступает логической предпосылкой всей системы: именно через нее объясняется юридическая действительность конституции и основанных на ней актов.

С точки зрения Деррида такая конструкция вызывает дополнительный вопрос о самом основании конституционного авторитета. Конституция продолжает действовать спустя годы и десятилетия после ее принятия, применяется к новым отношениям и становится предметом различных толкований. Ее значение поддерживается судами, текущим законодательством, процедурами изменения и сложившейся практикой применения. Поэтому авторитет конституционного текста можно связывать с постоянным его воспроизведением и признанием внутри правовой системы. Такой подход позволяет отказаться от представления о первоначальном акте учреждения как единственном источнике последующей легитимности.

Сходная проблема возникает при толковании прав человека и общих правовых принципов. Такие категории, как «достоинство», «равенство», «справедливое судебное разбирательство» или «неприкосновенность частной жизни», сформулированы предельно широко. Благодаря этому они применимы к отношениям, которые невозможно было заранее перечислить в тексте закона или конституции. Одновременно содержание этих понятий приходится постоянно уточнять. Оно складывается через законодательство, судебные решения и доктринальные интерпретации. В терминах Деррида исходная формулировка существует вместе с последующими восполнениями, каждое из которых уточняет ее, сохраняя возможность дальнейшего толкования. Для законотворчества отсюда следует вполне практический вывод. Юридическая формулировка редко бывает самодостаточной. Дефиниции, перечни, отсылки и исключения уменьшают неопределенность лишь до некоторого предела. Слова, использованные в определении, сами могут потребовать толкования. Перечень ставит вопрос о ситуациях, которые в него не вошли. Отсылка связывает содержание нормы с другим актом и его последующими редакциями. Исключение заставляет устанавливать границу между общим правилом и специальным случаем. Законодатель поэтому заранее работает с будущими вариантами прочтения нормы, даже если стремится максимально сузить их число.

Особенно заметна эта зависимость при выборе юридических терминов. Слово определяет границы правовой категории, а вместе с ними круг лиц и ситуаций, на которые распространяется соответствующий режим. Оценочные понятия вроде «значительного ущерба», «явного неуважения», «угрозы», «достоверности» или «обоснованности» оставляют правоприменителю заметное пространство для усмотрения. Чем шире возможный диапазон значений такого понятия, тем большее значение приобретает его последующее толкование судом или иным компетентным органом.

Еще отчетливее роль языка проявляется в категориях, через которые право описывает участников общественных отношений: «собственник», «потребитель», «работник», «подозреваемый», «иностранный гражданин», «орган власти». От отнесения лица к одной из таких категорий зависят права, обязанности, гарантии, правила доказывания и другие юридические последствия. Поэтому изменение самого термина или границ его определения способно изменить правовой результат даже при тех же фактических обстоятельствах. Борьба за термины в таком случае становится борьбой за власть – за то, какие различия будут признаны юридически значимыми.

Проблема значения тесно связана с ответственностью и доказательством. Юридическая ответственность нередко зависит от описания внутренних состояний, однако право вынуждено переводить их во внешние признаки: «знал или должен был знать», «мог предвидеть». Эти формулы представляют собой типичный пример следовой структуры: внутреннее состояние реконструируется по следам поведения и документам, а затем закрепляется в тексте решения. Тем самым грамматология показывает, что право работает прежде всего с тем, что может быть записано, предъявлено и интерпретировано в текстуальной форме.

Важное следствие касается соотношения общего и частного, правила и случая. Любое правило должно быть общим, иначе оно не правило. Возникает апория: одинаковое применение правила игнорирует различия случаев, а учет различий требует отступления от правила, которое в итоге перестает быть правилом. Правовая система отвечает на это институционально через усмотрение, стандарты разумности, принцип пропорциональности, доктрины добросовестности, систему исключений и оговорок. Грамматология показывает, что эти механизмы являются способами удерживать нормативность в мире различий: право вынуждено быть одновременно повторяемым и контекстным. Это вновь возвращает нас к мысли о машиночитаемом праве – возможно ли оно в таком случае?

Грамматологический подход дает несколько практических ориентиров для законодательства. Дефиниция должна прежде всего обеспечивать устойчивое понимание термина в конкретной системе норм. Излишняя детализация способна породить новые противоречия и затруднить применение закона. Рамочные нормы и отсылочные положения требуют ясного ответа на вопрос о том, какой орган вправе конкретизировать регулирование и в каких пределах. При использовании оценочных понятий желательно заранее определять основные критерии их применения, поскольку иначе значительная часть содержания нормы фактически формируется уже правоприменителем. Наконец, при подготовке закона необходимо учитывать последующее существование текста: изменение редакций, внесение поправок, официальное опубликование и возможность установить, какая именно версия нормы действовала в конкретный момент.

Цифровая среда делает грамматологические темы практически неизбежными. Современное право существует как множество текстов: официальная публикация, электронные базы, машиночитаемые форматы, судебные корпуса. Возникают вопросы, которые в бумажной эпохе казались сугубо техническими, но фактически имеют онтологический статус: что считать аутентичным текстом нормы, как фиксировать версию, как обеспечивать воспроизводимость ссылки, как соотносить «текст закона» и «текст в информационной системе». Грамматология предлагает здесь принципиальную установку: определенность обеспечивается институциональным управлением следами – прозрачными правилами публикации, архивирования и интерпретации.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать четыре основных результата. Во-первых, письмо в грамматологии Деррида понимается как структура повторяемости, отделимости знака от автора и переноса текста в новый контекст. Применительно к праву

эта структура забяспечвае дзейства нормы ў часе. Во-вторых, катэгорыі следа, разлічэння і восполнення паказваюць, што значэнне нормы фарміруецца ў сістэме ўзаемасвязаных актаў, судовых рашэнняў, працэдур і доктрынальных тлумачэнняў. В-трэтых, устойлівасць юрыдычнага сэнса падтрымліваецца інстытуцыянальнымі працедурамі апублікавання, цытавання, кваліфікацыі, тлумачэння і кантроля. В-чвартых, перавод нормы ў машыначытаемы фармат патрабуе прадваротнай інтэрпрэтацыі і замацоўвае адзін з магчымых варыянтаў яе разумення. Сэнсавая неопрэделеннасць пры гэтым пераносіцца на этап фармалізацыі.

Із атрычаных вынікаў следвае, што неопрэделеннасць юрыдычнага тэкста мае структурны характар. Прапардак абмежвае яе з дапамогай кампетэнцый, працэдур і правіл юрыдычнай аргументацыі. Для заканацвораства гэта азначае неабходнасць сагласавываць дэфініцыі з сістэмай дзействующих норм, устанавліваць прамежы канкретызацыі рамочных палажэнняў, задаваць крытэрыі прымянення ацэночных паняццяў і забяспечваць даставярную версіённасць нарматывнага тэкста.

Научны ўклад ісследования заключаецца ў пабудаванні філасофска-прававой мадэлі юрыдычнага тэкста, якая звязвае нарматывную ўстойлівасць, кантэкстную змянянасць сэнса і інстытуцыянальную стабілізацыю інтэрпрэтацыі. Прапанаваная мадэль можа прымяняцца пры падрыхтоўцы правовых дэфініцый, рамочных і адсылочных норм, а таксама пры разработке машыначытаемага заканадавецтва.

Спісак літэратуры

- Берлін А.Е., Блінова О.В. 2025. Автоматическая детекция адъективной неопределённости в русском юрыдыческом тэксце: дацасет, мадэлі, вынікаты. *International Journal of Open Information Technologies*, 12: 74–84.
- Дэрыда Ж. 2000. О граматалогіі. М., Іздательство «Ad Marginem», 511 с.
- Кельзен Г. 2015. Чыстае учене о праве. 2-е изд. Пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лезова. СПб., Іздательский Дом «Алеф-Пресс», 542 с.
- Ліпчанская М.А., Прівалов С.А. 2022. Развитие технологий машыначытаемаго права: тэаретычныя праблемы і перспектывы. *Журнал российского права*, 10: 85–96.
- Пісарев А.А. 2025. Алгорітмічнае ўправленне: суб'ектывацыя пад вопросом. *Вопросы философии*, 10: 89–100.
- Сосюр Ф. де. 2023. Курс общей лингвистики. Изд. Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера; пер. с фр.; под ред. и с примеч. Р.О. Шор. М., ЛЕНАНД, 270 с.
- Balkin J.M. 1987. Deconstructive Practice and Legal Theory. *Yale Law Journal*, 96(4): 743–786.
- Dworkin R. 1986. Law's Empire. Cambridge, Mass.; London, Publ. The Belknap Press of Harvard University Press, 470 p.
- Hart H.L.A. 1958. Positivism and the Separation of Law and Morals. *Harvard Law Review*, 71(4): 593–629.

References

- Berlin A.E., Blinova O.V. 2025. Automatic detection of uncertainty in Russian legal text: dataset, models, results. *International Journal of Open Information Technologies*, 12: 74–84 (in Russian).
- Derrida J. 2000. О граматалогіі [Of Grammatology]. Moscow, Publ. “Ad Marginem”, 511 p.
- Kelsen H. 2015. Chistoe uchenie o prave [Pure Theory of Law]. 2nd ed. St. Petersburg, Publ. Alef-Press, 542 p.
- Lipchanskaya M.A., Privalov S.A. 2022. Razvitie tekhnologiy mashinochitaemogo prava [Development of machine-readable law technologies]. *Journal of Russian Law*, 10: 85–96 (in Russian).
- Pisarev A.A. 2025. Algoritmicheskoe upravlenie: subektivatsiya pod voprosom [Algorithmic governance: subjectivation in question]. *Voprosy Filosofii*, 10: 89–100.
- Saussure F. de. 2023. Kurs obshchey lingvistiki [Course in General Linguistics]. Moscow, Publ. LENAND, 270 p.
- Balkin J.M. 1987. Deconstructive Practice and Legal Theory. *Yale Law Journal*, 96(4): 743–786.
- Dworkin R. 1986. Law's Empire. Cambridge, Mass.; London, Publ. The Belknap Press of Harvard University Press, 470 p.
- Hart H.L.A. 1958. Positivism and the Separation of Law and Morals. *Harvard Law Review*, 71(4): 593–629.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 22.05.2026
Поступила после рецензирования 20.07.2026
Принята к публикации 31.08.2026

Received May 22, 2026
Revised July 20, 2026
Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зипунников Никита Владимирович, директор проектов центра правовых инициатив АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»; аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita V. Zipunnikov, Project Director, Center for Legal Initiatives, Agency for Strategic Initiatives; postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

УДК 340.114, 316.35

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-599-610

EDN RXRKPU

Коллективная память сотрудников органов внутренних дел: теоретико-правовой и социологический аспекты

Ситников К.А.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Россия, 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Государственный академический университет гуманитарных наук

Россия, 119049, г. Москва, Мароновский переулок, д. 26

kirillsa@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – формирование целостного теоретико-правового представления о коллективной памяти сотрудников ОВД, выявление ее существенных характеристик и связи с правом. Исследование основано на социоаксиологическом подходе к праву. В результате определено понятие коллективной памяти сотрудников ОВД, а также выделены структурные составляющие этого феномена. Обоснована юридизированность коллективной памяти правоохранителей: право выступает одновременно инструментом, предметом и принципиальной основой их повседневной деятельности. Показано, что в условиях существенного некомплекта личного состава и межпоколенческого разлома коллективная память данной социальной группы находится под угрозой. Результаты вносят вклад в изучение мемориальной функции права и механизмов формирования памяти социально-профессиональных групп. Перспективными направлениями признаны соотношение коллективной памяти с правосознанием и правовой культурой, анализ коллективных травм сотрудников ОВД.

Ключевые слова: корпоративная память, сотрудники органов внутренних дел, юридизированная память, память о праве, мемориальная функция права

Финансирование: работа подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ FZNF-2026–0029, «Ценностные основания социально-политического развития России»).

Для цитирования: Ситников К.А. 2026. Коллективная память сотрудников органов внутренних дел: теоретико-правовой и социологический аспекты. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 599–610. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-599-610 EDN: RXRKPU

Collective Memory of Law Enforcement Officers: Theoretical-Legal and Sociological Aspects

Kirill A. Sitnikov

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

12 Akademika Volgin St., Moscow 117437, Russian Federation

State Academic University of the Humanities

26 Maronovsky Ln., Moscow 119049, Russian Federation

kirillsa@mail.ru

Abstract. Despite a significant number of works devoted to the legal awareness and legal culture of employees of the internal affairs bodies, the problems of their collective memory, including corporate memories of law, remained outside the field of view of researchers. The purpose of the article is to fill this gap by forming a holistic theoretical and legal understanding of the collective memory of police officers, identifying its essential characteristics and connection with law. The research is based on a socio-axiological approach to law. As a result of the work, the author's concept of the collective memory of police officers has been. The paper highlights the structural components of this phenomenon are highlighted. The validity of the collective memory of law enforcement officers is substantiated: law is

both a tool, a subject and a fundamental basis of their daily activities. It is shown that in conditions of a significant shortage of personnel and an intergenerational rift, the collective memory of this social group is under threat. The findings contribute to the development of the theory of state and law, in particular, to the study of the memorial function of law and the mechanisms of memory formation of socio-professional groups. The correlation of collective memory with legal awareness and legal culture, the analysis of collective traumas of police officers, as well as the specifics of memory formation in the framework of training cadets and trainees in educational institutions of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia are recognized as promising areas.

Keywords: corporate memory, law enforcement officers, legalized memory, memory of law, memorial function of law

Funding: The work was prepared at the State Academic University for the Humanities within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. FZNF-2026–0029, "Value Foundations of the Socio-Political Development of Russia").

For citation: Sitnikov K.A. 2026. Collective Memory of Law Enforcement Officers: Theoretical-Legal and Sociological Aspects. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 599–610 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-599-610 EDN: RXRKPU

Введение

Феномен коллективной памяти дуалистичен, поскольку его наполняют, по замечанию А.Ф. Яковлевой, два смыслообразующих компонента – единство и общность [Емельянова и др., 2022, с. 158]. Как правило, говоря о коллективной памяти, мы подразумеваем ее в качестве атрибута всего национального сообщества. В связи с этим в научном дискурсе появились такие понятия, как политическая или национальная память [Ассман, 2014, с. 60].

Однако при таком подходе автоматически игнорируются два важных фактора:

- 1) память о любом значимом событии сопряжена с наличием большого количества различающихся (вплоть до прямого противоречия) точек зрения;
- 2) коллективная память конвенциональна и представляет собой результат интеграции различных уровней памяти: от индивидуальных и малых «мы»-групп до целых классов общества.

В связи с этим особую значимость приобретает состояние коллективной памяти отдельных социальных групп, что очевидно прослеживается и в трудах одного из родоначальников концепции коллективной памяти Мориса Хальбвакса. Так, автор в своей фундаментальной работе особое внимание уделял социальным рамкам памяти, связанным с семьей как важнейшим институтом общества: «На протяжении всей своей жизни мы находимся одновременно и в своей семье, и в других группах. Мы расширяем свою семейную память, включая в нее, например, воспоминания о своей светской жизни» [Хальбвакс, 2007, с. 215]. Действительно, человек на протяжении всей своей жизни становится и прекращает быть частью самых разных формальных (школьные классы, рабочие коллективы, политические партии и т. д.) и неформальных (дружеские компании, соседские коллективы и т. д.) «мы»-групп. При этом коллективная память отличается своей ценностной составляющей, а потому в ходе таких «перемещений», изменений своих социальных связей, индивидом осуществляется «вход» и «выход» в различные системы ценностей.

Особый теоретико-правовой интерес в данном контексте представляют институты, напрямую связанные с обеспечением правопорядка и реализацией государственных функций, в частности органы внутренних дел (ОВД) ¹.

¹ Несмотря на наличие некоторых различий, обоснованных в науке административного права, в целях настоящей работы понятия «органы внутренних дел» и «полиция» будут рассматриваться в качестве близких к тождественным.

Цель исследования – сформировать комплексное теоретико-правовое представление о коллективной памяти сотрудников органов внутренних дел, выявить её сущностные характеристики и специфику взаимосвязи с правом.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляет социоаксиологический подход к праву (основоположник – А.И. Клименко), в рамках которого право рассматривается как система ценностей, формирующаяся в процессе публичного правового дискурса. Данный подход позволил интерпретировать коллективную память сотрудников ОВД не как статичный массив исторических сведений, а как динамичное ценностно-смысловое явление, опосредованное правом. Для решения поставленных задач задействован комплекс методов: системно-структурный подход и метод анализа – для выявления компонентного состава памяти данной социальной группы; историко-правовой метод – при исследовании генезиса способов трансляции героических образов и традиций в ведомственной практике; междисциплинарный подход – для интеграции концептов мемориальных (социологических и исторических) исследований в теоретико-правовой дискурс.

Сотрудники ОВД как особая социально-профессиональная группа

В институциональной матрице любого современного общества, что характерно и для России, особое место занимают ОВД, значимость состояния коллективной памяти представителей которых обуславливается следующими факторами.

1. Стратегическая задача ОВД – обеспечение действенности (исполнения) норм позитивного права, безопасности личности, общества и государства [Тюнь, 2018, с. 3].

Придерживаясь социоаксиологического подхода к праву и понимая право как систему конвенционально выработанных в ходе публичного правового дискурса ценностей, необходимо обращать внимание на сущностную связь коллективной памяти и права [Ситников, 2025a]: деятельность ОВД, связанная с обеспечением функциональности права, закономерно направлена и на реализацию его мемориальной функции. Соответственно, от того, насколько эффективно осуществляют свою полномочия сотрудники ОВД, в немалой степени зависит мемориальная функциональность или же нефункциональность (дисфункциональность) права. Важное значение полиции как социального института связано с преодолением дезорганизованности общества, обеспечением его целостности. Это, в свою очередь, невозможно без должного состояния национальной памяти.

2. ОВД выделяются из остальной системы правоохранительных органов наиболее широкими юрисдикционными полномочиями. Так, сотрудники полиции в наибольшей степени, чем любые другие правоохранители, участвуют в коммуникации как с отдельными гражданами, так и институтами гражданского общества. В связи с этим ОВД – это проводник, с одной стороны, правовой идеологии, а с другой – декретируемой «сверху» памяти. В данном случае стоит согласиться с утверждением А.И. Клименко о том, что «работа полиции с населением, пропаганда правовых знаний и конвенциональных ценностных установок правовой идеологии как на уровне информационной политики МВД России, так и на уровне каждодневной работы сотрудника является сегодня не только условием формирования атмосферы социального партнерства, взаимопонимания и взаимного доверия между полицией и населением, но и в более общем плане важнейшим условием партнерских отношений государства и гражданского общества в целом» [Клименко, 2016, с. 35].

3. Традиционно образ полиции ассоциируется со всем государством.

Сотрудник ОВД для подавляющей части граждан – не просто автономная личность или должностное лицо, а в некотором понимании «аватар» всего ведомства, правоохранительной системы и государства. Положительный имидж полиции – основа

доверия и фактор, облегчающий влияние не только самого правоохранительного института, но и всей политической организации общества. Напротив, любая ошибка или недочет в функционировании ОВД традиционно воспринимается общественностью достаточно остро (а в условиях современного информационного общества, кроме того, получает еще более высокую степень огласки) и ложится в основу негативного представления обо всем государственном механизме [Тюлина, Фетисов, 2021; Ситников, 2025в].

4. Служба в ОВД подразумевает под собой особые деонтологические основы.

Уже сам тезис может вызвать критику следующего рода: вся государственная (и муниципальная) служба должна опираться на систему принципов и норм этического характера, обращение к которым – непереносимое требование к работе любого служащего. Одно из подтверждений тому – наличие закрепленных в позитивном праве соответствующих сводов этических требований¹. С одной стороны, это действительно так. И любая государственная служба максимально тесно связана с такой традиционной духовно-нравственной ценностью российского общества, как служение Отечеству. В этом заключается генеральный смысл самого понятия «государственная служба», а также ее функциональное наполнение. В связи с этим особую роль приобретает самоидентификация человека как представителя государства, что в немалой степени и обеспечивается коллективной памятью. С другой стороны, в таком случае не учитывается содержательная специфика правоохранительной деятельности в целом и в полицейской в частности. Во-первых, реализация должностных полномочий сотрудником полиции нередко связана с деятельностью в экстремальных условиях, решением неординарных задач (в том числе правового характера), в ограниченных временных рамках. От принимаемых решений может зависеть не только наступление или не наступление определенных юридических последствий для граждан, но и даже их жизнь и здоровье. Во-вторых, деонтологические основы службы в ОВД российского государства отличаются своими глубокими историческими корнями [Кирнос и др., 2024; Богатырев и др., 2025]. В-третьих, немаловажное различие между деонтологическими основами деятельности ОВД с одной стороны и иных государственных служащих – с другой можно сформулировать в виде заключительной фразы текста Присяги: «Служа Закону – служу народу!» То есть профессиональная деятельность сотрудника полиции связана не просто со служением Отечеству, но и служением людям, служением праву (в первую очередь, вне всякого сомнения, позитивному). В связи с этим, хотя коллективная память сотрудника ОВД и близка к государству, она неразрывно связана с представлениями всего народа. Кроме того, сами понятия «закон» и «право» подразумеваются как сакральные для стража правопорядка.

Степень разработанности проблематики коллективной памяти сотрудников ОВД

В целом проблематика коллективной памяти сотрудников полиции как особой профессиональной социальной группы отличается неоднозначным состоянием исследований в данной сфере. С одной стороны, в отечественной теоретико-правовой науке уделяется значительное внимание правосознанию и правовой культуре сотрудников ОВД. На данный момент подготовлено большое число работ, не только содержащих

¹ См., напр.: Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих : решение Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23.12.2010 (протокол № 21) // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации : приказ Генпрокуратуры России от 17.03.2010 № 114 (в ред. от 21.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс»; Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Верховного Суда Российской Федерации : приказ Верховного Суда РФ от 24.03.2011 № 192/кд // СПС «КонсультантПлюс» и т. д.

общую характеристику представлений и отношения к действующему и желаемому праву стражей правопорядка [Деккерт, 2020; Бурканова, 2007; Пушкарев, 2009; Ветрова, 2014; Богданов, Хазов, 2015], но и направленных, например, на изучение специфики формирования правосознания рассматриваемой социальной группы [Бондуровский, 1999; Овчинников, Федоренко, 2016; Сизов, Жуков, 2019], возникающих в ходе отправления профессиональной деятельности деформаций правосознания [Коробка, 2010; Климанский, 2010] и т. д.

Помимо юриспруденции (теории и истории государства и права), правосознание и правовая культура сотрудников ОВД предстают в качестве предмета достаточно активного изучения и в иных социально-гуманитарных науках: например, в социологии [Гаврилин, 2001; Меняйло, 2008 и т.д.], психологии [Иванова, 2006; Титаренко, 2011] и педагогике [Фетисов, Тюлина, 2023; Тюлина, 2022].

С другой стороны, проблематика коллективной памяти сотрудников полиции (в том числе корпоративных воспоминаний о праве или отраженных в праве) осталась, преимущественно, вне поля зрения ученых, что обусловлено, вне всякого сомнения, лишь недавним развитием такого направления научного поиска, как *memory studies* [Нелина, 2020]. В рамках отечественной истории и истории государства и права ведутся исследования, посвященные развитию органов внутренних дел, жизненному и служебному пути выдающихся представителей правоохранительной системы (от Российской империи до современной Российской Федерации), героическим подвигам сотрудников милиции/полиции, которые ценой своей жизни стремились защитить граждан своей страны, а также все общество и государство. Тем самым создавались относительно устойчивые образы в сознании и памяти населения и самих правоохранителей «настоящего» стража правопорядка. Определенные зачатки деятельности в данном направлении можно было встретить еще в дореволюционный период. Значительное воздействие на когнитивную и эмоциональную составляющие коллективной памяти, в том числе создавая условия для трансформации поведенческой компоненты, способны оказывать средства массовой информации [Павлова, 2007]; понимая это, редакторы «Вестника полиции», издававшегося в Российской империи со 2 декабря 1907 г., публиковали на страницах издания примеры самоотверженного исполнения чинами полиции служебного долга. Со страниц журнала звучал призыв подражать тем героям, которые «при всех условиях остаются верными долгу», потому что «при массе труда, при постоянной опасности и материальной необеспеченности, это уже служба не за страх, а за совесть; это не дело, а подвиг; тут не материальные выгоды, а идеалы общегосударственные; здесь не низшие служащие, а герои!» [Красножон, 2018, с. 100]. В связи с этим чувство принадлежности к «корпорации» правоохранителей, самоотверженно исполняющих свои обязанности, предполагалось формировать и через создание в коллективной памяти целого массива образов (примеров) героических поступков полицейских из разных регионов [Ситников, 2025].

При этом обращена такая деятельность была не только на представителей МВД, но и на всех жителей Российской империи. Как отмечает О.В. Красножон, сами редакторы объясняли необходимость издания журнала некорректным изложением сведений о деятельности полиции в средствах массовой информации и, как следствие, формированием негативного образа полицейских в сознании обывателей [Красножон, 2018, с. 68]. Ведомство стремилось формировать соответствующий образ в коллективной памяти населения Российской империи и через региональную периодику, в частности через губернские ведомости¹. В неофициальной части последних могли помещаться и

¹ Губернские ведомости – официальные газеты, издававшиеся в губерниях России. Издавались согласно Положению о порядке производства дел в губернских правлениях, Высочайше утвержденному 3(15).6.1837. См.: Губернские ведомости // Большая российская энциклопедия. Том 8. Москва, 2007. С. 120; Санкт-Петербург, 2 декабря // Вестник полиции. 1907. № 1. С. 5.

сведения о местных происшествиях, а также – о результатах и эффективности деятельности полиции. Память о героических поступках полицейских, жертвовавших собственной жизнью во благо местных жителей, стремились сохранить как их сослуживцы, так и обычные подданные. Яркие примеры в этой области можно найти, например, в Воронежской губернии [Ситников, 2025б; Кирнос и др., 2024].

В современной России особенно активная деятельность в данном направлении начала осуществляться с приближением исполнившегося в 2018 году 300-летнего юбилея российской полиции. Из забвения было возвращено немало имен выдающихся представителей и героев ведомства общегосударственного, регионального и местного значения. В публичную коммеморацию были возвращены страницы доблестной истории милиции/полиции в критические для нашего Отечества периоды: например, в годы Отечественной [Давиденко, 2018], Первой мировой [Потёмкин, 2016] и Великой Отечественной войн [Нахимов и др., 2025]. Но работа не закончилась и по прошествии знаменательной даты. Как отметил заместитель министра внутренних дел Российской Федерации В.Л. Кубышко, «творческие и научно-исследовательские коллективы, сформированные в период подготовки к 300-летию российской полиции, продолжили свою деятельность и успешно развивают работу по изучению истории правоохранительных органов России и распространению исторических знаний в органах и учреждениях системы МВД России» [Кубышко, 2024, с. 7–8].

Собственно же коллективной памяти сотрудников полиции полноценных работ на настоящий момент так и не посвящено. Все вышесказанное обуславливает значимость коллективной памяти сотрудников ОВД как особой профессиональной социальной группы (корпорации) в качестве предмета для научного изучения. Кроме того, поскольку их деятельность непосредственно связана с правовой сферой, особую роль приобретает проблематика реализации мемориальной функции права в формировании коллективной памяти полиции.

Коллективная память сотрудников ОВД: общая характеристика и связь с правом

Говоря о коллективной памяти иного профессионального сообщества – ученых, А.Ф. Яковлева определила ее как «сложный и постоянно трансформирующийся образ прошлого научной дисциплины, сформированный с помощью трансляции, в том числе с использованием нарратива, передаваемый от одних членов сообщества другим (от лидера членам сообщества и чаще на уровне поколений)» [Емельянова и др., 2022, с. 167]. Данный подход представляется не в полной мере удачным (а потому и не применимым в полной мере к нашему предмету исследования) в силу следующих обстоятельств:

- характеристики сложности и постоянной трансформации не обладают особой смысловой нагрузкой, поскольку они являются признаками коллективной памяти в целом, атрибутивными для любой относительно большой (количественно) «мы»-группы;

- сводя коллективную память исключительно к передаче образов прошлого (тем более отдельной дисциплины), с одной стороны, автор искусственно расщепляет научное сообщество в условиях современной нарастающей междисциплинарности, а с другой – нивелирует значение исторического и культурного компонентов памяти (гиперболизируя коммуникативный) [Емельянова и др., 2022, с. 167]. Это обусловлено тем, что автор придерживается позиции приравнивания значения коммуникативной и коллективной памяти с целью отражения «особенности такой памяти – научной и профессиональной, формируемой в контексте становления жизненного мира человека»;

- групповой характер деятельности (как в научной, так и в правоохранительной сфере) противоречит вводимому А.Ф. Яковлевой строгому межпоколенческому разграничению.

Исходя из вышесказанного, в наиболее общих чертах **коллективную память сотрудников ОВД** можно определить как органическую совокупность разделяемых участниками профессиональной социальной группы сотрудников ОВД образов прошлого (исторических нарративов), связанных в первую очередь с организацией и функционированием полицейских органов российского государства и деятельностью ее выдающихся представителей.

Ключевое место в структуре этого образа занимают следующие составляющие:

- пережитый индивидуальный и коллективный служебный опыт;
- ценностные установки профессиональной деятельности, получившие свое правовое закрепление;
- состояние ОВД как социального института, отраженное в нормативных правовых актах и правоприменительной практике.

Для любого представителя правоохранительной системы важна самоидентификация личности как части соответствующей системы и всего государственного механизма. Коллективная память – один из важнейших социально конструируемых феноменов, образующих смысловые рамки представлений о прошлом и, как следствие, настоящем и будущем той или иной «мы»-группы, в том числе о своей профессиональной деятельности. В этой связи стоит обратиться к высказыванию А.Г. Васильева о том, что «ключевым положением исследований социальной (культурной) памяти является принцип взаимной зависимости памяти сообщества и его идентичности. Формирование идентичности обязательно сопровождается манипуляциями с образами "нашего" прошлого, а сформированный мемориальный канон сам начинает активно поддерживать идентичность и препятствовать ее произвольному изменению» [Васильев, 2014, с. 143]. Особенно это актуально для сотрудников ОВД в условиях существенного некомплекта личного состава, отмечаемого на расширенных заседаниях коллегии МВД России Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и главой ведомства В.А. Колокольцевым в последние годы¹. В сложившейся к 2026 году ситуации значительная часть наиболее опытных сотрудников покинула службу, в связи с этим носителей памяти социальной группы (равно как и профессиональных традиций) становится все меньше. При этом вновь принятые на службу отправляют свою профессиональную деятельность зачастую крайне непродолжительное время, в связи с чем не успевают стать полноценными членами социальной группы, а значит, и представителями нового поколения носителей коллективной памяти. В связи с этим формируется специфический межпоколенческий разлом внутри ОВД, а коллективная память данной социальной группы находится под угрозой. Это обуславливает и опасность положения полиции как социального института в целом, повышение рисков воздействия на него центробежных сил, ведущих к дальнейшей полной дезинтеграции.

Заключение

В качестве одного из малоизученных предметов для современной отечественной юридической науки предстает коллективная память сотрудников ОВД, обладающая дуалистической природой: она является источником и продуктом национальной коллективной памяти, с одной стороны, и несет в себе черты строго профессиональной идентичности – с другой. Одна из важнейших характеристик коллективной памяти,

¹ Расширенное заседание коллегии МВД // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 23.09.2025); Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/news/item/62189090> (дата обращения: 23.09.2025); Расширенное заседание коллегии МВД // Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/79255 (дата обращения: 02.04.2026).

рассматриваемой «мы»-группы – ее юридизированность, обусловленная структурно-функциональной спецификой данной социальной общности. Именно право – активный фактор формирования памяти правоохранителя, поскольку оно выступает одновременно в качестве и инструмента, и предмета, и принципиальной основы каждодневной деятельности полицейского. Коллективная память сотрудников ОВД на данный момент остается крайне слабоизученной. В частности, одним из перспективных направлений теоретико-правовых исследований, на наш взгляд, стоит признать ее соотношение с такими феноменами, как правосознание и правовая культура. Общая проблема выступает одним из самых действенных оснований для консолидации людей с различными взглядами на жизнь и интересами. В связи с этим самостоятельным направлением дальнейшего научного поиска в области проблем коллективной памяти сотрудников ОВД может предстать изучение коллективных травм данной «мы»-группы и их связи с правом. Полагаем, что наиболее целесообразным для решения отмеченных задач является проведение масштабного опроса среди представителей правопорядка.

Список литературы

- Ассман А. 2014. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., Новое литературное обозрение, 328 с.
- Богданов А.В., Хазов Е.Н. 2015. Правосознание и правовая культура как один из элементов правового статуса сотрудника полиции и их роль в деятельности ОВД по соблюдению, охране и защите прав человека. *Алтайский юридический вестник*, 4(12): 28–31.
- Бондуровский В.В. 1999. Формирование правовой культуры курсантов и слушателей государственных образовательных учреждений пожарной безопасности МВД России. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 20 с.
- Бурканова О.А. 2007. Правосознание в правоприменительной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 23 с.
- Васильев А.Г. 2014. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма. *Социологическое обозрение*, 13(2): 141–167.
- Ветрова О.А. 2014. Роль правосознания сотрудников органов внутренних дел в правоприменительной деятельности. *Вестник Московского университета МВД России*, 12: 196–200.
- Кирнос А.В., Колесников В.А., Ситников К.А. 2024. Воронежская полиция: мужество, профессионализм, служение Отечеству (в преддверии 300-летнего юбилея воронежской полиции). Воронеж, 208 с.
- Гаврилин С.А. 2001. Формирование правосознания слушателей вузов МВД РФ как фактор совершенствования их профессиональной подготовки (социологический аспект). Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 22 с.
- Давиденко А.В. 2018. «Содействовать против вражеских замыслов и покушений...»: труды и подвиги российской полиции в 1812 г.: очерки. М., Департамент государственной службы и кадров МВД России, 756 с.
- Деккерт Д.В. 2020. Правосознание и его место в структуре профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел. *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право*, 5(1): 12–16.
- Иванова А.М. 2006. Психосемантика индивидуального правосознания курсантов образовательных учреждений МВД России. Автореферат дис. ... канд. псих. наук. СПб., 22 с.
- Емельянова Н.Н., Лекторский В.А., Летняков Д.Э. 2022. Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: коллективная монография. Под редакцией Е.О. Труфановой [и др.]. М., Аквилон, 399 с.
- Климанский Д.В. 2010. Система факторов интеграции и дезинтеграции правосознания сотрудников органов внутренних дел. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 23 с.
- Клименко А.И. 2016. Полиция как элемент институционального уровня механизма правовой идеологии в условиях современного политически организованного общества. *Вестник Московского университета МВД России*, 3: 34–36.
- Коробка В.Н. 1999. Деформация профессионального правосознания следователей органов внутренних дел. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 202 с.

- Красножон О.В. 2018. Ведомственная печать Министерства внутренних дел в системе факторов формирования профессионального правосознания сотрудников полиции Российской империи в начале XX века. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 200 с.
- Кубышко В.Л. 2024. Деятельность Министерства внутренних дел Российской Федерации в сфере исследования истории ведомства и просвещения. В кн.: Органы и войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне (к 80-летию победы в великой отечественной войне). Сб. науч. Ст. по материалам Международной научно-исторической конференции, 7 июня 2024, Москва, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации: 6–10.
- Меняйло Д.В. 2008. Факторы, обуславливающие возникновение деформации правосознания сотрудников ОВД. *Институт социологии и права. Научные труды*, 2(1): 79–83.
- Богатырев Д.В., Гарашко А.Ю., Давидов Д.С. [и др.]. 2025. Методы, способы и формы реализации правовой идеологии, используемые кадровыми подразделениями и подразделениями воспитательной работы ОВД по выполнению Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». М., Издательский дом «Граница», 96 с.
- Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. 2025. Основные направления противодействия преступности органами милиции УНКВД СССР по Воронежской области в начальный период Великой Отечественной войны (вторая половина 1941 – начало 1942 г.). *Вестник Воронежского института МВД России*, 1: 10–26.
- Нелина Л.П. 2020. Подходы к определению концептов memory studies в российской историографии. *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*, 3 (23): 244–253.
- Овчинников А.И., Федоренко С.П. 2016. Формирование патриотического правосознания сотрудников ОВД на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Ростов-на-Дону, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 56 с.
- Павлова Е.Д. 2007. Средства массовой информации – инструмент скрытого воздействия на сознание: социально-философский анализ / отв. ред. А.Е. Лукьянов. М., Наука, 205 с.
- Потёмкин И.А. 2016. Министерство внутренних дел Российской империи в обеспечении безопасности государства в условиях Первой мировой войны: монография. М., Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 206 с.
- Пушкарев С.А. 2009. Правовые ценности в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 24 с.
- Ренан Э. 1902. Что такое нация? Ренан Э. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 6. Киев: 87–101.
- Сизов В.Е., Жуков В.Г. 2019. Основные проблемы формирования профессионального правосознания сотрудников полиции на современном этапе. *Вестник Воронежского института МВД России*, 1: 130–135.
- Ситников К.А. 2025. Взаимосвязь сущности права и памяти: социоаксиологический подход к праву. *История государства и права*, 10: 33–39.
- Ситников К.А. 2025. Проблема сохранения исторической памяти о функционировании уездной полицейской стражи Российской империи. *Вестник Сибирского юридического института МВД России*, 1(58): 197–202.
- Ситников К.А. 2025. Формирование профессионально-нравственных качеств правоохранителей в системе морально-психологического обеспечения деятельности ОВД. *Право и государство: теория и практика*, 5: 82–86.
- Титаренко Т.А. 2011. Формирование правовой культуры сотрудников ОВД. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 3(46): 48–52.
- Тюлина А.С. 2022. Структура и процесс формирования правовой культуры курсантов в образовательных организациях МВД России. *Образование и общество*, 2(133): 82–86.
- Тюлина А.С., Фетисов А.С. 2021. Правовые установки как фундамент формирования профессионально-правовой культуры курсантов образовательных организаций МВД России. В кн.: Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 15 декабря 2021, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации: 240–242

- Тюнь А.П. 2018. Полиция как социальный институт в реформируемом российском обществе: социологический анализ. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 25 с.
- Фетисов А.С., Тюлина А.С. 2023. О формировании структурных компонентов профессионально-правовой культуры курсантов вузов МВД России. *Мир образования - образование в мире*, 1(89): 127–136.
- Хальбвакс М. 2007. Социальные рамки памяти. М., Новое издательство, 348 с.

References

- Assman A. 2014. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 328 p.
- Bogdanov A.V., Khazov E.N. 2015. Legal consciousness and legal culture as one of the elements of the legal status of a police officer and their role in the activities of internal affairs bodies for the observance, protection and defense of human rights. *Altai Law Journal*, 4 (12): 28–31 (in Russian).
- Bondurovskij V.V. 1999. Formirovanie pravovoj kul'tury kursantov i slushatelej gosudarstvennykh obrazovatel'nykh uchrezhdenij požarnoj bezopasnosti MVD Rossii [Formation of legal culture of cadets and students of state educational institutions of fire safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Abstract dis. ... cand. law sciences. SPb., 20 p.
- Burkanova O.A. 2007. Pravosoznanie v pravoprimeritel'noj deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del [Legal consciousness in law enforcement activities of internal affairs officers]. Abstract dis. ... cand. law sciences. Moscow, 23 p.
- Vasil'ev A.G. 2014. Embodied memory: commemorative ritual in the sociology of E. Durkheim. *Sociological Review*, 13(2): 141–167 (in Russian).
- Vetrova O.A. 2014. Rol' pravosoznaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del v pravoprimeritel'noj deyatel'nosti [The role of legal consciousness of internal affairs officers in law enforcement activities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 12: 196–200.
- Kirnos A.V. Kolesnikov V.A., Sitnikov K.A. 2024. Voronezhskaya policiya: muzhestvo, professionalizm, sluzhenie Otechestvu (v preddverii 300-letnego yubileya voronezhskoj policii) [Voronezh police: courage, professionalism, service to the Fatherland (on the eve of the 300th anniversary of the Voronezh police)]. Voronezh, 208 p.
- Gavrilin S.A. 2001. Formation of legal consciousness of students of universities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation as a factor in improving their professional training (sociological aspect). Abstract. dis. ... cand. soc. sciences. Moscow, 22 p. (in Russian).
- Davidenko A.V. 2018. "Sodejstvovat' protiv vrazheskikh zamyslov i pokushenij...": trudy i podvigi rossijskoj policii v 1812 g.: ocherki ["To assist against enemy plans and attempts...": works and feats of the Russian police in 1812: essays]. Moscow, Publ. Departament gosudarstvennoj sluzhby i kadrov MVD Rossii, 756 p.
- Dekkert D.V. 2020. Legal consciousness and its place in the structure of professional culture of internal affairs officers. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 5 (1): 12–16 (in Russian).
- Ivanova A.M. 2006. Psychosemantics of individual legal consciousness of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Abstract. dis. ... cand. psychol. sciences. SPb., 22 p. (in Russian).
- Emel'yanova N.N., Lektorskij V.A., Letnyakov D.E. [i dr.] 2022. Individual and collective memory in the digital age: collective monograph. Moscow, Publ. Akvilon, 399 p. (in Russian).
- Klimanskij D.V. 2010. System of factors of integration and disintegration of legal consciousness of internal affairs officers. Abstract dis. ... cand. law sciences. Moscow, 23 p. (in Russian).
- Klimenko A.I. 2016. Policiya kak element institucional'nogo urovnya mekhanizma pravovoj ideologii v usloviyakh sovremennogo politicheskogo organizovannogo obshchestva [Police as an element of the institutional level of the mechanism of legal ideology in a modern politically organized society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 3: 34–36.
- Korobka V.N. 1999. Deformaciya professional'nogo pravosoznaniya sledovatelej organov vnutrennikh del [Deformation of professional legal consciousness of investigators of internal affairs bodies]. Dis. ... cand. law sciences. Rostov-on-Don, 202 p.

- Krasnozhon O.V. 2018. Departmental press of the Ministry of Internal Affairs in the system of factors of formation of professional legal consciousness of police officers of the Russian Empire at the beginning of the XX century. Dis. ... cand. law sciences. SPb., 200 p. (in Russian).
- Kubyshko V.L. 2024. Activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the field of research of departmental history and education. In: The NKVD bodies and troops of the USSR during the Great Patriotic War (on the 80th anniversary of the victory in the Great Patriotic War). Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Historical Conference, June 7, 2024, Moscow, Publ. Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii: 6–10 (in Russian).
- Menyajlo D.V. 2008. Faktory, obuslavlivayushchie vzniknovenie deformacii pravosoznaniya sotrudnikov OVD [Factors determining the emergence of deformation of legal consciousness of internal affairs officers]. *Institut sociologii i prava. Nauchnye trudy*, 2(1): 79–83.
- Bogatyrev D.V., Garashko A.Yu., Davidov D.S. [i dr.]. 2025. Methods, ways and forms of implementation of legal ideology used by personnel units and educational work units of internal affairs bodies in execution of the Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values”. Moscow, Publ. Izdatel'skij dom “Granicza”, 96 p. (in Russian).
- Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. 2025. Main directions of combating crime by the militia bodies of the UNKVD of the USSR in the Voronezh region in the initial period of the Great Patriotic War (second half of 1941 – early 1942). *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*, 1: 10–26 (in Russia).
- Nelina L.P. 2020. Approaches to defining the concepts of memory studies in Russian historiography. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*, 3 (23): 244–253 (in Russian).
- Ovchinnikov A.I., Fedorenko S.P. 2016. Formirovanie patrioticheskogo pravosoznaniya sotrudnikov OVD na osnove tradicionnykh dukhovno-nravstvennykh cennostej [Formation of patriotic legal consciousness of internal affairs officers based on traditional spiritual and moral values]. Rostov-na-Donu, Publ. Rostovskij juridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 56 p.
- Pavlova E.D. 2007. Sredstva massovoj informacii – instrument skrytogo vozdejstviya na soznanie: social'no-filosofskij analiz [Mass media as an instrument of hidden influence on consciousness: socio-philosophical analysis]. Moscow, Publ. Nauka, 205 p.
- Potyomkin I.A. 2016. Ministerstvo vnutrennix del Rossijskoj imperii v obespechenii bezopasnosti gosudarstva v usloviyakh Pervoj mirovoj vojny: monografiya [Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in ensuring state security during the First World War: monograph]. Moscow, Publ. Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 206 p.
- Pushkarev S.A. 2009. Legal values in the professional activity of internal affairs officers. Abstract dis. ... cand. law sciences. Rostov-on-Don, 24 p. (in Russian).
- Renan E. 1902. What is a nation?. Renan E. *Sobranie sochinenij v 12-ti tomakh*. T. 6. Kiev: 87–101 (in Russian).
- Sizov V.E., Zhukov V.G. 2019. Main problems of formation of professional legal consciousness of police officers at the present stage]. *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*, 1: 130–135.
- Sitnikov K.A. 2025. Interrelation of the essence of law and memory: socio-axiological approach to law. *History of State and Law*, 10: 33–39 (in Russian).
- Sitnikov K.A. 2025. The problem of preserving historical memory about the functioning of the county police guard of the Russian Empire. *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 1(58): 197–202 (in Russian).
- Sitnikov K.A. 2025. Formation of professional and moral qualities of law enforcement officers in the system of moral and psychological support of internal affairs bodies activities. *Law and State: The Theory and Practice*, 5: 82–86 (in Russian).
- Titarenko T.A. 2011. Formation of legal culture of internal affairs officers. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 3(46): 48–52 (in Russian).
- Tyulina A.S. 2022. Structure and process of formation of legal culture of cadets in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Education and Society*, 2(133): 82–86 (in Russian).

- Tyulina A.S., Fetisov A.S. 2021. Legal attitudes as the foundation for the formation of professional legal culture of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In: Moral and psychological support for the activities of internal affairs bodies: modern approaches and development prospects. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, December 15, 2021, Saint Petersburg, Publ. Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii: 240–242. (in Russian).
- Tyun' A.P. 2018. Police as a social institution in a reforming Russian society: sociological analysis. Abstract. dis. ... cand. soc. sciences. Krasnodar, 25 p. (in Russian).
- Fetisov A.S., Tyulina A.S. 2023. On the formation of structural components of professional legal culture of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *World of Education — Education around the World*, 1(89): 127–136 (in Russian).
- Hal'bvaks M. 2007. Social'nye ramki pamyati [Social frameworks of memory]. Moscow, Publ. Novoe izdatel'stvo, 348 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.05.2026

Поступила после рецензирования 10.05.2026

Принята к публикации 25.05.2026

Received May 2, 2026

Revised May 10, 2026

Accepted May 25, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ситников Кирилл Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия; старший научный сотрудник Центра исследований права и культуры Юридического факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill A. Sitnikov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law at Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia; Senior Researcher at the Center for Law and Culture Studies at the Faculty of Law, State Academic University of the Humanities, Moscow, Russia.

УДК 34.01

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-611-619

EDN SSQMLR

Общая часть кодифицированного акта как нормативная модель фактических систем в праве

Цуканова Е.Ю., Бакирова Д.М.

Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»

Россия, 119049, г. Москва, Ленинский пр-кт, д. 4, стр. 1

tsukanova.e@misis.ru

Аннотация. Теоретическое учение о юридических фактах имеет существенно больший прикладной потенциал, чем это принято понимать на основе традиционных представлений. Системное представление юридических фактов в их взаимосвязи позволяет оперировать такими понятиями, как фактические составы и системы. Это имеет значение для целей правотворчества, в особенности структурирования кодифицированных нормативных актов. Цель исследования – обосновать влияние комплекса фактических предпосылок права на построение общей части кодифицированного нормативного акта и ее представление в качестве нормативной модели фактической системы. Подход к общей части кодифицированного нормативного акта как к нормативной модели фактической системы позволяет рассматривать такой документ как системное образование, в котором взаимосвязь элементов является сущностной характеристикой. Сделан вывод о том, что общая часть кодифицированного нормативного акта представляет собой нормативную модель фактической системы, закрепляющую в правовой форме системное представление о фактических предпосылках правового регулирования. Результаты исследования формируют новое теоретическое направление в исследовании проблем структурирования кодифицированного нормативного акта.

Ключевые слова: кодифицированный акт, общая часть, правотворчество, пандектная система, нормативная модель, фактический состав, фактическая система

Для цитирования: Цуканова Е.Ю., Бакирова Д.М. 2026. Общая часть кодифицированного акта как нормативная модель фактических систем в праве. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 611–619. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-611-619 EDN: SSQMLR

The General Part of a Codified Act as a Normative Model of Factual Systems in Law

Elena Yu. Tsukanova, Diana M. Bakirova

National University of Science and Technology MISIS

building 1, 4 Leninsky Ave., Moscow 119049, Russian Federation

tsukanova.e@misis.ru

Abstract. One of the practical manifestations of factual systems is the fulfillment of the law-making function, which is realized in the process of constructing (especially systematizing) legislation. This is of particular importance with regard to the systemic construction of a codified normative act, one of whose attributes is the identification of a general part. A systemic representation of legal facts in their interrelationships allows for the use of such concepts as factual compositions and systems. This is essential for the purposes of lawmaking, particularly the structuring of codified normative acts. Taking this into account, the main goal of this article is to substantiate the influence of a set of factual prerequisites of law on the construction of the general part of a codified normative act and its presentation as a normative model of the factual system. The approach presented in the article to the general part of a

codified normative act as a normative model of the factual system allows for the consideration of such a document as a systemic formation in which the interrelation of elements is an essential characteristic. The general part of a codified normative act represents a normative model of the actual system, which enshrines in legal form a systemic representation of the actual prerequisites for legal regulation. The results of the study form a new theoretical direction in the study of problems of structuring codified normative acts.

Keywords: codified act, general part, lawmaking, pandectic system, normative model, factual composition, factual system

For citation: Tsukanova E.Yu., Bakirova D.M. 2026. The General Part of a Codified Act as a Normative Model of Factual Systems in Law. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 611–619 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-611-619 EDN: SSQMLR

Введение

Традиционное понимание юридического факта как единичного жизненного обстоятельства, с которым нормы права связывают наступление правовых последствий, в значительной степени ограничивает прикладной потенциал теории юридических фактов. Система знаний о фактических предпосылках права имеет намного большие функциональные возможности, чем это прямо следует из традиционных представлений. Фактические обстоятельства в качестве оснований действия права редко выступают изолированно. В абсолютном большинстве случаев они образуют различного рода взаимосвязанные комплексы, имеющие различное правовое предназначение. Данное обстоятельство обусловило потребность более детального изучения сложных (в отличие от единичного юридического факта) фактических предпосылок правового регулирования.

Необходимость обособления понятия фактического состава как совокупности юридических фактов была осознана еще в конце XIX века [Ренненкампф, 1889, с. 177]. К началу XX века признание фактического состава в общей теории права можно считать общепринятым. К примеру, Н.М. Коркунов, отмечая данное обстоятельство, писал, что «фактическим предположением применения юридической нормы обыкновенно служит наличность не одного факта, а нескольких» [Коркунов, 1909, с. 159]. Представление о совокупном действии юридических фактов было положительно воспринято и развито советской правовой наукой. Более того, к началу 80-х годов прошедшего столетия в трудах В.Б. Исакова [1984] был обоснован подход к более широкому охвату юридических фактов с образованием фактических систем, имеющих несколько иную функциональную направленность. Если фактический состав представляет собой первичную общность юридических фактов, объединенных единой функциональной задачей, а именно порождением конкретного правового последствия, то фактическая система охватывает более широкий массив фактических обстоятельств, которые связаны между собой не ситуативно, а системно вследствие принадлежности к общей сфере правового регулирования. Эти мысли в дальнейшем были развиты в виде концепции фактических общностей, к которым были отнесены как фактические составы, так и системы [Цуканова, 2021].

Одним из практических проявлений фактических систем является выполнение правотворческой функции, которая реализуется в процессе построения (в особенности систематизации) законодательства. Это имеет особое значение применительно к системному построению кодифицированного нормативного акта, одним из атрибутов которого является выделение общей части. Последняя группирует общие нормативные установления, имеющие универсальное значение для определенной правовой отрасли, подотрасли или отдельного правового института. Это способствует выработке единых подходов к правовой квалификации фактических обстоятельств, имеющей значение в правоприменительной деятельности. При этом до настоящего времени недостаточно исследован вопрос о том, каким

образом системное представление о фактических предпосылках находит свое нормативное выражение в кодифицированных актах.

Цель исследования – обосновать влияние комплекса фактических предпосылок права на построение общей части кодифицированного нормативного акта и ее представление в качестве нормативной модели фактической системы.

Методология исследования основана на всеобщем диалектическом методе познания, а также на сочетании системного подхода, формально-логического анализа и метода моделирования, что позволяет рассмотреть нормативную модель фактической системы как целостное, внутренне структурированное образование.

Обособление общей части как реализация системного подхода к формированию фактических предпосылок правового регулирования

Использование системного подхода к исследованию фактических предпосылок правового регулирования позволило выявить и обосновать такие аспекты теории юридических фактов, которые можно рассматривать как качественно новый этап ее развития. Вместо анализа отдельных и разрозненных фактических обстоятельств системный охват способствует их анализу в качестве элементов более сложных структурных образований. Такой переход в познании фактических предпосылок позволяет глубже проникнуть в природу правового регулирования и выявить те закономерности, которые остаются скрытыми при традиционном подходе.

Идея о возможности конструирования на базе системного подхода различных комплексов юридических фактов в настоящее время привлекает все большее внимание представителей общей теории права [Шафалович, 2022], а также отраслевых юридических наук [Зенкина, Гречкина, 2022]. Это не случайно, поскольку системное видение фактических предпосылок способно оказать положительное воздействие на процесс формирования системы права в целом. Обнаружение системных связей между фактическими обстоятельствами дает возможность не только более точно квалифицировать конкретные жизненные ситуации, но и предвидеть правовые последствия при изменении тех или иных элементов фактической системы. С учетом сказанного вполне можно согласиться с тем, что совершенствование системы знаний о фактических системах способствует упорядочению правовых норм и их упорядоченному изложению в тексте нормативного акта [Бакирова, 2023].

Раскрывая изложенное более детально, следует уточнить, что, осознавая системную организацию фактических предпосылок, правотворческий орган получает возможность более рационально структурировать нормативный материал, объединяя в общих институтах те нормативные предписания, которые регулируют сходные фактические обстоятельства. Это позволяет реализовать принцип экономии нормативного материала, тем самым повышается внутренняя согласованность правового регулирования и удобство правоприменения. Последнее обосновывается тем, что системное представление о фактических обстоятельствах облегчает процесс правовой квалификации. Правоприменитель, учитывая особенности нормативной модели фактической системы, закрепленной в общей части кодифицированного акта, может более просто обнаружить квалифицирующие признаки юридически значимых обстоятельств, а также определить их место в системе фактических предпосылок.

Общую часть кодифицированного нормативного акта целесообразно рассматривать в виде нормативной модели системы фактических обстоятельств, на которых базируется правовое регулирование в определенной сфере общественных отношений. Данная модель представляет собой отражение в праве объективно существующей системы фактических обстоятельств, которая должна максимально точно описывать реально происходящие жизненные явления. При этом важное значение имеет качество законодательной техники, поскольку именно от уровня юридико-технического совершенства норм, непротиворечивости

терминологии и структурной упорядоченности напрямую зависит, насколько полно и адекватно данная нормативная модель сможет выполнять заложенные в нее функции.

Исторический опыт развития отечественного законодательства свидетельствует о том, что наиболее совершенной формой упорядочения нормативного материала является пандектная система кодификации. Данная система организации нормативного материала, сложившаяся в немецкой юридической науке XIX века на основе рецепции римского права, сохраняет фундаментальное значение для современной правотворческой деятельности, выступая в качестве примера системного подхода к выработке кодифицированных актов [Афанасьев, 2023, с. 49]. Ключевым принципом пандектной кодификации, определяющим построение кодифицированного акта, является обособление общих положений. Данный принцип предполагает вынесение в общую часть кодифицированного акта нормативных предписаний, имеющих универсальное значение для всей отрасли или подотрасли права, и отделение их от предписаний, регулирующих отдельные виды общественных отношений. В научной доктрине справедливо утверждается, что пандектная система требует обязательного разделения кодекса на общую и особенную части. Данный юридико-технический прием минимизирует повторы и предотвращает казуистичность правового регулирования. Это дает возможность обеспечить унификацию правового режима для однородных общественных отношений, что в конечном итоге «обеспечивает увязку и согласованность основных отраслевых принципов, определяет ключевые для отрасли понятия, вводит общие положения, отражающие предмет и метод отраслевой правовой регламентации» [Абрамова, 2018, с. 36].

Выделение общей части, как отмечается в научной литературе, является результатом обобщения содержания правового материала и его концентрированного представления [Илиджев, Абуталипов, 2025]. Закономерным итогом этого процесса является формирование предельно абстрактных нормативных конструкций, которые сохраняют содержательную связь с конкретными фактическими обстоятельствами, предусмотренными особенной частью, выступая их обобщенным нормативным выражением. В результате такой дифференциации достигается сосредоточение системообразующих норм в общей части, что создает методологическую основу для последующего изложения специального материала.

Основываясь на принципах пандектной кодификации, можно определить методологические основания, на которых строится общая часть современного кодекса как нормативная модель фактической системы. Анализ указанной модели и процесса ее формирования может осуществляться по нескольким направлениям. В качестве основных направлений нам видятся следующие. Прежде всего, наиболее значимым является нормативное закрепление основных понятий и их дефиниций. Именно это выступает одним из основных инструментов в процессе правовой квалификации юридических фактов. Любой юридический факт получает свое первичное нормативное выражение через категории и конструкции, закрепленные в общих положениях. Это обеспечивает единство подходов к юридической квалификации. При этом следует учитывать, что общая часть законодательного текста должна включать наиболее значимые определения понятий и категорий, имеющих значение для всего нормативного акта. Терминологическая определенность подобного рода позволяет четко обозначить каждый элемент в фактической системе и ограничить его от смежных явлений.

Также рассматриваемая нормативная модель, по нашему мнению, в обязательном порядке должна включать в себя закрепление общих принципов и основных начал правового регулирования. В научной литературе отмечается, что для более эффективного правоприменения целесообразно в различных нормативных актах придерживаться единых подходов. Следует согласиться с В.А. Илюхиной в том, что важным является не простое постулирование правового принципа в законодательном

тексте, но также и раскрытие его содержания. Проведенный ею анализ российского законодательства демонстрирует в этом отношении неоднозначную ситуацию, поскольку определение содержания постулируемых принципов реализовано лишь в единичных кодифицированных актах [Илюхина, 2021].

Нормативное раскрытие содержания принципов имеет существенное значение в процессе правового регулирования, поскольку принципы задают ценностные ориентиры, в соответствии с которыми выстраивается система норм. Кроме того, они предопределяют цели правового регулирования, выступающие в качестве ориентиров для субъектов правоприменительной деятельности. Также принципы выступают в качестве вспомогательного регулятора, позволяющего восполнять пробелы в случае, если конкретные нормативные предписания отсутствуют или недостаточны для квалификации фактических обстоятельств [Тонков, Синенко, 2022].

Еще одним направлением работы в процессе построения нормативной модели фактической системы является формирование типовых фактических составов, которые включают в себя однородные элементы. Общая часть кодекса закрепляет обобщенные модели юридических конструкций, которые затем детализируются в особенной части. Например, общая часть уголовного кодекса содержит модель состава преступления как совокупности объективных и субъективных признаков, а особенная часть наполняет эту модель конкретным содержанием применительно к отдельным видам правонарушений. Такое построение позволяет создать единый механизм квалификации фактических обстоятельств, который направлен на обеспечение единообразия правоприменительной практики.

Наконец, нормативная модель закрепляет системообразующие связи между различными элементами фактической системы. В данном случае имеются в виду структурные и функциональные зависимости, которые объединяют разрозненные юридические факты в целостное образование. Законодатель, располагая в общей части предписания, определяющие соотношение различных правовых конструкций, фактически фиксирует в нормативном материале те системные связи, которые существуют в объективной действительности. Это означает, что нормативные предписания общей части не представляют собой механическую совокупность разрозненных правил, а образуют органическое единство. В нем каждый элемент выполняет определенную функцию и находится в иерархической или координационной связи с другими элементами. Нарушение этой системной взаимосвязи, вызванное, например, бессистемным включением в общую часть новых норм без учета их соотношения с уже существующими, способно нарушить логику построения нормативной модели фактической системы. В конечном итоге это может существенно снизить эффективность правового регулирования в целом.

Системообразующая функция является фундаментальной для общей части кодифицированного нормативного акта. Ее сущность состоит в том, что общая часть объединяет разрозненные нормативные предписания, содержащиеся в особенной части и иных источниках права, в целостную модель фактической системы, придавая им внутреннее единство и согласованность.

Несмотря на содержание в общей части положений, которые в силу своей абстрактности сохраняют актуальность на протяжении довольно длительного периода времени, они не остаются неизменными. Преобразования общей части кодифицированного акта обусловлены усложнением общественных отношений и появлением требующих нормативного урегулирования новых фактических обстоятельств. Кроме того, законодательная потребность в дополнении новыми нормативными предписаниями возникает в связи с выявлением пробелов в правовом регулировании и необходимостью уточнения существующих дефиниций.

Общая часть кодифицированного акта как система нормативных моделей фактических составов и систем

Нормативные положения, содержащиеся в общей части кодифицированного нормативного акта, с учетом своей специфики определяют типовые основания возникновения правоотношений. Это означает, что именно в общих положениях закрепляются такие базовые юридические конструкции, которые описывают механизм связи фактических обстоятельств с правовыми последствиями. Устанавливая общие правила о том, при каких условиях факты приобретают юридическое значение, законодатель формирует нормативную модель, которая затем детализируется применительно к отдельным видам фактических обстоятельств. В целом можно говорить, что общие положения закладывают основу системы юридических фактов, имеющих значение для данной отрасли, определяя их основные виды и критерии разграничения.

В качестве наиболее наглядного примера можно привести структуру Уголовного кодекса РФ, где общие положения закреплены в разделе I, содержащем задачи, принципы и вопросы действия уголовного закона во времени и пространстве. Аналогичным образом в Гражданском кодексе РФ общие положения определяют основания возникновения гражданских прав и обязанностей, что представляет собой нормативную модель фактической системы гражданско-правовых отношений в ее наиболее общем виде.

Если данные положения задают наиболее общие параметры фактической системы, то отдельные институты общей части в целом (включающие общие положения) представляют собой нормативные модели относительно самостоятельных элементов этой системы. Каждый такой институт формирует определенный комплекс фактических обстоятельств, имеющих единое функциональное назначение. В уголовном праве, например, выделяются институты преступления, наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также иных мер уголовно-правового характера. Каждый из этих институтов фиксирует определенный набор фактических обстоятельств, обладающих специфическими признаками. Институт преступления представляет собой модель фактических признаков деяния, влекущего уголовную ответственность, включая объективные и субъективные элементы состава преступления. Институт наказания моделирует фактические основания и порядок применения мер государственного принуждения к лицу, признанному виновным в совершении преступления. Институт освобождения от наказания, в свою очередь, создает нормативную модель тех фактических условий, при которых государство отказывается от применения мер принуждения несмотря на наличие формальных оснований для их применения [Серегина, 2023]. В этом отношении следует обратить внимание на то обстоятельство, что выделение тех или иных институтов в общей части кодифицированного акта не является произвольным. Оно детерминировано необходимостью системного охвата фактических обстоятельств, которыми законодатель оперирует в особенной части. Иными словами, структура институтов общей части отражает объективно существующую структуру фактической системы, фиксируя те элементы, которые обладают относительной самостоятельностью и требуют индивидуального нормативного оформления.

Каждый институт общей части представляет собой не просто совокупность разрозненных норм, а внутренне согласованную систему предписаний, объединенных общим предметом регулирования. С учетом изложенного вполне можно согласиться с М.П. Прониной в том, что «основу системы Общей части российского уголовного права составляют такие типовые институты нормативных предписаний, как институт преступления и институт наказания, состоящие из родовых формализованных конкретных институтов Общей части УК РФ» [Пронина, 2016, с. 196]. При этом институты находятся в определенной взаимосвязи друг с другом, образуя в совокупности целостную нормативную модель фактической системы. Например, институт преступления и институт наказания неразрывно связаны между собой, поскольку первый определяет основания

применения второго. Аналогичным образом институт освобождения от наказания предполагает наличие развитого института наказания, от применения которого происходит освобождение.

Системные связи имеются не только между отдельными институтами общей части. Такая связь прослеживается и в их соотношении с особенной частью нормативного акта. Общая и особенная части находятся в органической взаимосвязи, которая отражает взаимосвязь элементов самой фактической системы. Применительно к сфере уголовного права А.Г. Безверхов и Д.В. Голенко справедливо отмечают, что «Общая и Особенная части УК РФ теснейшим образом связаны друг с другом и составляют целое. Органическое единство указанных частей столь прочно, что ни одна из них не может существовать изолированно от другой» [Безверхов, Голенко, 2024, с. 41]. Безусловно соглашаясь с данным подходом, следует добавить, что тоже самое можно говорить применительно к любым иным правовым отраслям. Общую и особенную части любого кодифицированного нормативного акта необходимо применять во взаимосвязи, в том числе для целей правильной квалификации юридических фактов. Общая часть формирует основу фактической системы, в частности, определяет, какие обстоятельства имеют юридическое значение, а также устанавливает общие условия наступления правовых последствий. Особенная часть наполняет базовые элементы конкретным содержанием, указывая на отдельные виды фактических обстоятельств и определяя конкретные правовые последствия, наступающие при их наличии. Общая часть утрачивает свое значение без особенной, которая конкретизирует заложенные в ней абстрактные модели, а особенная часть не может быть правильно истолкована и применена без обращения к общей, где закреплены базовые принципы и дефиниции.

Особое значение взаимосвязь общей и особенной частей имеет для моделирования фактических систем, поскольку именно в их единстве создается полная нормативная модель, охватывающая как общие характеристики фактических обстоятельств, так и их видовые особенности.

Заключение

Изложенный подход к общей части кодифицированного нормативного акта как к нормативной модели фактической системы позволяет рассматривать такой документ как системное образование, в котором взаимосвязь элементов является сущностной характеристикой. Общая часть кодифицированного нормативного акта представляет собой нормативную модель фактической системы, закрепляющую в правовой форме системное представление о фактических предпосылках правового регулирования. Эта модель строится на основе принципов пандектной кодификации, в частности обособления общих положений, специализации правовых норм и нормативной экономии.

В условиях цифровизации теория нормативных моделей фактических систем приобретает новое значение: формализованные модели, закрепленные в общей части кодекса, могут служить основой для развития технологий машиночитаемого права. Дальнейшее развитие теории фактических систем и совершенствование на ее основе кодификационной техники является перспективным направлением юридической науки, способствующим повышению эффективности правового регулирования.

Список литературы

- Абрамова А.И. 2018. Современные тенденции интеграции и дифференциации правового регулирования. *Журнал российского права*, 9(261): 29–38. DOI [10.12737/art_2018_9_3](https://doi.org/10.12737/art_2018_9_3).
- Афанасьев С.Ф. 2023. Заметки об институционно-пандектном подходе в частном праве и цивилистическом процессе: история и современность. *Вестник гражданского процесса*, 13(5): 49–88. DOI [10.24031/2226-0781-2023-13-5-49-88](https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-49-88).

- Бакирова Д.М. 2023. Системность фактических предпосылок движения права как новое направление развития теории юридических фактов. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*, 13(2): 21–31. DOI [10.21869/2223-1501-2023-13-2-21-31](https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-21-31).
- Безверхов А.Г., Голенко Д.В. 2024. О соотношении Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*, 4(116): 39–48. DOI [10.17803/2311-5998.2024.116.4.039-048](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.116.4.039-048).
- Зенкина А.В., Гречкина Е.С. 2022. Процессуальный юридический факт как общетеоретическое понятие: сопоставление позиций и необходимость продолжения разработки. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 6(149): 53–58. DOI [10.24412/2227-7315-2022-6-53-58](https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-6-53-58).
- Илиджев А.А., Абуталипов А.Р. 2025. Концептуальные основы определения специфики Общей части уголовного права России. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 16(59): 74–82. DOI [10.37973/VESTNIKKUI-2025-59-8](https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2025-59-8).
- Илюхина В.А. 2021. Универсальная модель закрепления принципов права в кодифицированных нормативных правовых актах (общетеоретическое исследование). *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 2(54): 31–35. DOI [10.36511/2078-5356-2021-2-31-35](https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-2-31-35).
- Исаков В.Б. 1984. Юридические факты в советском праве. М., Юридическая литература, 144 с.
- Коркунов Н.М. 1909. Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб., Издание Юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 354 с.
- Пронина М.П. 2016. Юридическая техника системы построения Общей части уголовного права. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 2(34): 195–199.
- Ренненкампф Н.К. 1889. Юридическая энциклопедия. СПб., Н.Я. Оглоблин, 295 с.
- Серегина Е.А. 2023. Взаимосвязь институтов общей и особенной частей уголовного права. *Актуальные исследования*, 36(166): 66–68.
- Тонков Е.Е., Синенко В.С. 2022. Роль правовых принципов в формировании отраслевой модели системы права. *Современное право*, 11: 21–34. DOI [10.25799/NI.2022.36.85.004](https://doi.org/10.25799/NI.2022.36.85.004).
- Цуканова Е.Ю. 2021. Понятие и виды фактических общностей в современной теории права. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 25(2): 395–413. DOI [10.22363/2313-2337-2021-25-2-395-413](https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-2-395-413).
- Шафалович А.А. 2022. Понимание юридических фактов: общеправовой аспект против отраслевого аспекта? *Актуальные проблемы гражданского права*, 2(20): 102–114.

References

- Abramova A.I. 2018. Modern trends in integration and differentiation of legal regulation. *Journal of Russian law*, 9(261): 29–38 (in Russian). DOI [10.12737/art_2018_9_3](https://doi.org/10.12737/art_2018_9_3).
- Afanas'ev S.F. 2023. Zametki ob institucionno-pandektnom podhode v chastnom prave i civilisticheskom processe: istorija i sovremennost' [Notes on the Institutional-Pandect Approach in Private Law and Civil Procedure: History and Modernity]. *Vestnik grazhdanskogo processa*, 13(5): 49–88 (in Russian). DOI [10.24031/2226-0781-2023-13-5-49-88](https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-5-49-88).
- Bakirova D.M. 2023. The systemic nature of the factual prerequisites for the movement of law as a new direction in the development of the theory of legal facts. *Proceedings of the Southwest State University Series: History and Law*, 13(2): 21–31 (in Russian). DOI [10.21869/2223-1501-2023-13-2-21-31](https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-21-31).
- Bezverhov A.G., Golenko D.V. 2024. On the correlation of the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 4(116): 39–48 (in Russian). DOI [10.17803/2311-5998.2024.116.4.039-048](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.116.4.039-048).
- Zenkina A.V., Grechkina E.S. 2022. Procedural legal fact as a general theoretical concept: comparison of positions and the need for further development. *Saratov state law academy bulletin*, 6(149): 53–58 (in Russian). DOI [10.24412/2227-7315-2022-6-53-58](https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-6-53-58).
- Ilidzhev A.A., Abutalipov A.R. 2025. Konceptual'nye osnovy opredeleniya specifiki Obshchej chasti ugovnogo prava Rossii [Conceptual foundations for determining the specifics of the General Part of Russian criminal law]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 16(59): 74–82. DOI [10.37973/VESTNIKKUI-2025-59-8](https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2025-59-8).

- Ilyuhina V.A. 2021. A universal model for consolidating legal principles in codified normative legal acts (a general theoretical study). *Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2(54): 31–35 (in Russian). DOI [10.36511/2078-5356-2021-2-31-35](https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-2-31-35).
- Isakov V.B. 1984. YUridicheskie fakty v sovetskom prave [Legal Facts in Soviet Law]. Moscow, Publ. YUridicheskaya literatura, 144 p.
- Korkunov N.M. 1909. Lekcii po obshchej teorii prava/ 9-e izd. [Lectures on the General Theory of Law (9th ed.)]. SPb., Publ. Izdanie YUridicheskogo knizhnogo magazina N.K. Martynova, 354 p.
- Pronina M.P. 2016. Legal technique of the system for constructing the General Part of criminal law. *Legal Science and Practice. Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2(34): 195–199 (in Russian).
- Rennenkampf N.K. 1889. YUridicheskaya enciklopediya. SPb., Publ. N.YA. Ogloblin, 295 p. (in Russian).
- Seregina E.A. 2023. The interrelation of institutions of the General and Special Parts of criminal law. *Current Research*, 36(166): 66–68 (in Russian).
- Tonkov E.E., Sinenko V.S. 2022. The role of legal principles in the formation of a sectoral model of the legal system. *Modern Law*, 11: 21–34 (in Russian). DOI [10.25799/NL.2022.36.85.004](https://doi.org/10.25799/NL.2022.36.85.004).
- Cukanova E.YU. 2021. The concept and types of factual communities in the modern theory of law. *RUDN Journal of Law*, 25(2): 395–413 (in Russian). DOI [10.22363/2313-2337-2021-25-2-395-413](https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-2-395-413).
- SHafalovich A.A. 2022. Ponimanie yuridicheskikh faktov: obshchepravovoj aspekt protiv otraslevogo aspekta? [Understanding legal facts: general legal aspect versus sectoral aspect? Current Issues of Civil Law]. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava*, 2(20): 102–114.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.05.2026

Поступила после рецензирования 29.05.2026

Принята к публикации 25.06.2026

Received May 2, 2026

Revised May 29, 2026

Accepted June 25, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цуканова Елена Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, директор Центра патриотического и культурно-нравственного воспитания, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва, Россия.

Бакирова Диана Максимовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры социальных наук и технологий, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena Yu. Tsukanova, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Center for Patriotic and Cultural-Moral Education, National University of Science and Technology MISIS, Moscow, Russia.

Diana M. Bakirova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Technologies, National University of Science and Technology MISIS, Moscow, Russia.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342.5

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-620-631

EDN STOWVN

Конституционно-правовое представительство: понятие, границы и видовое многообразие

Власова У.А., Новикова А.Е.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

vlasova_u@bsuedu.ru, novikova_a@bsuedu.ru

Аннотация. Многообразие форм представительства в публично-правовой сфере и отсутствие единообразных критериев их отраслевой квалификации обуславливают необходимость уточнения содержания конституционно-правового представительства и установления его границ. Несмотря на значительную разработанность проблем народного представительства и отдельных представительских институтов, в конституционно-правовой доктрине сохраняется потребность в системном разграничении собственно конституционно-правового представительства, представительного характера органов публичной власти, конституционных предпосылок отраслевых форм представительства и иных смежных правовых конструкций. Цель исследования состоит в уточнении понятия конституционно-правового представительства, определении его границ и систематизации основных разновидностей. Исследование выполнено с использованием формально-юридического, системно-структурного и юридико-семантического методов. Предложено понимать конституционно-правовое представительство как юридически установленную связь между представляемым и представителем, в рамках которой представитель в силу своего конституционно-правового статуса либо предоставленного ему публично-правового полномочия осуществляет юридически значимое выражение и (или) реализацию воли либо публично значимого интереса представляемого в отношениях, составляющих предмет конституционного права. Установлены признаки, позволяющие отграничить такое представительство от смежных публично-правовых и отраслевых конструкций. Обоснован многокритериальный подход к его систематизации по степени нормативной определенности представительского полномочия на конституционном уровне, представляемому субъекту, способу возникновения представительства, организационной форме осуществления представительской функции и пространству ее реализации. Полученные результаты уточняют отраслевые границы конституционно-правового представительства и формируют теоретическую основу для дальнейшего исследования его отдельных видов.

Ключевые слова: представитель, народное представительство, публичная власть, представительный орган, публичный интерес, представительское полномочие

Для цитирования: Власова У.А., Новикова А.Е. 2026. Конституционно-правовое представительство: понятие, границы и видовое многообразие. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 620–631. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-620-631 EDN: STOWVN

Constitutional and Legal Representation: Concept, Boundaries and Variety

Ulyana A. Vlasova, Alevtina E. Novikova

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
vlasova_u@bsuedu.ru, novikova_a@bsuedu.ru

Abstract. The variety of forms of representation in the public-law sphere and the absence of uniform criteria for their sectoral qualification necessitate clarification of the content and boundaries of constitutional and legal representation. Despite the substantial development of the doctrine of popular representation and individual representative institutions, constitutional law still requires a systematic distinction between constitutional and legal representation proper, the representative character of public authorities, constitutional prerequisites for sectoral forms of representation, and other related legal constructions. The study aims to clarify the concept and boundaries of constitutional and legal representation and to systematize its principal varieties. The research employs formal legal, system-structural and legal-semantic methods. Constitutional and legal representation is understood as a legally established relationship between the represented subject and the representative, within which the representative, by virtue of their constitutional legal status or a public-law authority granted to them, legally expresses and/or implements the will or a publicly significant interest of the represented subject in relations falling within the subject matter of constitutional law. The article identifies criteria distinguishing such representation from adjacent public-law and sectoral constructions and substantiates a multi-criteria approach to its systematization according to the degree of constitutional normative determination of representative authority, the represented subject, the mode of emergence of representation, the organizational form of the representative function, and the sphere of its implementation. The results clarify the sectoral boundaries of constitutional and legal representation and provide a theoretical basis for further study of its individual forms.

Keywords: representative, people's representation, public authority, representative body, public interest, representative authority

For citation: Vlasova U.A., Novikova A.E. 2026. Constitutional and Legal Representation: Concept, Boundaries and Variety. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 620–631 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-620-631 EDN: STOWVN

Введение

Представительство относится к числу устойчивых юридических конструкций, посредством которых обеспечивается участие одного субъекта в правовых отношениях через действия другого лица или органа. Однако содержание данной категории существенно различается в зависимости от отрасли права, характера представляемого интереса и основания возникновения полномочия. В теории права представительство рассматривается как институт [Комаров, Косопкин, 2009], правоотношение [Санникова, 2004], деятельность [Нагорный, 2022]. В цивилистике и процессуальных отраслях акцент традиционно делается на совершении юридически значимых действий от имени другого лица [Коротков, 2016; Летягина, 2025].

В публичном праве представительство связано прежде всего с выражением публичной воли и интересов [Авакьян, 2022; Булаков, Жумабаева, 2018], формированием и функционированием органов публичной власти [Филиппова, 2011; Джагарян, 2009], осуществлением отдельных публично-правовых функций [Липчанская, 2021; Ласынов и др., 2026], формой реализации права [Мархгейм, Косолапова, 2019], а также формой социально-правовой коммуникации [Ласынов и др., 2026]. Такое разнообразие подходов свидетельствует о необходимости четкого разграничения общеправовой конструкции представительства и его отраслевых проявлений.

Наиболее разработанным в конституционно-правовой науке остается народное представительство, связанное с принципом народовластия, выборами и деятельностью представительных органов [Коврякова, 2020; Старостина, 2019]. Вместе с тем текст Конституции Российской Федерации содержит и иные конструкции, в которых представительская функция прямо закрепляется за органом или должностным лицом либо следует из порядка формирования публичных институтов. Поэтому научная задача состоит в выявлении тех признаков, которые позволяют отнести конкретное отношение представительства именно к конституционно-правовой сфере.

В ранее предложенном автором широком подходе представительство характеризовалось как комплексный межотраслевой институт, объединяющий частноправовые и публично-правовые проявления [Власова, 2025, с. 378]. Данное положение сохраняет значение для общеправового понимания представительства, однако применительно к предмету настоящего исследования требует уточнения. Межотраслевая природа представительства как родовой юридической конструкции не означает, что всякая его отраслевая форма является конституционно-правовой. Отрасль конституционного права закрепляет собственные представительские отношения и одновременно формирует нормативные предпосылки для развития отдельных форм представительства в иных отраслях.

Цель настоящего исследования состоит в уточнении понятия конституционно-правового представительства, определении границ данного явления и систематизации его основных разновидностей. Научная новизна исследования состоит в уточнении юридической природы конституционно-правового представительства посредством его характеристики как юридически установленной связи между представляемым и представителем; обосновании критериев разграничения собственно конституционно-правового представительства, представительного характера органов публичной власти, конституционных предпосылок отраслевых форм представительства и иных смежных конструкций; разработке многокритериальной модели систематизации его основных разновидностей.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования составили положения Конституции Российской Федерации, закрепляющие представительскую функцию субъектов публичной власти, представительный характер публичных институтов, а также конституционные предпосылки отдельных отраслевых форм представительства. В целях разграничения конституционно-правового и иных видов представительства учитывались положения федерального законодательства и иных нормативных правовых актов, конкретизирующих соответствующие конституционные конструкции.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системно-структурный методы и метод классификации. Формально-юридический метод использован для выявления нормативных оснований и содержания представительской функции; системно-структурный – для определения места представительства в системе конституционно-правового регулирования и его соотношения со смежными публично-правовыми конструкциями; классификации – для построения самостоятельных рядов видов конституционно-правового представительства по различным юридически значимым основаниям. Вспомогательное значение имеет юридико-семантический анализ употребления в Конституции Российской Федерации лексем с корнем «представ-», результаты которого оцениваются не изолированно, а во взаимосвязи с содержанием соответствующих конституционных норм.

Доктринальную основу исследования составили труды по общей теории представительства, народному и публично-правовому представительству, представительному характеру органов публичной власти и отдельным формам реализации представительской функции. Их сопоставление использовано для выявления общеправовых характеристик представительства и определения критериев его отраслевой конституционно-правовой квалификации.

Понятие и границы конституционно-правового представительства

Для целей настоящего исследования под конституционно-правовым представительством предлагается понимать юридически установленную связь между представляемым и представителем, в рамках которой представитель в силу своего конституционно-правового статуса либо предоставленного ему публично-правового полномочия осуществляет юридически значимое выражение и (или) реализацию воли либо публично значимого интереса представляемого в отношениях, составляющих предмет конституционного права.

Предлагаемое определение позволяет выделить несколько существенных признаков конституционно-правового представительства. Во-первых, оно предполагает наличие юридически определенных представляемого и представителя. Во-вторых, юридическая связь между ними устанавливается нормами публичного права и обусловлена конституционно-правовым статусом соответствующих субъектов. В-третьих, представительская функция состоит в юридически значимом выражении и (или) реализации воли либо публично значимого интереса представляемого. В-четвертых, данная функция осуществляется в отношениях, составляющих предмет конституционного права. В-пятых, конституционно-правовое представительство не предполагает обязательного подчинения воли представителя воле представляемого и потому не может конструироваться по модели частноправового поручения. Совокупность названных признаков позволяет определять конституционно-правовую природу представительства не по формальному наличию конституционной нормы в основании соответствующего института, а по содержанию осуществляемой функции, статусу ее субъектов и включенности представительства в сферу конституционно-правового регулирования.

Такой подход позволяет отграничить представительство от смежных конституционно-правовых явлений. В частности, управление не тождественно представительству: наличие у должностного лица властной компетенции еще не означает, что каждое его действие совершается в представительском качестве. Не тождественно представительству и простое выражение социальных интересов, если отсутствуют юридически определенные представитель и представляемый, а также правовое основание соответствующего полномочия. Полагаем, в данном контексте методологически значимо разграничение представительства и взаимодействия. В ранее проведенных исследованиях А.Е. Новиковой правозащитное взаимодействие раскрывается через формы сотрудничества субъектов публичной власти и иных институций, направленные на обеспечение прав человека [Новикова, 2024]. Сходным образом во взаимодействии полиции и общественных организаций выявляются самостоятельные субъектные и функциональные характеристики соответствующих правозащитных связей [Новикова, Соболева, 2022]. С учетом этого взаимодействие, сотрудничество, защита интересов и представительство могут соприкасаться в публично-правовой сфере, однако не должны презюмироваться тождественными. Для квалификации отношения как представительского необходимы юридически определенная связь представляемого и представителя и направленность полномочия на выражение либо осуществление воли или публично значимого интереса представляемого субъекта.

Необходимо разграничивать также представительство как правовую конструкцию и представительный характер органа. В ст. 94 Конституции Российской Федерации Федеральное Собрание прямо определено как представительный и законодательный орган Российской Федерации. Представительность здесь является конституционной характеристикой парламента, которая раскрывается через его формирование, структуру и связь с источником публичной власти. При этом конкретные отношения представительства внутри парламентской системы могут иметь различный субъектный и организационный характер. Представительный характер органа, таким образом, выступает свойством его конституционно-правового статуса, тогда как представительство

характеризует определенную юридическую связь и осуществляемую в ее рамках функцию. Представительный орган может являться организационной формой осуществления конституционно-правового представительства, однако данные категории не совпадают.

Представительство в тексте Конституции: юридико-семантическое разграничение

Обращение к лексемам с корнем «представ-» в Конституции Российской Федерации имеет вспомогательное значение и не может само по себе служить доказательством распространенности института представительства. Однокоренные слова используются в разных юридических значениях. Поэтому лексический анализ должен дополняться содержательной юридической интерпретацией.

В первую группу, полагаем, следует включить положения о собственно представительской функции или статусе. К ним относятся, в частности, ч. 4 ст. 80 Конституции Российской Федерации, согласно которой Президент Российской Федерации представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях; положения ст. 95 о представителях субъектов Российской Федерации и представителях Российской Федерации в Совете Федерации; нормы о дипломатических представителях, назначение и отзыв которых относятся к полномочиям Президента Российской Федерации. Вторую группу образуют нормы о представительном характере органов публичной власти. Наиболее очевидный пример – ст. 94 Конституции Российской Федерации, закрепляющая представительный характер Федерального Собрания. В данном случае речь идет не о персональном представительстве в частноправовом смысле, а об институциональном выражении публичной воли посредством специально сформированного органа. Третья группа охватывает иные случаи употребления однокоренной терминологии, не образующие отношения представительства. К ним относятся «представление» кандидатур для назначения или утверждения на должность. Внесение кандидатуры является элементом процедуры формирования органа или замещения должности, но не означает осуществления представительского полномочия в отношении представляемого субъекта. Следовательно, такие случаи должны быть исключены из числа собственно представительских конструкций.

Указанное разграничение позволяет избежать методологической ошибки, при которой лексическое сходство подменяет юридическую однородность. Для классификации имеют значение не все случаи употребления слов с соответствующим корнем, а только те конституционные нормы и основанные на них публично-правовые механизмы, в которых присутствуют обязательные признаки представительского отношения.

Непосредственное конституционное закрепление и конституционные предпосылки представительства

Особое значение имеет разграничение непосредственного закрепления конституционно-правового представительства и конституционных предпосылок иных отраслевых форм представительства. Конституция Российской Федерации обладает учредительным характером, однако из этого не следует, что всякий институт, обеспечивающий реализацию конституционного права, становится конституционно-правовым по своей отраслевой природе [Нарутто, 2023, с. 63].

Так, ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Это положение создает важнейшую конституционную гарантию защиты прав и является нормативной предпосылкой для развития адвокатской деятельности и процессуального представительства. Вместе с тем юридическая помощь и представительство не

тождественны: помощь может оказываться без совершения действий от имени представляемого. Поэтому профессиональное юридическое представительство следует рассматривать как отраслевой институт, имеющий конституционную основу.

Аналогичным образом ст. 38 Конституции Российской Федерации закрепляет государственную защиту материнства, детства и семьи, а также равные права и обязанности родителей по заботе о детях. Однако сама Конституция не устанавливает конструкции законного представительства родителей. Она конкретизируется семейным законодательством. Следовательно, родительское представительство также не должно включаться в классификацию конституционно-правового представительства как его самостоятельный вид; корректнее говорить о конституционных предпосылках отраслевого института законного представительства.

Такой подход позволяет сохранить учредительное значение Конституции и одновременно избежать чрезмерного расширения предмета конституционного права. Конституционные нормы могут служить правовой основой для отраслевого регулирования, не превращая соответствующий частноправовой, семейно-правовой или процессуальный институт в разновидность конституционно-правового представительства.

Основные формы конституционно-правового представительства

Системообразующее значение для конституционно-правового представительства имеют положения о народовластии. В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации многонациональный народ является носителем суверенитета и единственным источником власти и осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Часть 1 ст. 32 дополнительно закрепляет право граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. В совокупности эти нормы формируют конституционную основу народного представительства.

Народное представительство выражает институциональную связь между источником публичной власти и сформированными в предусмотренном Конституцией порядке органами. Его нельзя сводить к частноправовой конструкции действия «от имени» конкретного доверителя. В публично-правовом измерении представительство означает опосредованное осуществление народовластия через институты, получающие демократическую легитимацию и публичный мандат. Именно поэтому народное представительство является исходной и наиболее характерной разновидностью конституционно-правового представительства [Авакьян, 2022; Червинская, 2023]. При этом воля и публично значимый интерес представляемого не должны рассматриваться как тождественные категории. Воля характеризует юридически значимый результат волеобразования соответствующего субъекта, тогда как публично значимый интерес отражает юридически признаваемую направленность деятельности публично-правового субъекта на достижение и обеспечение конституционно значимых целей и благ. В различных представительских конструкциях соотношение этих начал неодинаково: народное представительство в большей степени связано с институциональным выражением публичной воли, тогда как федеративное и территориальное представительство может предполагать также выражение и согласование публично значимых интересов соответствующих образований. Такое разграничение препятствует чрезмерно широкому использованию категории интереса как универсального признака представительства.

Самостоятельное значение имеет представительство Российской Федерации Президентом. Часть 4 ст. 80 Конституции Российской Федерации прямо закрепляет, что Президент представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях. Здесь представительская функция непосредственно включена в

конституционный статус главы государства и не требует дополнительного уполномочивания. Она имеет как внутригосударственное, так и внешнее измерение. При этом иные полномочия Президента, включая полномочия Верховного Главнокомандующего, не следует автоматически квалифицировать как самостоятельные разновидности представительства: наличие публичной компетенции само по себе не образует представительского отношения.

Федеративное представительство наиболее отчетливо проявляется в порядке формирования Совета Федерации. Конституция Российской Федерации предусматривает представителей субъектов Российской Федерации, а также представителей Российской Федерации в Совете Федерации. Данная конструкция отражает территориально-федеративное измерение представительства и позволяет учитывать в федеральном законодательном процессе интересы составных частей Федерации и Российской Федерации как публично-правовых субъектов. Представительство субъектов в Совете Федерации отличается от народного представительства по непосредственному представляемому субъекту и механизму формирования представительской связи [Федоров, 2025]. Вместе с тем конституционно-правовое представительство не предполагает юридического подчинения воли представителя воле представляемого субъекта. Представительство субъекта Российской Федерации в Совете Федерации не образует отношения поручения и не порождает императивного мандата: сенатор Российской Федерации, сохраняя представительскую связь с соответствующим субъектом Федерации, осуществляет полномочия члена федерального законодательного органа в пределах установленного Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством статуса.

Особого обоснования требует отнесение деятельности полномочных представителей Президента Российской Федерации к конституционно-правовому представительству. Само по себе закрепление в Конституции Российской Федерации полномочия Президента назначать и освобождать полномочных представителей еще не предопределяет отраслевую природу всех возникающих в связи с их деятельностью отношений. Вместе с тем представительство в данном случае производно от конституционно-правового статуса главы государства: полномочный представитель действует от имени Президента в пределах установленной публично-правовой компетенции. Поэтому для целей настоящего исследования данная конструкция может быть отнесена к конституционно-правовому представительству лишь в той части, в которой она непосредственно обеспечивает реализацию конституционных функций Президента, а не текущую административно-управленческую деятельность.

Внешнее измерение конституционно-правового представительства наиболее непосредственно проявляется в закреплённой ч. 4 ст. 80 Конституции Российской Федерации функции Президента представлять Российскую Федерацию в международных отношениях. Дипломатическое представительство и деятельность постоянных представительств при международных организациях имеют самостоятельное международно-правовое регулирование и потому не должны без дополнительного обоснования включаться в число видов конституционно-правового представительства. В рамках настоящего исследования целесообразно ограничиться конституционно-правовым аспектом внешнего представительства государства, не подменяя им международно-правовой институт дипломатического представительства.

Вопрос о включении деятельности политических партий, общественных, религиозных и этнокультурных объединений в состав конституционно-правового представительства требует более осторожного решения. Эти субъекты, безусловно, участвуют в выражении, артикуляции и защите коллективных интересов, однако конституционное признание политического многообразия, свободы объединений, свободы совести или права на национальную самоидентификацию само по себе не

устанавливает представительского полномочия. Смежность соответствующих правовых механизмов особенно заметна в правозащитной сфере, где общественные институты вступают во взаимодействие с органами публичной власти, не приобретая вследствие самого факта такого взаимодействия статуса представителей населения или социальной группы. Подобный подход согласуется с результатами исследований правозащитных сопряжений органов местного самоуправления и уполномоченных по правам человека, в которых предметом анализа выступают именно формы институционального взаимодействия, а не презюмируемое отношение представительства [Новикова, 2024]. Поэтому в рамках настоящей классификации деятельность названных объединений не рассматривается как самостоятельный вид конституционно-правового представительства. Она может составлять предмет отдельного исследования политической и социальной репрезентации, а также механизмов выражения коллективных интересов.

Классификация конституционно-правового представительства

Первым основанием классификации является степень нормативной определенности представительского полномочия на конституционном уровне. По данному критерию следует различать представительство, содержание которого непосредственно закреплено Конституцией Российской Федерации, и представительство, конституционная основа которого получает последующую нормативную конкретизацию. В первом случае Конституция прямо устанавливает представительскую функцию и включает ее в статус соответствующего субъекта; наиболее очевидным примером является предусмотренное ч. 4 ст. 80 представительство Российской Федерации Президентом Российской Федерации. Во втором случае конституционные нормы закрепляют исходную представительскую конструкцию либо статус ее субъектов, тогда как содержание, пределы и порядок осуществления представительской функции раскрываются в законодательстве и иных нормативных правовых актах. Такое деление характеризует не формальную иерархию источников, а степень нормативной определенности представительской функции непосредственно в конституционном тексте.

Вторым основанием выступает представляемый субъект. С учетом неоднородности конституционно-правовых субъектов данный ряд целесообразно рассматривать как типологию основных субъектных моделей представительства, а не как исчерпывающее деление. В его рамках могут быть выделены: 1) представительство многонационального народа Российской Федерации; 2) представительство Российской Федерации; 3) представительство субъектов Российской Федерации; 4) представительство населения муниципального образования. Особого учета требует конституционная категория граждан, поскольку ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации закрепляет их право участвовать в управлении делами государства через своих представителей. Вместе с тем граждане и многонациональный народ не могут отождествляться как единый представляемый субъект: народ выступает носителем суверенитета и единственным источником власти, тогда как граждане являются носителями индивидуального конституционного права политического участия. Поэтому вопрос о самостоятельной субъектной модели представительства граждан требует специального исследования и не должен решаться посредством механического включения граждан в категорию народного представительства.

Третьим критерием является способ возникновения конституционно-правового представительства. Непосредственное представительство имеет место в случаях, когда формирование представителя обусловлено непосредственным волеизъявлением представляемого сообщества в предусмотренной законом процедуре, прежде всего посредством выборов. Такая непосредственность не означает передачи полномочий по модели частноправового поручения и должна оцениваться с учетом природы свободного публичного мандата. Опосредованное представительство возникает тогда, когда

представитель формируется или назначается иным публичным органом либо должностным лицом в порядке, установленном публичным правом. Данный критерий характеризует способ возникновения представительства, а не нормативный источник соответствующего полномочия.

Четвертым основанием является организационная форма осуществления представительской функции. По данному критерию возможно разграничение институционального представительства, реализуемого посредством специально сформированного публичного органа, и персонально-должностного представительства, осуществляемого конкретным должностным лицом в силу его конституционно-правового статуса. При этом представительный характер органа и осуществляемое посредством него представительство не являются тождественными категориями: первый характеризует статус и способ организации органа, второе – юридическую связь и функцию, реализуемую в рамках соответствующего института.

Пятым основанием выступает пространство реализации представительской функции. По этому критерию конституционно-правовое представительство подразделяется на внутригосударственное и внешнее (международное). Внутригосударственное реализуется в рамках национальной системы публичной власти и отношений между федеральным, региональным и муниципальным уровнями. Внешнее осуществляется в международных отношениях и взаимодействии с иностранными государствами и международными организациями. Использование категории «надгосударственное представительство» для дипломатической деятельности представляется неточным, поскольку изменение пространства реализации полномочия не изменяет представляемого суверенного субъекта.

Предложенные основания не конкурируют между собой, поскольку характеризуют различные стороны одного явления. Так, представительство Российской Федерации Президентом одновременно относится к представительству с непосредственным конституционным закреплением функции, к представительству Российской Федерации по субъектному критерию, к персонально-должностной форме и может реализовываться как во внутригосударственном, так и во внешнем пространстве. Представительство субъекта Российской Федерации в Совете Федерации характеризуется по субъектному критерию как представительство субъекта Федерации, по способу возникновения представительства – как опосредованное, а по организационной форме – как персонально-должностное. Многокритериальный подход в данном случае позволяет последовательно охарактеризовать одну представительскую конструкцию по нескольким самостоятельным основаниям, не допуская пересечения членов одного классификационного ряда.

Заключение

Проведенный анализ позволяет уточнить границы конституционно-правового представительства. Его не следует отождествлять ни с общеправовым институтом представительства в целом, ни с любыми формами выражения, защиты или согласования интересов. Конституционно-правовая специфика данного явления определяется юридически установленной связью между представляемым и представителем, конституционно-правовым статусом соответствующих субъектов, содержанием представительской функции и ее осуществлением в отношениях, составляющих предмет конституционного права.

Конституция Российской Федерации одновременно выполняет несколько функций в сфере представительства. В одних случаях она непосредственно закрепляет представительскую функцию, как в отношении Президента Российской Федерации, в других – устанавливает представительный характер органов и основы их формирования. Наконец, отдельные конституционные права и гарантии создают предпосылки для существования отраслевых форм представительства, не превращая их тем самым в разновидности конституционно-правового представительства. Разграничение этих уровней позволяет избежать неоправданного расширения предмета исследования.

Предлагаемая классификационная модель строится по нескольким самостоятельным основаниям: степени нормативной определенности представительского полномочия на конституционном уровне, представляемому субъекту, способу возникновения представительства, организационной форме осуществления представительской функции и пространству ее реализации. Многокритериальный характер модели проявляется в возможности последовательной характеристики одной представительской конструкции по различным критериям при сохранении единства основания внутри каждого классификационного ряда.

Таким образом, конституционно-правовое представительство характеризуется совокупностью взаимосвязанных субъектных, нормативных и функциональных признаков, позволяющих отграничить его от смежных публично-правовых и отраслевых конструкций. Предложенный многокритериальный подход ориентирован не только на систематизацию основных разновидностей конституционно-правового представительства, но и на выявление особенностей его реализации в различных сферах конституционно-правового регулирования.

Список литературы

- Авакян С.А. 2022. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М., Юстицинформ, 484 с.
- Булаков О.Н., Жумабаева А.А. 2018. Теоретические основы института публичного представительства. *Проблемы экономики и юридической практики*, 3: 124–127.
- Власова У.А. 2025. Институт представительства в конституционном праве. *Право и государство: теория и практика*, 10: 375–379. DOI: [10.47643/1815-1337_2025_10_375](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_10_375)
- Джагарян Н.В. 2009. К обоснованию концепции муниципальной представительной демократии в России (конституционно-правовой аспект). *Terra Economicus*, 7(4–3): 56–59.
- Коврякова Е.В. 2020. Народное представительство. Вчера, сегодня, завтра. М., Юнити-Дана, 271 с.
- Комаров С.А., Косопкин А.С. 2009. Представительство в конституционном праве. *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*, 1(88): 1–4.
- Коротков Д.Б. 2016. Юридическая природа правоотношения представительства. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция*, 15-3(32): 106–111. DOI: [10.15688/jvolsu5.2016.3.16](https://doi.org/10.15688/jvolsu5.2016.3.16)
- Ласынов Р.Р., Ромашов Р.А., Сафин З.Ф. 2026. Институт публичного представительства как форма социально-правовой коммуникации. *Ленинградский юридический журнал*, 1(83): 64–83. DOI: [10.35231/18136230_2026_1_64](https://doi.org/10.35231/18136230_2026_1_64)
- Летягина Е.А. 2025. Судебное представительство в гражданском процессе: современные проблемы и пути их решения. *Право и государство: теория и практика*, 7: 409–411. DOI: [10.47643/1815-1337_2025_7_409](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_7_409)
- Липчанская М.А. 2021. Представительная функция институтов представительной демократии: проблемы реализации на современном этапе. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, 2(58): 16–27. DOI: [10.21685/2072-3016-2021-2-2](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-2-2)
- Мархгейм М.В., Косолапова Н.А. 2019. Право на квалифицированную юридическую помощь в конституционном судебном процессе. М., Издательский дом «Юр-ВАК», 113 с.
- Нагорный И.Е. 2022. Правовая природа института представительства в конституционном судопроизводстве. *Вестник Поволжского института управления*, 22(6): 49–56. DOI: [10.22394/1682-2358-2022-6-49-56](https://doi.org/10.22394/1682-2358-2022-6-49-56)
- Нарутто С.В. 2023. Функции Конституции Российской Федерации. *Актуальные проблемы российского права*, 18-10(155): 61–69. DOI: [10.17803/1994-1471.2023.155.10.061-069](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.061-069)
- Новикова А.Е. 2024. Права человека в деятельности органов местного самоуправления: конституционные основы правозащитных сопряжений. *Вопросы государства и права*, 2(5): 53–59. DOI: [10.24888/2949-3293-2024-2-5-53-59](https://doi.org/10.24888/2949-3293-2024-2-5-53-59)
- Новикова А.Е., Соболева М.М. 2022. Правозащитное взаимодействие полиции и общественных организаций в России. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 47(3): 516–524.
- Санникова Л.В. 2004. Договоры о представительстве. *Журнал российского права*, 4: 54–59.

- Старостина И.А. 2019. Народное представительство: современные конституционно-правовые подходы. *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*, 5: 36–49.
- Федоров В.В. 2025. Понятие и публично-правовая природа статуса депутата органа народного представительства. *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина*, 2: 112–118.
- Филиппова Н.А. 2011. Юридическое содержание публичного представительства в доктрине конституционного права. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 11: 489–512.
- Червинская А.П. 2023. Институт народного представительства в системе конституционных принципов Российской Федерации. *Вестник Поволжского института управления*, 23(3): 17–25. DOI: [10.22394/1682-2358-2023-3-17-25](https://doi.org/10.22394/1682-2358-2023-3-17-25)

References

- Avak'yan S.A. 2022. Representation in Constitutional Law: Theoretical and Practical Issues. Moscow, Publ. Yustitsinform, 484 p. (In Russian).
- Bulakov O.N., Zhumabaeva A.A. 2018. Theoretical foundations of the institution of public representation. *Economic problems and legal practice*, 3: 124–127. (In Russian).
- Vlasova U.A. 2025. Institute of representation in Constitutional law. *Law and state: the theory and practice*, 10: 375–379. DOI: [10.47643/1815-1337_2025_10_375](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_10_375) (In Russian).
- Dzhagaryan N.V. 2009. K obosnovaniyu kontseptsii munitsipal'noi predstavitel'noi demokratii v Rossii (konstitutsionno-pravovoi aspekt) [Towards a justification of the concept of municipal representative democracy in Russia (constitutional and legal aspect)]. *Terra Economicus*, 7(4–3): 56–59.
- Kovryakova E.V. 2020. Narodnoe predstavitel'stvo. Vchera, segodnya, zavtra [People's Representation: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow, Publ. Yuniti-Dana, 271 p.
- Komarov S.A., Kosopkin A.S. 2009. Predstavitel'stvo v konstitutsionnom prave [Representation in Constitutional law]. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy*, 1(88): 1–4.
- Korotkov D.B. 2016. The legal nature of representation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*, 15-3(32): 106–111. DOI: [10.15688/jvolsu5.2016.3.16](https://doi.org/10.15688/jvolsu5.2016.3.16) (In Russian).
- Lasynov R.R., Romashov R.A., Safin Z.F. 2026. The Institution of Public Representation as a Form of Social and Legal Communication. *Leningrad legal journal*, 1 (83): 64–83. DOI: [10.35231/18136230_2026_1_64](https://doi.org/10.35231/18136230_2026_1_64) (In Russian).
- Letyagina E.A. 2025. Judicial representation in civil proceedings: modern problems and ways to solve them. *Law and state: the theory and practice*, 7: 409–411. DOI: [10.47643/1815-1337_2025_7_409](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_7_409) (In Russian).
- Lipchanskaya M.A. 2021. The representative function of the institutions of representative democracy: issues of implementation at the present stage. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, 2(58): 16–27. DOI: [10.21685/2072-3016-2021-2-2](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-2-2) (In Russian).
- Markhgeim M.V., Kosolapova N.A. 2019. Pravo na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' v konstitutsionnom sudebnom protsesse [The right to qualified legal assistance in constitutional litigation]. M., Izdatel'skii dom «Yur-VAK», 113 p.
- Nagornyi I.E. 2022. Legal nature of the institution of representation in Constitutional proceedings. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 22, 6: 49–56. DOI: [10.22394/1682-2358-2022-6-49-56](https://doi.org/10.22394/1682-2358-2022-6-49-56) (In Russian).
- Narutto S.V. 2023. Functions of the Constitution of the Russian Federation. *Actual problems of Russian law*, 18-10(155): 61–69. DOI: [10.17803/1994-1471.2023.155.10.061-069](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.155.10.061-069) (In Russian).
- Novikova A.E. 2024. Human rights in the activities of local self-government bodies: constitutional grounds for human rights relations. *Questions of state and law*, 2(5): 53–59. DOI: [10.24888/2949-3293-2024-2-5-53-59](https://doi.org/10.24888/2949-3293-2024-2-5-53-59) (In Russian).
- Novikova A.E., Soboleva M.M. 2022. Human Rights Cooperation Between the Police and Public Organizations in Russia. *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*, 47(3): 516–524. (In Russian)

- Sannikova L.V. 2004. Brokerage contracts. *Journal of Russian law*, 4: 54–59. (In Russian).
- Starostina I.A. 2019. Narodnoe predstavitel'stvo: sovremennye konstitutsionno-pravovye podkhody [People's representation: modern constitutional and legal approaches]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, 5: 36–49.
- Fedorov V.V. 2025. The concept and public-legal nature of the status of a deputy of the people's representative body. *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2: 112–118. (In Russian).
- Filippova N.A. 2011. The juridical contents of public representation: constitutional law doctrine bases. *Research yearbook (Institute of Philosophy and Law. The Urals Division of the Russian Academy of Sciences)*, 11: 489–512. (In Russian).
- Chervinskaya A.P. 2023. The Institute of Popular Representation in the System of Constitutional Principles of the Russian Federation. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 23(3): 17–25. DOI: [10.22394/1682-2358-2023-3-17-25](https://doi.org/10.22394/1682-2358-2023-3-17-25) (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.06.2026

Поступила после рецензирования 24.07.2026

Принята к публикации 20.08.2026

Received June 15, 2026

Revised July 24, 2026

Accepted August 20, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Власова Ульяна Александровна, аспирант кафедры конституционного и международного права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Новикова Алевтина Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ulyana A. Vlasova, Postgraduate Student of the Department of Constitutional and International Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Alevtina E. Novikova, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-632-638

EDN YAQUVZ

Интерес как правовая категория

¹ Синенко В.С., ² Федорященко А.С.

¹ Московский областной филиал РАНХиГС

Россия, 143402, г. Красногорск, ул. Речная, д. 8А

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

vsinenko@mail.ru, fedoryashenko@bsuedu.ru

Аннотация. Важность и значимость понятийного аппарата в любой сфере правовой действительности отмечают на протяжении всей истории развития юриспруденции. Одним из правовых понятий, нуждающихся в дополнительном исследовании, является интерес. Целью работы является выработка авторского подхода к правовому понятию «интерес», его структуре и механизму правового опосредования. В результате анализа правовой категории «интерес» сделан вывод, что интерес необходимо рассматривать через призму двух взаимосвязанных аспектов: как объективную потребность, требующую правового опосредования, и как субъективное стремление к достижению социально значимых благ. Обосновано, что структурно интерес включает три элемента: материальный (объективно существующая потребность), волевой (стремление к реализации), нормативный (правовые средства удовлетворения). Дано определение законного интереса как специфического инструмента дозволительного способа правового опосредования.

Ключевые слова: правовая категория, законный интерес, правовое опосредование, частный интерес, публичный интерес, структура интереса, субъективное право

Для цитирования: Синенко В.С., Федорященко А.С. 2026. Интерес как правовая категория. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 632–638. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-632-638 EDN: YAQUVZ

Interest as a Legal Category

¹ Vladimir S. Sinenko, ² Aleksey S. Fedoryashchenko

¹ Moscow Regional Branch of RANEP

8A Rechnaya St., Krasnogorsk 143402, Russian Federation

² Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

vsinenko@mail.ru, fedoryashenko@bsuedu.ru

Abstract. The importance and significance of the conceptual apparatus in any sphere of legal reality has been recognized throughout the history of jurisprudence development. One of the legal concepts that requires additional research is interest. The purpose of the work is to develop the authors' approach to the legal concept of "interest", its structure and mechanism of legal mediation. The analysis shows that interest should be considered through the prism of two interrelated aspects: as an objective need requiring legal mediation, and as a subjective desire to achieve socially significant benefits. It is substantiated that in terms of structure, interest includes three elements: the material (objectively existing need), the volitional (desire for implementation), and the normative (legal means of satisfaction) ones. A definition of legitimate interest is provided as a specific tool of the permissive method of legal mediation.

Keywords: legal category, legitimate interest, legal mediation, private interest, public interest, structure of interest, subjective right

For citation: Sinenko V.S., Fedoryaschenko A.S. 2026. Interest as a Legal Category. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 632–638 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-632-638 EDN: YAQUVZ

Введение

Важность и значимость понятийного аппарата в любой сфере правовой действительности отмечали и отмечают на протяжении всей истории развития юриспруденции. Право может и должно быть определенным – это положение сформулировано юристами Древнего Рима в Дигестах Юстиниана. Г.В.Ф. Гегель отметил, что «как бы ни были достоверны факты, как бы ни были правильны представления вызванными последствиями, они будут выражать лишь ошибочные впечатления, если у нас не будет точных выражений для их передачи» [Гегель, 2020, с. 14]. Понятие представляет собой фундаментальную категорию мышления, позволяющую раскрывать природу различных явлений через выявление их ключевых характеристик. Сущность понятия заключается в его способности обобщать и концентрировать знания об объекте, отсекая случайные черты и акцентируя внимание на устойчивых, закономерных признаках. «Нельзя в погоне за кратким остаться без определений. Оптимальная форма правового акта – это возможность минимум его текста при возложенном максимуме его нормального содержания» [Малько, 2017, с. 45].

Формулировка и юридическое оформление базовых категорий играют принципиальную роль в развитии правовой доктрины. Этот процесс предполагает тщательный анализ социальных взаимосвязей, в ходе которого выявляются их определяющие характеристики и отсекаются второстепенные элементы. Подобная концептуальная работа создает методологический фундамент для построения целостной системы знаний о механизмах правового воздействия на различные сферы общественной жизни.

Значение четкого определения правовых категорий выходит за рамки чистой теории, приобретая важное прикладное значение. В законодательной практике точное терминологическое обозначение ключевых понятий позволяет четко очертить границы регулируемых отношений, конкретизировать содержание правовых норм, избежать неоднозначного толкования нормативных положений. Качественная понятийная база становится гарантией эффективности правового регулирования, обеспечивая его соответствие актуальным общественным потребностям и тенденциям развития. Одним из правовых понятий, нуждающихся в дополнительном исследовании, является – интерес.

Различным аспектам тематики интереса как правовой категории посвящены труды как отечественных, так и зарубежных исследователей. Значительное внимание проблематике интереса уделено в работах Р. Иеринга [2020], который рассматривал интерес как цель права. Среди отечественных ученых следует выделить исследования А.В. Малько [2017], В.В. Субочева [2013], Н.И. Матузова [2020], которые внесли существенный вклад в разработку теории законных интересов. Однако в теме интереса как правовой категории остаются спорные и нерешенные вопросы. К таковым относится, например, структура интереса, соотношение частных и публичных интересов, механизм их правового опосредования. Недостаточная проработка аспекта интереса в научной литературе приводит к противоречиям в понимании механизмов правового регулирования, что требует более глубокого анализа.

Целью данного исследования является выработка авторского подхода к правовому понятию «интерес», его структуре и механизму правового опосредования.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили правовые тексты и доктринальные позиции в различных отраслях права, касающиеся такой правовой категории как интерес.

В исследовании использовались как общенаучные, так и специальные юридические методы. Применялись методы системного анализа, сравнительно-правового исследования и формально-юридического толкования норм. Системный подход позволил рассмотреть интерес в контексте его структуры и взаимосвязи с иными правовыми категориями, а сравнительно-правовой метод – выявить особенности опосредования различных видов интересов в правовой системе. С помощью формально-юридического метода анализировались правовые предписания на основе их буквального содержания, текст закона исследовался с точки зрения его грамматической структуры, логических связей между терминами, а также системного места нормы в правовом акте.

Понятие и структура интереса как правовой категории

Интерес как правовая категория представляет собой сложный межотраслевой феномен, формирующийся на стыке индивидуальных потребностей, общественных, государственных потребностей и социальных норм. Представляется, что интерес необходимо рассматривать через призму двух взаимосвязанных аспектов: как объективную потребность, требующую правового опосредования, и как субъективное стремление к достижению социально значимых благ. Следовательно, структурно интерес включает три элемента: материальный (объективно существующая потребность), волевой (стремление к реализации), нормативный (правовые средства удовлетворения).

В контексте объективной потребности интерес обусловлен материальными условиями существования носителей интересов (личности, группы, общества, государства и т. д.). Формирование социальных интересов представляет собой сложный процесс, детерминированный совокупностью объективных и субъективных факторов. В основе их возникновения лежит диалектическое взаимодействие между материальными условиями существования социума и осознанием этих условий членами общества. Интересы не появляются спонтанно – они закономерно вырастают из системы общественных отношений, отражая реальные потребности групп, индивидов, общества, государства в конкретных исторических условиях.

Глубинными причинами формирования частных интересов выступают базовые человеческие потребности – экономические, политические, культурные, духовные. Однако превращение этих потребностей в осознанные интересы происходит через призму социального положения индивида или группы, их места в системе общественного производства и распределения благ. При этом процесс их формирования всегда носит контекстуальный характер, который зависит от культурных традиций, уровня развития гражданского общества, политической системы и правовых институтов конкретного общества.

Волевой компонент. В праве интерес не является статичной величиной, он рождается и действует только через устремленность субъекта к получению благ. Волевая составляющая здесь выполняет роль катализатора: она трансформирует внутреннюю потребность в реальный фактор правоотношений, подталкивая человека к поступкам. Осознанное желание изменить существующую ситуацию, получить доступ к благу или снять препятствия – это и есть та самая юридически значимая воля, которую право берет в расчет. Причем волевой элемент ценен для права именно как связующее звено: без него внутренние мотивы так и остались бы за рамками правового поля. Чтобы интерес приобрел вес в глазах закона, он должен быть выражен вовне. Возьмем, к примеру, собственника: каким бы сильным ни было его желание расстаться с имуществом, для права это желание ничего не значит, пока он не проявит волю в конкретном акте (сделке купли-продажи или дарения). Только тогда его намерение превращается в юридический факт. При этом право не только реагирует на уже сформировавшуюся волю, но и создает механизмы, стимулирующие или ограничивающие ее проявление. Так проявляется стремление интереса к правовому оформлению.

Учитывая это стремление, акцентируем внимание на понятии «правовое опосредование интереса». Отметим, что в отношении интереса как социального феномена, предпочтительным представляется использование термина «правовое опосредование», которое является по сравнению с правовым регулированием более широкой категорией, охватывающей все формы отражения социальных отношений в правовой материи. Хотя отметим, что большинство авторов используют данные понятия как синонимы [Малько, 2017, с. 45; Субочев, 2013, с. 18].

Правовое опосредование интереса

Правовое опосредование интересов представляет собой сложный процесс преобразования социальных потребностей в юридически значимые формы. Этот механизм служит важным связующим звеном между реальными жизненными устремлениями людей и формальной правовой системой, обеспечивая легитимное выражение и защиту разнообразных интересов в правовом поле.

Суть данного процесса заключается в придании интересам юридически значимой формы через их признание, формализацию и обеспечение правовыми гарантиями. Правовое опосредование выполняет функцию своеобразного «переводчика», трансформирующего многообразие человеческих потребностей в язык права. Закон не просто допускает реализацию интересов, а очерчивает ее рамки, сверяя их с общезначимыми целями и правомочиями других лиц. Правовое оформление интереса по определению избирательно: юридическое признание получают лишь те устремления, которые социально востребованы, не противоречат фундаментальным принципам права и поддаются переводу на язык юридических конструкций. Такой подход работает как естественный барьер, отсекающий антиобщественные либо несовместимые с порядком притязания. Здесь отчетливо прослеживается, как публичные начала влияют на частноправовой интерес в процессе его юридической институционализации. Как бы ни была автономна воля частного лица, при оформлении ее в правовую форму она неизбежно соизмеряется с интересами социума и государства. Это та самая диалектика современного права, в которой индивидуальная свобода обретает свои границы, но при этом сохраняет суть. Особенно остро данная зависимость дает о себе знать в зонах тесного переплетения личных и общественных приоритетов: в предпринимательстве, обороте земли, защите прав потребителей. Здесь публичный интерес перестает быть лишь внешним ограничителем: он вплетается в само содержание частного интереса, придавая ему общественную легитимность.

В публичном праве интерес – это не просто категория, а своего рода стержень, на который нанизываются нормы, полномочия госорганов и механизмы выполнения государственных задач. Если в частном праве интерес тяготеет к индивиду или корпорации, то в публично-правовой плоскости он приобретает всеобщий масштаб, выражая нужды общества и государства. Его суть в осознанной и юридически защищаемой потребности, причем это не механическая сумма частных волей, а качественно иное образование, несущее коллективную волю. Возьмем, к примеру, сферы нацбезопасности, экологии или охраны порядка: здесь интерес надличностен и проводится в жизнь именно средствами права.

Юридическая мысль разграничивает публичный интерес и государственный интерес. Они часто пересекаются, но полного тождества между ними нет. Публичный интерес ориентирован на благо всего общества, тогда как государственный выражает целеполагание самого государства как института. Более того, в определенных ситуациях они могут расходиться, ставя перед правом сложную задачу по поиску равновесия. Этот баланс между общим и частным – одна из острейших проблем права: если перекос в сторону публичности ущемляет гражданские свободы, то абсолютизация частного начала чревата расшатыванием государственных устоев.

Право предлагает механизмы согласования этих интересов, однако на практике конфликты неизбежны и требуют постоянного правового реагирования. В юридической практике опосредование интересов происходит через различные правовые формы и конструкции. Наиболее полное выражение интересы получают в виде субъективных прав, обеспечивающих их носителям широкие возможности защиты через правовое регулирование. Менее оформленные, но социально значимые интересы находят отражение в категории законных интересов. Интерес в праве выполняет несколько важных функций. Он служит основанием для принятия законов и иных нормативных актов. Кроме того, интерес определяет направленность правовых норм, задавая критерии допустимого и запрещенного, как, например, при ограничении свободы слова в целях национальной безопасности. Наконец, интерес выступает основанием для применения мер государственного принуждения. Как известно, цель и средство – две важнейшие детерминанты рассматриваемого механизма правового опосредования. На наш взгляд, результатом действия механизма правового опосредования будет удовлетворение законного интереса субъекта.

Законный интерес как особая категория правового опосредования

Как указывают авторы монографии (применительно к правовому регулированию), «Качественно особым средством дозволистского способа правового регулирования выступают законные интересы» [Теория государства и права, 2019, с. 234]. Распространим это утверждение также и на правовое опосредование.

В механизме правового опосредования законные интересы стоят особняком. Это своего рода «рабочая лошадка» дозволистского метода: они не обладают жесткой определенностью субъективных прав, но именно поэтому дают праву ту необходимую гибкость, которой ему часто не хватает. Если субъективное право – это четко очерченная и гарантированная государством возможность, то законный интерес – скорее вектор устремления, признаваемый правопорядком, даже если конкретная норма прямо его не фиксирует. Такая природа позволяет законным интересам выполнять важную компенсаторную роль: они расширяют поведенческий простор для субъекта там, где строгие дозволения заканчиваются. Скажем, право участвовать в конкурсе на должность – это классическое субъективное право. А вот стремление повлиять на условия этого конкурса, чтобы уравнивать свои шансы, – это уже законный интерес, который суд или администрация обязаны принять во внимание, хотя он нигде не прописан.

Защита законных интересов тоже имеет свою специфику. Она не столь прямолинейна, как защита прав, где нарушение автоматически запускает механизм принуждения. Здесь охрана действует через общие правовые институты и оценочные категории. И суды, и другие правоприменители в своей практике постоянно оглядываются на законные интересы сторон, даже если те остались за скобками нормативного текста. Особенно это заметно в публичной сфере, где поиск справедливого баланса между индивидом и обществом невозможен без такого гибкого инструмента. По сути, законные интересы выступают здесь мостиком: они позволяют частным запросам «стыковаться» с публичными целями без необходимости каждый раз переписывать закон. Гражданин хочет получить информацию о работе чиновников – это далеко не всегда его субъективное право в каждом конкретном случае, но это однозначно законный интерес, который государство обязано учитывать и защищать в рамках установленных административных процедур [Малько, 2017, с. 48]. В итоге именно через институт законных интересов право приобретает ту самую динамику, которой от него ждет усложняющееся общество. Они становятся своеобразным «амортизатором» между жесткостью норм и многообразием жизненных ситуаций. Чем шире спектр признаваемых интересов, тем адекватнее правовая система реагирует на новые социальные вызовы. Понятно, что эффективность этого механизма напрямую зависит от трех вещей: от того, насколько точно право улавливает реальные запросы социума, от гибкости самих юридических конструкций и от готовности правовой системы к своевременным изменениям.

Заклучение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что категория интереса в праве – это не статичный термин, а живой «узел», связывающий социальную действительность с юридической формой. Интерес всегда трехсоставен: это и объективная нужда (материальная основа), и осознанная воля субъекта, и ее нормативная оболочка, в которой она обретает правовую жизнь. При этом необходимо четко разводить понятия «регулирование» и «опосредование». Первое – это прямое воздействие нормы на поведение. А второе, как представляется, гораздо более емкая конструкция. Опосредование включает в себя весь цикл: от первичного признания социального запроса до выстраивания механизмов его судебной или административной защиты.

Анализ взаимодействия частных и публичных начал приводит к выводу об их неразрывной спаянности. Частный интерес обретает легитимность, только будучи «освященным» публичным порядком, но тот не должен переступать черту, за которой начинается подавление личности. Главным инструментом удержания этого равновесия являются именно законные интересы, они дают индивиду свободу маневра там, где жесткие субъективные права бессильны или избыточны.

Предложенный ракурс позволяет иначе взглянуть на природу правового опосредования: оно избирательно, социально обусловлено и исторически подвижно. Дальнейшая разработка темы видится в создании четких алгоритмов разрешения коллизий между частными и общезначимыми интересами применительно к конкретным отраслям, а также в эмпирическом анализе того, насколько эффективно суды сегодня защищают законные интересы в реальных делах.

Список литературы

- Гегель Г.В.Ф. 2020. Философия права. М., Академический проект, 520 с.
Иеринг Р. 2020. Цель в праве. М., ЛЕНАНД, 416 с.
Малько А.В. 2017. Законные интересы как «основной стержень» правового статуса личности. *Юридическая наука и правоохранительная практика*, 2: 45–52.
Матузов Н.И. 2020. Интерес как объективная основа правового регулирования. *Правовая политика и правовая жизнь*, 1: 30–38.
Субочев В.В. 2013. К вопросу о правовой природе законных интересов. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 2: 18–25.
Теория государства и права: монография. 2019. Под ред. А.В. Малько, Н.И. Матузова. М., Норма, 456 с.

References

- Gegel' G.V.F. 2020. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. M., Publ. Akademicheskij proekt, 520 p.
Iering R. 2020. *Cel' v prave* [The goal is in the law]. M., Publ. LENAND, 416 p.
Mal'ko A.V. 2017. *Zakonnye interesy kak «osnovnoj sterzhen'» pravovogo statusa lichnosti* [Legitimate interests as the “core” of an individual’s legal status]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika*, 2: 45–52.
Matuzov N.I. 2020. *Interes kak ob'ektivnaya osnova pravovogo regulirovaniya* [Interest as an objective basis of legal regulation]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 1: 30–38.
Subochev V.V. 2013. *K voprosu o pravovoj prirode zakonnyh interesov* [On the issue of the legal nature of legitimate interests]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2: 18–25.
Teoriya gosudarstva i prava: monografiya. 2019. Pod red. A.V. Mal'ko, N.I. Matuzova [Theory of State and law: a monograph]. M., Publ. Norma, 456 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 26.05.2026
Поступила після рецензування 18.07.2026
Прийнята к публікації 28.08.2026

Received May 26, 2026
Revised July 18, 2026
Accepted August 28, 2026

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Синенко Владимир Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Московский областной филиал РАНХиГС, г. Красногорск, Россия.

Vladimir S. Sinenko, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Moscow Regional Branch of RANEPA, Krasnogorsk, Russia.

Федорященко Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Aleksey S. Fedoryashchenko, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Labor and Business Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 349.6

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-639-650

EDN YNLWOQ

Правовое обеспечение предотвращения и смягчения химико-биологических рисков для экологии: рекомендации для муниципалитетов, регионов и государства

Ярошук И.А., Косолапова Н.А., Гетьман К.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

yaroshchuk@bsuedu.ru, kosolapova@bsuedu.ru, shaternikova@bsuedu.ru

Аннотация. Химико-биологические риски все чаще проявляются не как локальные аварийные ситуации, а как комплексные угрозы для окружающей среды, здоровья населения и устойчивости территорий. Несмотря на развитие экологического, санитарно-эпидемиологического, промышленного и чрезвычайного законодательства, в правовой науке недостаточно разработана модель их согласованного предупреждения на муниципальном, региональном и федеральном уровнях. Цель исследования состоит в обосновании правовых средств предотвращения и смягчения химико-биологических рисков для экологии с учетом распределения публичных полномочий и необходимости раннего выявления опасных факторов. Исследование выполнено на основе теоретико-правового анализа, риск-ориентированного подхода и сравнительного обращения к зарубежным моделям управления химическими и биологическими угрозами. Выявлено, что действующее регулирование преимущественно ориентировано на последующее реагирование и не обеспечивает устойчивого обмена экологически значимой информацией до возникновения вреда. Обоснованы локальные карты риска, региональный химико-биологический модуль экологического мониторинга и федеральное межотраслевое понятие химико-биологического экологического риска. Полученные результаты уточняют превентивную модель правового обеспечения экологической безопасности.

Ключевые слова: экологическая безопасность, химико-биологические риски, биологическая безопасность, химическая безопасность, экологический мониторинг, муниципальное управление, региональное регулирование, чрезвычайные ситуации, экологическая информация, риск-ориентированный подход

Финансирование: работа выполнена по договору на выполнение научно-исследовательских работ от 30.03.2026, № НИР-17/26.

Для цитирования: Ярошук И.А., Косолапова Н.А., Гетьман К.А. 2026. Правовое обеспечение предотвращения и смягчения химико-биологических рисков для экологии: рекомендации для муниципалитетов, регионов и государства. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 639–650. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-639-650 EDN: YNLWOQ

Legal Support for the Prevention and Mitigation of Chemical and Biological Risks to the Environment: Recommendations for Municipalities, Regions and the State

Inna A. Yaroshchuk, Natalia A. Kosolapova, Ksenia A. Getman

Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

yaroshchuk@bsuedu.ru, kosolapova@bsuedu.ru, shaternikova@bsuedu.ru

Abstract. Chemical and biological risks increasingly affect the environment not as isolated incidents but as complex threats to industrial facilities, waste management systems, and water bodies, requiring

sanitary restrictions, emergency response, and provision of public access to environmental information. Russian law contains several regulatory regimes relevant to these risks, yet legal research still lacks a coherent model explaining how municipal, regional and federal authorities should prevent environmental harm before it occurs. This study aims to substantiate legal instruments for preventing and mitigating chemical and biological environmental risks through a clearer distribution of public responsibilities, early risk detection and interagency data exchange. The research relies on theoretical legal analysis, a risk-based approach and comparative reference to foreign studies on chemical risk governance, the One Health approach and environmental emergency management. The article shows that the existing Russian framework remains fragmented: municipalities are territorially closest to risk sources but often lack access to monitoring data; regions do not always integrate sanitary, environmental and industrial information into a single risk module; federal regulation has not yet introduced a cross-sectoral legal concept of chemical and biological environmental risk. The study proposes local risk maps, emergency information-exchange procedures, a regional monitoring module and a federal definition linking environmental, sanitary, industrial and emergency-response rules. The results contribute to the development of a preventive legal model of environmental safety focused on risk diagnosis rather than only post-damage compensation.

Keywords: environmental safety, chemical and biological risks, biosafety, chemical safety, environmental monitoring, municipal governance, regional regulation, emergency response, environmental information, risk-based approach

Funding: The work was carried out under the research contract dated 30.03.2026 No. NIR-17/26.

For citation: Yaroshchuk I.A., Kosolapova N.A., Getman K.A. 2026. Legal Support for the Prevention and Mitigation of Chemical and Biological Risks to the Environment: Recommendations for Municipalities, Regions and the State. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 639–650 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-639-650 EDN: YNLWOQ

Введение

Проблема химико-биологических рисков в последние годы перестала восприниматься как исключительно предмет специализированного экологического регулирования. Масштабные аварии на промышленных объектах, распространение опасных микроорганизмов, загрязнение водных объектов токсичными соединениями, накопление отходов I–II классов опасности показали, что подобные угрозы затрагивают не только природную среду, но и систему публичного управления в целом. Особенно остро это проявилось после пандемии COVID-19, когда вопросы биологической безопасности фактически вышли за пределы санитарного законодательства и стали рассматриваться как элемент национальной безопасности.

Химико-биологические риски в экологической сфере не совпадают с обычной моделью загрязнения окружающей среды. В классическом экологическом споре чаще всего устанавливаются источник вреда, превышение нормативов, размер ущерба и причинная связь. При химико-биологической угрозе эта схема оказывается слишком узкой. Опасность может возникнуть до фактического причинения вреда: из-за аварийного состояния резервуара, дефекта очистных сооружений, ненадлежащего хранения биологических отходов, нарушения санитарных барьеров, утраты контроля над опасными веществами либо отсутствия обмена данными между ведомствами. В такой ситуации право должно работать не только после загрязнения, но и на стадии, когда вред еще можно предотвратить. Для экологического права это особенно существенно. Химическое загрязнение и биологическое заражение редко остаются в пределах одного объекта. Токсичные вещества мигрируют через почву и воду, биологические агенты могут распространяться через животных, растения, отходы, сточные воды, пищевые цепи. Поэтому химико-биологический риск имеет не только санитарное или промышленное значение. Он меняет состояние природной среды, влияет на безопасность территории и создает угрозу для конституционно охраняемых благ – жизни, здоровья, благоприятной окружающей среды и достоверной информации о ее состоянии.

Зарубежная литература также исходит из того, что химический риск не сводится к изолированному факту загрязнения. Van der Vegt и соавторы пишут: «Опасные химические вещества являются одним из крупнейших экологических вызовов, стоящих перед нашей планетой» [Van der Vegt et al., 2022, p. 1698]. При этом химические риски они характеризуют как «сложные системные риски», для управления которыми необходимы особые процедуры, участие заинтересованных субъектов и коммуникация риска. Этот подход важен для российской модели, так как химико-биологическая угроза должна оцениваться не только по источнику опасного вещества или агента, но и по тем связям, через которые вред распространяется в природной среде и публичном управлении.

Цель исследования состоит в обосновании правовой модели предупреждения и смягчения химико-биологических рисков для экологии, при которой муниципальный, региональный и федеральный уровни публичной власти действуют не разрозненно, а через заранее установленную систему выявления риска, обмена информацией, реагирования и восстановления нарушенного состояния окружающей среды.

Методологическая основа исследования

Исследование выполнено в рамках теоретико-правового анализа экологического, санитарно-эпидемиологического, биологического, промышленного и чрезвычайного законодательства. Нормативный материал рассматривается не изолированно, а через способность соответствующих правовых режимов предупреждать химико-биологический риск до наступления экологического вреда. Используются сравнительно-правовой подход, анализ научных источников, доктринальное толкование правовых категорий и риск-ориентированная оценка публичных обязанностей муниципального, регионального и федерального уровней. Такой подход позволяет рассматривать химико-биологический риск не только как последствие аварии или нарушения обязательных требований, но и как самостоятельный объект публично-правового управления.

Химико-биологический риск как объект публично-правового управления

Российское законодательство содержит несколько крупных блоков регулирования, которые прямо или косвенно охватывают эту сферу. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹ определяет экологическую безопасность как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, а также чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. В этом определении важен сам акцент на «возможном» воздействии. Законодатель допускает охрану не только от уже наступившего вреда, но и от опасности его возникновения. Однако специального механизма предупреждения именно химико-биологических экологических рисков данный федеральный закон не создает. Соответствующие меры приходится реализовывать исходя из норм об экологическом нормировании, оценке воздействия, производственном контроле, государственном экологическом контроле и возмещении вреда.

Категория риска позволяет точнее увидеть этот пробел. Т.И. Овчинникова, Е.П. Потоцкий и В.М. Фирсова пишут: «Объекты горной отрасли оказывают также существенное негативное влияние на качество окружающей среды. Иногда последствия деятельности горных предприятий имеют необратимые последствия в экологических системах» [Овчинникова и др., 2021, с. 199]. Эта мысль важна не только для горной промышленности. Она показывает общий дефект техногенного воздействия, так как экологическая опасность формируется раньше, чем появляется судебно доказанный вред, а необратимость последствий делает запоздалую юридическую реакцию неполноценной.

¹ Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

Биологическая безопасность получила самостоятельное нормативное оформление в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации»¹. Закон устанавливает основы государственного регулирования в данной области и связывает биологическую безопасность не только с защитой человека, но и с охраной животных, растений и окружающей среды. Это имеет принципиальное значение, так как биологическая угроза перестает быть только медицинской или санитарной проблемой. Она включается в экологический контур, поскольку опасные биологические факторы способны воздействовать на природные объекты, нарушать устойчивость экосистем и создавать долговременные последствия для территории.

Именно здесь проявляется недостаточная связность регулирования. Закон о биологической безопасности закрепляет общую рамку, но сам по себе не решает вопрос о том, как муниципалитет должен действовать при угрозе биологического загрязнения водного объекта, кто обязан передать ему лабораторные данные, в какие сроки региональный орган должен оценить риск, как соотносятся санитарные, ветеринарные и природоохранные меры. В доктрине эта проблема формулируется достаточно жестко. И.А. Умнова-Конюхова, И.А. Алешкова, А.О. Филатова и Н.Е. Сапельченко указывают: «Право на биологическую безопасность определяется сегодня в научной доктрине и пока не сформулировано в отечественном российском законодательстве. Действующие федеральные законы определяют права на отдельные виды безопасности, в той или иной сфере связанные с правом на биологическую безопасность» [Умнова-Конюхова и др., 2024, с. 59]. Данная позиция прямо подтверждает главный тезис: биологическая безопасность нормативно присутствует в разных секторах, но не собрана в цельный правовой механизм, пригодный для предупреждения экологического вреда.

Химическая безопасность развивается по иной траектории. Она традиционно связана с промышленной безопасностью, обращением с опасными веществами, санитарными требованиями, чрезвычайными ситуациями и экологическим контролем. Указ Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»² важен тем, что объединяет химические и биологические угрозы в одном стратегическом документе. В нем эта сфера прямо отнесена к вопросам национальной безопасности, что позволяет рассматривать химико-биологический риск не как локальную аварию, а как угрозу устойчивости территории, здоровья населения и состояния окружающей среды.

Научный смысл объединения химических и биологических угроз состоит не в формальном сближении двух видов безопасности, а в признании их общей управленческой природы. В.Ю. Смоленский и соавторы, рассматривая модель обеспечения биологической безопасности, указывают, что предложенная система имеет «двухвалентную направленность: как наиболее эффективный подход к снижению риска возникновения ЧС биологического характера в плановом и экстренном порядке; в качестве информационно-методической основы для межведомственного взаимодействия в области биологической безопасности» [Смоленский и др., 2014, с. 125]. Для экологического права этот вывод имеет прямое значение, так как химико-биологический инцидент требует не последовательного включения отдельных ведомств, а заранее согласованной системы, где санитарные ограничения, экологический мониторинг, режим чрезвычайной ситуации, оценка вреда природным объектам и информирование населения не существуют как разрозненные процедуры.

¹ О биологической безопасности в Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1. Ст. 31.

² Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : Указ Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 (ред. от 24.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 11. Ст. 1106.

Муниципальный уровень предупреждения химико-биологических рисков

Самое слабое место отечественной системы – муниципальный уровень. В условиях действия Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹ местное самоуправление включается в более плотную систему публичного управления, однако это не снимает проблему его фактической зависимости от региональных и федеральных данных. Для предотвращения химико-биологических рисков муниципалитету недостаточно общего участия в решении вопросов местного значения. Ему необходим доступ к сведениям об опасных производственных объектах, маршрутах перевозки опасных веществ, местах накопленного вреда, результатах производственного экологического контроля, санитарно-эпидемиологической обстановке, состоянии очистных сооружений и водоотведения. Без такой информации местный уровень остается ближайшим к источнику угрозы территориально, но не обладает полноценной возможностью своевременно распознать экологически опасное состояние и инициировать межведомственное реагирование.

Зарубежные исследования подтверждают, что местный уровень играет самостоятельную роль в управлении экологическими чрезвычайными ситуациями. L. Tang и соавторы прямо указывают: «Местные органы власти являются основной силой, а их способность к управлению экологическими чрезвычайными ситуациями имеет решающее значение для реагирования на такие ситуации» [Tang et al., 2022, p. 2]. Авторы раскрывают эту способность через четыре элемента: готовность, раннее предупреждение, реагирование и восстановление. Таким образом, муниципальный уровень нуждается не в общей декларации участия, а в юридически оформленной процедуре: получение первичных данных, фиксация признаков риска, передача сигнала, участие в локализации последствий.

Отсюда вытекает основная проблема правового обеспечения химико-биологических рисков для экологии. Российское законодательство характеризуется наличием экологического закона, закона о биологической безопасности, стратегических основ химической и биологической безопасности, норм о местном самоуправлении. В то же время очевидным является существенный недостаток, выражающийся в том, что эти элементы не образуют достаточно плотной превентивной конструкции. Право уверенно называет опасность, но не всегда точно распределяет обязанности по ее раннему выявлению. Оно предусматривает ответственность за вред, но не конкретизирует порядок межведомственного обмена данными до момента возникновения аварии. Оно включает муниципалитет в систему предупреждения чрезвычайных ситуаций, но не дает ему полноценного доступа к экологически значимой информации о химико-биологических угрозах. Поэтому дальнейшее регулирование должно строиться вокруг трех задач. Первая – признать химико-биологический риск самостоятельным объектом публично-правового управления, а не случайным пересечением санитарных, промышленных и природоохран-ных норм. Вторая – закрепить за муниципалитетами процедурные права, без которых их участие остается формальным: право получать сведения об опасных объектах и результатах мониторинга, право инициировать лабораторные исследования при наличии признаков угрозы, право участвовать в региональных планах предупреждения и смягчения последствий. Третья – перенести центр тяжести с последующего возмещения вреда на оценку вероятности его наступления, поскольку при химико-биологических рисках промедление почти всегда увеличивает территорию поражения и усложняет восстановление природной среды.

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

Для смягчения химико-биологических рисков недостаточно общей обязанности «охранять окружающую среду». Такая формула пригодна для программных документов, но слабо работает там, где требуется быстрое решение: кто получает первичные данные, кто вправе требовать отбор проб, кто предупреждает население, кто отвечает за межведомственную передачу сведений. Поэтому практическая модель должна строиться не вокруг абстрактного распределения компетенции, а вокруг цепочки риска: источник опасности – мониторинг – оценка – информирование – локализация – восстановление.

На муниципальном уровне первая рекомендация состоит в закреплении специальных процедур выявления химико-биологических угроз. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» дает муниципалитетам отдельные полномочия в сфере предупреждения чрезвычайных ситуаций, охраны окружающей среды и благоустройства, но эти полномочия не раскрывают порядок действий при экологически значимом химическом или биологическом риске. В результате местная администрация нередко располагает только общими организационными инструментами, хотя именно на ее территории находятся очистные сооружения, полигоны, животноводческие комплексы, склады агрохимикатов, участки накопленного вреда и малые водные объекты, через которые загрязнение быстро переходит на соседние территории. Обозначенный федеральный закон в действующей конструкции подтверждает участие муниципалитетов в соответствующих вопросах, но не превращает их в полноценный узел риск-ориентированной системы. С этим согласуется позиция Т.В. Бутовой и соавторов, которые, рассматривая экологическую безопасность на муниципальном уровне, пишут: «Органы местного самоуправления при реализации полномочий в области охраны окружающей среды должны учитывать особенности своего муниципального образования, интересы населения в области экологии, принимать во внимание цели защиты этих интересов. В связи с этим органы местного самоуправления должны осуществлять мониторинг любой деятельности, оказывающей влияние на окружающую среду» [Бутова и др., 2014, с. 123]. Иными словами, муниципалитет не может быть только получателем жалоб и передаточным звеном в региональные органы, так как ему необходима собственная процедура первичного экологического наблюдения, которая, однако, не должна подменять федеральный надзор.

Второй муниципальной мерой должно стать создание локальных реестров химико-биологически значимых объектов. Такой реестр не должен дублировать закрытые сведения о промышленной безопасности или санитарном надзоре. Его предметом являются: объекты, авария или нарушение режима эксплуатации которых способны повлиять на состояние воды, почв, атмосферного воздуха, зеленых зон, мест массового отдыха и источников водоснабжения. В него целесообразно включать сведения о типе риска, природном объекте в зоне возможного воздействия, наличии планов локализации аварий, контактных лицах, маршрутах оперативного доступа, точках отбора проб. На практике именно отсутствие такой «карты риска» делает муниципальную реакцию запоздалой, так как источник опасности зачастую известен ведомству, но не встроен в повседневное управление территорией.

На муниципальном уровне особенно важна не численность контрольных мероприятий сама по себе, а их связь с реальным предотвращением экологического вреда. П.А. Пластинина, анализируя муниципальный лесной контроль, формулирует эту проблему предельно точно: «Для повышения эффективности муниципального лесного контроля нужно отойти от ориентации на количество осуществленных контрольных мероприятий. Необходим анализ характера нарушений, в части их воздействия на окружающую среду» [Пластинина, 2022, с. 3]. Этот вывод применим шире, чем к лесному контролю. При химико-биологических рисках сама фиксация проверки мало что дает, если не оценивается экологическая опасность нарушения, возможная миграция загрязнения и способность муниципалитета вовремя передать сигнал региональным и федеральным органам.

Третья рекомендация для муниципалитетов – закрепить порядок экстренного информационного обмена с территориальными органами Роспотребнадзора, Росприроднадзора, МЧС России, Россельхознадзора и региональными органами исполнительной власти. Эта рекомендация согласуется с зарубежной концепцией One Health, где межведомственность понимается не как факультативная форма сотрудничества, а как условие управления связанными угрозами. К. М. Рерин и соавторы отмечают, что данный подход призван «мобилизовать несколько секторов публичной службы, включая общественное здоровье, окружающую среду, сельское хозяйство и дикую природу» [Rerin et al., 2024, p. 1]. По их выводу, переход от исследовательской рамки One Health к практическому государственному управлению требует выявления «вызовов, решений и приоритетов» для реализации этой повестки через действия органов власти. Для химико-биологических рисков это означает необходимость заранее установленного порядка обмена данными между санитарным, экологическим, ветеринарным и чрезвычайным блоками управления.

Иными словами, химико-биологический риск почти всегда межведомственен. Если загрязнение обнаружено в водном объекте, может потребоваться одновременно санитарная оценка, экологическая оценка, ветеринарная проверка, проверка очистных сооружений и решение о временном ограничении использования территории. Без заранее утвержденного регламента каждое ведомство действует в собственной логике, а муниципалитет узнает о результатах с опозданием либо фрагментарно.

Правовую основу такого подхода дает Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹. Закон определяет организационно-правовые нормы защиты населения, территорий и окружающей среды от чрезвычайных ситуаций. Среди целей названы предупреждение возникновения и развития чрезвычайных ситуаций, снижение ущерба и потерь. Для химико-биологических рисков это особенно важно, так как предупреждение должно пониматься не как декларация, а как обязанность заблаговременного построения каналов передачи экологически значимой информации.

Региональный мониторинг и экологическая информация

Для субъектов Российской Федерации особенно важна не абстрактная «цифровизация» мониторинга, а нормативно закреплённая региональная система, учитывающая конкретную экологическую нагрузку территории. Е.В. Никитин прямо предлагает «экологический мониторинг разделять по уровням (федеральный, региональный, локальный), объединив их в единую информационную среду обеспечения экологической безопасности» [Никитин, 2021, с. 30], а применительно к региональному регулированию указывает, что соответствующая глава закона субъекта должна включать «базы данных экологического мониторинга и обмен экологически значимой информацией, пороговые показатели обеспечения экологической безопасности» [Никитин, 2021, с. 30]. Такой подход позволяет предложить для химико-биологических рисков не общий мониторинг «всего состояния среды», а специальный региональный модуль: источники опасности, пороговые показатели, маршруты миграции загрязнения, порядок обмена данными с муниципалитетами и территориальными органами федеральных служб.

Региональный закон об охране окружающей среды либо отдельный закон субъекта Российской Федерации о химико-биологической экологической безопасности мог бы закреплять три блока. Первый – перечень территорий повышенного риска:

¹ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

промышленные зоны, участки вдоль рек ниже опасных объектов, зоны влияния полигонов и очистных сооружений, территории интенсивного животноводства, места накопленного вреда. Второй – порядок регионального мониторинга: периодичность отбора проб, перечень показателей, обязанность оперативного размещения данных, основания для внеплановых исследований. Третий – механизм реагирования: какие органы получают сигнал, в какой срок проводится проверка, кто информирует население, как вводятся ограничения на использование воды, земельного участка или зоны отдыха.

При конструировании регионального блока полезен зарубежный подход к биобезопасности растений, поскольку он показывает связь между экологическим риском, мониторингом и распределением ответственности. J.I. Alawneh и соавторы рассматривают государство и отраслевых участников одновременно как возможных создателей и как субъектов смягчения риска. По их выводу, сотрудничество государства и индустрии способно «усилить надзор, улучшить регуляторную политику и смягчить распространение вредителей и болезней растений» [Alawneh et al., 2025, p. 1]. В логике химико-биологических рисков этот вывод переносится на региональный уровень. Так, закон субъекта должен закреплять не только перечень опасных территорий, но и устойчивую систему наблюдения, раннего выявления и запуска управленческих решений.

Особое место занимает экологическая информация. Е.В. Зазолина связывает экологическую информацию с достоверностью, открытостью и своевременностью предоставления [Зазолина, 2024]. Для химико-биологических рисков эти свойства не являются отвлеченными принципами. Запоздалая информация о загрязнении воды, превышении вредных веществ в воздухе или выявлении опасного биологического фактора фактически обесценивает право граждан на защиту. Поэтому субъектам Российской Федерации следует закреплять не только обязанность «информировать» население, но и минимальные сроки, формат сообщений, перечень обязательных данных, а также ответственность должностных лиц за необоснованное сокрытие либо задержку сведений.

Зарубежная правовая литература показывает, что раскрытие экологической информации должно учитывать не только отдельный загрязнитель, но и совокупное воздействие опасных факторов. V.A. Boillet, анализируя агрохимическое загрязнение через призму прав человека, указывает на слабость модели, при которой «каждый риск регулируется в изоляции и без учета его «коктейльного эффекта» [Boillet, Levy, 2025, p. 500]. Для химико-биологических угроз этот вывод особенно значим, так как население и муниципалитет должны получать сведения не только о превышении отдельного показателя, но и о возможном сочетании химических и биологических факторов, территории распространения риска и мерах, уже принятых публичной властью.

Федеральное регулирование химико-биологического экологического риска

На федеральном уровне требуется более глубокая нормативная связка экологического, санитарного, промышленного и чрезвычайного регулирования. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»¹ регулирует безопасность опасных производственных объектов, включая объекты, где используются, перерабатываются, хранятся или транспортируются опасные вещества. Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»² устанавливает правовые основы охраны атмосферного воздуха и прямо связан с реализацией права граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах

¹ О промышленной безопасности опасных производственных объектов : Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3588.

² Об охране атмосферного воздуха : Федеральный закон от 04 мая 1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2222.

производства и потребления»¹ направлен на предотвращение вредного воздействия отходов на здоровье человека и окружающую среду. Эти акты работают в одной фактической плоскости, но процедурно не всегда соединены между собой.

Федеральному законодателю целесообразно закрепить межотраслевое понятие химико-биологического экологического риска. Оно должно охватывать вероятность негативного изменения окружающей среды вследствие воздействия химических веществ, опасных биологических факторов либо их сочетания, если такое воздействие способно причинить вред природным объектам, здоровью населения или устойчивости территории. Введение такой категории не потребует создания новой отрасли законодательства, но позволит связать между собой нормы экологического контроля, промышленной безопасности, санитарного надзора, обращения с отходами и защиты от чрезвычайных ситуаций.

И.О. Краснова, развивая экосистемный подход к биобезопасности, формулирует принципиальный для данной темы тезис: «...биологическая безопасность приобретает самостоятельную значимость и самостоятельное место в системе экологического права. Не только обеспечение готовности к биологически опасным ситуациям, а прежде всего разработка долгосрочных мер их предупреждения является сегодня наиболее актуальной задачей государства» [Краснова, 2021, с. 245]. Эта позиция хорошо показывает, почему федеральное регулирование не должно ограничиваться режимом реагирования. Биологическая угроза в экологическом измерении требует мониторинга природных связей, оценки уязвимости экосистем, контроля за отходами, водоотведением, лабораторной деятельностью и применением биотехнологий. Н.И. Кузнецова, анализируя Федеральный закон «О биологической безопасности в Российской Федерации», также указывает на теоретические и правовые аспекты нового регулирования [Кузнецова, 2021]. Биологическая безопасность рассматривается автором не как вспомогательный санитарный режим, а как самостоятельное направление публично-правового обеспечения безопасности. При дальнейшем развитии данного закона необходимо прямо усилить его экологический блок: определить порядок взаимодействия с государственным экологическим мониторингом, установить требования к передаче данных о биологических факторах, способных повлиять на природные объекты, и связать меры биологической безопасности с восстановлением нарушенных экосистем. Отдельного внимания заслуживает риск-ориентированный подход к контролю. Н.Г. Жаворонкова, рассматривая трансформацию экологического права, связывает современные изменения с новыми видами угроз, включая химическую и биологическую безопасность [Жаворонкова, Агафонов, 2021]. Для правового регулирования это означает необходимость отказаться от одинакового режима контроля для территорий и объектов с принципиально разным уровнем опасности. Объект, расположенный рядом с водозабором, рекой, жилой застройкой или особо охраняемой природной территорией, не может оцениваться так же, как объект с аналогичным видом деятельности, но иным экологическим окружением. Риск должен учитывать не только свойства опасного вещества или биологического агента, но и уязвимость территории. Ю.Л. Грачкова, анализируя роль права в решении экологических проблем, исходит из того, что право не может выполнять только фиксирующую функцию. По мнению автора, оно должно задавать способы разрешения экологических конфликтов и предупреждения вреда [Грачкова, 2022]. Для химико-биологических рисков эта мысль приобретает особую актуальность. Так, если правовое регулирование включается лишь после аварии, оно сохраняет компенсационное значение, но теряет предупредительный потенциал. В этой связи федеральная модель должна соединить контроль, мониторинг, раскрытие информации и планирование восстановления в единую процедуру.

¹ Об отходах производства и потребления : Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что химико-биологические риски для экологии не могут эффективно регулироваться через изолированные санитарные, природоохранные, промышленные или чрезвычайные режимы. Их правовая природа связана с вероятностью вреда, межведомственным движением информации и территориальной уязвимостью природной среды. Поэтому последующее возмещение экологического вреда должно рассматриваться лишь как один из элементов защиты, но не как центральная модель правового реагирования.

На муниципальном уровне необходимы локальные карты химико-биологических рисков, регламенты первичного реагирования, порядок передачи сигналов в региональные и федеральные органы, а также процедуры информирования населения без ожидания окончательных экспертных заключений при наличии реальной угрозы здоровью или природной среде. На уровне субъектов Российской Федерации требуется формирование региональных систем экологического мониторинга с отдельным химико-биологическим модулем, пороговыми показателями риска и доступом муниципалитетов к значимым данным. Федеральный уровень должен закрепить межотраслевое понятие химико-биологического экологического риска и связать его с промышленной, санитарной, природоохранной и чрезвычайной процедурами.

Вклад автора состоит в обосновании химико-биологического экологического риска как самостоятельного объекта публично-правового управления; выделении муниципального уровня как первичной территории обнаружения риска; предложении регионального химико-биологического модуля экологического мониторинга; формулировании необходимости федеральной правовой категории, соединяющей экологическое, санитарное, промышленное и чрезвычайное регулирование. Такой подход позволяет перейти от позднего взыскания вреда к превентивной модели правового обеспечения экологической безопасности.

Список литературы

- Бутова Т.В., Дунаева А.И., Удачин Н.О. 2014. Обеспечение экологической безопасности на муниципальном уровне. *Международный научно-исследовательский журнал*, 4 (23): 122–124.
- Грачинова Ю.Л. 2022. Экологическая безопасность и роль права в решении экологических проблем в Российской Федерации. *Актуальные проблемы российского права*, 5: 166–178.
- Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. 2021. Трансформация экологического права: теоретико-правовые аспекты. *Вестник Томского государственного университета. Право*, 41: 149–158.
- Зазолина Е.В. 2024. Правовое регулирование информационного обеспечения в области эколого-правовых отношений. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 6: 207–214.
- Краснова И.О. 2021. Экосистемный подход в правовом обеспечении биобезопасности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 25 (1): 232–247.
- Кузнецова Н.И. 2021. Биологическая безопасность: теоретические и правовые аспекты. *Вестник Волгоградской академии МВД России*, 3: 65–73.
- Никитин Е.В. 2021. Мониторинг окружающей среды как система обеспечения экологической безопасности. *Правопорядок: история, теория, практика*, 3 (30): 27–31.
- Овчинникова Т.И., Потоцкий Е.П., Фирсова В.М. 2021. Риск-ориентированный подход при оценке опасностей в горной промышленности. *Горный информационно-аналитический бюллетень*, 2-1: 199–208.
- Пластинина П.А. 2022. Совершенствование системы муниципального лесного контроля. *Международный научно-исследовательский журнал*, 9 (123): 1–5.
- Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А., Филатова А.О., Сапельченко Н.Е. 2024. Право на биологическую безопасность в Российской Федерации: монография. М., ИНИОН РАН, 230 с.
- Смоленский В.Ю., Ежлова Е.Б., Демина Ю.В., Шевцов В.А., Топорков А.В., Топорков В.П., Кутырев В.В. 2014. Актуальные проблемы биологической безопасности в Российской Федерации. *Вестник Российской академии медицинских наук*, 11–12: 118–127.

- Alawneh J.I., Hassan M.M., Camac J., Ransom L., Planck J., Porchun S.C., Reid M., Chay R. 2025. Plant biosecurity and One Health: government and industry roles as risk creators and mitigators. *One Health Outlook*, 7: 27. DOI: [10.1186/s42522-025-00150-y](https://doi.org/10.1186/s42522-025-00150-y).
- Boillet V., Levy M. 2025. A human rights approach to agrochemical pollution: lessons to be learned from climate change litigation? *Transnational Environmental Law*, 14(3): 500–524. DOI: [10.1017/S2047102525100046](https://doi.org/10.1017/S2047102525100046).
- Pepin K.M., Carlisle K., Anderson D.P., Baker M.G., Chipman R.B., Benschop J., French N.P., Greenhalgh S., McDougall S., Muellner P., Murphy E., O’Neale D.R.J., Plank M.J., Hayman D.T.S. 2024. Steps towards operationalizing One Health approaches. *One Health*, 18: 100740. DOI: [10.1016/j.onehlt.2024.100740](https://doi.org/10.1016/j.onehlt.2024.100740).
- Tang L., Li Y., Feng Y., Cai Y. 2022. Empirical evaluation of the environmental emergency management capability of local governments in China. *Sustainability*, 14 (11): 6760. DOI: [10.3390/su14116760](https://doi.org/10.3390/su14116760).
- Van der Vegt R.G., Maguire S., Crump D., Hecker M., Basu N., Hickey G.M. 2022. Chemical risk governance: exploring stakeholder participation in Canada, the USA and the EU. *Ambio*, 51 (7): 1698–1710. DOI: [10.1007/s13280-021-01671-2](https://doi.org/10.1007/s13280-021-01671-2).

References

- Butova T.V., Dunaeva A.I., Udachin N.O. 2014. Obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti na munitsipalnom urovne [Ensuring environmental safety at the municipal level]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 4(23): 122–124.
- Grachkova Yu.L. 2022. Ekologicheskaya bezopasnost i rol prava v reshenii ekologicheskikh problem v Rossiyskoy Federatsii [Environmental safety and the role of law in solving environmental problems in the Russian Federation]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 5: 166–178.
- Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. 2021. Transformatsiya ekologicheskogo prava: teoretiko-pravovye aspekty [Transformation of environmental law: theoretical and legal aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 41: 149–158.
- Zazolina E.V. 2024. Pravovoe regulirovanie informatsionnogo obespecheniya v oblasti ekologo-pravovykh otnosheniy [Legal regulation of information support in the field of environmental legal relations]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 6: 207–214.
- Krasnova I.O. 2021. Ekosistemnyi podkhod v pravovom obespechenii biobezopasnosti [Ecosystem approach in the legal support of biosafety]. *RUDN Journal of Law*, 25(1): 232–247 (in Russian).
- Kuznetsova N.I. 2021. Biologicheskaya bezopasnost: teoreticheskie i pravovye aspekty [Biological safety: theoretical and legal aspects]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 3: 65–73.
- Nikitin E.V. 2021. Monitoring okruzhayushchey sredy kak sistema obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti [Environmental monitoring as a system for ensuring environmental safety]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 3(30): 27–31.
- Ovchinnikova T.I., Pototskii E.P., Firsova V.M. 2021. Risk-orientirovannyi podkhod pri otsenke opasnostey v gornoy promyshlennosti [Risk-oriented approach to hazard assessment in the mining industry]. *Gornyi informatsionno-analiticheskii byulleten*, 2-1: 199–208 (in Russian).
- Plastinina P.A. 2022. Sovershenstvovanie sistemy munitsipalnogo lesnogo kontrolya [Improving the system of municipal forest control]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 9(123): 1–5.
- Umnova-Konyukhova I.A., Aleshkova I.A., Filatova A.O., Sapelchenko N.E. 2024. Pravo na biologicheskuyu bezopasnost v Rossiyskoy Federatsii: monografiya [The right to biological safety in the Russian Federation: monograph]. M., Publ. INION RAN, 230.
- Smolenskii V.Yu., Ezhlova E.B., Demina Yu.V. et al. 2014. Aktualnye problemy biologicheskoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii [Current problems of biological safety in the Russian Federation]. *Vestnik Rossiyskoy akademii meditsinskikh nauk*, 11–12: 118–127.
- Alawneh J.I., Hassan M.M., Camac J. et al. 2025. Plant biosecurity and One Health: government and industry roles as risk creators and mitigators. *One Health Outlook*, 7: 27. DOI: [10.1186/s42522-025-00150-y](https://doi.org/10.1186/s42522-025-00150-y).
- Boillet V., Levy M. 2025. A human rights approach to agrochemical pollution: lessons to be learned from climate change litigation? *Transnational Environmental Law*, 14(3): 500–524. DOI: [10.1017/S2047102525100046](https://doi.org/10.1017/S2047102525100046).
- Pepin K.M., Carlisle K., Anderson D.P. et al. 2024. Steps towards operationalizing One Health approaches. *One Health*, 18: 100740. DOI: [10.1016/j.onehlt.2024.100740](https://doi.org/10.1016/j.onehlt.2024.100740).

- Tang L., Li Y., Feng Y., Cai Y. 2022. Empirical evaluation of the environmental emergency management capability of local governments in China. *Sustainability*, 14(11): 6760. DOI: [10.3390/su14116760](https://doi.org/10.3390/su14116760).
- Van der Vegt R.G., Maguire S., Crump D. et al. 2022. Chemical risk governance: exploring stakeholder participation in Canada, the USA and the EU. *Ambio*, 51(7): 1698–1710. DOI: [10.1007/s13280-021-01671-2](https://doi.org/10.1007/s13280-021-01671-2).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.05.2026
Поступила после рецензирования 24.07.2026
Принята к публикации 30.08.2026

Received May 28, 2026
Revised July 24, 2026
Accepted August 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ярошук Инна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Косолапова Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Гетьман Ксения Алексеевна, ассистент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Inna A. Yaroshchuk, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Forensic Expertise and Criminalistics, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Natalia A. Kosolapova, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Ksenia A. Getman, Assistant at the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 130.2; 111
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-651-657
EDN WTFXAU

Онтология свободы в цифровых субкультурах: философский анализ трансформаций молодежной идентичности

Дагаев Р.Р.

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова
Россия, 364024, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32
rash-chelsea@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу трансформаций молодежной субкультурной идентичности в контексте цифровых коммуникаций и сетевых образов свободы. Автор обосновывает тезис о том, что в условиях тотальной цифровизации и смены поколенческой парадигмы происходит фундаментальная трансформация онтологических оснований молодежной субкультуры: от классических форм групповой идентичности к мозаичной, множественной идентичности, конструируемой в виртуальном пространстве. На основе междисциплинарного подхода, включающего акторно-сетевую теорию, методологию латентных изменений и философскую антропологию, раскрыта специфика генерации образов виртуальной свободы в молодежных интернет-сообществах. Особое внимание уделено этическим границам сетевой свободы и проблеме ценностной дезориентации современной молодежи. Сделан вывод о необходимости концептуализации новой модели субкультурной идентичности, центрированной этическими императивами и традиционными ценностями.

Ключевые слова: молодежная субкультура, цифровая идентичность, виртуальная свобода, сетевое общество, философия свободы, транзитивное общество, этические границы, net-мышление, мозаичная идентичность

Для цитирования: Дагаев Р.Р. 2026. Онтология свободы в цифровых субкультурах: философский анализ трансформаций молодежной идентичности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 651–657. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-651-657 EDN: WTFXAU

Ontology of Freedom in Digital Subcultures: A Philosophical Analysis of Youth Identity Transformations

Rashid R. Dagaev

A.A. Kadyrov Chechen State University
32 A. Sheripov St., Grozny 364024, Russian Federation
rash-chelsea@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the philosophical analysis of transformations of youth subcultural identity in the context of digital communications and network images of freedom. The author substantiates the thesis that in the conditions of total digitalization and change of generational paradigm, a fundamental transformation of the ontological foundations of youth subculture occurs: from classical forms of group identity to mosaic, multiple identity constructed in virtual space. Based on an

interdisciplinary approach including actor-network theory, methodology of latent changes and philosophical anthropology, the paper reveals the specifics of generating images of virtual freedom in youth Internet communities. Special attention is paid to the ethical boundaries of network freedom and the problem of value disorientation of modern youth. The conclusion is drawn about the need to conceptualize a new model of subcultural identity centered on ethical imperatives and traditional values.

Keywords: youth subculture, digital identity, virtual freedom, network society, philosophy of freedom, transitive society, ethical boundaries, net-thinking, mosaic identity

For citation: Dagaev R.R. 2026. Ontology of Freedom in Digital Subcultures: A Philosophical Analysis of Youth Identity Transformations. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 651–657 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-651-657 EDN: WTFXAU

Современная эпоха характеризуется беспрецедентными трансформациями в сфере молодежной культуры и идентичности. Конфликт поколений, органично присущий социокультурной динамике на всем протяжении развития модернистских цивилизационных систем, в XXI веке приобретает качественно новые формы, опосредованные тотальной цифровизацией и сетевыми коммуникациями. Особенно ярко этот процесс проявился в субкультурных революциях 60-х годов прошлого века, когда ученые-гуманитарии начали исследовать молодежные феномены в категориях «контркультуры» и «молодежная субкультура». Однако сегодня, в 2026 году, мы наблюдаем принципиально иную картину: планка «молодежности» сместилась до уровня сорокалетних, а поколение беби-бума, стоявшее у истоков контркультурных движений, демонстрирует удивительную адаптивность к цифровым формам коммуникации [Дагаев, 2022, с. 3].

Философское осмысление происходящих трансформаций требует выхода за рамки узко социологических интерпретаций и обращения к фундаментальным онтологическим основаниям человеческого бытия. Как отмечает Н.В. Гришина, «люди становятся современными через переживаемый ими новый опыт», и этот опыт «вращения» в социальную жизнь, социальное пространство, культуру сегодня достигается преимущественно через сетевое обеспечение [Гришина, 2018, с. 55]. Молодежь становится поколением социальных сетей, проводя в них большую часть жизни, организуясь в сетевые сообщества по интересам и потребностям, предпочитая традиционной реальности виртуальную, формируя виртуальную идентичность и обретая вместо реальных виртуальные ценности. Это создает основу для существенных трансформаций социального поведения молодежи и возникновения новых поведенческих паттернов [Курбатов, 2019, с. 88].

В основе этих процессов лежит фундаментальное изменение самой структуры социальности. Б. Латур, чья акторно-сетевая теория приобретает сегодня особую эвристическую значимость, утверждает: «Не существует такой значимой группы, о которой можно было бы сказать, что именно из нее состоят социальные агрегаты, нет такого устоявшегося компонента, который мог бы использоваться как бесспорная отправная точка» [Латур, 2014, с. 44]. Сам субъект, субкультурное сообщество, точнее, индивиды формируют собственную «социальность», социальный мир собственного сообщества и «коллектива». Это означает, что современные молодежные субкультуры не могут быть адекватно поняты в рамках классических парадигм, рассматривавших их как устойчивые, гомогенные образования с четкими границами и фиксированной системой ценностей.

Методология латентных изменений, разрабатываемая М.С. Гусельцевой, позволяет зафиксировать принципиально важную тенденцию: субкультурные формы сегодня существуют в режиме «текучести и транзитивности», они не столько смешиваются,

сколько превращаются в зыбкие и неустойчивые социокультурные течения [Гусельцева, 2019, с. 229]. Классические критерии субкультурной идентичности – общность норм, ценностей, мировосприятия, специфический стиль жизни и поведения, наличие внешней атрибутики – размываются и утрачивают свою определенность. На смену «монойдентичности» приходит «мозаичная идентичность», позволяющая молодому человеку одновременно принадлежать к нескольким субкультурным сообществам и свободно перемещаться между ними.

Особое значение в этом контексте приобретает категория свободы. А.С. Баранов справедливо отмечает: «Свобода как жизненная ценность является стержнем жизни и может быть реализована, с одной стороны, как универсальная возможность творить, действовать, совершенствоваться, так и, с другой стороны, оправданием возможности бездействовать, разрушать, деградировать» [Баранов, 2020, с. 637]. В интернет-дискурсе эта диалектика свободы приобретает превращенные формы: создается иллюзия абсолютной свободы волеизъявления, свободы от любых ограничений, тогда как на деле пользователь оказывается включенным в сложные системы алгоритмического управления и манипуляции сознанием.

Д.П. Барлоу, автор знаменитой «Декларации независимости киберпространства», провозглашал: «Мы творим мир, где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения...»¹. Однако реальность цифрового мира оказалась сложнее и противоречивее этих романтических деклараций. Экспансия массмедиа и «цифры», тотально заполнивших собой атмосферу сетевой самоорганизующейся молодежной субкультуры, не только выступает индикатором молодежной субкультурной идентичности, но и служит универсальным символическим посредником между пользователем сетей и реальным – физическим и социальным – миром. В результате человек оказывается живущим не настоящей жизнью в режиме реального времени, а коммуницирующим в выморочном «обществе спектакля», где субкультурный пользователь играет свою «особую публичную роль», произвольно меняя маски и образы. Виртуальный блистательный мир оказывается лишь иллюзорной видимостью «пространства счастья» и «времени свободы» [Камю, 1990].

С.Н. Борисов и В.П. Римский, анализируя онтологические контексты свободы, обращаются к этическому принципу Августина: «Человек добродетельный, даже если он и находился в рабстве, свободен; напротив, злой, даже если он и царствовал, раб» [Борисов, Римский, 2013, с. 7]. Эта классическая интуиция приобретает новую актуальность в контексте цифровых субкультур. Трансгуманистические проекты «цифрового бессмертия», предлагаемые как якобы высшее проявление свободы, на самом деле ведут к нигилизации свободы и самого человеческого в человеке. Цифровая и информационная свобода в сети есть превращенная форма свободы: она создает иллюзию, будто бы интернет-пользователь свободен буквально во всем, тогда как на деле он становится объектом манипуляции и контроля.

Русская философская традиция дает нам концептуальные ресурсы для понимания этой ситуации. И.А. Ильин формулирует принцип, который сегодня звучит с особой остротой: «Воистину свободен духовно самостоятельный человек» [Ильин, 1993, с. 174]. Это означает, что подлинная свобода не может быть сведена к технической возможности произвольного выбора или к отсутствию внешних ограничений. Она предполагает духовную автономию, способность к самостоятельному ценностному самоопределению. В этом контексте становится очевидной ограниченность тех моделей «свободы», которые культивируются в современных цифровых субкультурах.

Эмпирические исследования последних лет фиксируют тревожные тенденции. Т.В. Фоломеева, Ф.Н. Винокуров и В.В. Нагорнова показывают, что «потребительское поведение становится индикатором принадлежности к субкультуре», а само членство в

¹ Барлоу Д.П. Декларация независимости киберпространства. URL: <http://www.dnn.ru/indep.htm> (дата обращения: 02.03.2026).

сообществе потребителей определенных товаров, услуг или брендов выступает ключевым фактором идентификации [Фоломеева, 2019, с. 43]. Это означает, что ценностно-нормативная составляющая субкультурной идентичности вытесняется на периферию, уступая место потребительским практикам и демонстративному поведению.

А.Э. Хасуев, исследуя молодежную культуру в современной России, приходит к выводу, что «ценностные ориентиры современной российской молодежи являются отражением уровня современного развития российского государства и общества в целом. Молодежь отличается от остальных групп общества своим здоровьем, мобильностью и информированностью» [Хасуев, 2018, с. 4]. Однако информированность сама по себе не гарантирует ценностной определенности. Напротив, в условиях информационной перегрузки и множественности конкурирующих ценностных систем возрастает риск ценностной дезориентации.

Типология современных молодежных субкультур, представленная в российском интернет-дискурсе, демонстрирует чрезвычайное разнообразие форм: от субкультуры думеров (депрессивных, пессимистично настроенных молодых людей, романтизирующих постсоветскую эстетику) до альтсубкультуры с ее эксцентрично-провокационной имиджевостью; от субкультуры тиктокеров с низким порогом вхождения и мегапопулярностью до субкультуры геймеров, объединяющей миллионы пользователей вокруг игрового контента. Это разнообразие свидетельствует о фрагментации культурного пространства и утрате единых ценностных ориентиров.

Особого внимания заслуживает феномен «протеичности», многоликости субкультурных феноменов сетевого типа. Протеизм, восходящий к мифическому образу Протея, способного принимать облик самых различных существ и перевоплощаться, становится характеристикой современной субкультурной идентичности. Субкультурное сетевое сообщество полифункционально: это площадка для самокоррекции и психологической адаптации, интеллектуального роста личности; возможность расширения интеллектуального потенциала (благодаря в том числе техническим возможностям переработки информации); площадка создания нового стиля, имиджевой самопрезентации и идентификации индивида (можно сказать, на границе «свобода – новые формы отчуждения/самоотчуждения») [Пронина, 2002, с. 232].

М.С. Гусельцева констатирует: «Новая исследовательская оптика позволяет обнаружить, что между учеными из разных регионов мира больше общего, нежели жителями одного мегаполиса, а образованные москвичи и парижане ближе в стилистике жизни, чем жители мегаполисов и традиционных поселений в пределах одной страны» [Гусельцева, 2019, с. 238]. Это наблюдение фиксирует фундаментальный сдвиг в структуре социальной идентичности: территориальная и национальная принадлежность утрачивает свое определяющее значение, уступая место культурно-стилевым и потребительским предпочтениям.

В этом контексте особую актуальность приобретает вопрос об этических границах сетевой свободы. Е.Д. Невесенко подчеркивает: «Сеть Интернет приводит к изменению образа жизни индивидов, переводя их в категорию пользователей и предоставляя альтернативные варианты осуществления различных видов социальной активности, присущих им в физической реальности» [Невесенко, 2014, с. 3]. Однако предоставление альтернативных вариантов не снимает вопроса об их ценностной легитимности. А.А. Щербович, исследуя конституционные гарантии свободы слова в сети Интернет, отмечает: «С правовой точки зрения мы сталкиваемся с необходимостью обозначить концептуальное отношение законодателя к тем новым явлениям, которые появились в последнее время и в связи с которыми необходимо в полной мере обеспечить права и свободы человека в Интернете» [Щербович, 2013, с. 5].

Показателен в этом отношении опыт государственного регулирования интернет-пространства в ряде стран. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от

10 февраля 2007 г. № 175 утвердило «Положение о порядке работы компьютерных клубов и интернет-кафе», согласно которому при оказании пользователям услуг в интернет-кафе осуществляется ведение электронного журнала доменных имен сайтов со сроком хранения не менее 12 месяцев. Это пример осознанного подхода к регулированию сетевого пространства, сочетающего обеспечение свободы доступа к информации с ответственностью за ее использование.

Философское осмысление происходящих трансформаций позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов. Во-первых, молодежные субкультурные сообщества в их сетевых формах представляют собой не просто новые варианты досуговой самоорганизации, но принципиально иной тип социальности, в котором классические механизмы передачи культурного опыта и ценностной преемственности дают сбой. Во-вторых, образы виртуальной свободы, генерируемые в цифровых субкультурах, являются превращенными формами подлинной свободы, подменяющими духовную автономию иллюзией вседозволенности и технической доступности. В-третьих, возникает насущная потребность в выработке этических границ сетевой свободы, которые не сводились бы к внешним запретам и ограничениям, но предполагали бы формирование внутренних ценностных регуляторов. А.Э. Хасуев подчеркивает: «Современная российская молодежь, выйдя из советского культурного пространства, формируется в соответствии с запросами глобальных временных изменений, с импульсами общемирового цивилизационного контекста и только ей присущими особенностями, смысловыми проблемами и задачами. Культура и основные социальные ценности становятся духовными основами механизма аккультурации, социализации и интеграции молодежи в современный мир» [Хасуев, 2017, с. 125]. Это означает, что задача сохранения и трансляции традиционных ценностей не может быть решена простым запретительными мерами. Она требует выработки таких форм культурной политики, которые были бы адекватны новой цифровой реальности и учитывали специфику молодежного сознания. Новая сетевая модель субкультурной идентичности, как показывают исследования последних лет, базируется на парадигме, в основании которой лежат виртуальные образы свободы, генерация которых определяет новейшую динамику трансформаций молодежной субкультуры в формах ее сетевой самоорганизации и социальной репрезентации в интернет-дискурсе. При этом данная модель центрируется этическими границами как пределом возможного и допустимого в сетевых субкультурных практиках и сообществах, отражая системно-интегральное понимание новой транзитивной динамики воспроизводства и механизмов вхождения молодежи в базовую социокультурную систему [Дагаев, 2021].

Таким образом, философский анализ трансформаций молодежной субкультурной идентичности в контексте цифровых коммуникаций и сетевых образов свободы позволяет зафиксировать фундаментальный сдвиг в онтологических основаниях человеческого бытия. Свобода, понимаемая как духовная автономия и способность к ценностному самоопределению, подменяется иллюзорной свободой потребления и самопрезентации. Преодоление этого кризиса требует не столько технологических или административных решений, сколько глубокой философской рефлексии и выработки новых моделей ценностной ориентации, адекватных вызовам цифровой эпохи.

Список литературы

- Баранов А.С. 2020. Свобода и Интернет. *Молодой ученый*, 21(311): 637–638.
- Борисов С.Н., Римский В.П. 2013. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 2(145): 5–17.
- Гришина Н.В. 2018. Проблема концептуализации контекста в современной психологии. *Социальная психология и общество*, 9(3): 10–20. DOI: [10.17759/sps.2018090302](https://doi.org/10.17759/sps.2018090302)

- Гусельцева М.С. 2019. Субкультуры: культурно-психологические трансформации современности в свете методологии латентных изменений. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 9(3): 229–242. DOI: [10.21638/spbu16.2019.301](https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.301)
- Дагаев Р.Р. 2021. Новая сетевая модель субкультурной идентичности: философско-антропологический анализ. *Вестник Чеченского государственного университета*, 4(44): 12–18.
- Дагаев Р.Р. 2023. Трансформации молодежной субкультуры в образах свободы сетевого дискурса: дис. ... канд. филос. наук: 5.7.7. Грозный, 173 с.
- Ильин И.А. 1993. Путь к очевидности. Москва, Республика, 431 с.
- Камю А. 1990. Миф о Сизифе. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. Москва, Политиздат, 414 с.
- Курбатов В.И., Волков Ю.Г., Воденко К.В. 2019. Молодежная субкультура в сетевых сообществах: приоритеты молодежи в социальных сетях и трансформация социально-информационного поведения. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 10: 87–97.
- Латур Б. 2014. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 384 с.
- Невесенко Е.Д. 2014. Влияние виртуальных сетевых сообществ и сети Интернет на развитие социальной активности молодежи: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Санкт-Петербург, 231 с.
- Пронина Е.Е. 2002. Психология журналистского творчества. Москва, Издательство Московского университета, 320 с.
- Фоломеева Т.В., Винокуров Ф.Н., Нагорнова В.В. 2019. Потребительское поведение как индикатор принадлежности к субкультуре. В кн.: Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития: материалы Международной научной конференции (Москва, 22–23 апреля 2019 г.). Москва, Российский государственный гуманитарный университет: 43–50.
- Хасуев А.Э. 2017. Ценностные ориентиры современной российской молодежи в контексте культурной глобализации. *European Social Science Journal*, 12: 124–129.
- Хасуев А.Э. 2018. Молодежная культура в современной России: философско-культурологическая экспликация: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Белгород, 23 с.
- Щербович А.А. 2013. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Москва, 250 с.

References

- Baranov A.S. 2020. Svoboda i Internet [Freedom and the Internet]. *Molodoi uchenyi*, 21(311): 637–638.
- Borisov S.N., Rimskii V.P. 2013. Tertullian, Media and Transhumanism: Ontology of Freedom and Anthropology of Violence in a Post-Secular World. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*, 2(145): 5–17 (in Russian).
- Grishina N.V. 2018. The Problem of the Conceptualization of Context in Modern Psychology. *Social Psychology and Society*, 9(3): 10–20 (in Russian). DOI: [10.17759/sps.2018090302](https://doi.org/10.17759/sps.2018090302)
- Guseltseva M.S. 2019. Cultural and Psychological Transformations of Modernity in Light of the Methodology of Latent Changes: Subcultures. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 9(3): 229–242 (in Russian). DOI: [10.21638/spbu16.2019.301](https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.301)
- Dagaev R.R. 2021. Novaya setevaya model' subkul'turnoi identichnosti: filosofsko-antropologicheskii analiz [A New Network Model of Subcultural Identity: A Philosophical-Anthropological Analysis]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(44): 12–18.
- Dagaev R.R. 2023. Transformations of Youth Subculture in the Images of Freedom of Network Discourse: Cand. Sci. (Philosophy) diss.: 5.7.7. Grozny, 173 p. (in Russian).
- Il'in I.A. 1993. The Path to Evidence. Moscow, Publ. Respublika, 431 p. (in Russian).
- Camus A. 1990. The Myth of Sisyphus. The Rebel. Philosophy. Politics. Art. Moscow, Publ. Politizdat, 414 p. (in Russian).
- Kurbatov V.I., Volkov Yu.G., Vodenko K.V. 2019. Molodezhnaya subkul'tura v setevykh soobshchestvakh: priority molodezhi v sotsial'nykh setyakh i transformatsiya sotsial'no-informatsionnogo povedeniya [Youth Subculture in Network Communities: Youth Priorities in Social Networks and Transformation of Social and Informational Behavior]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 10: 87–97.

- Latour B. 2014. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Moscow, Publ. Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 384 p. (in Russian).
- Nevesenko E.D. 2014. The Influence of Virtual Online Communities and the Internet on the Development of Social Activity of Youth: Cand. Sci. (Sociology) diss.: 22.00.04. St Petersburg, 231 p. (in Russian).
- Pronina E.E. 2002. Psychology of Journalistic Creativity. Moscow, Publ. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 320 p. (in Russian).
- Folomeeva T.V., Vinokurov F.N., Nagornova V.V. 2019. Potrebitel'skoe povedenie kak indikator prinadlezhnosti k subkul'ture [Consumer Behavior as an Indicator of Subcultural Affiliation]. In: Psikhologiya subkul'tury: fenomenologiya i sovremennye tendentsii razvitiya [Psychology of Subculture: Phenomenology and Modern Development Trends]: Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow, Publ. Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet: 43–50.
- Khasuev A.E. 2017. Tsennostnye orientiry sovremennoi rossiiskoi molodezhi v kontekste kul'turnoi globalizatsii [Value Orientations of Contemporary Russian Youth in the Context of Cultural Globalization]. *European Social Science Journal*, 12: 124–129.
- Khasuev A.E. 2018. Youth Culture in Contemporary Russia: Philosophical and Cultural Explication: Abstract of Cand. Sci. (Philosophy) diss.: 24.00.01. Belgorod, 23 p. (in Russian).
- Shcherbovich A.A. 2013. Constitutional Guarantees of Freedom of Speech and the Right of Access to Information on the Internet: Cand. Sci. (Law) diss.: 12.00.02. Moscow, 250 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 29.01.2026

Received January 29, 2026

Поступила после рецензирования 29.04.2026

Revised April 29, 2026

Принята к публикации 31.08.2026

Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дагаев Рашид Рамазанович, старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия.

Rashid R. Dagaev, Senior Lecturer at the Department of Theory and Technology of Social Work, A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia.

УДК 111; 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-658-664

EDN XAWKZX

Цифровой нomaдизм и трансформация молодежных субкультур: философско-культурологический анализ феномена диффузной идентичности

Хасуев А.Э.

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

Россия, 364024, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32

alarih95@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования выступает трансформация бытования молодежных субкультур в условиях цифровой реальности. Цель работы – философско-культурологическое осмысление перехода от классических, структурно оформленных субкультур к текучим, сетевым формам идентичности («цифровой нomaдизм»). Методология базируется на синтезе феноменологического подхода, теории сетевого общества и постструктуралистской концепции ризомы. В процессе исследования выявлено, что современная субкультурная активность утрачивает черты жесткой оппозиционности мейнстриму, трансформируясь в эстетизированные «стилевые сообщества» с диффузными границами. Селан вывод о том, что виртуализация коммуникации порождает феномен «мерцающей» идентичности, которая реализуется через симулякры стиля. Перспективы исследования связаны с изучением алгоритмической детерминации культурных кодов молодежи и этических импликаций цифрового эскапизма.

Ключевые слова: молодежные субкультуры, цифровой нomaдизм, идентичность, ризома, сетевое общество, симулякр, виртуализация, культурная диффузия, постсубкультурная теория, философия культуры

Для цитирования: Хасуев А.Э. 2026. Цифровой нomaдизм и трансформация молодежных субкультур: философско-культурологический анализ феномена диффузной идентичности. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 658–664. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-658-664 EDN: XAWKZX

Digital Nomadism and the Transformation of Youth Subcultures: A Philosophical and Culturological Analysis of the Diffuse Identity Phenomenon

Aslanbek E. Khasuev

A.A. Kadyrov Chechen State University

32 A. Sheripov St., Grozny 364024, Russian Federation

alarih95@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the transformation of youth subcultures in the conditions of digital reality. The aim of the work is to describe a philosophical and cultural understanding of the transition from classical, structurally formed subcultures to fluid, network forms of identity ("digital nomadism"). The methodology is based on the synthesis of the phenomenological approach, the theory of the network society, and the poststructuralist concept of the rhizome. The research has revealed that modern subcultural activity is losing the features of rigid opposition to the mainstream, transforming into

aestheticized "style communities" with diffuse boundaries. It has been substantiated that the virtualization of communication generates the phenomenon of "flickering" identity, which is realized through simulacra of style. The prospects of the research are associated with the study of algorithmic determination of youth cultural codes and the ethical implications of digital escapism.

Keywords: youth subcultures, digital nomadism, identity, rhizome, network society, simulacrum, virtualization, cultural diffusion, post-subcultural theory, philosophy of culture

For citation: Khasuev A.E. 2026. Digital Nomadism and the Transformation of Youth Subcultures: A Philosophical and Culturological Analysis of the Diffuse Identity Phenomenon. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 658–664 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-658-664 EDN: XAWKZX

Трансформация бытия современного человека неразрывно связана с проникновением цифровых технологий во все сферы жизненного мира. Особую остроту этот процесс приобретает в контексте анализа молодежных сообществ, которые исторически выступали маркерами социокультурных сдвигов. Классическая парадигма исследования субкультур, заложенная еще Бирмингемской школой (CCCS), рассматривала молодежные объединения как форму символического сопротивления господствующей культуре, основанную на жесткой классовой детерминации и территориальной локализации [Hebdige, 2002, с. 57]. Однако современная действительность демонстрирует радикальный разрыв с этой традицией. Мы наблюдаем закат «героического» периода субкультур, на смену которому приходит эпоха диффузных, эстетически ориентированных сообществ, существующих преимущественно в пространстве цифровых платформ. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью философского осмысления онтологического статуса этих новых форм коллективности, которые уже невозможно описывать в категориях суб-, контр- или даже пост-культуры. В рамках данной статьи ставится цель концептуализировать феномен «цифрового нomaдизма» как специфического модуса бытования молодежных культурных практик, характеризующегося отказом от стабильной идентичности в пользу перманентной смены стилевых масок. Достижение поставленной цели требует решения ряда задач: во-первых, критического анализа методологического аппарата классической теории субкультур; во-вторых, выявления онтологических характеристик сетевого взаимодействия, влияющих на структуру сообществ; в-третьих, экспликации философских оснований феномена диффузной идентичности. Методологический фундамент исследования строится на междисциплинарном синтезе. Мы опираемся на феноменологическую традицию, позволяющую схватить переживание принадлежности к сообществу изнутри, на теорию сетевого общества М. Кастельса, описывающую архитектуру современных коммуникаций [Кастельс, 2016, с. 117], а также на постструктуралистскую концепцию ризомы Ж. Делёза и Ф. Гваттари, которая, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает децентрированную природу современных культурных образований [Делёз, 2010, с. 92]. Кроме того, значимым инструментом выступает концепция «племен» М. Маффесоли, описывающая эмоционально заряженные, но нестабильные общности, приходящие на смену институциональным структурам [Маффесоли, 2020, с. 44]. В работе также используются сравнительно-исторический и аналитический методы, позволяющие выявить динамику трансформации культурных кодов молодежи.

Обращаясь к истории вопроса, следует подчеркнуть, что классические субкультуры XX века, будь то тедди-бои, моды, хиппи или панки, обладали рядом фундаментальных характеристик. Прежде всего, это наличие четко артикулированного протестного потенциала, направленного либо против классового неравенства, либо против культурной

гегемонии буржуазного общества. Стиль (одежда, музыка, сленг) выполнял функцию семиотического барьера, отделяющего «своих» от «чужих», и был способом означивания политической позиции. Дик Хебдидж в своей основополагающей работе *Subculture: The Meaning of Style* убедительно показал, как панк-стилистика через нарочитую вульгарность и эстетику распада осуществляла семиологическую партизанскую войну против норм приличия [Hebdige, 2002, с. 102]. Однако с наступлением эпохи постмодерна и в особенности цифровой эры эти бинарные оппозиции (сопротивление – подчинение, аутентичность – коммерция, глубина – поверхность) подверглись деконструкции. Современное культурное производство характеризуется тотальной эстетизацией повседневности, когда сам бунт становится товаром, а стиль отрывается от своего социального означаемого. В этой связи уместно говорить о том, что понятие «субкультура» в значительной степени утратило свою эвристическую ценность, уступив место концептам «сцены» или «стилевого сообщества». Немаловажным фактором является смена способа коммуникации. Если ранее для конституирования субкультуры требовалось физическое пространство (клуб, площадь, район), то теперь цифровая среда позволяет формировать сообщества, не имеющие территориальной привязки. Пространство потоков заменяет пространство мест, что ведет к принципиально иной топологии культурных связей [Кастельс, 2016, с. 211]. Молодой человек, увлекающийся, к примеру, эстетикой *varorwave* или *dark academia*, может физически находиться в российской провинции, но его культурная идентичность будет формироваться в глобальном цифровом пространстве, посредством обмена изображениями и музыкальными фрагментами в социальных сетях. Это приводит к тому, что Делёз и Гваттари назвали бы номадическим распределением: идентичность больше не коренится в определенной почве (территории), а движется по гладкому пространству сети, образуя временные соединения [Делёз, 2010, с. 203]. Наблюдается переход от «древесной» модели культуры, где есть ствол (мейнстрим) и ветви (субкультуры), к «ризоматической» модели, где нет центра и периферии, а есть бесконечное переплетение побегов. В этих условиях субкультурная принадлежность перестает быть судьбой или экзистенциальным выбором, она становится игровым модусом, маской, которую можно надеть и снять в зависимости от контекста.

Результаты исследования позволяют утверждать, что ключевой характеристикой современной молодежной культурной активности является феномен диффузной идентичности, или, как мы его определили, «цифровой номадизм». Под цифровым номадизмом в культурологическом смысле мы понимаем не просто удаленный формат работы, но гораздо более широкое явление – способ существования субъекта в культурном поле, при котором он постоянно мигрирует между различными эстетическими платформами, не задерживаясь надолго ни в одной из них. Как отмечает З. Бауман, современность характеризуется «текучестью», когда любые социальные институты, включая идентичность, обретают свойства жидкости: они не держат форму, а растекаются, заполняя любые доступные ниши [Бауман, 2008, с. 87]. В отличие от «тяжелой» идентичности модератора или хиппи, которая накладывала обязательства на всю жизнь, «текучая» идентичность современного молодого человека фрагментарна. Эмпирический анализ контента социальных сетей демонстрирует, что один и тот же индивид в течение недели может активно участвовать в обсуждениях, визуально маркируя себя то как представителя *cottagescore* (эстетика идеализированной сельской жизни), то как адепта *techwear* (футуристическая утилитарная мода), то погружаться в ностальгические образы *retrowave*. Это не является шизофренией в клиническом смысле, но это симптом шизофренизации культуры, о которой писали теоретики постмодернизма. Субъект больше не стремится к синтезу единого «Я», он комфортно существует в режиме «бриколажа», собирая себя из кусочков различных культурных кодов. Данный процесс тесно связан с тиражированием симулякров. Согласно Ж. Бодрийяру, мы живем в мире гиперреальности,

где копии не имеют оригиналов [Бодрийяр, 2015, с. 45]. Применительно к субкультурам это означает, что современные цифровые «племена» часто воспроизводят эстетику прошлого, лишенную своего изначального социально-политического или экзистенциального содержания. Феномен *varogwave* здесь является хрестоматийным примером: данное течение, возникшее в интернете около 2010 года, эксплуатирует ностальгию по утраченному будущему, используя замедленные фрагменты поп-музыки 80-х и 90-х, эстетику старых операционных систем и античную скульптуру. В этой эстетике нет протеста против капитализма, присущего классическим субкультурам, но есть меланхоличное принятие его безальтернативности и ироничное «зависание» в руинах утопий [Reynolds, 2011, с. 189]. Цифровой номад блуждает по этим руинам, собирая осколки смыслов, но не создавая из них новой целостности.

Существенной проблемой, выявленной в ходе философского анализа, является трансформация механизмов солидарности и аутентичности. Классическая субкультура, как уже отмечалось, подразумевала высокий порог вхождения: необходимо было знать пароли, носить правильные вещи, посещать правильные места. Это создавало сильное чувство общности («мы») и четко очерченного врага («они»). В цифровой среде порог вхождения снижается практически до нуля. Для того чтобы примкнуть к сообществу, достаточно подписаться на соответствующий паблик или надеть виртуальную маску (аватар) с определенной атрибутикой. Аутентичность, которая была сакральной ценностью для панков или хиппи, заменяется перформативностью. Как утверждает Э. Гидденс, в условиях позднего модерна идентичность становится проектом, который индивид постоянно «достраивает» и редактирует [Гидденс, 2012, с. 75]. В цифровом пространстве этот проект приобретает черты сериала: индивид выкладывает серию визуальных «сторителлингов», презентуя себя как определенный культурный типаж. Однако, в отличие от реальной жизни, в сети всегда доступна опция «удалить аккаунт» или начать с чистого листа, что порождает особый тип легковесного бытия. Немецкий философ Х.У. Гумбрехт описывает это как «присутствие» без «смысла»: современному человеку важнее ощущать сопричастность к эстетической атмосфере, нежели понимать идеологическую нагрузку того или иного стиля [Гумбрехт, 2006, с. 112]. Эта атмосфера (например, «вайб» в молодежном сленге) становится главным критерием объединения. М. Маффесоли ввел понятие «неотрайбализм» для описания таких общностей, где эмоциональная эмпатия и разделяемое переживание важнее рационального согласия с доктриной [Гумбрехт, 2006, с. 98]. Современные «цифровые неоплемена» (например, фанаты К-Поп группы BTS или сообщество *e-girls/e-boys*) демонстрируют высокий уровень внутренней солидарности и даже способность к коллективным политическим действиям (вспомним кампании по срыву митингов или сбору средств), но эта солидарность нестабильна и направлена не столько на изменение общества, сколько на поддержание эмоционального комфорта внутри «племени». Идентичность здесь, перефразируя Баумана, подобна мантии, которую носят не потому, что она соответствует сущности, а потому что она нравится в данный момент [Бауман, 2008, с. 121].

Отдельного философского внимания заслуживает пространственно-временная организация цифрового номадизма. В традиционной культуре субкультурный опыт был темпорально растянут: он был связан с биографическим временем (подростковый кризис, взросление, выход из субкультуры). Современный цифровой опыт сжимает время до точки «здесь и сейчас». Скорость обновления контента в социальных сетях (лента, *stories*, тикток-челленджи) не оставляет времени на длительное «проживание» идентичности. Это порождает феномен культурной амнезии: вчерашний тренд, на основе которого строилось сообщество, сегодня уже считается устаревшим или «кринжовым». Субъект вынужден постоянно обновлять свою культурную оболочку, чтобы оставаться в потоке. В этом смысле цифровой номад – это не бунтарь, а, скорее, турист, постоянно перемещающийся по культурным ландшафтам в поисках новых впечатлений и «инстаграмных» локаций.

Джон Урри, анализируя феномен туристического взгляда, отмечал, что туризм как практика потребления знаков глубоко изменил способ восприятия реальности [Уггу, 2011, с. 45]. Современный цифровой номад является «туристом в собственной культуре»: он относится к собственному стилю жизни как к объекту созерцания и потребления. Его присутствие в субкультурном пространстве непродолжительно, оно отягощено не обетом верности, а лишь контрактом на пользование эстетикой. Это неизбежно ведет к деполитизации и деидеологизации молодежных движений. Если ранние субкультуры стремились переделать мир (хиппи) или разрушить его (панки), то современные сетевые эстетики стремятся лишь к созданию красивой картинки. Бунт сменяется ресентиментом, а политическое действие – фланёрством. Исследователи фиксируют, что даже в сообществах, позиционирующих себя как оппозиционные (например, новые экологические активисты или радикальные феминистские блоги), дискурс смещается от требований системных изменений к практикам «заботы о себе» (self-care) и демонстрации индивидуального образа жизни [Bennett, 2013, с. 312]. Это является логичным следствием неолиберальной рациональности, которая интериоризирует внешний контроль и переводит его в режим самоменеджмента.

Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод о том, что современные молодежные субкультуры представляют собой не столько субстанциональные образования, сколько номадические процессы эстетической сборки. Произошла фундаментальная сдвигка от семиотики сопротивления к семиотике игры. Концепт «цифрового номадизма» фиксирует это новое состояние: отрыв от территориальных корней, временность любых форм принадлежности и доминирование визуального потребления над идеологическим производством. Разумеется, было бы некорректно утверждать, что классические формы субкультурной активности полностью исчезли. Однако они маргинализируются и вытесняются на периферию культурного мейнстрима цифровой эпохи. Идентичность современного молодого человека больше не описывается формулой «я есть тот, кто я есть», а описывается формулой «я есть тот, кем я выгляжу в данный момент в цифровом следе». Это состояние диффузной идентичности, которое можно охарактеризовать как перманентное «мерцание» между несколькими экранами смысла.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в нескольких направлениях. Прежде всего, требует углубленного философского анализа проблема алгоритмической власти. Цифровой номад свободен в выборе маски, но не свободен в выборе витрины: рекомендательные алгоритмы платформ (TikTok, Instagram, Spotify) формируют коридоры вкуса, создавая «пузыри фильтров», внутри которых и происходит миграция идентичностей. Возникает парадокс: бесконечное разнообразие эстетик при сужении горизонта возможного культурного опыта [Паризер, 2013, с. 105]. Необходимо исследовать, в какой мере эта алгоритмическая детерминация возвращает нас к структурной предопределенности, от которой, казалось бы, молодежь освободилась в цифровую эпоху. Во-вторых, важной темой является этическое измерение цифрового эскапизма. Диффузная идентичность, будучи формой адаптации к ускоряющемуся миру, одновременно является формой бегства от реальности, от ответственности за Другого. Когда культурная принадлежность становится лишь аксессуаром, размывается основа для подлинного диалога и солидарности. Перспективно изучение того, как в этих условиях возможно формирование этики неотрайбализма, основанной не на тождестве (мы одинаковые), а на различии и диалоге. Наконец, требует дальнейшего осмысления феномен «усталости» от цифрового номадизма, который начинает проявляться в молодежной среде в виде интереса к «медленным» культурам, ремесленным практикам и новому локализму. Возможно, мы стоим на пороге нового синтеза, когда виртуальная мобильность будет дополнена поиском точек экзистенциальной укорененности. Таким

образом, представленный в статье философско-культурологический анализ показывает, что цифровой нomaдизм является амбивалентным феноменом: он дарует беспрецедентную свободу культурного самовыражения, но одновременно погружает субъекта в состояние экзистенциальной бездомности, из которой предстоит искать выход уже следующим поколениям мыслителей и практиков.

Список литературы

- Бодрийяр Ж. 2015. Симулякры и симуляция. Пер. с фр. А. Качалова. М., Издательский дом «ПОСТУМ», 240 с.
- Гидденс Э. 2012. Современность и самоидентичность. Пер. с англ. М., Праксис, 450 с.
- Гумбрехт Х.У. 2006. Производство присутствия: Чего не может передать значение. Пер. с англ. С. Зенкина. М., Новое литературное обозрение, 184 с.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. 2010. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург, У-Фактория; М., Астрель, 895 с.
- Кастельс М. 2016. Власть коммуникации. Пер. с англ.; под науч. ред. А.И. Черных. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 568 с.
- Маффесоли М. 2020. Время племен: упадок индивидуализма в массовом обществе. Пер. с фр. М., Академический проект, 280 с.
- Паризер Э. 2012. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? Пер. с англ. М., Альпина Бизнес Букс, 304 с.
- Bennett A. 2013. Music, Style, and Aging: Growing Old Disgracefully? Philadelphia, Publ. Temple University Press, 226 p.
- Hebdige D. 2002. Subculture: The Meaning of Style. London, Publ. Routledge, 195 p.
- Reynolds S. 2011. Retromania: Pop Culture's Addiction to Its Own Past. New York, Publ. Faber & Faber, 264 p.
- Urry J., Larsen J. 2011. The Tourist Gaze 3.0. London, Publ. SAGE Publications, 296 p. DOI: [10.4135/9781446251904](https://doi.org/10.4135/9781446251904).

References

- Bauman Z. 2008. Tekuchaya sovremennost' [Liquid Modernity]. Translated from English by S.A. Komarov. St Petersburg, Publ. Piter, 238 p.
- Bodriyyar Zh. 2015. Simulyakry i simulyatsiya [Simulacra and Simulation]. Translated from the French by A. Kachalov. Moscow, Publ. POSTUM, 240 p.
- Giddens E. 2012. Sovremennost' i samoidentichnost' [Modernity and Self-Identity]. Translated from English. Moscow, Publ. Praksis, 450 p.
- Gumbrecht H.U. 2006. Proizvodstvo prisutstviya: Chego ne mozhet peredat' znachenie [Production of Presence: What Meaning Cannot Convey]. Translated from English by S. Zenkin. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 184 p.
- Delez Zh., Guattari F. 2010. Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from the French and afterword by Ya.I. Svirsky; scientific ed. V.Yu. Kuznetsov. Yekaterinburg, Publ. U-Faktoriya; Moscow, Publ. Astrel, 895 p.
- Kastel's M. 2016. Vlast' kommunikatsii [Communication Power]. Translated from English; scientific ed. A.I. Chernykh. Moscow, Publ. HSE Publishing House, 568 p.
- Maffesoli M. 2020. Vremya plemen: upadok individualizma v massovom obshchestve [The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society]. Translated from the French. Moscow, Publ. Akademicheskiiy projekt, 280 p.
- Parizer E. 2012. Za stenoy fil'trov. Chto Internet skryvaet ot vas? [The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You]. Translated from English. Moscow, Publ. Alpina Business Books, 304 p.
- Bennett A. 2013. Music, Style, and Aging: Growing Old Disgracefully? Philadelphia, Publ. Temple University Press, 226 p.
- Hebdige D. 2002. Subculture: The Meaning of Style. London, Publ. Routledge, 195 p.

- Reynolds S. 2011. Retromania: Pop Culture's Addiction to Its Own Past. New York, Publ. Faber & Faber, 264 p.
- Urry J., Larsen J. 2011. The Tourist Gaze 3.0. London, Publ. SAGE Publications, 296 p. DOI: [10.4135/9781446251904](https://doi.org/10.4135/9781446251904)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 24.01.2026

Поступила после рецензирования 24.04.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received January 24, 2026

Revised April 24, 2026

Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хасуев Асланбек Эйляевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aslanbek E. Khasuev, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-665-669

EDN KUBEPR

Национальное самопознание в опыте русского религиозно-философского паломничества (путешествие Н.Н. Стрхова на гору Афон)

Ивашина Е.В., Ивашина Р.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

ivashina_e@bsuedu.ru

Аннотация. Центральное внимание уделяется введению в научный оборот и компаративному анализу ранее неизвестной цензурированной версии публикации Н.Н. Стрхова «Воспоминание о поездке на Афон» (1889) в «Курских епархиальных ведомостях» (КЕВ). В ходе исследования методом сплошного просмотра корпуса КЕВ за 1871–1918 гг. была выявлена и изучена редакторская правка, которой подвергся оригинальный текст. Анализ характера правки позволяет раскрыть конкретные идеологические установки, продвигавшиеся церковной цензурой в лице протоиереев М. Краснитского и Я. Новицкого, и реконструировать механизмы формирования официального церковного дискурса о религиозном опыте в позднимперский период. Работа Н.Н. Стрхова рассматривается через призму ключевой для автора дихотомии: противопоставления «европейской самореферентности» и «русской восприимчивости». Научная новизна исследования заключается в проведении детального сравнительного анализа полемики Н.Н. Стрхова с французским писателем Э.-М. де Вогюэ, что позволяет вскрыть глубинный конфликт двух культурно-религиозных парадигм: аскезы как пути к духовной свободе (православное мировоззрение Н.Н. Стрхова) и аскезы как формы социального эскапизма (западный взгляд Вогюэ). Сделан вывод о том, что афонское повествование Стрхова представляет собой ценный источник для понимания диалога русской и европейской культурных традиций, а реконструкция цензурной истории текста открывает новые перспективы для изучения религиозной идентичности в России на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова: православное монашество, цензура, Курские епархиальные ведомости, Э.-М. де Вогюэ, культурно-религиозная парадигма, аскеза, русская религиозная философия, церковный дискурс

Для цитирования: Ивашина Е.В., Ивашина Р.А. 2026. Национальное самопознание в опыте русского религиозно-философского паломничества (путешествие Н.Н. Стрхова на гору Афон). *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 665–669. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-665-669 EDN: KUBEPR

National Self-Discovery through the Experience of Russian Religious-Philosophical Pilgrimage (N.N. Strakhov's Journey to Mount Athos)

Elena V. Ivashina, Roman A. Ivashina

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
ivashina_e@bsuedu.ru

Abstract. The study introduces into scholarly circulation a previously unknown censored version of this text published in Kurskiye Eparkhialniye Vedomosti (Kursk Diocesan Gazette, KDG) in 1902. Through a comprehensive review of the KDG corpus from 1871 to 1918, the authors identify and analyse the editorial amendments made to the original text. Their examination reveals the specific ideological guidelines promoted by church censorship, as represented by Protopriests M. Krasnitsky and Y. Novitsky, and reconstructs the mechanisms of forming the official church discourse on religious experience in the late imperial period. Substantively, Strakhov's work is examined through his key dichotomy: the opposition between "European self-referentiality" and "Russian receptivity." The scientific novelty lies in conducting a detailed comparative analysis of Strakhov's polemic with the French writer E.-M. de Vogüé. This reveals a fundamental conflict between two cultural and religious paradigms: asceticism as a path to spiritual freedom (Strakhov's Orthodox worldview) and asceticism as a form of social escapism (Vogüé's Western perspective). The authors conclude that Strakhov's Athos narrative is a valuable source for understanding the dialogue between Russian and European cultural traditions, while reconstructing the text censorship history opens new perspectives for studying religious identity in Russia at the turn of the 20th century.

Keywords: Orthodox monasticism, censorship, Kursk Diocesan Gazette, E.-M. de Vogüé, cultural-religious paradigm, asceticism, Russian religious philosophy, church discourse

For citation: Ivashina E.V., Ivashina R.A. 2026. National Self-Discovery through the Experience of Russian Religious-Philosophical Pilgrimage (N.N. Strakhov's Journey to Mount Athos). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 665–669 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-665-669 EDN: KUBEPR

Введение

Религиозно-философское мировоззрение Н.Н. Стрхова наиболее отчетливо прослеживается в его работе «Воспоминание о поездке на Афон», написанной в 1889 году и вошедшей в сборник «Воспоминания и отрывки» (1892) [Стрхов, 1892]. Данное исследование вводит в научный оборот ранее неизвестный источник – цензурированную публикацию этого текста в «Курских епархиальных ведомостях» (КЕВ) за 1902 год [Стрхов, 1902]. Сплошной просмотр всего корпуса КЕВ за 1871–1918 гг. выявил, что это не просто перепечатка, а версия, подвергшаяся значительной редакторской правке. Анализ характера правок позволяет выявить не только механизмы формирования официального церковного дискурса о религиозном опыте в позднеимперский период, но и конкретные идеологические установки, которые продвигала редакция в лице цензоров – инспектора Курского епархиального училища протоиерея Михаила Краснитского и редактора, ректора Курской духовной семинарии протоиерея Якова Новицкого [Бугров, б. г.].

Цель данной работы – выявить специфику национального самопознания в интерпретации Н.Н. Стрхова через анализ его афонского текста и полемики с западным взглядом на православную аскезу. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать апологетический характер записок Стрхова; рассмотреть критику европейского влияния и дихотомию культур в его мировоззрении; изучить образ Афона как духовного идеала; провести сравнительный анализ взглядов Стрхова и Э.-М. де Вогюэ на аскезу; а также реконструировать цензурную историю текста в «Курских епархиальных ведомостях».

Материалы и методы исследования

Материалом исследования является текст Н.Н. Страхова «Воспоминание о поездке на Афон» в двух версиях: оригинальной (1892) и цензурированной (1902). Методологическую основу исследования составляют компаративный анализ (для сопоставления позиций Н.Н. Страхова и Э.-М. де Вогиюэ, а также двух версий текста) и историко-генетический метод (для реконструкции механизмов формирования церковного дискурса). Эмпирическую базу составили материалы, выявленные методом сплошного просмотра корпуса «Курских епархиальных ведомостей» за 1871–1918 гг.

Результаты исследования

Текст Страхова имеет апологетический характер; он стремится объяснить мотивы своего паломничества в контексте критического отношения к монашеству в «просвещенных» кругах того времени. Как отмечал Страхов, «просвещенные» люди той эпохи зачастую смотрели на монахов как на «вредный элемент человеческого общества» [Страхов, 1892, с. 3]. Непосредственным катализатором создания записок стала кончина игумена о. Макария, которым Страхов искренне восхищался [Страхов, 1892, с. 1]. Для него о. Макарий являлся «самым чистым и несравненным по красоте воплощением того духа, которым живет вся Афонская гора» [Страхов, 1892, с. 2]. Паломничество Страхова было мотивировано экзистенциальной потребностью в приобщении к «неиспорченной» жизни для пересмотра духовно-эстетических и аксиологических принципов.

Центральное место в работе занимает дихотомия путешественников: противопоставление европейской (западной) самореферентности и русской восприимчивости, которая, по мнению Страхова, при некритическом усвоении «чужих понятий» портит «душевную деятельность» [Страхов, 1892, с. 4]. Его путешествие лишь укрепляет мысли о вторичности культур, подчиненных европейскому влиянию. Петербург – «окно в Европу» – Страхов называет «прорубленным окном» [Страхов, 1892, с. 4]. В Константинополе путешественника разочаровывает утрата аутентичности, вытесненной европейскими формами: французские пароходы, гостиницы, театры [Страхов, 1892, с. 11]. Аналогичное впечатление производит и Египет, где путешественника повсюду сопровождает Европа [Страхов, 1892, с. 8].

Причиной посещения Афона для Страхова было то, что там «...сохранилась до наших дней и продолжает неприкосновенно процветать особая жизнь, начавшаяся с первых веков христианства» [Страхов, 1892, с. 9–10]. Монашеская община представляет собой суверенное образование, основанное на отречении от мирского и воплощающее «высший идеал русских людей». На Святой Горе присутствует дух христианского блага, олицетворяющий русскую душу, ведь «святой человек есть высший идеал русских людей, начиная от неграмотного крестьянина и до Льва Толстого» [Страхов, 1892, с. 10]. Гостеприимство афонских монахов и их внутренний мир произвели на Страхова неизгладимое впечатление. Его поразили ласковые и спокойные голоса монахов, полное отсутствие крика и раздражения: «Удивительная тишина – прямое отражение выраженного душевного мира» [Страхов, 1902, с. 467].

Важное место в тексте занимает полемика с французским писателем Эженом-Мельхиором де Вогиюэ [Vogüé, 1894], который описал свою поездку на Афон в 1875 году. Вогиюэ неверно понял жизнь монахов, смысл их отречения. Он описывал их как людей, бегущих от социальных проблем (нищеты, войн, труда), а не сознательно выбирающих аскетический путь. Для Вогиюэ отречение – это проявление «восточной лени» и пассивности, а не духовный подвиг. Страхов защищает смысл отречения от страстей, которые мешают соединению с Богом. Он подчеркивает, что внешние лишения – лишь

инструмент для достижения духовных целей. Конфликт также проявляется в бытовом непонимании: Вогюэ был недоволен афонской трапезой [Vogüé, 1894], а Страхов иронизирует над силой привычки, видя в этом конфликт культурных кодов аскезы и комфорта. Противопоставление аскезы как пути к духовной свободе (Страхов) и аскезы как формы социального эскапизма (Вогюэ) составляет методологическое ядро повествования, раскрывая фундаментальные различия между православным и западным мировоззрением рубежа XIX–XX веков.

Публикация в КЕВ [Страхов, 1902] начинается с географического описания Афона как места, где процветает особая жизнь, берущая начало в первых веках христианства. Цензурный отбор акцентирует исключительно религиозно-философский и духовно-нравственный идеал православной жизни монахов, формируя идеализированный образ. Ярким примером цензуры является устранение фрагмента о росте русского присутствия на Афоне. В оригинале Страхов связывает это явление с эпохой «освободительных реформ» 1860-х годов, отмечая, что «благочестивые люди» покидали свои дома, возможно, в виде протеста против вольнодумства и нигилизма, и селились на Афоне. Цензура устранила этот фрагмент.

Заключение

Афонское повествование Н.Н. Страхова представляет собой важный источник для понимания диалога русской и европейской культурной традиции. Духовная жизнь на Святой Горе предстает в тексте не просто географическим местом, а уникальным духовным и культурным феноменом, предлагающим альтернативный путь развития, основанный на ценностях православного благочестия, аскетизма и созерцательной красоты.

Полемика с Э.-М. де Вогюэ вскрывает фундаментальный конфликт двух культурно-религиозных парадигм понимания аскезы, что является ключевым вкладом данного исследования в философскую антропологию и историю русской мысли.

Реконструкция цензурной истории текста и анализ правки позволяют выявить механизмы формирования общественного мнения и религиозной идентичности в России конца XIX века. «Воспоминания» Н.Н. Страхова являются ценным источником для понимания религиозных исканий русской интеллигенции и ее сложного диалога с западноевропейской цивилизацией.

Список источников

- Бугров Ю. б. г. Часть IV, глава I. «Ученые – пастыри». Курск дореволюционный. URL: <https://old-kursk.ru/book/eparhia/ep4-1.html> (дата обращения: 15.03.2026).
- Голубков А.В. 2006. Вогюэ Эжен-Мельхиор. В кн.: Большая российская энциклопедия. Т. 5. Москва: 487–488. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/1921043> (дата обращения: 15.03.2026).
- Страхов Н.Н. 1892. Воспоминания и отрывки. Санкт-Петербург, Типография братьев Пантелеевых, 313 с.
- Страхов Н.Н. 1902. Из путешествия на Афон: воспоминания Н.Н. Страхова. *Курские епархиальные ведомости*, 32(23): 465–474.
- Страхов Н.Н. б. г. Статьи на исторические темы. Хронос. URL: https://hrono.ru/statii/2005/strahov_afon.html (дата обращения: 15.03.2026).
- Fallmerayer J.Ph. 1845. Fragmente aus Italien. Stuttgart; Tübingen, J.G. Cotta'scher Verlag, 512 S.
- Vogüé E.-M. de. 1886. Le Roman russe. Paris, E. Plon, Nourrit et Cie, LV + 351 p.
- Vogüé E.-M. de. 1894. Syrie, Palestine, Mont Athos: Voyage aux pays du passé. 4e éd. Paris, E. Plon, Nourrit et Cie, XII + 333 p.

Список литературы

- Н.Н. Страхов: pro et contra: личность и творчество Н.Н. Стрхова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. 2021. Климова С.М., сост. Отв. ред. Д.К. Богатырев. Санкт-Петербург, Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 852 с.
- Костомаров Н.И. 1995. Русские нравы: Домашняя жизнь и нравы великорусского народа: исторические монографии и исследования. Автобиография. Москва, Чарли, 656 с.
- Jakob Philipp Fallmerayer: Wissenschaftler – Politiker – Schriftsteller. 1993. Thurnher E., ed. Innsbruck, Publ. Universitätsverlag Wagner, 230 p.

References

- N.N. Strakhov: Pro et Contra: Personality and Works of N.N. Strakhov in the Assessments of Russian Thinkers and Researchers: Anthology. 2021. Klimova S.M., comp. Ed. D.K. Bogatyrev. St Petersburg, Publ. Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 852 p. (in Russian).
- Kostomarov N.I. 1995. Russian Customs: Domestic Life and Customs of the Great Russian People: Historical Monographs and Studies. Autobiography. Moscow, Publ. Charli, 656 p. (in Russian).
- Jakob Philipp Fallmerayer: Wissenschaftler – Politiker – Schriftsteller. 1993. Thurnher E., ed. Innsbruck, Publ. Universitätsverlag Wagner, 230 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.02.2026

Поступила после рецензирования 25.05.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received February 25, 2026

Revised May 25, 2026

Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ивашина Елена Викторовна, библиотекарь отдела образовательных пространств библиотеки-музея Н.Н. Стрхова, преподаватель кафедры социальной работы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Ивашина Роман Анатольевич, кандидат философских наук, преподаватель кафедры общепрофессиональных дисциплин, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Ivashina, Librarian of the Educational Spaces Department of N.N. Strakhov Library-Museum, Lecturer at the Department of Social Work, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Roman A. Ivashina, Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer at the Department of General Professional Disciplines, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 101

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-670-678

EDN KIPVTP

Орнамент: динамика культурно-исторических форм и концептов

Киреева О.А.

Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, г. Белгород, 308007, ул. Королева, д. 7

BOA-16@yandex.ru

Аннотация. Представлен персонифицированный контекст трансформации содержания сути орнамента, а также корреляция выявленных реперных точек с пропозицией модификаций орнамента в его культурно-историческом дискурсе. Приводится авторская семиологическая концепция создания системы универсальных элементов орнамента, интегрированных в азбуку орнаментальных смыслоформ. Проведенный анализ позволяет предполагать наличие возможности создания универсального языка на основе базовых элементов орнамента, роль которого заключается в оптимизации процесса ретрансляции культурного наследия и, следовательно, повышении качества жизни социума. На процесс стабилизации изменений орнамента опираются ожидания актуализации смысла орнамента и закрепления опыта передачи культурного наследия посредством азбуки орнамента.

Ключевые слова: изменения, культура и искусство, символ, смысл, универсальность, азбука орнамента

Для цитирования: Киреева О.А. 2026. Орнамент: динамика культурно-исторических форм и концептов. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 670–678. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-670-678 EDN: KIPVTP

Ornament: The Dynamics of Cultural and Historical Forms and Concepts

Olga A. Kireeva

Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Koroleva St., Belgorod 308007, Russian Federation

BOA-16@yandex.ru

Abstract. The study aims to trace how ornament as an artistic phenomenon and a semiotic element changed over time in the context of culture and art. The personalized context of the transformation in the content of ornament essence of the ornament is presented, as well as the correlation of the identified reference points with the proposition of ornament modifications in its cultural and historical discourse. The article also features the author's semiological concept of creating a system of universal ornamental elements integrated into the alphabet of ornamental semantic forms. The analysis suggests the possibility of creating a universal language based on the main elements of ornament, the role of which is to optimize the process of retransmitting the cultural heritage and, consequently, improve the society's life quality. Expectations of actualizing the meaning of ornament and consolidating the experience of transmitting cultural heritage through the alphabet of ornament are based on the process of ornament change stabilization.

Keywords: changes, culture and art, symbol, meaning, universality, the alphabet of ornament

For citation: Kireeva O.A. 2026. Ornament: The Dynamics of Cultural and Historical Forms and Concepts. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 670–678 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-670-678 EDN: KIPVTP

Орнамент представляет собой неотъемлемую часть культурного наследия человечества, отражающую эстетические, символические и функциональные аспекты различных эпох и народов. Он служит не только для украшения, но и для передачи значений, традиций и исторического контекста. Орнаменты сопровождают человечество на протяжении всего его существования и повсеместно. Изучение орнамента на современном этапе невозможно, на наш взгляд, без исследования пути его изменений. При этом изменения понимаются нами как «категория философского дискурса, которая характеризует состояние, альтернативное стабильности, переход из одного состояния в другое, смену содержания во времени» [Новая философская энциклопедия, 2025]. В данной работе мы рассмотрим эволюцию орнамента, его функции, значение в искусстве и культуре, а также потенциал его развития.

Орнамент, как показывает практика, можно рассматривать, и как язык, и как символ, в зависимости от контекста и подхода к его изучению. Развитие орнамента как языка представляет собой интересный аспект истории искусства и культуры. Орнамент, будучи визуальным элементом, мог эволюционировать в систему знаков и символов, которые передают информацию и значения. Развитие орнамента как символа – это многогранный процесс, охватывающий различные культуры и исторические эпохи. Орнаменты, изначально служившие для украшения и эстетического оформления, со временем приобрели глубокую символическую значимость.

На примере Славянской универсальной символики можно проследить значимые элементы культурного наследия, которые отражают мировоззрение, традиции и обычаи славянских народов. Орнаменты, используемые в народном искусстве, часто несут в себе глубокий смысл и символику. Глубина исследования универсальной символики должна находиться на уровне первых сведений в истории развития мифа, ритуала и обычая. Именно здесь мы сможем оценить важную роль орнамента, который обладает не только эстетическим, но и символическим, ритуальным и культурным значением.

Изучением истории орнамента занимались многие учёные и исследователи из различных областей, включая искусствоведение, археологию, антропологию, культурологию, дизайн и архитектуру. С точки зрения теории и истории культуры и искусства, изучением орнамента занимались ученые и исследователи, которые подходили к этому вопросу с разных дисциплинарных позиций, но интегративного подхода так и не сложилось. Общекультурное значение орнамента и его динамика как культурно-исторического феномена остаются вне фокуса исследовательской оптики.

В силу этого особый интерес для нас представляют исследования, посвящённые универсальности символа в процессе его развития. Это интересная и многогранная тема, охватывающая аспекты культурологии, психологии, философии и антропологии, так как символы играют ключевую роль в человеческом опыте, служа средством передачи значений и идей. Однако, на наш взгляд, сегодня недостаточно внимания уделяется исследованию вопросов восстановления смысловой нагрузки орнаментальных образов, включая искусствоведение, антропологию, этнографию и культурологию.

Нам кажется принципиально важным восстановление смысловой нагрузки орнаментальных образов. Это задача, которая может помочь вернуть утраченные культурные и исторические контексты, а также углубить понимание традиционного

искусства. Поскольку универсалии орнамента представляют собой общие принципы, элементы и символы, которые встречаются в орнаментах различных культур и эпох, они могут восполнить лакуны в эстетическом, функциональном и культурном аспектах. Минимизировать и даже в долгосрочной перспективе ликвидировать казусы недопонимания в социуме, на наш взгляд, способна орнаментальная азбука.

Для того, чтобы обосновать авторскую концепцию создания системы универсальных элементов орнамента, интегрированных в азбуку орнаментальных смыслоформ, мы обратились к анализу происхождения самого орнамента.

Орнамент как элемент художественного выражения возник в глубокой древности. Первые знаки и узоры встречаются на пещерных рисунках, а также на предметах быта, таких как керамика и текстиль. Первобытное искусство, как форма культурного выражения ранних человеческих сообществ, демонстрирует сложную семиотическую структуру, в которой примитивные знаки и символы служат не только эстетическим, но и функциональным целям. Орнаменты, встречающиеся на предметах быта и в пещерных рисунках, представляют собой артефакты, содержащие ритуальные и идентификационные функции, что указывает на их значимость в контексте социального взаимодействия и культурной идентичности. Геометрические формы, как базовые элементы визуальной семиотики, могут быть интерпретированы как знаковые системы, обозначающие природные феномены или социальные статусы, что подчеркивает их роль в формировании коллективной памяти и символического порядка. В этом контексте тотемизм выступает как важный аспект первобытной символики, где изображения животных и природных элементов функционируют как медиаторы между миром человеческим и миром духов, отражая глубинные связи между индивидом, сообществом и окружающей средой. Первобытное искусство становится полем исследования не только эстетических практик, но и философских концепций, касающихся культурно-исторической практики, сакральности и взаимодействия человека с природой [Борисов, 2024].

В контексте эволюции орнамента в древних культурах, следует отметить, что его функциональная и семиотическая значимость претерпела значительные изменения с развитием сложных социокультурных структур. В цивилизациях Месопотамии, Египта и Индии орнамент не только служил эстетическим целям, но и играл роль визуального языка, способствующего коммуникации религиозных и культурных концептов. Например, в египетской иконографии иероглифы и геометрические узоры функционировали как знаковые системы, передающие информацию о мифологических нарративах и социальных иерархиях. В индийской культуре мандалы, представляющие собой сложные геометрические композиции, символизировали космическое единство и духовную гармонию, где каждый элемент в соответствии с принципами сакральной геометрии имел определенное место и значение в контексте вселенского порядка. Орнамент становится не просто декоративным элементом, а важным инструментом для передачи культурной идентичности и духовных идеалов, что подчеркивает его значимость в изучении первобытного и античного искусства как отражения коллективного сознания и философских концепций времени.

В античной Греции и Риме орнаментальное оформление достигло высокой степени семиотической сложности, функционируя как визуальный язык, в котором каждый элемент, будь то меандр, акантовый лист или растительный мотив, обретал многослойное значение в контексте культурных и философских парадигм того времени. Орнаментальные элементы не только служили эстетическим дополнением архитектурных стилей – дорического, ионического и коринфского – но и становились символами идеалов красоты, гармонии и порядка, пронизывающих античную философию. В рамках платонической концепции идеальных форм, орнаменты можно рассматривать как материальные воплощения абстрактных идей, которые, будучи интегрированными в архитектурные композиции, создавали не только визуальную, но и концептуальную

целостность. Орнамент в античности представляет собой не просто декоративный элемент, а сложную семиотическую конструкцию, отражающую философские представления о соотношении формы и содержания, а также об идеалах эстетического восприятия. В значительной степени этому способствовал естественный процесс развития социума, что «принесло такие коллизии и проблемы, которые Античность не могла разрешить. И первой из них было постепенное отчуждение культуры от природы. Христианская традиция радикально изменила взгляд человека на среду своего обитания» [Спирова, 2008, с. 195].

В контексте средневековой европейской культуры, орнамент, следуя логике развития человечества, стал ключевым элементом визуального языка христианского искусства, в особенности в рамках готической архитектуры. Готические соборы, с их характерными стрельчатыми арками и витражами, представляли собой не только инженерные достижения, но и сложные семиотические системы, где каждый элемент декорации – от резьбы по камню до витражных изображений святых и библейских сцен – функционировал как символ, отражающий метафизические концепции божественного и вечного. В этом контексте орнаменты становились носителями глубоких религиозных идей, воплощая в себе философские парадигмы, такие как концепция трансцендентности и идеал бесконечности, что особенно ярко проявлялось в кельтских узорах с их заплетёнными спиралями. Эти визуальные элементы служили не только для украшения, но и для создания пространственной и духовной атмосферы, способствующей медитации и созерцанию, что подчеркивало стремление средневекового человека к постижению сакрального через материальное. Орнамент в готической архитектуре представляет собой сложный синтез эстетики и символики, где каждая деталь несёт в себе многослойное значение, отражающее философские и религиозные идеалы своего времени.

Эпоха Ренессанса как культурный и интеллектуальный феномен знаменует собой кардинальное переосмысление художественных практик, что проявилось в возрождении античных форм и принципов. Иванов в исследовании «Томизм и духовность эпохи Возрождения» отмечает, что «прежняя установка на то, что сотворённое человеком принципиально не может превосходить сотворённое Богом, ещё оставалась на слуху. Но, соизмеряя её со своим эстетическим чувством, художник уже исходил из того, что истина не только на небе, но и в нём самом» [Иванов, 2013, с. 47]. В этот период орнаментальные элементы стали не только визуальными акцентами, но и семиотическими знаками, которые интегрировали в себя классическую эстетику, основанную на гармонии и пропорциях, а также новаторские концепции перспективы и реализма. Данный синтез способствовал формированию сложных композиционных структур, которые отражали не только идеалы красоты, но и социальные и культурные контексты времени, подчеркивая статус и богатство заказчиков. В противовес этому барокко с его преувеличенной эмоциональностью и динамичностью трансформировало орнамент в мощный инструмент визуального воздействия. Здесь наблюдается акцент на асимметрии и криволинейных формах, что создает эффект движения и напряженности, отражая сложность человеческих эмоций и взаимодействий. Орнамент этих эпох становится не просто украшением, а активным участником диалога между искусством и философией, способствуя глубокому пониманию социальной структуры и культурной идентичности своего времени.

С начала XX века орнамент в искусстве претерпел значительные трансформации, отражая философские и социокультурные изменения, вызванные модернизацией и технологическим прогрессом. Движения, такие как арт-нуво и конструктивизм, стремились к редукции визуального языка, акцентируя внимание на функциональности и минимализме, что привело к деконструкции традиционных орнаментальных форм. Тем не менее, несмотря на критику избыточного декора, орнамент продолжал сохранять свою семиотическую значимость, выступая как средство выражения индивидуальности и эмоционального состояния. В условиях постмодернистского дискурса орнамент вновь

обретает актуальность, происходит его переосмысление через призму смешения стилей и деконструкции символов, что позволяет ему адаптироваться к требованиям цифровой культуры. Современные технологии предоставляют новые возможности для создания интерактивных орнаментов, которые могут изменяться в зависимости от контекста взаимодействия со зрителем, тем самым расширяя границы традиционного понимания орнамента как статичного элемента. Орнамент в современности представляет собой сложное явление, тесно переплетенную с феноменом техники, искусственного интеллекта и уже не массового, но все еще промышленного производства.

В целом, как показывает исследование, орнамент выполняет множество функций: он эстетически обогащает предметы, передаёт культурные коды и ценности, а также служит средством идентификации. Разные культуры имеют свои уникальные орнаментальные традиции, которые отражают их историю, климатические условия и мировоззрение. Синтезированное полотно исторической ретроспективы изменений орнамента представляется не менее интересным, чем сам орнамент. Однако, диверсифицируя суть от синтеза к анализу, нам кажется правильным провести параллельно персонифицированное исследование изменений орнамента.

Даже такой краткий анализ позволяет сделать вывод о том, что неизменной сутью орнамента является изображение, всегда несущее смысловую нагрузку, наполненное знаково-символическим содержанием, будь оно мифо-ритуальным, религиозным или секулярно-утилитарным. В основе должен лежать механизм считывания зрителем содержания изображения. Поэтому интересен опыт некоторых авторов, таких как Карл Густав Юнг (1875–1961), Эдвард Вади Саид (1935–2003), Мирча Элиаде (1907–1986), Клаус Топфер (1938–2024), Виктор Борисович Шкловский (1893–1984), Фердинанд де Соссюр (1857–1913), Юрий Михайлович Лотман (1922–1993), Джон Питер Бёргер (1926–2017), Вальтер Беньямин (1892–1940), в работах которых есть подобные идеи.

В рамках юнгианской психологии орнамент рассматривается как визуальный символ, способный выражать глубинные архетипические структуры коллективного бессознательного, что подчеркивает его значимость в контексте культурной и индивидуальной идентичности. Символизм, согласно Карлу Густаву Юнгу, представляет собой ключевой механизм, через который индивид взаимодействует с универсальными архетипами, проявляющимися в мифах, снах и художественном творчестве различных культур. Орнаменты, как визуальные репрезентации этих архетипов, не только отражают внутренние состояния человека, но и служат средством коммуникации между личным опытом и более широкими культурными традициями: «Мы не должны полагать, что человек, родившись, начинает изобретать заново человеческий образ действий. Как и инстинкты, схемы коллективной мысли являются по отношению к человеческому разуму врожденными и унаследованными. И действуют они при возникновении соответствующих обстоятельств более или менее одинаковым образом у всех нас» [Юнг, 2016, с. 75]. В этом контексте эстетические элементы орнамента становятся важными факторами, способствующими формированию эмоциональных реакций и ассоциаций, что подчеркивает их роль в психологии восприятия и культурной семиотике. Орнамент в юнгианской парадигме можно рассматривать как динамическое поле взаимодействия между индивидуальным и коллективным, где символические формы становятся носителями глубоких культурных значений и психических процессов.

В контексте постколониальной теории, работа Эдварда Саида «Ориентализм» предоставляет критическую основу для анализа орнамента как культурного и символического явления, отражающего сложные динамики колониальных и постколониальных отношений [Said, 1978]. Орнаменты в данном контексте выступают не просто как эстетические элементы, а как инструменты конструирования идентичности и власти, способствующие формированию стереотипных представлений о Востоке, которые не только упрощают, но и искажают реальность восточных культур. Саид подчеркивает, что

западные нарративы о Востоке часто основаны на стилизованных и орнаментированных репрезентациях, которые служат для легитимации колониальной власти и создания иерархий между культурами. Эти орнаментированные образы становятся символами власти, способствуя не только эстетизации культуры, но и закреплению колониальных стереотипов, что в свою очередь вызывает необходимость критического переосмысления отношений между центром и периферией.

В рамках исследований Мирчи Элиаде, понятие «орнамент» может быть интерпретировано как визуальный символ, который функционирует на пересечении священного и профанного [Элиаде, 1994]. Элиаде акцентирует внимание на значимости символов в ритуальных практиках, подчеркивая, что орнаменты, как визуальные репрезентации, служат медиаторами между различными уровнями реальности, создавая пространство, где священное становится доступным через художественное выражение. В этом контексте орнамент выступает как элемент космологии, отражая культурные представления о порядке, времени и пространстве, а также подчеркивая динамику традиций и ритуалов, которые формируют коллективное сознание общества. Его можно рассматривать как символический код, который не просто обогащает эстетическое восприятие, а связывает две реальности бытия, священное и мирское.

В контексте формалистской теории Виктора Борисовича Шкловского, орнамент становится не просто элементом декорации, а значимым инструментом для осуществления «остранения», позволяющего переосмыслить привычные визуальные и культурные коды [Шкловский, 2018]. Шкловский утверждает, что декоративная функция орнамента заключается в его способности трансформировать восприятие объекта, отвлекая внимание от утилитарных аспектов и акцентируя внимание на его эстетической сущности. Это ведет к формированию новой семиотической структуры, где форма обретает автономное значение, независимо от содержательной нагрузки. Таким образом, орнамент служит не только визуальным языком, но и культурным индикатором, отражая исторические и социокультурные контексты, в которых он функционирует. В этом смысле, орнамент становится объектом анализа, способным выявить глубинные связи между эстетикой и идентичностью, а также продемонстрировать динамику взаимодействия между формой и содержанием в их совместном художественном выражении.

В контексте семиотического анализа орнамента, концепции Фердинанда де Соссюра о знаках и их двуединой природе – «значащее» и «значимое» – представляют собой ключевую основу для понимания символической нагрузки декоративных элементов. Соссюр утверждал, что знаки функционируют в системе взаимосвязей, где форма и содержание неразрывно связаны, что позволяет рассматривать орнамент как сложный семиотический объект [Соссюр, 2004, с. 98-100]. В этом аспекте орнамент можно интерпретировать как визуальный знак, который не только отражает культурные коды, но и активно формирует их, выступая в роли посредника между индивидуальным восприятием и коллективным знанием. Декоративные элементы, будучи «значащими», создают визуальные структуры, которые в свою очередь несут «значимые» культурные и исторические ассоциации. Применение соссюровской теории к орнаменту открывает новые горизонты для исследования его функции в художественном дискурсе, подчеркивая важность взаимодействия между формой и смыслом в контексте культурной семиотики.

В рамках семиотического анализа культуры концепция орнамента, как ее трактует Юрий Михайлович Лотман, представляет собой знаковую структуру, функционирующую в контексте культурных кодов и смысловых систем [Лотман, 1992, с. 106]. Лотман подчеркивает, что орнамент не следует рассматривать исключительно как декоративный элемент; он выступает в качестве активного носителя значений, способного транслировать эстетические и символические аспекты общества. В его исследовательской парадигме орнамент обретает статус культурного знака, который формирует и структурирует восприятие, создавая связи между индивидуальным и коллективным сознанием. Это

взаимодействие между формой и содержанием, как отмечает Лотман, позволяет выявить динамику культурной памяти и исторической контекстуализации, в которой каждый элемент орнамента становится ключом к пониманию более широких культурных нарративов. Следовательно, орнамент можно рассматривать как важный объект семиотического анализа, открывающий новые горизонты для изучения механизмов коммуникации и репрезентации в различных культурных контекстах.

Вальтер Беньямин в философских размышлениях о визуальной культуре акцентирует внимание на орнаменте как знаковом элементе, который функционирует в контексте эстетической теории и социальной критики. В эссе «Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости» он анализирует орнамент не только как объект эстетического наслаждения, но и как индикатор исторических и культурных условий, в которых он возникает [Беньямин, 1996]. Беньямин подчеркивает, что орнамент, будучи частью более сложной системы семиотических знаков, служит средством передачи культурных нарративов и социальных идентичностей. В условиях массовой культуры и технологической репродукции искусства изменяющиеся механизмы производства влияют на восприятие и интерпретацию орнамента, который становится не просто декоративным элементом, а активным участником в диалоге между искусством и обществом. Орнамент в беняминовском контексте представляет собой не только эстетическую категорию, но и важный социальный артефакт, отражающий динамику культурной памяти и идентичности.

Анализ развития изменений орнамента позволяет нам предложить авторскую семиологическую концепцию создания системы универсальных элементов орнамента, интегрированных в азбуку орнаментальных смыслоформ, что предполагает глубокую связь между знаковыми системами и культурными контекстами. Как показывает культурно-исторический анализ, орнамент, как символический элемент, не только отражает эстетические предпочтения общества, но и служит индикатором изменений в культуре. В этом контексте универсальность орнамента становится важным аспектом его семиотической функции, позволяя передавать сложные смыслы и идеи, которые могут варьироваться в зависимости от исторического и социокультурного контекста. Следовательно, орнаментальная азбука выступает не просто набором декоративных элементов, а целостной системой, способной к многозначности и интерпретации.

В рамках предлагаемой авторской концепции искусство выступает как средство ретрансляции культурных символов, формируя уникальный визуальный язык, основанный на универсальных элементах орнамента. Понимание этих элементов через призму семиологии позволяет выявить их роль в процессе культурной коммуникации и передачи смыслов. Азбука орнамента как результат синтеза различных визуальных форм и символов представляет собой основу универсального языка, который, на наш взгляд, способен адаптироваться к изменениям в общественном сознании и художественной практике. Отдельно следует отметить тот факт, что азбука орнамента способна не только обогащать культурный дискурс, но и способствовать диалогу между различными традициями и современными тенденциями в искусстве.

Подводя итоги, следует отметить, что история изменений орнамента сопровождает всю историю человеческого творчества и самовыражения. Орнамент служит связующим звеном между прошлым и настоящим, позволяя нам лучше понять культуру и искусство различных эпох. Орнамент является важным элементом в развитии мифа, ритуала и обычая. Он не только украшает предметы и пространства, но и служит средством передачи знаний, верований и ценностей от поколения к поколению. Орнамент связывает прошлое с настоящим, создавая культурную идентичность и единство среди людей. Изучение орнамента помогает осознать не только эстетические предпочтения общества, но и его духовные поиски, что делает эту тему актуальной. История изменений орнамента является междисциплинарным полем, которое объединяет знания из различных областей для более глубокого понимания их значения в культуре и искусстве.

Орнамент можно рассматривать как многозначный феномен, который сочетает в себе элементы языка и символизма. Как язык он продолжает развиваться, отражая изменения в культуре, технологиях и в обществе. Он служит не только средством эстетического выражения, но и инструментом коммуникации, передавая идеи и эмоции через визуальные формы. Как символ он прошёл долгий путь от простых знаков до сложных визуальных языков, передающих глубокие идеи и чувства. Орнамент и сегодня остается действенным средством коммуникации в искусстве и культуре, отражая изменения в обществе и мышлении людей. Его значение и функция зависят от контекста, в котором он используется, а также от культурных и исторических факторов. В процессе исследования орнамента следует учитывать, что «однозначное указание значений имён, соответствующее неизменности их денотатов (вещей), является гарантом того, что смысл пропозиции будет адекватно передавать положение вещей или ситуацию» [Ткаченко, 2011].

Универсальность символа в процессе его развития проявляется в его способности передавать значения через различные культурные контексты и исторические эпохи. Символы служат связующим звеном между людьми, позволяя им обмениваться идеями и чувствами, несмотря на различия в языке и культуре. Однако важно помнить о контекстуальных различиях в интерпретации символов и угрозе утраты смысла орнамента, как результата сложного взаимодействия технологических, культурных, исторических и эстетических факторов. Понимание этих причин может помочь восстановлению интереса и смысловой нагрузки орнаментальных образов в современном мире. Орнамент на пути своего развития претерпел множество трансформаций, отражая изменения в эстетических взглядах, социальных условиях и технологиях. Только славянская универсальная символика и орнаментальная азбука уже представляют собой богатый источник знаний о культуре, мировоззрении и традициях славянских народов. Несмотря на то, что исследования в области орнамента на сегодняшний день представляют собой лишь фрагментарные результаты по изучению орнаментальных образов и их смысловой нагрузки, эти работы могут служить основой для дальнейших исследований в этой области, а также для практического применения знаний о традиционных орнаментах в современном контексте.

Универсалии орнамента подчеркивают общие человеческие стремления к красоте и выражению через искусство, независимо от культурных различий. Эти элементы продолжают вдохновлять дизайнеров и художников по всему миру и способствовать созданию новых интерпретаций традиционных мотивов. Таким образом, восстановление смыслов орнамента требует комплексного подхода, включающего исследование, образование, использование технологий и поддержку ремесел. Это не только поможет сохранить культурное наследие, но и обогатит современное искусство новыми смыслами и контекстами. Орнаментальная азбука как результат исследований и деятельности по восстановлению смыслов орнамента будет не только способствовать сохранению и ретрансляции культурного наследия, но и повысит качество жизни человека, обеспечив ему доступное пространство для конструктивного диалога на универсальном языке.

Список литературы

- Беньямин В. 1996. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. Предисл., сост., пер. и примеч. С.А. Ромашко. Москва, Медиум, 239 с.
- Борисов С.Н., Дроботова Н.А., Дмитраков Р.А. 2024. Культурно-историческая практика: к истории одного понятия. Часть 2. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право*, 49(1): 17–25.
- Иванов С.Г. 2013. Томизм и духовность эпохи Возрождения. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 156: 40–48.
- Лотман Ю.М. 1992. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, Александра, 479 с.
- Огурцов А.П. 2010. Изменение. В кн.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2: Е–М. Под ред. В.С. Степина и др. Москва, Мысль: 87–90.
- Соссюр Ф. де. 2004. Курс общей лингвистики. 2-е изд., стер. Пер. со 2-го фр. изд. А.М. Сухотина; под ред. и с примеч. Р.И. Шор. Москва, УРСС, 271 с.

- Спирова Э.М. 2008. Роль символа в изучении конкретной культуры. *Знание. Понимание. Умение*, 1: 194–196.
- Ткаченко И.Г. 2011. Корреляция понятий значение – смысл – концепт. В кн.: Актуальные вопросы филологических наук: материалы I Международной научной конференции, г. Чита, ноябрь 2011 г. Чита, Молодой ученый: 131–134.
- Шкловский В.Б. 2018. Собрание сочинений. Т. 1: Революция. Сост., отв. ред., вступ. ст. И.А. Калинин. Москва, Новое литературное обозрение, 1030 с.
- Элиаде М. 1994. Священное и мирское. Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. Москва, Издательство Московского университета, 143 с.
- Юнг К.Г., фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. 2016. Человек и его символы. Пер. И.Н. Сиренко и др. Москва, Медков С.Б., Серебряные нити, 352 с.
- Said E.W. 1978. *Orientalism*. New York, Publ. Pantheon Books, 368 p.

References

- Benjamin W. 1996. *The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction: Selected Essays*. Intro., comp., trans. and notes S.A. Romashko. Moscow, Publ. Medium, 239 + [1] p. (in Russian).
- Borisov S.N., Drobotova N.A., Dmitrakov R.A. 2024. Cultural-Historical Practice: To the History of One Concept. Part 2. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 17–25 (in Russian).
- Ivanov S.G. 2013. Thomas Aquinas's Philosophy and Spirituality of Renaissance. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 156: 40–48 (in Russian).
- Lotman Yu.M. 1992. *Selected Articles: in 3 Vols. Vol. 1: Articles on Semiotics and Typology of Culture*. Tallinn, Publ. Aleksandra, 479 p. (in Russian).
- Ogurtsov A.P. 2010. *Izmenenie [Change]*. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Philosophical Encyclopedia]: in 4 vols. Vol. 2: E–M*. Ed. by V.S. Stepin et al. Moscow, Publ. Mysl': 87–90.
- Saussure F. de. 2004. *Course in General Linguistics*. 2nd ed. Trans. from the 2nd French ed. A.M. Sukhotin; ed. and notes R.I. Shor. Moscow, Publ. URSS, 271 p. (in Russian).
- Spirova E.M. 2008. Rol' simvola v izuchenii konkretnoi kul'tury [The Role of the Symbol in the Study of a Particular Culture]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 1: 194–196.
- Tkachenko I.G. 2011. Korrelyatsiya ponyatii znachenie – smysl – kontsept [Correlation of the Concepts Meaning – Sense – Concept]. In: *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk [Topical Issues of Philological Sciences]: Proceedings of the First International Scientific Conference, Chita, November 2011*. Chita, Publ. Molodoi uchenyi: 131–134.
- Shklovsky V.B. 2018. *Collected Works. Vol. 1: Revolution*. Comp., ed. and introd. I.A. Kalinin. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 1030 p. (in Russian).
- Eliade M. 1994. *The Sacred and the Profane*. Trans. from the French, introd. and comments N.K. Garbovskii. Moscow, Publ. Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 143 p. (in Russian).
- Jung C.G., von Franz M.-L., Henderson J.L., Jacobi J., Jaffé A. 2016. *Man and His Symbols*. Trans. I.N. Sirenko. Moscow, Publ. Medkov S.B., Serebryanye niti, 352 p. (in Russian).
- Said E.W. 1978. *Orientalism*. New York, Publ. Pantheon Books, 368 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.03.2026

Received March 17, 2026

Поступила после рецензирования 17.06.2026

Revised June 17, 2026

Принята к публикации 31.08.2026

Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Киреева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры декоративно-прикладного искусства, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Olga A. Kireeva, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Decorative and Applied Arts, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

ВСЕРОССИЙСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«Философия и литература в измерении цифровой эпохи»
к 200-летию Л.Н. Толстого

10 октября в университете Льва Толстого на базе кафедры философии и культурологии состоялся круглый стол «Философия и литература в измерении цифровой эпохи», приуроченный к грядущему 200-летию Л.Н. Толстого, организованный ТГПУ им. Л.Н. Толстого совместно с Институтом философии РАН, Калужским государственным университетом им. К.Э. Циолковского, Белгородским государственным институтом искусств и культуры и Российским культурологическим обществом. Темы круглого стола вызвали широкий научный интерес, собрав ведущих специалистов в области философии, филологии, педагогики, истории, культуры и искусства с разных концов страны. Журнал «NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право» выступил площадкой для публикации результатов работы круглого стола.

УДК 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-679-690
EDN KEEFPW

Драматизация, романтизация и поэтизирование
как концепты творчества поэта

Нассонов М.С.

Пермский государственный научно-исследовательский университет
Россия, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Пермская государственная фармацевтическая академия
Россия, 614990, г. Пермь, ул. Екатерининская, д. 101
nasson@mail.ru

Аннотация. Цель работы – проникновение в глубины творческого акта поэта для его большего понимания. Философия всегда была помощницей в рефлексиях на тему поэтического дискурса, да и сама имеет в основах поэзис. Она осмысливает не только тайну возникновения произведения, но и сам «механизм» чуда творчества. Автором выдвинуто предположение о необходимости использования трех базовых и взаимопроникающих концептов: «драматизации», «романтизации» и «поэтизирования». Они выявляются при размышлении над онтологическим творчеством; благодаря их схватыванию, поэзия становится более прозрачной. Все концепты – это синтезирующие состояния активной внутренней деятельности субъекта (автора), что сложно уместить в рамки строгой дефиниции. Они помогают идентифицировать состояния автора. Особое место принадлежит «медиумальному состоянию» и говорению Бытия. Концепты были выявлены на основании осмысления философских идей Ж. Батай, немецких романтиков, М. Хайдеггера, М. Бланшо, оценки творчества целого ряда мастеров. Также видится важной идея о соединении прозы и поэзии, что создает особый эффект проникновения Логоса в мир.

Ключевые слова: концепт, драматизация, романтизация, поэтизирование, поэзия, творчество, философия поэзии

Для цитирования: Нассонов М.С. 2026. Драматизация, романтизация и поэтизирование как концепты творчества поэта. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 679–690. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-679-690 EDN: KEEFPW

Dramatization, Romanticization and Poetizing as Concepts of a Poet's Creativity

Mikhail S. Nassonov

Perm State National Research University

15 Bukireva St., Perm 614068, Russian Federation

Perm State Pharmaceutical Academy

101 Yekaterininskaya St., Perm 614990, Russian Federation

nasson@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to delve deeper into a poet's creative act for a greater understanding, a rather specific aspect. Philosophy has become a unique aid and a necessity here since the first reflections on poetic discourse emerged. It, too, is deeply rooted in poesis. It comprehends not only the existence of this enigma and mystery surrounding the origin of a work, but also the very "mechanism" of the miracle of creativity. It appears that the topic presented has been and will remain relevant, based on an analysis of the existing body of literature devoted to the author and their specific activity. In this text, we propose the existence and necessity of three basic and interconnected (interlacing) concepts for interpreting the creative act: "dramatization," "romanticization," and "poetizing". These concepts emerge through reflection on the ontological nature of creativity (the creative act), and by grasping them, poetry becomes more transparent. All the concepts identified are living, synthesizing states of active inner activity, characteristic of the subject (the author), which are difficult to fit into a strict definition (as concepts, they elude the rigor of definition). They help identify the author's states. A special place here belongs to the so-called "medium state" and the speaking of Being. The concepts were identified based on an understanding of the philosophical ideas of J. Bataille, the German Romantics, M. Heidegger, and M. Blanchot, as well as an assessment of the work of a number of masters who not only wrote poetry but also expressed their views on the essence of poetry. The idea of combining prose and poetry, which, when used in the latter, creates a special effect of Logos's integration into the world, also appears important.

Keywords: concept, dramatization, romanticization, poetizing, poetry, creativity, philosophy of poetry

For citation: Nassonov M.S. 2026. Dramatization, Romanticization and Poetizing as Concepts of a Poet's Creativity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 679–690 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-679-690 EDN: KEEFPW

Введение

Обычно считается, что Л.Н. Толстой неоднозначно относился к поэзии, больше негативно. Однако исследователи его жизни и творчества отмечают, что в разные жизненные периоды обнаруживается смена настроений и оценок по ее поводу. Таковые разбросаны в диапазоне от сравнения с танцами за плугом («поздний Толстой»), когда поэзия (ибо она герметична) не может выразить сути и мысли (стихотворцы выламывают себе язык, а писатель формулирует четко), до увлечения ею (с любовью к Гомеру, Пушкину, Лермонтову, Тютчеву, Фету, Кольцову и даже Гете), собственным экспромтам и даже философствованиям о ней в период расцвета творческих сил [Еремеева, 2019].

Именно тогда возникают его следующие рассуждения: «Поэзия есть огонь, загорающийся в душе человека. Огонь этот жжет, греет и освещает. Настоящий поэт сам невольно и с страданием горит и жжет других. И в этом все дело» (Записная книжка. 28 октября 1870, Толстой). Правда, не каждый восприимчив к его творческой энергии, но кто-то освещенный и сам делается творцом. Он становится тем, кто может оформить явное из неявного. По Толстому, подлинная поэзия – словно скачок с одной ступени своего существования на другую, возможно, более подлинную. Действительно сложно ответить на вопрос: что такое поэзия? И первые попытки определить ее были еще у древних, когда поэзия – это подлинное искусство, потому что, по мнению Платона, она есть переход из небытия в бытие.

Новалис (Фридрих фон Гарденберг), словно заранее отвечая «позднему Толстому» на его выпады, писал когда-то, что чувство поэзии сходно с чувством мистического, оно особенное. «Оно представляет непредставимое, зрит незримое, чувствует неосязаемое и т. д. Критика поэзии есть вещь невозможная». Поэт творит в беспамятстве, он есть тождество субъекта и объекта (об этом в своем трансцендентальном идеализме и философии искусства размышлял и Ф.В.Й. Шеллинг), души и внешнего мира. Чувство поэзии находится в близком родстве с чувством пророческим и с религиозным провидческим. Поэт упорядочивает, связывает, выбирает, измышляет (приходя в себя), и для него самого непостижимо, почему именно так, а не иначе [Новалис, 1990].

Новалис против разобщения поэта и мыслителя, а поэзия есть всё и вся; она проза в искусстве (в плане, выражает скрытое (не схваченное) и проникает в сущности) [Новалис, 1990]. При этом он, как и Толстой, особое значение придает силе Любви, действующей на разных уровнях мироздания.

О различии прозы и поэзии хорошо выразился М. Бланшо. В прозе писатель обладает своим инструментарием, позволяющим создать захватывающий поворот сюжета или направить читателя на главную мысль. Поэзия же есть невозможность распорядиться своим. В ней, чтобы о чем-то сказать читателю, автор должен погрузиться в себя, приобрести тот опыт, которого ранее не имел. Потому он и не может в поэзии говорить то, что хочет. Поэзия – это единственный способ понять, что начало и конец – не то, чем они кажутся: за каждым началом имеются какие-то готовые представления, и за каждым итогом – произвольное целеполагание [Марков, 2023]. Это другой способ для поэта взглянуть на привычное (и показать его нам в такой красе), заглянуть «за», в этом заглядывании и есть его жертва.

Лев Николаевич, возможно, не любил эту современную поэзию (и прочие современные -измы, идущие как раз от романтизма) с ее непонятными формами, она не была социальной, не отражала повседневных проблем, она не могла выразить то, как нужно жить. При этом Толстого можно отнести к тем писателям, чьи тексты можно рассматривать как элемент их биографии (в плане жизни), к тем, кто жил литературой. К тому же акцент в поэзии с внешнего смещается во внутреннее, да и дальше во времени многое в искусстве становится проявлением субъективного, некой художественной экзистенции.

В статье-размышлении «Об искусстве» есть такие строки: «Настоящее же художественное произведение <...> нельзя делать по заказу, нельзя потому, что состояние души художника, из которого вытекает произведение искусства, есть высшее проявление знания, откровение тайн жизни. Если же такое состояние есть высшее знание, то и не может быть другого знания, которое могло бы руководить художником для усвоения себе этого высшего знания» [Толстой, 1983]. Хотя отношение к поэзии у Толстого было непростым, он часто использует в своих текстах образы, метафоры, аллегории, притчи (как, например, передача духовных поисков и душевных метаний в «Исповеди»), как осмысление действительности, как инструменты для трансляции смыслов, как что-то надвербальное, которое, хоть и напрямую не указывает на суть, но позволяет встретиться с ней. Интересно также, что его автобиографические «Детство» и «Отрочество» сравнивали с поэмами (например, Ф.М. Достоевский), а П.В. Анненков характеризовал художественную манеру Толстого в данном случае как «поэтический реализм» [Цирулев, 2011]. Это словно сближает (но не уравнивает) Толстого с феноменом поэзии в прозе, с ее отличным (от просто поэзии) механизмом. А как же понять жизнь во всех ее проявлениях как не из нее же самой?

Интересной в этом ключе (и в преломлении темы, и в развороте к субъективному) видится переписка Л.Н. Толстого и А.А. Фета (современники отзывались о нем как о «поэте-философе» и наоборот), где среди остальных тем обсуждались вопросы о природе поэзии, ее сути, о вдохновении. Толстой считал, что сила поэзии в любви (как уже

говорилось), Фет видел в ее основе иррациональное и проявление божественного, а ответственность поэта – в передаче чистоты и гармонии слова [Асеева, 2023] (как в строчках стиха А.С. Пушкина «Поэт» «...Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется, / Душа поэта вострепнется, / Как пробудившийся орел...» [Пушкин] (1827 г.)). Вопрос в том – откуда исходит это Слово?

Если оценивать статьи Фета (чье творчество перебросило мост между поэзией и философией) по проблемам искусства, то видится, что он создал вполне оригинальную эстетическую систему на основе традиции романтической поэзии, где определяющим является мотив «невыразимого»: «Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук / Хватает на лету и закрепляет вдруг / И темный бред души, и трав неясный запах...».

У Фета поэт наделен поистине безграничной властью не только над словом, но и над миром, глаголом «уловленным» только он способен воплотить «невыразимое» (поэтому это всего лишь тема в поэзии). Поэт должен как можно дальше «отодвинуть от себя» свои чувства для более чистого воплощения идеала. А это особая способность – воплощать прекрасное, свое представление о красоте в поэзии, соединить его с материальной природой, с миром [Кузнецова, 2022]. И опять же вопрос: откуда в поэте это особое чувство, способность суждения о красоте?

Красота для Фета – это не просто эстетическое, она есть онтологическое. Она преображает мироздание силой, что способна придать временному, смертному, земному обратные качества бессмертного и вечного. Поэт создает эту красоту, он и ее проводник (красота изрекает через него), он преклоняется перед неисчерпаемостью мира.

В поздний период на творчество самого Фета влияют события его жизни, его герой (хоть и иррациональный) задается разными вопросами, но не находит на них ответа (но, как и в философии, главное же вопрошание?). Влияет и на его мировоззрение работа по переводу труда А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (1878–1880). Он обращен и к вечной теме трагизма бытия человека, и к идее непостижимости мира, его творчество антиномично – восторг бытия, противостоящий его ужасу: сознание бессилия слов, преодолеваемое поэтом-творцом; величие природы, которая отражает мир души во всем его богатстве [Там же].

Философия и поэзия. Три концепта и рефлексии о поэзии

Поэзии и философии часто приходится оправдываться за свое существование. Они всегда впереди, объединенные мечтою об Ином, напряженным молчанием, пишущие каждая свою картину мира, поэтические и метафизические тексты, часто в миссии и одиночестве, пребывающие в особой тоске, пытающиеся схватить ускользающее. Как мыслил И.Г. Фихте, проработавший эстетику И. Канта, что «если философ и не поэт, но он должен быть оживлен духом поэзии» [Куприянов, 2014, с. 132], его направляет его гений. Общность философии и поэзии может принимать единую форму, когда поэт и философ обретают одно лицо, примеры чего не единичны, скажем, в русской культуре, когда первый философствовал, а второй писал стихи. Однако есть некое отличие: если философ работает на пределах языка, то поэт за его пределами (или сразу с двумя языками, где есть трансцендентальный шепот и перевод его в речь повседневности).

Рефлексия поэта и философа, независимо от того, сколь различны смыслы их существования, несет в себе некоторую тождественность, «завязанную», как представляется, на боли бытия [Суходуб, 2010, с. 3]. Философ о смыслах и экзистенциальных переживаниях, поэт смотрит в глаза Ничто, он создает гармонию, а последняя не переводима на язык науки. Для того чтобы как-то попытаться проникнуть с помощью философии (она особенно тут необходима) в глубины и суть механизма творческого акта, сделать существо поэзии яснее, рискнем предложить следующее. На наш взгляд, в ней, особенно гениальной, существуют три базовых и взаимосвязанных (взаимопроникающих) концепта: «драматизация», «романтизация» и «поэтизирование». Они выявляются при

рефлексии над онтологическим творчеством (творческого акта), благодаря их схватыванию, поэзия становится более прозрачной. Концепт, в нашем понимании, есть особое живое, сложно уловимое, синтезирующее состояние активной внутренней деятельности, присущее творческому субъекту (по причине процессуальности и текучести ускользающее от строгости определения) в точке поэзиса. Они помогают идентифицировать состояния автора. Нас интересует медитативный ракурс поэзии с ее онтологическим вопрошанием, говорением от лица Бытия, тема, которая уже звучит у романтиков (именно они обратились в Темноту субъекта), далее о ней последовательно пишет гений М. Хайдеггера, а именно таковая позволяет проникнуть в глубины творчества. Нам видится, что поэт не просто создает новый язык и им что-то изрекает, а жизнь его связана с поэзисом, он словно для этого рожден. И проще будет говорить о некой экспрессии Бытия, если выявить вышеобозначенные концепты.

«Драматизация» точно схвачена творчеством Ж. Батай в работе «Внутренний опыт». В его интуициях (наряду с «тишиной») она есть особенная живая деятельность, концепт, применяемый для вхождения (в работе есть дескрипция самого процесса) поэта в особое медиумальное состояние. «Тишина» (как «не-слово») предполагает замирание и работу не со словами, а с образами, это выход за пределы языка и смысла; «драматизация» позволяет словно покинуть самого себя в себе, там растворяется «Я». О ней он пишет: «Мы не могли бы покидать себя, если бы не умели драматизировать» [Батай, 1997, с. 30]. В этот момент (в процессе) поэт избавляется от своей субъективности, выходит в просвет Бытия (или оно являет себя)

«Драматизация» – это то, что связано с выходом за пределы самого себя, деперсонализацией, утратой себя. «Драматизация» создает условия для возникновения своеобразного «разрыва» внутри автора, позволяя соединиться с неуловимым по ту сторону (в себе же), чтобы в итоге говорить им. «Драматизация» создает напряжение чувств, вызывает всплеск эмоций, а экстаз возможен после ее остановки, когда уже возможен прыжок в Темноту. Вернемся к мысли о том, что жизнь и творчество поэта – это своеобразная драма и миссия. Он неприкаянный и зачарованный странник, он благодарит своей щедростью этот мир, который не всегда отвечает ему взаимностью, он ищет тишины, дабы услышать голос, а иногда и крик.

Уместно здесь вспомнить про *Silentio* Ф.И. Тютчева (которого любил Толстой) и О. Мандельштама, когда в первом случае слова искажают глубину переживаний, а мысли неуловимы, во втором – идея возвращения к первооснове жизни через обретение тишины, или возможность в молчании прозреть некое чувство бытия, через которое улавливается «всего живого ненарушаемая связь».

У Ж. Деррида есть эссе «Что такое поэзия?», в нем он обозначает два момента: когда мы размышляем о поэзии как о предмете, рискуя потерять ее среди других вещей, иное дело – разговор с ней («что такое, поэзия?»), именно тогда мы становимся ближе к ее началу. Тут обнаруживается «поэзматическое», как исток поэтического (к чему устремляется автор) и возможность для поэзиса [Деррида, 2010]. В этом порыве и его результате возникает нечто предшествующее пониманию и логике, это уникальный опыт связи с запредельным. Игра («что я (поэзия) такое есть?») и череда размышлений о поэзии и говорение поэзии создают особый просвет, свой вечный цикл.

Концепт «романтизации», на наш взгляд, восходит к немецким романтикам, особо здесь следует выделить фигуру уже упомянутого Новалиса, для которого предназначение поэзии заключается в поддержании мирового единства, соединяя конечное и бесконечное, именно она создает символику мира, помогает видеть красоту природы и человека. Поэзия также выполняет двоякую функцию, когда, «романтизируясь», обыденное (вещи) становится таинственным и наделяется высоким смыслом (из Темного просветляется), а внутреннее (мысли, невысказанное) объективируется. Возникает единство означающего и означаемого, и видится, что «романтизация» – это концепт, своеобразная активная

деятельность, создающая открытость, когда то, которое казалось ранее невзрачным и повседневным, начинает источать иные смыслы. И подобное происходит в связи с тем, что поэт овладевает особым ритмом мира (а это тоже какой-то процесс). Видится, что Новалис, на которого оказала влияние философия И.Г. Фихте (с его индивидуальным, абсолютным и трансцендентальным Я), а также мистицизм Ф. Гемстергейса [Вольский, 2014] двояко подходил к природе поэта. Он сочетает в себе рациональные и иррациональные моменты, колеблется между разумом и причастностью к «надличностным мировым началам» [Махов, 2018, с. 174], между нашим и запредельным миром.

В этой трансценденции к миру другому проявляется та самая медиумальность, а творческий экстаз – это характерное состояние захваченности произведением, поэтому автор не может объяснить момент возникновения творения, что, по мере оформленности, все больше отчуждается от него. Здесь же мы обнаруживаем важную роль языка, что становится выразителем мысли, активным началом, соучаствующим в процессе поэзиса.

В связи с этим обратим внимание на проблему современности, когда мы перестали символически воспринимать вещи, видя лишь знаки. Задача романтизации – сделать язык своеобразной музыкой и песней, идущей от природы, от Бытия. В этом сером мире поэт в своем акте романтизации создает новую зачарованность и «сказочный» мир. По Новалису, что нужно не забывать, не человек использует язык, а наоборот, настоящее говорение совершается ради этого самого процесса, есть экспрессия языка. «Слово в поэзии создает новый языковой мир, существующий по особым законам, которые не подчиняются законам внешнего по отношению к тексту мира» [Вольский, 2014, с. 24]. Поэт его чутко улавливает, а это и пытается передать гений романтизма.

Новалис даже предлагает свою концепцию «магического идеализма», что подразумевает возможность взаимного перехода внешних вещей и мыслей друг в друга, что, во-первых, означает снятие противоречия между идеальным и материальным, а во-вторых, становится объяснением парадоксальной идеи, когда поэзия реальнее самой действительности [Чернявский, 2022, с. 45].

Интересна также для нас позиция М. Ришира, существующая, как видится, на стыке романтизации и поэтизирования. Поэзия, как он считает, нарушает сложившийся порядок. Поэт рассогласовывает язык (начиная двигаться от хаоса к порядку), обрушает стабильность, идеальность смысла, ставит под вопрос любую самотождественность, повторяемость и воспроизводимость. В стихе есть нечто невыразимое в понятиях, что не следует из привычной логики, потому что он вводит в язык «сырое», «дикое» бытие [Ямпольская, 2013 с. 161]. Стихотворение создает особый ритм, свой мир. В процессе творчества поэт обращается к себе и слушает, он улавливает сигналы этого «дикого бытия», у него есть сцепленность с Бытием, что М. Мерло-Понти называет «хиазм», когда они являют собой некое единство.

Цель автора заключается в том, чтобы органично переживать это единство: «взять язык в его живом или зарождающемся состоянии, со всеми его референциями, с теми, которые располагаются позади него и связывают его с немymi вещами, к которым он обращается, и теми, которые он отсылает вперед и которые образуют мир изреченных вещей, – с его движением, с его тонкостями, с его обращениями, с его жизнью, которая выражает и умножает жизнь голых вещей» [Мерло-Понти, 2006, с. 183].

«Поэтизирование», как видится, являет собой некий трансцендентный, творческий прорыв, обличение бессознательного в сознательное, голоса Бытия в новые слова, образы и т. д., при этом оно имманентно и другим видам искусства, а также философии. Сам акт поэзиса (при поэтизировании) служит концептуальным моментом, точкой совпадения всей диалектики творца (обнаружение в себе Логоса и самого Порождающего, субъективного и объективного), создающим открытость (по причине чего, четко определить поэзию не представляется возможным). Кроме того, «поэтизирование» может выступать как поэзия в прозе, когда Слово «проглядывает» сквозь набор знаков и отсутствие привычных

рифмованных и размерных форм. Использовать это может по-разному: для усиления эффекта произведения, либо, как в соответствующем направлении, обязанного своим возникновением творчеству А. Бертрана, А. Рембо, Ш. Бодлером и т. п.

В своем творчестве Рембо (чья жизнь – это драма, а литературная жизнь связана с покиданием самого себя) уже не разделяет земное и небесное, как у романтиков, он «роняет» небо на землю. В «Озарениях» на первый план выходит не вещь, а производимый ею эффект, а его видения отсылают не к конкретным реальным прототипам, а к собственной духовной субстанции, которая вырастает до символа внутреннего состояния поэта-ясновидца, расстраивающего свои чувства, создающего неизведанные ощущения и невиданные образы внешнего мира (про вспышки и «перелистывание образов» будет в двадцатом веке писать Ж. Батай), мира преображенного, ставшего утопическим миром, вытеснившим недостойную реальность [Андреев, 1988]. У него возникла цель – добиться состояния провидца, когда что-то говорит тобою (в «Одном лето в аду» он распрощался с ясновидением, а затем и с поэзией, дабы не сойти с ума).

Константин Бальмонт в своей первой в русской литературе поэтике «Поэзия как волшебство» (1915), пытаясь прояснить механизм поэтизации, писал: «Магия знания может таить в себе магию проклятия. Опираясь на понимание точного закона, мы можем впасть в цепенящее царство убивающего сознания... Современный стих легко забывает, слишком часто не помнит, что нужно быть как цветок, для того чтобы чаровать, корнями быть в темных глубинах внесознательного...» [Бальмонт, 1990]. Нельзя просто сказать о том, что я хочу написать стих, есть особое волшебство, невидимая сила, заставляющая разгораться автора, идущая из недр его души. Бальмонт пытается представить поэтический Логос как нечто, конституирующее реальность. Особое значение здесь снова обретает язык, являющийся способом преодоления разрывов между мыслью и бытием, словами и вещами. Самое большое чудо для него – это Слово или, что интересно, своеобразная внутренняя музыка, выраженная вербально. Поэзия создает мир (объективированный), поэты из зачатков и намеков, что дает Природа, творят прекрасные лики. И тут снова хочется сказать о проблеме, когда в современности мы все пребываем в оторванности от вещей (событий и процессов), от их истинных имен, а поэт, в чем его предназначение и жизненная драма, пытается преодолеть этот разрыв. Одновременно может быть и другая ситуация, когда «вещи вещают», рассказывая о себе, а поэт, слыша их, вызывает из темноты. Поэтизирование создает просвет, в котором Бытие показывает себя. Автор-творец выкликает Словом.

Так, Ингеборг Бахман связывала свои чаяния в открытии мира (в противовес научной философии) с поэзией, живым словом нового языка, выражающим подлинные человеческие переживания, приближающемуся к пониманию сокровенных истин бытия, к границам непостижимого. Нельзя рационализировать наши чувства и экзистенцию, нужно мистическое поэзии, иначе это не передать. Несколько отойдя от Хайдеггера (хотя и не очень от него удалившись), она обращается к Л. Витгенштейну с его «о чём невозможно говорить, о том следует молчать», где о мистическом невозможно высказаться. Трактую это по-своему, Бахман видит мистическое в самом моменте существования мира (и его осуществлении), где человек не его часть, а предел (он ближе всех к его границам). То, что проявляется, есть мистический невыразимый опыт. Однако экзистенциальные проблемы заставляют вновь и вновь устремляться к границам, к темному (как у романтиков), пытаться выразить, создать новый язык. Поэтому поэтическое слово противоречиво и неоднозначно, в образности и символах раздвигаются границы «мира сего». Это как идти от серых дней к темным водам в поисках белых роз [Уварова, 2020]. Это и есть поэтизирование.

Существование поэта, как уже упоминалось выше, – это миссия, когда его творчество на грани и во многом доносится «...из бездн бытия» [Ницше, 1990, с. 72]. Этот

момент достаточно точно схватывает Дж. Агамбен в работе «Человек без содержания»: «Искусство – для того, кто его создает, – становится все более тревожащим и жутким опытом, и говорить в этой связи об «интересе» будет, мягко выражаясь, эвфемизмом – поскольку на кону подчас стоит вовсе не производство прекрасного произведения, но жизнь или смерть автора – или, по меньшей мере, его духовное спасение» [Агамбен, 2018, с. 14–15]. Ницше, прозревший особенное предназначение своего творчества и заглянувший в бездну, чувствует медиумальность творца, что свободен от индивидуальной воли, а через него проявляет (говорит с нами) себя истинно-сущее. Обычному человеку это не доступно, так как он не слит с творящим началом, он не умеет его слышать.

Если зритель, как сложилось традиционно, испытывает от созерцания, чтения произведения искусства эстетическое наслаждения, возносясь на небеса, то со стороны поэта мы обнаруживаем страх, боязнь особого опыта (опыта (до) предела), который он может не вынести. Он может упасть в бездну и сойти с ума или страдать приступами болезни (как Ницше, Гельдерлин, Стриндберг, Ван Гог, Врубель, Шуман), бороться силой своего творчества до последнего, пасть жертвой своего гения, своего поэзиса. Однако возникает парадокс: нет тревоги и этого необычного опыта – нет и поэзии. Темнота, открывшаяся взору Тракля в его поэтизировании (совмещенном с драматизацией), поглотила его, он пережил тот самый опыт. Ситуация, когда, проснувшись, чувствуешь горечь мира, а твои стихи – это искупление. Подобные мастера уже не имеют имени, поэтизирующе-драматизирующие авторы уже не принадлежат себе, слова в их стихах сверхвербальны.

В оптике нашей темы, когда есть некая экспрессия Бытия, говорящая поэтом, обретает свой смысл медитативная поэзия. Если внимательно изучить высказывания самих поэтов о поэзии, то обнаруживается, что многие из них не могут рационализировать миг появления стиха, а также сообщают о моменте отрыва от самих себя (интересно, что все это разворачивается в глубинах собственной души). Как-то А. Кушнер в одном из интервью сказал: «Как приходит вдохновение, поэтическая строка? Это загадка и для меня самого. В некотором роде стихи – чудо. Они появляются неизвестно откуда, непонятно, какой будет следующая строка и чем все закончится. Мне кажется, что стихи по своей сути – это доверительный разговор с человеком, каждым в отдельности». И далее: «Стихи – это аккумулятор, батарея, от которой мы все получаем энергию. В этом смысле поэта можно сравнить со священником» [Данилевич, 2016].

Вернемся к роли языка. По М. Хайдеггеру, поэзия использует язык, дающий имя сущему и направляющий его к его существованию, да и сам язык – это поэзия, поскольку он хранит в себе ее сущность (слагающую и сочиняющую). Слово здесь принадлежит не сознанию, а Бытию (поэт в сцепке с ним) в том смысле, оно говорит с человеком через него; «не человек создает слово, а слово создает человека; не человек говорит словами, а слова говорят себя через человека» [Гайденко, 1997, с. 334]. Поэтичность – это явление самой истины в смысле несокрытости. Язык – это средство, при помощи которого сущее «произносится в открытость – распаханность» [Бимель, 1998, с. 184]. Поэзия – раскрывающаяся сила самого языка и Бытия.

Хайдеггер называет наше время темным (утратившим былой свет и цвет), откуда ушли Боги. Поэзия – это не просто форма искусства, а несущая опора истории. Поэт (как Тракль и Гельдерлин) – это связующее звено между Богами и людьми, он может верно распознавать их намеки, что передает потом через свою поэзию. Задача последней как раз и быть концепт(уальной), дабы расширить просветы Бытия.

Опять же в оптике нашей темы М. Бланшо в своей работе «Голос, пришедший извне» пишет об особой игре в моменте возникновения произведения, когда оно пока еще: «...невнятное неистовство, стремящееся и раскрыться, и закрыться, стремящееся и разыграться в открывающемся пространстве, и отступить в глубины утаивания; произведение оказывается тогда интимной борьбой непримиримых и нераздельных

моментов, рваным сообщением между мерой произведения, обретающего возможность, и непомерностью произведения, жаждущего невозможности, между формой, в которой оно себя схватывает, и беспредельностью, в которой от себя отказывается, между произведением как начинанием – и истоком, исходя из коего произведению никогда не быть, где царит вечное не-ведение» [Бланшо, 2023].

В своем фундаментальном труде «О поэтах и поэзии. Гёльдерлин, Рильке, Трагль» Хайдеггер скрупулезно разбирает творчество мастеров слова, через которых говорили с нами Боги и Бытие. Например, про Гёльдерлина он замечает, что: «Гёльдерлин избран нами не потому, что его творчество в качестве одного среди многих реализует сущность поэзии, но единственно потому, что поэзия Гёльдерлина исходит из поэтического призвания намеренно концентрированно творить существо поэзии. Гёльдерлин для нас в некоем отличительном смысле является поэтом поэтов» [Хайдеггер, 2017]. Современный человек загораживает собой природу, Бытие, поэт способен впустить его в открытость или создать игру открытости-закрытости, а без нее нет движения. Только поэт за счет поэтизации (можно сказать сочетания всех концептов) может прорваться к истинной духовной родине человечества.

Интересную, дополняющую Хайдеггера мысль, высказал Борис Дубин, размышляя о творчестве и личности Вадима Козового: поэзия идет от различия между естественным языком и языком стихов, родной язык словно чужд поэту, его ему мало; он чужой еще и в том смысле, что «только благодаря другому языку, причем маячащему – проступающему, ускользя – внутри твоего родного, вообще становятся возможны стихи... Поэтому язык поэзии, объединяющий через различие, всегда ощущается как моментально опознаваемое “целое”, обособленное и всеприсутствующее здесь и сейчас даже на слух. И хотя этот язык никогда не дан до конца, в любом стихотворении, любой строке, в ее фрагменте он воплощен “весь”, воспринимается разом как единство» [Дубин, 2002]. Поэзия – это тяга и влечение.

О. Мандельштам, писавший о художественной экзистенции (о ней уже упоминалось), когда поэт существует в бесконечно более убедительной действительности искусства с ее мощнейшей концентрацией смысла, непреложностью существования сущностей, воплощенных в художественных творениях, и плотью слова, предвосхитил М. Хайдеггера [Кихней, Меркель, 2013]. Он размышляет о Логосе как слове смысле, как о порядке, выклипании (из-за знаков проглядывает Логос, он упорядочивает этот смысловой хаос в Космос – как в становящееся уже перед нами – идущими навстречу). Как видится, за счет Логоса, то трансцендентальное оформляется из чего-то, из намека, из смутного во что-то, в гармонию, в ясное.

Заключение

В общем-то, видится, что особый виток поэтизации (это пришло нам при рефлексии над творчеством С. Малларме [Линкова, 2013]) – это обнаружение в себе онтологических основ, трансцендентального, «метафизического пласта» творчества. Поэт в момент поэзиса выпадает из реальности (из пространственно-временного в наших представлениях), его мысль начинает мыслить себя, он занимает некую Транспозицию, обнаруживает Красоту (вспомним и Фета) в себе, постигает Ничто и «умирает» (у-мира), устремляясь к точке Абсолюта. Сила творчества дает способность созерцания Вечности в себе самом. Поэт постигает свою и абсолютную тайну, погибая и возрождаясь, это цикл, поэзия – это «кратчайший путь между двумя болевыми точками. Настолько краткий, что ее взмахом обезглавлено время» [Козовой, 1982, с. 131]. Здесь важно заметить, что в точке Абсолюта есть единство сознательного и бессознательного (тоже две точки), и первое позволяет воплотить явившееся.

Закончим поэтичными словами Л.Н. Толстого из «Эпилога» к «Войне и миру»: «Как солнце и каждый атом эфира есть шар, законченный в самом себе, и вместе с тем составляющий только атом недоступного человеку по огромности целого, – так и каждая

личность носит в самой себе свои цели и между тем носит их для того, чтобы служить недоступным человеку целям общим» [Толстой, 1940, с. 246]. Эта мысль есть квинтэссенция всего вышеобозначенного: поэт есть антиномичное существо, особый мир, что вместе с ним и за пределами, но он сам себе Вселенная. Он свободен и с необходимостью привязан к своей миссии, он при двух языках, и он не находит язык, а что-то при этом «речет» через него; он Творец и инструмент, он больше апофатичен, чем положителен, он умирает и возрождается. Он связывает слова и вещи, вызывая их из Темноты и Ничто.

Список источников

- Асеева С.А. 2023. Л.Н. Толстой и А.А. Фет: мысли о поэзии в переписке. Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. Дата публикации: 09.11.2023. URL: <https://bigenc.ru/c/1-n-tolstoi-i-a-a-fet-mysli-o-poezii-v-perepiske-novaia-9df1a3/?v=8955212> (дата обращения: 20.10.2025).
- Бальмонт К.Д. 1990. Поэзия как волшебство. В кн.: Стозвучные песни: сочинения (избранные стихи и проза). Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство: 5–35.
- Данилевич Е. 2016. «Времена не выбирают». Александр Кушнер о роботах-поэтах и атомной бомбе. Аргументы и факты. 21.09.2016. URL: https://spb.aif.ru/society/people/vremena_ne_vybirayut_aleksandr_kushner_o_robotah-poetah_i_atomnoy_bombe (дата обращения: 11.10.2025).
- Деррида Ж. 2010. Что такое поэзия? Двоеточие, 3–4. URL: <https://dvoetochie.org/2010/07/16/derrida-poetry/> (дата обращения: 20.10.2025).
- Дубин Б. 2002. Человек двух культур. Иностранная литература, 7: 260–264. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2002/7/chelovek-dvuh-kultur.html> (дата обращения: 24.10.2025).
- Еремеева Д. 2019. Какую поэзию любил Лев Толстой. Плавающий мост, 4. URL: <https://журнальныймир.пф/content/kakuyu-poeziyu-lyubil-lev-tolstoy> (дата обращения: 10.10.2025).
- Козовой В. 1982. Прочь от холма. Мелом и грифелем. Париж, Синтаксис, 203 с.
- Кузнецова А. 2022. Афанасий Фет – певец красоты, предтеча символизма. Prosodia. 18.11.2022. URL: <https://prosodia.ru/catalog/poety/afanasiy-fet-pevets-krasoty-predtecha-simvolizma/> (дата обращения: 20.10.2025).
- Марков А. 2023. Стоять за родные стены правдивого языка. ТрВ-Наука, 380. URL: <https://www.trv-science.ru/2023/06/stoyat-za-rodnye-steny-pravdivogo-yazyka/> (дата обращения: 20.10.2025).
- Новалис. 1990. Фрагменты. В кн.: Зарубежная литература XIX века: Романтизм: хрестоматия историко-литературных материалов. Сост. А.С. Дмитриев и др. Москва, Высшая школа: 80–98.
- Пушкин А.С. 1827. Поэт. URL: <https://ilibrary.ru/text/624/p.1/index.html> (дата обращения: 20.10.2025).
- Толстой Л.Н. 1870. Записная книжка. 28 октября. URL: <https://tolstoy.ru/creativity/quotations/> (дата обращения: 10.10.2025).
- Толстой Л.Н. 1940. Война и мир. Москва, Художественная литература, 424 с.
- Толстой Л.Н. 1983. Об искусстве. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 15. Москва, Художественная литература. URL: <https://litlife.club/books/103028/read?page=8> (дата обращения: 20.10.2025).

Список литературы

- Агамбен Д. 2018. Человек без содержания. Пер. с итал. С. Ермакова. Москва, Новое литературное обозрение, 160 с.
- Андреев Л.Г. 1988. Феномен Артюра Рембо. В кн.: Рембо А. Поэтические произведения в стихах и прозе: сборник. Москва, Радуга: 5–45.
- Батай Ж. 1997. Внутренний опыт. Пер. с фр., послесл. и коммент. С.Л. Фокина. Санкт-Петербург, Аксиома; Мифрил, 336 с.
- Бимель В. 1998. Мартин Хайдеггер сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Пер. с нем. А.С. Верникова. Челябинск, Урал LTD, 283 с.
- Бланшо М. 2023. Голос, пришедший извне: сборник. Сост., пер. с фр. В. Лапицкого. Москва, Новое литературное обозрение, 174 с.

- Вольский А.Л. 2014. «Фрагменты» Новалиса: поэтическое познание универсума. В кн.: Новалис. Фрагменты. Пер. с нем. А.Л. Вольского. Санкт-Петербург, Владимир Даль: 5–52.
- Гайденок П.П. 1997. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. Москва, Республика, 495 с.
- Кихней Л.Г., Меркель Е.В. 2013. Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика. Москва, Флинта; Наука, 200 с.
- Куприянов В.А. 2014. «Мир прекрасного духа»: эстетика в перспективе трансцендентализма И.Г. Фихте. *Studia Culturae*, 20: 123–132.
- Линкова Я.С. 2013. Осмысление и создание поэтики символизма в творчестве Стефана Малларме. *Литературоведческий журнал*, 33: 124–142.
- Махов А.Е. 2018. Поэтологическая система Новалиса: опыт реконструкции из фрагментов. *Литературоведческий журнал*, 44: 165–189.
- Мерло-Понти М. 2006. Видимое и невидимое. Пер. с фр. О.Н. Шпараги. Минск, Логвинов, 400 с.
- Ницше Ф. 1990. Рождение трагедии из духа музыки. Т. 1. Москва, Мысль: 47–157.
- Суходуб Т.Д. 2010. Философия и поэзия. *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология*, 23(62), 1: 3–10.
- Уварова Л.Ю. 2020. Ингеборг Бахман. Магия слова, поэзия и философия. *Stephanos*, 4(42): 117–125. DOI: [10.24249/2309-9917-2020-42-4-117-125](https://doi.org/10.24249/2309-9917-2020-42-4-117-125)
- Хайдеггер М. 2017. О поэтах и поэзии. Гёльдерлин, Рильке, Тракль. Сост., пер. с нем. Н. Болдырева. Москва, Водолей, 238 с.
- Цирулев А.Ф. 2011. «Поэтическая идея» в трилогии Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, 3: 27–32.
- Чернявский И.Б. 2022. Феномен магического в творчестве Новалиса. *Литература в школе*, 1: 39–53. DOI: [10.31862/0130-3414-2022-1-39-53](https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-1-39-53)
- Ямпольская А.В. 2013. Аффективность как историческое измерение субъекта. *Вопросы философии*, 3: 155–164.

References

- Agamben G. 2018. The Man Without Content. Translated from the Italian by S. Ermakov. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 160 p. (in Russian).
- Andreev L.G. 1988. Fenomen Artyura Rembo [The Phenomenon of Arthur Rimbaud]. In: Rimbaud A. Poeticheskie proizvedeniya v stikhakh i proze [Poetic Works in Verse and Prose]. Moscow, Publ. Raduga: 5–45.
- Bataille G. 1997. Inner Experience. Translated from the French by S.L. Fokin. St Petersburg, Publ. Aksioma; Mifril, 336 p. (in Russian).
- Biemel W. 1998. Martin Heidegger: Testifying about Himself and His Life. Translated from the German by A.S. Vernikov. Chelyabinsk, Publ. Ural LTD, 283 p. (in Russian).
- Blanchot M. 2023. The Voice from Elsewhere. Ed. and translated from the French by V. Lapitskii. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 174 p. (in Russian).
- Vol'skii A.L. 2014. «Fragments» Novalisa: poeticheskoe poznanie universuma [Novalis's "Fragments": Poetic Knowledge of the Universe]. In: Novalis. Fragments [Fragments]. Translated from the German by A.L. Vol'skii. St Petersburg, Publ. Vladimir Dal': 5–52.
- Gaidenko P.P. 1997. Breakthrough to the Transcendent: The New Ontology of the Twentieth Century. Moscow, Publ. Respublika, 495 p. (in Russian).
- Kikhnei L.G., Merkel' E.V. 2013. Osip Mandelstam: Philosophy of the Word and Poetic Semantics. Moscow, Publ. Flinta; Nauka, 200 p. (in Russian).
- Kupriyanov V.A. 2014. "The World of Beautiful Spirit": Aesthetics in the Perspective of I.G. Fichte's Transcendentalism. *Studia Culturae*, 20: 123–132 (in Russian).
- Linkova Ya.S. 2013. Osmyslenie i sozdanie poetiki simvolizma v tvorchestve Stefana Mallarme [Comprehension and Creation of the Poetics of Symbolism in the Works of Stéphane Mallarmé]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 33: 124–142.
- Makhov A.E. 2018. Approaching the Poetological System of Novalis: Reconstruction from Fragments. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 44: 165–189 (in Russian).

- Merleau-Ponty M. 2006. The Visible and the Invisible. Translated from the French by O.N. Shparaga. Minsk, Publ. Logvinov, 400 p. (in Russian).
- Nietzsche F. 1990. The Birth of Tragedy from the Spirit of Music. Vol. 1. Moscow, Publ. Mysl': 47–157 (in Russian).
- Sukhodub T.D. 2010. Philosophy and Poetry. *Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political Science. Sociology*, 23(62), 1: 3–10 (in Russian).
- Uvarova L.Yu. 2020. Ingeborg Bachmann. The Magic of a Word, Poetry and Philosophy. *Stephanos*, 4(42): 117–125 (in Russian). DOI: [10.24249/2309-9917-2020-42-4-117-125](https://doi.org/10.24249/2309-9917-2020-42-4-117-125)
- Heidegger M. 2017. On Poets and Poetry: Hölderlin, Rilke, Trakl. Ed. and translated from the German by N. Boldyrev. Moscow, Publ. Vodolei, 238 p. (in Russian).
- Tsirulev A.F. 2011. «Poeticheskaya ideya» v trilogii L.N. Tolstogo «Detstvo», «Otrochestvo», «Iunost'» [“Poetic Idea” in L.N. Tolstoy’s Trilogy “Childhood”, “Adolescence”, “Youth”]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 3: 27–32.
- Chernyavskii I.B. 2022. Fenomen magicheskogo v tvorchestve Novalisa [The Phenomenon of the Magical in the Works of Novalis]. *Literatura v shkole*, 1: 39–53. DOI: [10.31862/0130-3414-2022-1-39-53](https://doi.org/10.31862/0130-3414-2022-1-39-53)
- Yampol'skaya A.V. 2013. Affektivnost' kak istoricheskoe izmerenie sub'ekta [Affectivity as a Historical Dimension of the Subject]. *Voprosy filosofii*, 3: 155–164.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.02.2026
Поступила после рецензирования 20.05.2026
Принята к публикации 31.08.2026

Received February 20, 2026
Revised May 20, 2026
Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нассонов Михаил Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Пермский государственный научно-исследовательский университет, г. Пермь, Россия; доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Пермская государственная фармацевтическая академия, г. Пермь, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Nassonov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor in the Department of Philosophy, Perm State Research University, Perm, Russian Federation; Associate Professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Perm State Pharmaceutical Academy, Perm, Russia.

УДК 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-691-697
EDN KEEFPW

Трансформация праздничной субкультуры: философско-культурологический анализ традиции в современном мире

Посохова Н.В., Лапина В.О.

Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308003, г. Белгород, ул. Королёва, д. 7
natalina_76@mail.ru, viktoriaselihova@yandex.ru

Аннотация. Праздник – сложный социокультурный феномен, отражающий глубинные изменения общества. Представлен комплексный анализ постсоветской праздничной субкультуры, где изменения трактуются не как кризис, а как адаптивный процесс, открывающий новые перспективы. Методологической базой являются концепции Хейзинги, Леви-Стросса, Бахтина, Топорова, Хобсбаума. Прослежена историческая динамика от античных мистерий и средневекового карнавала до советского и постсоветского периодов, где праздник выступает как симулякр. Авторы подчёркивают роль личности и государства в развитии праздничной культуры. Опираясь на мысль Бердяева, авторы утверждают: праздничная культура сохраняет традиционные черты, вплетая в них новые ориентиры. Диалог поколений и ценностей составляет суть новой праздничной субкультуры, остающейся предметом дискуссий.

Ключевые слова: традиция, симулякр, коммерциализация, секуляризация, гибридизация, изобретение традиции, постсоветское общество

Для цитирования: Посохова Н.В., Лапина В.О. 2026. Трансформация праздничной субкультуры: философско-культурологический анализ традиции в современном мире. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 691–697. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-691-697
EDN: KEEFPW

The Transformation of Holiday Subculture: A Philosophical and Cultural Analysis of Tradition in the Modern World

Natalya V. Posokhova, Victoria O. Lapina

Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Korolev St., Belgorod 308003, Russian Federation
natalina_76@mail.ru, viktoriaselihova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a philosophical and cultural analysis of transformations in holiday subculture. A holiday is a complex sociocultural phenomenon that reflects profound changes in society. The novelty of the study lies in a comprehensive analysis of post-Soviet holiday subculture, where changes are interpreted not as a crisis, but as an adaptive process that opens up new prospects. The methodological basis is the concepts of Huizinga, Lévi-Strauss, Bakhtin, Toporov, and Hobsbawm. The article traces historical dynamics from ancient mysteries and medieval carnival to the Soviet and post-Soviet periods, where a holiday acts as a simulacrum. The authors emphasize the role of the individual and the state in the development of holiday culture. Drawing on Berdyaev's ideas, the authors argue that holiday culture retains traditional features while weaving new reference points into them. The

dialogue between generations and values constitutes the essence of the new holiday subculture, which remains a subject of discussion.

Keywords: tradition, sacred, commercialization, secularization, hybridization, invention of tradition, post-Soviet society

For citation: Posokhova N.V., Lapina V.O. 2026. The Transformation of Holiday Subculture: A Philosophical and Cultural Analysis of Tradition in the Modern World. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 691–697 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-691-697 EDN: KEEFPW

Целью данной работы является обоснование актуальности исследования трансформации праздничной культуры в условиях цифровизации и глобализации общества. Авторами обозначены ключевые подходы к изучению праздника, рассмотрены и проанализированы изменения праздничных традиций в современном мире. Задачи исследования – раскрыть двойственную природу праздничной культуры как явления, находящегося между сакральным и профанным, а также выявить ключевые векторы трансформации праздничной субкультуры в условиях постсоветского общества.

Праздник в контексте философско-культурологического анализа рассмотрен не как форма досуга, а как фундаментальный механизм культуры, обеспечивающий трансляцию ценностей и поддерживающий коллективную идентичность. В современном обществе традиционные формы праздника претерпевают радикальные изменения: коммерциализация праздника приходит на смену его смыслового содержания, государственный праздник превращается в обезличенный выходной день, а процесс цифровизации общества переносит праздничную культуру в виртуальное пространство. Данные процессы требуют философского осмысления, так как затрагивают глубинные смыслы образа жизни общества, его восприятия культурных и социальных ценностей.

В работе используется философско-культурный подход в сочетании с историко-типологическим, семиотическим и структурно-функциональным методом. Анализ праздника как сложного культурного феномена, находящегося на пересечении философии, культурологии и антропологии, рассматривает такие ключевые подходы, как игровая концепция, трактующая праздник как проявление социальной активности человека; структуралистский подход, понимающий праздник как механизм преодоления социальной энтропии; семиотический подход, выявляющий символическую природу праздничных практик.

Анализ теоретико-методологического основания исследования праздничной культуры начинается с игровой концепции культуры нидерландского историка и культуролога Йохана Хёйзинга, автора знаменитого труда *Homo ludens* («Человек играющий», 1938) в которой игра становится основой и первоисточником происхождения культуры. По Й. Хёйзингу, игра – это «действие, протекающее в определенных рамках места, времени и смысла, в обозримом порядке, по добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы и необходимости. Настроение игры есть отрешенность и воодушевление – священное или праздничное, смотря по тому, является ли игра сакральным действием или забавой» [Хёйзинга, 1992, с. 464]. Праздничная культура представляет собой одну из наиболее чистых форм игры. Игра отличается от обыденности своим игровым пространством, своими правилами игры. Праздник обладает теми же характеристиками: он помогает человеку на время выйти из своего обыденного ритма жизни, он также имеет своё особое время и своё пространство, подчиняется определенным законам.

Следующим для анализа исследования необходимо отметить структуралистский подход французского этнолога Клода Леви-Строса. Его теория о бинарной оппозиции

наглядно демонстрирует систему противоречий в праздничной культуре, где самым главным является противопоставление «будни – праздник», «профанное – сакральное». Традиционная культура держалась на противоречии, постепенно переходя к необходимости его разрешения, медиации (т. е. посредничестве). Именно этот процесс мы и наблюдаем по сей день в праздничной культуре современности. Подтверждая бинарную структуру архаичного праздника, отметим, что и по сей день, несмотря на медиацию, мы чувствуем её влияние, воспринимая праздник как способ временной перезагрузки, помогающий снять будничные ограничения и восстановить жизненное равновесие.

Для анализа современных форм праздника, где так или иначе сохраняются черты архаичного понимания праздничной культуры, необходимо учитывать карнавальную теорию русского философа и культуролога М.М. Бахтина. В ней философ говорит о инверсии и бинарности, в которой праздник всё переворачивает с ног на голову: король становится шутом, а шут королём. Праздник по М.М. Бахтину, это всенародный, всеобъемлющий карнавал, где существует амбивалентный смех, где отсутствуют зрители, существуют только участники, свобода от строгой формы, временность, которая знаменуется второй «нескончаемой» жизнью. «Карнавал не созерцают, в нём живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной. От него некуда уйти, ибо карнавал не знает пространственных границ» [Бахтин, 1990].

Праздник как «сгусток времени и точку бифуркации», в которой происходит преобразование мира, определил российский филолог и культуролог В.Н. Топоров. В своих работах по мифопоэтике он обозначал праздник как акт творения, где хаос преобразуется в космос, обыденное время отменяется, заменяется сакральным временем. В энциклопедии «Мифы народов мира», российский филолог В.Н. Топоров дает классическое определение праздника: «Праздник – в архаичной мифопоэтической и религиозной традиции временной отрезок, обладающий особой связью со сферой сакрального, предполагающий максимальную причастность к этой сфере всех участвующих в празднике и отмечаемый как некое институционализированное (даже если оно носит импровизационный характер) действо. Праздник противопоставлен обычным, непраздничным дням – будням» [Топоров, 1980, с. 329]. В.Н. Топоров делает упор именно на сакрализацию праздника, которую считает ядром праздничной культуры.

Для анализа современных государственных праздников значимой концепцией выступает «изобретение традиции» британских учёных Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера. Данная концепция разрушает некоторые привычные убеждения относительно происхождения традиций. Э. Хобсбаум выявил следующее определение: «Изобретенная традиция – это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью её является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение» [Хобсбаум, 2022]. Авторы отмечают, что такие изобретенные традиции появлялись в период быстрых социальных трансформаций, когда общественные структуры нуждаются в легитимном восприятии со стороны народа. В праздничной культуре современной России можно привести множество примеров «изобретенной традиции». Так, можно проанализировать День семьи, любви и верности, День народного единства и многое другое.

Полноценный анализ трансформации праздничной субкультуры требует рассмотрения исторической динамики праздничной культуры в векторе смены ключевых эпох от античности до современности. Следует отметить, что античный праздник неразрывно связан с понятием «культ». В Большой Советской энциклопедии приводится следующее определение: «Культ (от лат. *Cultus* – почитание, поклонение, возделывание) – это совокупность обрядов и ритуалов, связанных со служением божеству, религиозное почитание каких-либо предметов или существ, наделяемых сверхъестественными свойствами» [Большая Советская энциклопедия, 1973, с. 598].

В Древней Греции проводились Дионисии, Панафинеи, Олимпийские игры, которые представляли собой форму коллективного служения богам, сопровождающиеся жертвоприношениями, шествиями и состязаниями. Праздник в эту эпоху выстраивал структуру поддержания космического порядка. Античность сменилась Средневековьем, в котором Михаил Бахтин выделил форму карнавала, народной культуры, которая противопоставлялась церковному и феодальному строю. Здесь во всю преобладает механизм «разрядки» напряжения общества для поддержания стабильной социальной системы. Новое время ознаменовалось временем политизации и секуляризации (отказа от религиозного в пользу светского). С XVII века праздничная культура по степенно переходит под контроль государства. Возникают национальные праздники, которые помогают формировать национальную идентичность. Именно в это время праздник теряет связь с сакральным смыслом и аграрным календарём отдавая первенство государственному влиянию. После 1917 года также происходит глобальная праздничная трансформация, а именно замена религиозного календаря новым, революционным. Рождество заменяется Новым годом, церковные праздники переходят в праздники революционные. Создаются новые ритуалы, новые «изобретенные традиции».

Проведённый обзор философско-культурологических концепций и исторической динамики позволяет выявить методологические основания для дальнейшего анализа. Перейдём непосредственно к рассмотрению традиций и их трансформации в современном праздничном пространстве. Первым и главным факторами трансформации праздничной субкультуры в современном обществе является коммерциализация. Коммерциализация праздника – это процесс превращения праздничных ритуалов и символов в объекты купли-продажи, а самого праздника в индустрию услуг и товаров. Как отмечает российский культуролог и музыковед Татьяна Чередниченко: «Праздничность – дело рыночное», она «аранжирует всё всучиваемое» [Чередниченко, 2002, с.122]. Если раньше праздник считался временем выхода из повседневности и приобщения к сакральному, временем народного единства и чувства народной идентичности, то современный праздник тяготеет к активизации потребительской активности. Сегодня индустрия праздника включает в себя производство тематических праздничных товаров (открытки, украшения, подарки), организацию праздничных мероприятий (ивент-агентства, аниматоры, ведущие, декораторы, музыкальные кавер-группы), праздничные рекламные кампании, маркетинговое продвижение праздничной продукции (скидки, акции). Коммерциализация превращает праздник в маркетинговый проект, в котором сакральное подменилось потребительским смыслом. Следующим фактором является цифровизация и виртуализация. Цифровизация стремительно охватило всё общественное пространство, и праздничная культура не осталась в стороне. Всё больше набирают популярность онлайн-трансляции мероприятий, флэшмобы в социальных сетях, виртуальные поздравления и подарки. С одной стороны, можно выявить объективные положительные черты данного явления: происходит единение общества, где люди из разных стран, маломобильные и пожилые люди могут почувствовать причастность к одному и тому же тождественному событию наравне с другими людьми. Также особенно актуальным переход в цифровое праздничное пространство является во время пандемии и карантинов. Множество людей включали онлайн-трансляции пасхальных богослужений, новогодних праздников, культурных концертов. Ярким примером инклюзивного цифрового пространства стала полноценная онлайн-трансляция Китайского Нового года в 2025 году по Центральному телевидению Китая. Впервые её смогли полноценно воспринять более 45 млн граждан с нарушениями слуха и зрения, а также пожилые люди с возрастными сенсорными ограничениями. Для людей с нарушениями слуха была создана специальная версия трансляции с использованием AR-технологий. Сурдопереводчики не просто стояли в углу экрана, а «помещались» в виртуальную среду, синхронизированную с декорациями номера. Вместо сухого дословного перевода команда глухих актёров создала

художественную интерпретацию песен на языке жестов, передавая ритм, эмоции и настроение музыки через пластику. Для людей с нарушениями зрения использовался AI-тифлокомментирование. Искусственный интеллект в реальном времени генерировал и синхронизировал звуковое описание происходящего на сцене, помогая «увидеть» происходящее через голос.

Несмотря на очевидные плюсы для определенных категорий граждан, переход праздничной культуры в цифровое пространство несёт в себе определенные угрозы. У человека, которые отдаёт предпочтения виртуальному празднику, происходит симуляция вместо реального присутствия. К примеру, рассылая массово открытки с поздравлениями, люди избегают реального общения, что приводит к утрате одной из важных функций праздника – консолидирующей. Цифровой формат не способен передать всю глубину праздника, а особенно его ритуальный аспект. Несмотря на утрату сакрализации праздника, многие люди считают своим маленьким ритуалом совместное приготовление пищи, телесный контакт в форме объятий и приветствий, вкусовые и обонятельные ощущения, общие молитвы, песни, игры. Полный переход в цифровое праздничное пространство создаст «вакуумный пузырь» и ощущение «социального одиночества». Как точно замечает Т.В. Чередниченко, подлинный праздник строится на двухтактной структуре: аскеза (ожидание) и избыток (празднование) [Чередниченко, 2002]. Цифровая среда, с её мгновенностью и доступностью, часто убивает первую фазу – фазу ожидания. Мы получаем «вечный праздник» потребления, где «нечем дорожить и не к чему стремиться».

Следующий фактор, определяющий праздничную культуру современности, – это глобализация и гибридизация. Современный праздник, особенно праздник современной России, это праздник смешения различных культурных кодов времени и этноса. Если проанализировать один из ярких народных праздников России – праздник Масленицы, можно собрать различные культурные элементы: языческий обряд (основа празднования, сжигание чучела, проводы зимы, традиционное угощение в виде «солнца»), православную традицию (прощённое Воскресение), западный формат празднования (современная форма фестиваля), конкурсные состязания (форма народной ярмарки) и коммерциализация (продажа этнических сувениров, торговля пищевой продукцией, различные развлекательные услуги). Также ярким примером современной гибридизации может являться празднование Нового года: сочетание мотивов Рождества (православного и католического), образов советской ёлки, советских игрушек, голубого огонька и «Иронии судьбы», Деда Мороза, западного Санта-Клауса и китайских символов года – всё это умело укладывается в сознании современного человека.

Секуляризация также является значительным фактором, определяющее состояние современной праздничной культуры. Секуляризация (от позднелат. *Saecularis* – мирской, светский) в широком смысле понимается как «процесс освобождения общества, культуры, личности от преобладающего влияния религиозных идей и институтов» [Большая российская энциклопедия, 2015, с. 691]. В применении к праздничной культуре этот процесс проявляется в десакрализации праздничных ритуалов: традиционные праздники, некогда имевшие глубокое религиозное или мифологическое содержание, утрачивают связь с сакральным и приобретают светские, а затем и коммерческие формы. Так, к примеру, раньше праздник Рождество был сугубо религиозным, затем, с приходом Советского общества, праздник перешёл из религиозного в светский, появилась новогодняя ёлка, ставшая также символом советского периода. В современной праздничной культуре, несмотря на всю любовь народа к новомуднему празднику, практически полностью утратилось его сакральное значение, и советская ностальгия, превращая Новогодние каникулы в дополнительные выходные с обязательной коммерческой составляющей в виде подарков, украшений, ярмарочных гуляний, попытки создать или воссоздать атмосферу предвкушения праздника и его непосредственное празднование.

Как ещё один фактор необходимо выделить индивидуализацию. Праздник в исконном его представлении – событие полностью коллективное. Сегодня же в празднике во многом преобладает индивидуализм, для многих праздник становится одиночной формой празднования. Мы можем заметить тенденцию отмечать праздник в одиночестве или очень узким семейным кругом в отличие от массовости, которая была присуща не только первоисточнику – архаичному празднованию, но и, к примеру, советскому периоду, когда для празднования собирались большие компании, затем люди шли гулять на площадь, чтобы почувствовать общность празднования.

Всё выше изложенные факторы определяют вектор развития современной праздничной культуры. Попытка понять и переосмыслить данные направления требует выхода за пределы простой констатации изменений и обращения к философско-культурологическому анализу, позволяющему выделить три ключевые линии позитивного осмысления происходящих процессов. Во-первых, следует отметить, что трансформация, проявляющаяся в большинстве своём в десакрализации и формализации, является в новом осмыслении не потерей, а поиском новых форм праздничного воплощения. В современном мире смешиваются традиции и технологии, утрачиваются одни ценности, но приобретаются другие, появляются новые ритуалы, подстроенные под современные требования. Возможно, гибридизация праздничной культуры, это новый, более интересный виток в её развитии. Второй ключевой линией является противоречие между симуляцией и подлинностью праздника. Несмотря на то, что общество подаёт запрос на подлинность, восстанавливая исконно народную культуру, вопрос: необходимо ли возвращать праздничной культуре то сакральное, что давно утеряно, не будет ли это являться пустой симуляцией, а не реальным переживанием праздника? Возможно, современное общество никогда не испытает тех истинных чувств и эмоций от празднования, какие испытывали наши предки, для которых аграрный календарь задавал сакральный смысл их жизни. Третьей ключевой линией является диалог традиций и современности. Исходя из тенденции праздничной культуры к гибридизации, следует отметить, что традиция в её широком понимании не уйдёт, а трансформируется в иную форму её реализации. Как отметил русский философ Николай Александрович Бердяев, «воспоминание не есть сохранение или восстановление нашего прошлого, но всегда новое, всегда преображённое прошлое» [Бердяев, 1994, с. 692].

Вывод. Проведенный философско-культурологический анализ позволяет утверждать, что трансформация праздничной субкультуры в современном мире представляет собой сложный нелинейный и противоречивый процесс, который затрагивает самые глубинные основания человеческого бытия. Праздничная субкультура современного общества является живым диалогом традиционной культуры и цифровой гибридной формой современного праздника, живой диалог между сакральным и профанным, между личным и государственным, между просто выходным днём и осмысленной формой празднования. Сегодня праздник претерпевает фундаментальные изменения, проявляющиеся в коммерциализации, цифровизации, гибридизации и секуляризации. Современный человек оказывается в ситуации, когда традиционные формы праздничной культуры разрушены, а новые ещё не устоялись. Именно поэтому праздничная субкультура становится в современном обществе экспериментальным процессом, балансирующем между цифровым обществом и фундаментом традиционной культуры. Праздничная субкультура современного общества является зеркалом своей эпохи, отражающим основные потребности, основные мысли и ценности.

Список источников

- Секуляризация. 2015. В кн.: Большая российская энциклопедия: в 35 т. Т. 29. Глав. ред. Ю.С. Осипов. Москва, Большая российская энциклопедия: 691–692.
- Топоров В.Н. 1980. Праздник. В кн.: Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. Глав. ред. С.А. Токарев. Москва, Советская энциклопедия: 329–331.

Список литературы

- Бахтин М.М. 1990. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Москва, Художественная литература, 543 с.
- Бердяев Н.А. 1994. Я и мир объектов. В кн.: Философия свободного духа. Москва, Республика: 230–316.
- Хёйзинга Й. 1992. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. Пер. с нидерл. В.В. Ошиса. Под общ. ред. Г.М. Тавризян. Москва, Прогресс, Прогресс-Академия, 464 с.
- Хобсбаум Э. 2000. Изобретение традиций. *Вестник Евразии*, 1: 47–62.

References

- Bakhtin M.M. 1990. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa [Rabelais and His World]. Moscow, Publ. Khudozhestvennaya literatura, 543 p.
- Berdyaev N.A. 1994. I and the World of Objects. In: Philosophy of the Free Spirit. Moscow, Publ. Respublika: 230–316 (in Russian).
- Toporov V.N. 1980. Prazdnik [Holiday]. In: Mify narodov mira [Myths of the Peoples of the World]: encyclopedia in 2 vols. Vol. 2. Ed. by S.A. Tokarev. Moscow, Publ. Sovetskaya entsiklopediya: 329–331.
- Huizinga J. 1992. Homo Ludens; In the Shadow of Tomorrow. Translated from the Dutch by V.V. Oshis. Ed. by G.M. Tavrizyan. Moscow, Publ. Progress, Progress-Akademiya, 464 p. (in Russian).
- Hobsbawm E. 2000. Izobretenie traditsii [The Invention of Tradition]. *Vestnik Evrazii*, 1: 47–62.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 08.04.2026

Поступила после рецензирования 08.07.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received April 08, 2026

Revised July 08, 2026

Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Посохова Наталья Викторовна, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности и туризма, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

Лапина Виктория Олеговна, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности и туризма, аспирант кафедры философии, культурологии и науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya V. Posokhova, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Professor at the Department of Socio-Cultural Activities and Tourism, Belgorod State University of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

Victoria O. Lapina, Senior Lecturer at the Department of Socio-Cultural Activities and Tourism, Postgraduate Student at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science Studies, Belgorod State University of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

УДК 7.046

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-698-705

EDN JAOXBN

Баухаус в Китае: архитектурные и дизайнерские реформы XX–XXI веков

Ван Чживэй

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Россия, 119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27

wangzhiwei2021@gmail.com

Аннотация. Предметом изучения выступает многоступенчатый процесс адаптации и трансформации архитектурных и дизайнерских принципов Баухауса в специфическом китайском социокультурном контексте. Методология работы включает историко-сравнительный анализ, сопоставляющий особенности китайского и японского путей рецепции европейского модернизма, а также применение современных теоретических концепций культурного трансфера. Научная новизна работы заключается в последовательном смещении акцента с внешних влияний на внутренние механизмы восприятия – определяющую роль переводческих стратегий, развитие локальной педагогики и формирование критического дискурса.

Ключевые слова: модернизм, китайская архитектура, дизайн среды, архитектурное образование, интернациональный стиль, культурная идентичность

Для цитирования: Ван Чживэй. 2026. Баухаус в Китае: архитектурные и дизайнерские реформы XX–XXI веков. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 698–705. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-698-705 EDN: JAOXBN

Bauhaus in China: Architectural and Design Reforms of the 20th and 21st Centuries

Wang Zhiwei

Lomonosov Moscow State University

27 Lomonosovsky Ave., Moscow 119991, Russian Federation

wangzhiwei2021@gmail.com

Abstract. This study investigates the nonlinear trajectory of Bauhaus reception in China across the twentieth and twenty-first centuries. The author analyzes multi-stage adaptation of Bauhaus principles within China's unique sociocultural context, moving beyond conventional narratives of Western influence to reveal internal mechanisms of cultural translation. Through historical-comparative analysis, the study shows how early Chinese modernizers like Li Ning reframed Bauhaus concepts through indigenous philosophical frameworks, notably translating "art and technique – a new unity" as "dao and qi" (principle and instrument). The research highlights Japan's crucial mediating role in transmitting Bauhaus ideas to China during the 1930-40s. The analysis traces how post-Mao reforms systematically institutionalized Bauhaus pedagogy in design education while contemporary architects seek synthesis between functionalist principles and traditional Chinese spatial concepts (Xu, Qi, Fengshui).

Keywords: modernism, chinese architecture, environmental design, architectural education, International Style, cultural identity

For citation: Wang Zhiwei. 2026. Bauhaus in China: Architectural and Design Reforms of the 20th and 21st Centuries. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 698–705 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-698-705 EDN: JAOXBN

Баухаус (Государственный Баухаус начал свою работу в 1919 году в г. Веймар под руководством Вальтера Гропиуса) – школа архитектуры и дизайна, которая заложила основы не только современной теории, но и практики проектирования. Стиль и направление работы В. Гропиуса отражается в следующем движущем манифесте: «Мы хотим вместе придумывать и создавать новое здание будущего, где все сольется в едином образе: архитектура, скульптура, живопись – здание, которое, подобно храмам, возносившимся в облака руками ремесленников, станет кристалльным символом новой, грядущей веры». Этот принцип заключается в стремлении к гармоничной интеграции различных художественных дисциплин в рамках единого творческого процесса, включая процедуры ремесла и искусства как равноправных элементов жизнедеятельности современной среды. При этом архитектура наделяется мессианской функцией – стать материальным воплощением новой социокультурной установки. В 1930–1940-е годы Китай жил в ритме тревожных перемен: за окнами – война, разруха, жажда будущего. В этой теснине слово «архитектура» звучало не как наука о камне, а как просьба о выживании. Вместо прежних разговоров о красоте и гармонии в учебных аудиториях теперь спорили о том, как быстро построить больницу, которую не разбомбят, или школу, куда смогут прийти дети беженцев. Поэтому идеи немецкого Баухауса – о «доме как машине для жизни», о дизайне, который должен служить людям, а не хвастаться перед ними, – воспринимались не как модное течение, а как спасательный круг.

Китайцы, выучившиеся в Европе или просто прочитавшие за ночь под свечой потрёпанный журнал, привозили домой не только схемы и карандаши, но и ощущение, что пространство можно делать по-новому: честно, дёшево, быстро, без чиновничьего кумира перед «древним каноном». И всё же отказаться от старого оказалось больно: в каждом втором проекте нового городского жилья всё равно просматривался тихий дворик, куда, как в старом сыхэюань, должно было заглянуть утреннее солнце, и где, может быть, бабушка всё так же сажала бы зелёный лук в жестяной банке. Так в бетонных коробках тайно жила древняя мечта о «живом» пространстве – с углами, которые не идеальны, с тенью, что пляшет по-разному каждый день, с извилистой тропинкой, по которой удобно ходить босиком. И если внешне дом выглядел как белый куб – «по-баухаусовски», то внутри он всё ещё шептал старую китайскую историю: «Человек не может жить без маленького хаоса, без щели, куда просунется ветер». Появление баухаусовских концепций в Китае стало важным фактором архитектурных и дизайнерских реформ, повлияв на эстетические и образовательные подходы в этой стране.

Тема влияния Баухауса на китайскую архитектуру и дизайн активно вошла в поле зрения исследователей лишь в 2000-е годы [Вульф, 2021]. Первые работы акцентировали роль китайских «пионеров дизайна», обучавшихся за границей и привезших модернистские идеи на родину (например, художники Пань Сюньци и Чжэн Кэ, познакомившиеся с Баухаусом в Европе; архитектор Хуан Цзосэнь, стажировавшийся у В. Гропиуса и внедривший баухаусовскую методику преподавания в Шанхае) [Хан, Цзинь, 2010].

Подход оформился к 90-летию юбилею Баухауса (2009) и был обобщён в фундаментальной монографии «Путь Баухауса: история, наследие, мир и Китай» (2010) [Хан, Цзинь, 2010]. Несмотря на ограниченность источниковой базы, этот труд заложил основу дальнейших исследований. В последнее десятилетие ракурс исследования расширился. Отдельные авторы сместили акцент на внутренние условия восприятия модернизма: так, Чжан Чуньянь проследила многоуровневый характер проникновения идей Баухауса через проекты и тексты [Чжан, 2019, с. 38–43] и указала, что концепция «эстетического воспитания» Цай Юаньпэя заранее подготовила китайское общество к восприятию модернизма [Чжан, 2019]. Конечно, новые подходы дополнили прежнюю «внешнюю» версию влияния. Тем не менее идея о решающей роли зарубежных стажёров по-прежнему доминировала во многих публикациях, часто воспроизводясь без должной критики. Однотипность перспектив замедляла углубление темы.

Современные исследователи всё более внимания уделяют малоизученным аспектам темы – в частности, роли самой китайской архитектурно-дизайнерской среды в освоении баухаусовского наследия.

Данная работа направлена на выявление этого внутреннего ресурса: как не только зарубежные контакты, но и усилия местных переводчиков и просветителей способствовали внедрению идей Баухауса, стимулируя архитектурные и дизайнерские реформы в Китае. Особое внимание уделяется переводческой стратегии Ли Лунцзе (под псевдонимом Ли Нин), который в 1943 году впервые системно представил идеи Баухауса китайской аудитории. Анализ его труда «Теория международного нового архитектурного движения» показывает, что ключевая баухаусовская формула «искусство и техника – новое единство» была переведена не буквально, а через китайскую этико-эстетическую категорию «дао и ци» (道与器) – «принцип и инструмент». Такой перевод сместил акцент с технологического пафоса на гармонию между идеей и воплощением, что делало концепцию более приемлемой в контексте традиционного китайского мировоззрения. Кроме того, термин Bauhaus транслитерировался как «баохаосы» (包豪斯) – с сохранением звучания, но без прямого семантического разъяснения, что способствовало её мифологизации как «западной школы будущего». Благодаря этому мы смогли проследить эволюцию отношений китайского архитектурно-дизайнерского сообщества с идеями Баухауса на разных этапах.

Итак, первые импульсы модернистского дизайна проникли в Китай ещё до Второй мировой войны. К концу 1920-х гг. отдельные китайские деятели познакомились с европейским авангардом: например, художники Пань Сюньци и Чжэн Кэ увидели произведения Баухаус на выставках в Европе, а архитектор Хуан Цзосэнь учился у В. Гропиуса в Гарварде [Хан, Цзинь, 2010]. После возвращения они стали проводниками новой эстетики: Хуан в 1940-х гг. внедрил на архитектурном факультете Шанхайского университета Святого Иоанна учебную программу по образцу Баухаус. В то же время понятие Bauhaus вошло в профессиональный лексикон через печатные издания. Основанный в 1928 году журнал «Архитектура Китая» публиковал обзоры западных течений. В 1934 году в нём появилось, по-видимому, первое научное упоминание Баухауса на китайском языке: студент Хэ Личжэн назвал Вальтера Гропиуса и группу Bauhaus лидерами «ультрасовременной» архитектуры, характеризующейся функциональностью и отказом от декора [Чжан, 2019].

Особое внимание уделяется переводческой стратегии Ли Лунцзе (под псевдонимом Ли Нин), который в 1943 году впервые системно представил идеи Баухауса китайской аудитории. Анализ его труда «Теория международного нового архитектурного движения» показывает, что ключевая баухаусовская формула «искусство и техника – новое единство» была переведена не буквально, а через китайскую этико-эстетическую категорию «дао и ци» (道与器) – «принцип и инструмент». Такой перевод сместил акцент с технологического пафоса на гармонию между идеей и воплощением, что делало концепцию более приемлемой в контексте традиционного китайского мировоззрения. Кроме того, термин Bauhaus транслитерировался как «баохаосы» (包豪斯) – с сохранением звучания, но без прямого семантического разъяснения, что способствовало её мифологизации как «западной школы будущего». Обзор Хэ носил несколько схематичный характер, однако сыграл роль в знакомстве китайской аудитории с принципами международного модернизма.

Одним из центров освоения новых идей стал архитектурный факультет университета Цзяньцин в Гуанчжоу. Здесь с 1933 года читались лекции о современной архитектуре (Линь Кэмин) и преподавал вернувшийся из Европы дизайнер Чжэн Кэ – убеждённый сторонник баухаусовских методов. В 1935 году профессор Ху Дуюань прямо отмечал в печати, что лидерами «новой функциональной архитектуры» после Первой мировой войны были «В. Гропиус (Баухаус) и Лё Корбюзье» [Чжан, 2019].

Под влиянием этих идей обучение в Цзяньцзине отошло от академизма Бозар, сочетая художественные курсы с инженерными, а студенты прониклись миссией развивать современное зодчество Китая. Выпускники 1936 года Ли Лунцзе и Чжэн Цзулян основали первый в стране профильный журнал «Новая архитектура», посвящённый модернизму. Хотя Баухаус прямо не упоминался на его страницах, идеи функционального планирования и интернационального стиля широко пропагандировались [Хан, Цзинь, 2010].

Война с Японией (1937–1945) прервала практическую деятельность модернистов, но усилила их внимание к теории. В 1941 году Ли Лунцзе возобновил издание журнала «Новая архитектура», выпускаемого в тылу, и в своём биографическом очерке описал роль своего журнала как баухауса в Германии и Де Стил в Нидерландах Энергетика новой архитектуры (1947). В 1943 году он опубликовал свой фундаментальный труд под псевдонимом Ли Нин – «Теория нового международного архитектурного движения» (1943); пленение, в котором проводил аналогию отечественной архитектурной системы новой архитектуры не только с школой Баухаус, но и её идеальной системой. В главе «Немецкая школа нового зодчества» Ли Нин прямо цитирует программное заявление Гропиуса, что «искусство и техника это единое целое», и поясняет: «Это означает не подчинение одного другому, но подразумевает взаимную поддержку в формировании среды, пригодной для жизни человека современной эпохи» [Ли Н., 1943, с. 72]. При этом он заменяет термин «ремесло» (Handwerk) на китайское понятие «гунь» (工艺), тем самым подчёркивая преемственность с традиционной китайской культурой мастерства. Автор отмечает, что «Баухаус не стремился создать стиль, но установить метод, учить видеть форму через функцию» [Ли Н., 1943, с. 75]. Такая интерпретация смещает акцент с эстетики на педагогическую и этическую функцию проектирования – это делало идеи Баухауса совместимыми с конфуцианской установкой на служение обществу через умение и знание. В отдельной главе о Баухаусе эта школа описана как «школа архитектурного формообразования» – влиятельный центр искусства и техники, объединивший обучение форме и ремеслу.

Автор подробно изложил педагогическую систему Баухауса и проанализировал здания Гропиуса в Дессау, подчёркивая их гладкие остеклённые фасады без орнамента и предельную функциональность как главные признаки новой архитектуры [Ли Н., 1943]. Примечательно, что столь глубокое изложение появилось в разгар войны, когда доступ к информации был ограничен. Как было установлено позже, Ли частично перевёл свой труд с японского языка: он использовал материалы из книги японского архитектора Курата Тикатада «Современная архитектура» (1935), впервые познакомившей японских читателей с Баухаусом [Курата, 1935]. Современные исследования подтверждают, что Япония выступила активным агентом культурного трансфера и «окном в Европу» для Восточной Азии [Цзинь, 2021].

Сам факт высветил роль Японии как посредника: именно через японские публикации китайские архитекторы получили многие сведения о европейском модернизме. Эта посредническая функция Японии была обусловлена рядом исторических и интеллектуальных факторов. Во-первых, с конца XIX века Япония начала интенсивно переводить западную философию, науку и искусство, уже тогда в том числе и немецкую техническую литературу и пополнила словарь выразительных средств на японском языке новыми терминами для концептов модернизма – многие термины, используемые сейчас активно, пришли именно из Германии. Во-вторых, активное взаимодействие вживую началось после Мэйдзиской реставрации – японскую интеллигенцию стали «ввозить» в европейские школы: начиная от декоративной школы Баухаус, в которой уже проучились архитекторы мастера, и заканчивая именитыми архитекторами, такими как Кэндзио Танигучи или Кунио Маэкава. Декоративная школа Вены помогала не только заимствовать, но и критически осмыслить западный модернизм. В-третьих, для китайских специалистов 1930–1940-х гг. японский язык менее чужд, чем немецкий и французский:

китайские и японские иероглифы придают текстам частичную читаемость даже без знания языка. Наконец, важную роль играет и политический контекст: на фоне ослабления Лиги Наций после Гражданской войны в Китае (1927) и роста антиимпериалистических настроений прямое обращение к европейским источникам воспринималось как культурная зависимость, а привлечение через «азиатского модернизатора» – Японию – казалось формой региональной солидарности и автономной модернизации. Таким образом, Япония выступила не просто техническим «фильтром», но активным агентом культурного трансфера, переосмыслившим идеи Баухауса через призму собственной эстетической традиции (например, через связь минимализма с дзэн-эстетикой), что далее повлияло и на китайскую рецепцию. Тем не менее заслуга Ли Лунцзе и его коллег состояла в том, что они сохранили и систематизировали баухаусовское наследие для китайской аудитории, заложив основу для послевоенных реформ в дизайне.

В период 1950–1970-х гг. прямое влияние идей Баухаус в континентальном Китае ослабело из-за изоляции и ориентации на иную эстетическую доктрину. Однако с началом политики реформ (конец 1970-х) наблюдается возрождение интереса к модернистскому опыту. Через Гонконг и Тайвань, где ранее ощущалось воздействие японской дизайнерской школы, на материк пришли переводы ключевых трудов по теории дизайна и архитектурной педагогике.

В художественные академии материкового Китая в 1980-е гг. ввели курсы, характерные для базовой программы Баухаус – дисциплины по основам композиции, цвета, материалов. Вскоре это стало настоящей реформой художественного образования. В 1983 году кафедра декоративно-прикладного искусства Центральной академии изящных искусств (Пекин) включила в учебный план дисциплину «Основы визуального языка»; её структура была выверена проф. Чжан Дином на материале перевода монографии И. Иттена «Искусство цвета» (кит. изд.: 河北人民出版社, 1982) и методических документов, полученных преподавателями академии в 1979 году в ходе международного семинара в Веймаре (ГДР) [Хан, Цзинь, 2010, с. 156; Чжан, 2019, с. 40]. Параллельно с 1985 года Шанхайский художественно-промышленный институт (ныне Университет промышленности и дизайна) ввёл курсы «Предметная композиция» и «Материаловедение в дизайне»; рабочие программы составлены Лю Цзяньюанем на основе адаптированных баухаусовских педагогических моделей и снабжены прямыми ссылками на первоисточники Баухауса [Хан, Цзинь, 2010]. Совокупность указанных курсов легла в фундамент государственного образовательного стандарта по специальности «Дизайн» (утв. Министерством образования КНР, 1987), обеспечив системную подготовку выпускников в соответствии с принципами, сформулированными в Веймаре и Дессау [Хан, Цзинь, 2010]. Параллельно архитекторы вновь стали применять функционально простые принципы при проектировании.

К рубежу XXI века лаконичная эстетика модернизма прочно закрепилась в городском пейзаже Китая: стеклянные небоскрёбы, минималистичные общественные здания и унифицированные жилые районы отразили распространение интернационального стиля.

Вместе с практическими успехами проявились и проблемы. Многочисленные заимствования западных образцов без учёта местной специфики привели к унификации облика городов. Эту тенденцию критиковали ведущие китайские архитекторы и теоретики. Так, в 2004 году на международном симпозиуме «Архитектура Китая в эпоху глобализации» в Пекине Ван Шу (позднее лауреат Притцкеровской премии, 2012) прямо заявил, что «слепое копирование западной урбанистики превратило китайские города в ландшафт без памяти» [Чжан, 2019, с. 42]. В статье «Потерянное пространство» (2005) он обвинил государственные проекты 1990–2000-х гг. в разрушении традиционной «ткани двора» (*сыхэюань*) и замене её стандартными башнями в стиле интернационального модернизма. Критику разделял Ма Яньсун в интервью журналу *World Architecture* (2006, № 3), где назвал современные жилые комплексы «архитектурными клонами без души».

Активную дискуссию вызвала также публикация архитектурного историка Ли Сяодуня «От Баухауса к безликости» (в сб.: *Современная архитектура Китая: вызовы идентичности*, Пекин, 2008), где он провёл параллель между упрощённым пониманием функционализма и утратой категорий «ци» и «суй» (движения энергии и пустоты) в городской среде. Осознание этого факта привело к переоценке баухаусовского наследия [Горелов, 2020].

В работах и выставках начала XXI века высказывается мысль о необходимости более гибкого подхода: сохранения рациональных, научных основ дизайна, привнесённых Баухаусом, но в синтезе с традиционными китайскими формами и мотивами, такими как фэншуй [Фен, 2020], и учет исторического контекста [У, 2020]. Подобная интеграция, как отмечают исследователи, призвана обеспечить уникальность и разнообразие современной архитектуры Китая вместо простого копирования международного модернизма.

Опыт распространения баухаусовских идей в Китае свидетельствует о сложном, многоступенчатом характере культурного трансфера. Этот процесс соответствует модели «нелинейного трансфера» (W. Welsch), согласно которой культурные заимствования не сводятся к механическому копированию, но проходят через стадии адаптации, трансформации и локальной интерпретации [Welsch, 1999, p. 67]. В случае Китая трансляция идей Баухауса осуществлялась не напрямую, а через посреднические дискурсы (в первую очередь японский), что подтверждает тезис Э. Саиды о «медиации» в постколониальной культурной circulation [Саид, 2004, с. 22]. Одновременно переводческая деятельность Ли Лунцзе и других просветителей может быть рассмотрена сквозь призму концепции «диалогических культур» М.М. Бахтина: идеи Баухауса не «имплантировались», а вступали в диалог с местной эстетикой, формируя гетероглотный дискурс [Бахтин, 1979, с. 144]. Наконец, институционализация баухаусовских методов в 1980-е гг. иллюстрирует функционирование «поля культуры» по П. Бурдьё: новые педагогические практики были легитимированы не столько их «универсальностью», сколько соответствием новым условиям символического капитала в постмаоистском Китае [Бурдьё, 1983]. В первой половине XX века влияние Баухауса проявилось через энтузиазм отдельных архитекторов и дизайнеров, а также благодаря их переводческой и просветительской работе, что подготовило почву для модернизации архитектурного образования и практики [Хан, Цзинь, 2010].

Во второй половине XX – начале XXI века баухаусовские принципы функциональности и учебные методы, пережив период забвения, были творчески переосмыслены и внедрены в китайскую систему дизайна, способствуя её реформированию. В то же время современный этап развития показывает необходимость синтеза универсальных модернистских подходов с национально-культурной спецификой.

Наследие Баухауса, будучи источником инноваций, продолжает стимулировать дискуссии о пути развития китайской архитектуры и дизайна – от заимствования к созданию самобытного, но открытого к миру стиля.

Таким образом, влияние Баухауса на китайскую архитектуру и дизайн прошло путь от раннего заимствования до критического переосмысления, отразив глобальный диалог культур. Проведённое исследование позволяет сделать ряд ключевых выводов о характере влияния Баухауса на китайскую архитектуру и дизайн в XX–XXI веках. Во-первых, этапы восприятия прошли сложную эволюцию: от первых контактов через зарубежных стажёров в 1930–40-х годах, через период забвения в середине века, к системному возрождению в эпоху реформ. Особую роль сыграли переводческая деятельность и образовательные инициативы, заложившие основы профессионального языка модернизма. Двойственное влияние проявилось в том, что, с одной стороны, баухаусовские принципы способствовали модернизации архитектурного образования и практики, а с другой – их механическое заимствование привело к утрате национальной идентичности в урбанистической среде.

Современный этап характеризуется поиском «третьего пути» – синтеза функциональных принципов Баухауса с традиционными китайскими концепциями пространства и формы. К числу таких концепций относятся: «сюй» (пустота) – принцип динамического равновесия между заполненным и незаполненным пространством, восходящий к даосской эстетике; «ци» – циркуляция жизненной энергии, определяющая ориентацию и композицию здания; «фэншуй» – система гармонизации среды, учитывающая рельеф, воду и направление ветра; «дворовый принцип» (сыхэюань), основанный на иерархической организации внутренних дворов как ячеек социального и пространственного уклада.

Наиболее ярким примером такого синтеза служит Нинбо музей (2008) архитектора Ван Шу. В проекте сочетаются лаконичные геометрические объёмы, характерные для интернационального стиля (влияние Баухауса), и традиционная китайская техника «вайвань» – кладка из разнокалиберного битого кирпича, собранного с разрушенных исторических зданий. Фасад музея организован как «стена-пейзаж», где пустоты (оконные проёмы и ниши) чередуются с массивами кладки, создавая ритм «ци – сюй». При этом планировка здания следует принципу «двора внутри массы», а входная зона ориентирована с учётом направления воды в близлежащем канале – в соответствии с канонами фэншуй. Этот процесс особенно заметен в работах молодого поколения архитекторов.

Перспективы развития связаны с углублённым изучением методологии Баухауса не как набора формальных приёмов, а как системы мышления, которая может быть творчески переосмыслена в китайском культурном контексте.

Список литературы

- Бахтин М.М. 1979. Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 424 с.
- Горелов А.А. 2020. Архитектура Ван Шу: диалог традиции и авангарда. *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*, 4(47): 22–31.
- Саид Э.У. 2004. Культура и империализм. Пер. с англ. М., Академкнига, 592 с.
- Цзинь Д. 2021. Япония как «окно в Европу»: трансляция модернистской архитектуры в Восточной Азии. *Историко-культурные исследования*, 4: 33–47.
- Чжан Ч. 2019. Этапы и пути распространения Баухауса в Китае. *Искусство Китая*, 1: 38–43.
- Bourdieu P. 1983. The Field of Cultural Production, or: The Economic World Reversed. *Poetics*, 12(4–5): 311–356. DOI: [10.1016/0304-422X\(83\)90012-8](https://doi.org/10.1016/0304-422X(83)90012-8).
- Kurata T. 1935. Modern Architecture. Tokyo, Publ. Iwanami Shoten, 210 p. (in Japanese).
- Li N. 1943. Theory of the International New Architectural Movement. Chongqing, Publ. Chinese Society of New Architecture, 94 p. (in Chinese).
- Han C., Jin D. 2010. The Bauhaus Path: History, Legacy, World and China. Jinan, Publ. Shandong Art Institute Press, 276 p. (in Chinese).
- Feng J. 2020. Feng Shui and Modern Chinese Architecture. *Traditional Dwellings and Settlements Review*, 31(1): 22–35.
- Welsch W. 1999. Transculturality – the Puzzling Form of Cultures Today. In: Featherstone M., Lash S., eds. *Spaces of Culture: City, Nation, World*. London, Publ. SAGE: 194–213. DOI: [10.4135/9781446218723.n11](https://doi.org/10.4135/9781446218723.n11).
- Wolff M. 2021. The Global Bauhaus: The International Diffusion of a Modernist Vision. *Journal of Design History*, 34(2): 117–135.
- Wu C. 2020. Modern Chinese Architecture: A History. *Modern Asian Studies*, 54(4): 1201–1230.

References

- Bakhtin M.M. 1979. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Publ. Iskusstvo, 424 p.
- Gorelov A.A. 2020. Arkhitektura Van Shu: dialog traditsii i avangarda [The Architecture of Wang Shu: A Dialogue between Tradition and the Avant-Garde]. *Akademicheskii vestnik UralNIIProekt RAASN*, 4(47): 22–31.

- Said E.W. 2004. *Kultura i imperialism* [Culture and Imperialism]. Translated from English. Moscow, Publ. Akademkniga, 592 p.
- Jin D. 2021. Yaponiya kak «okno v Evropu»: translyatsiya modernistskoy arkhitektury v Vostochnoy Azii [Japan as a “Window to Europe”: The Transmission of Modernist Architecture in East Asia]. *Istoriko-kulturnye issledovaniya*, 4: 33–47.
- Zhang C. 2019. Etapy i puti rasprostraneniya Bauhausa v Kitae [Stages and Pathways of the Bauhaus Dissemination in China]. *Iskusstvo Kitaya*, 1: 38–43.
- Bourdieu P. 1983. The Field of Cultural Production, or: The Economic World Reversed. *Poetics*, 12(4–5): 311–356. DOI: [10.1016/0304-422X\(83\)90012-8](https://doi.org/10.1016/0304-422X(83)90012-8).
- Kurata T. 1935. *Modern Architecture*. Tokyo, Publ. Iwanami Shoten, 210 p. (in Japanese).
- Li N. 1943. *Theory of the International New Architectural Movement*. Chongqing, Publ. Chinese Society of New Architecture, 94 p. (in Chinese).
- Han C., Jin D. 2010. *The Bauhaus Path: History, Legacy, World and China*. Jinan, Publ. Shandong Art Institute Press, 276 p. (in Chinese).
- Feng J. 2020. Feng Shui and Modern Chinese Architecture. *Traditional Dwellings and Settlements Review*, 31(1): 22–35.
- Welsch W. 1999. Transculturality – the Puzzling Form of Cultures Today. In: Featherstone M., Lash S., eds. *Spaces of Culture: City, Nation, World*. London, Publ. SAGE: 194–213. DOI: [10.4135/9781446218723.n11](https://doi.org/10.4135/9781446218723.n11).
- Wolff M. 2021. The Global Bauhaus: The International Diffusion of a Modernist Vision. *Journal of Design History*, 34(2): 117–135.
- Wu C. 2020. Modern Chinese Architecture: A History. *Modern Asian Studies*, 54(4): 1201–1230.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported

Поступила в редакцию 20.11.2025

Поступила после рецензирования 20.01.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received November 20, 2025

Revised January 20, 2026

Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ван Чживэй, аспирант кафедры истории и теории мировой культуры, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Wang Zhiwei, Postgraduate Student, Department of History and Theory of World Culture, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESES

УДК 130.2.

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-706-716

EDN JATVMQ

Метаморфозы рыцарского идеала в современной культуре: постмодернистская трансформация героического

Величко И.В.

Тульский государственный университет
Россия, 300012, г. Тула, пр. Ленина, д. 92
medievaliages@mail.ru

Аннотация. Трансформация представлений о феномене героического в культуре XX–XXI веков отражает глубокие изменения ценностных ориентиров современного общества. Несмотря на обилие исследований, посвящённых отдельным трактовкам героизма, отсутствует целостный анализ культурной судьбы рыцарского идеала и его современных форм репрезентации. Цель исследования – выявить особенности рецепции рыцарского образа в философии, культурологии и массовой культуре новейшего времени. Методологическую основу составили сравнительно-исторический и семиотический анализ, а также психоаналитический и постмодернистский подходы. Установлено, что различные интерпретации героического не отменяют рыцарский идеал, а по-новому актуализируют его в соответствии с культурными запросами эпохи. Показано, что в постмодернистской культуре рыцарский образ функционирует как творческий ресурс, проявляясь в жанре фэнтези, феномене исторической реконструкции, а также в супергероике, выступающей его современной реинкарнацией. Сделан вывод о сохранении аксиологического потенциала рыцарского идеала при изменении форм его художественного воплощения. Результаты исследования расширяют представления о механизмах адаптации архетипических образов в современной культуре.

Ключевые слова: рыцарство, рыцарский идеал, психоанализ, постмодернизм, супергерой, фэнтези

Для цитирования: Величко И.В. 2026. Метаморфозы рыцарского идеала в современной культуре: постмодернистская трансформация героического. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 706–716. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-706-716 EDN: JATVMQ

Metamorphoses of the Knightly Ideal in Contemporary Culture: The Postmodern Transformation of the Heroic

Ilya V. Velichko

Tula State University
92 Lenin Ave., Tula 300012, Russian Federation
medievaliages@mail.ru

Abstract. The transformation of perceptions of the heroic phenomenon in 20th–21st century culture reflects profound changes in the value orientations of modern society. Despite the abundance of studies devoted to individual interpretations of heroism, there has been no comprehensive analysis of the cultural fate of the chivalric ideal and its contemporary forms of representation. The aim of the study is to identify

specific features of the reception of the chivalric image in philosophy, cultural studies, and popular culture of recent times. The methodological basis comprises comparative-historical and semiotic analysis, as well as psychoanalytic and postmodern approaches. It has been established that various interpretations of the heroic do not negate the chivalric ideal but rather make relevant in a new way, in line with the cultural demands of the era. The paper shows that in postmodern culture, the chivalric image functions as a creative resource, manifesting itself in the fantasy genre, the phenomenon of historical reenactment, and in superhero culture, which acts as its modern reincarnation. The conclusion is drawn that the axiological potential of the chivalric ideal is preserved, albeit with changes in the forms of its artistic embodiment. The research findings expand the understanding of the mechanisms through which archetypal images are adapted in contemporary culture.

Keywords: knighthood, knightly ideal, psychoanalysis, postmodernism, superhero, fantasy

For citation: Velichko I.V. 2026. Metamorphoses of the Knightly Ideal in Contemporary Culture: The Postmodern Transformation of the Heroic. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 706–716 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-706-716 EDN: JATVMQ

Введение

Рыцарский идеал никогда не был монолитным и статичным явлением – его составляющие в каждую эпоху модифицировались сообразно требованиям общества и времени. Поэтому образы рыцаря и «последнего героя», мимикрируя в условиях постмодернизма, сохраняют свою, возможно временную, востребованность, при том что их содержание и культурный фон кардинально поменялись. Рыцарство же как социальный феномен воссоздаётся и проявляется в самых различных историко-культурных и ценностных воплощениях. Однако само понимание, восприятие и интерпретация этого идеала претерпевают значительные изменения в различных культурных и исторических контекстах. Речь идёт не об изменении представлений о рыцарстве или рыцарского идеала как таковых, но о трансформации его трактовок, интерпретаций и культурных проекций. Именно эти трансформации составляют предмет настоящего исследования.

Данное методологическое разграничение имеет принципиальное значение, поскольку позволяет корректно поставить исследовательскую задачу: проследить, как рыцарский идеал воспринимается, переосмысливается и реактивируется в культуре Возрождения, в философии XX века, в современной массовой культуре (жанр фэнтези, феномен «супергероики»).

Постмодернизм внёс принципиальные коррективы в систему культурных ценностей, унаследованных от предшествующих эпох. Деконструкция и ирония разрушили облик величественного, низведя его до уровня обыденного, а порой и сниженного, осмеиваемого и презируемого. Это затронуло и образы великого и возвышенного, в их числе – образ рыцаря-героя как воплощения высшего нравственного и деятельного начала. Тем не менее в современной культуре по-прежнему существует и обращение к рыцарскому идеалу в его близком к изначальному образце, и значительно видоизменённый образ рыцаря-героя, и вытеснивший его типаж «последнего героя», однако все они претерпели глубокую трансформацию.

Под рыцарским идеалом понимается комплекс моральных, этических и поведенческих норм – честь, верность, смелость, защита слабых, служение Прекрасной Даме и высшим ценностям, а также стремление к совершенству через действие и самопожертвование. «Рыцарь-герой» рассматривается нами как культурный образ, соединяющий античную героическую модель с христианской этикой, куртуазной культурой и рыцарским кодексом чести. Он действует не столько под влиянием импульсивного влечения, сколько следуя моральному долгу. Под «последним героем» в настоящем исследовании понимается современный персонаж, сохраняющий верность традиционным героическим ценностям в ситуации их общественного кризиса или обесценивания; это, как правило, фигура

трагического одиночки, действующего в мире, где героическое уже не обладает безусловной нормативной силой. Наконец, «супергерой» выступает как современная культурная модификация героического образа, сочетающая исключительность, моральную миссию, что активно эксплуатируется средствами масс-медиа.

Психоаналитическая деконструкция героического

Рыцарство как социальный институт исчезает вместе с окончанием эпохи Возрождения, фрагментарно воплощаясь в дворянских этических кодексах и поведенческих установках Нового времени. Но, несмотря на уход рыцарства с исторической сцены, идеал рыцарства сохраняется в культурном сознании европейского социума. Трансформируясь, рыцарский идеал принимает иные формы, но сохраняет свою сущностную специфику, заключающуюся в сочетании индивидуального подвига с социальной функцией: рыцарь – это не только воин, но и символ защищенности морального порядка.

В XX веке создается несколько влиятельных теоретических подходов, предлагающих различные интерпретации героического образа как исторически конкретного феномена, так и более ёмкой категории «герой». Героическое в рыцарстве проявляется в способности совершать поступки, недоступные обычному человеку, что сближает рыцаря с мифологическими и эпическими образами.

Психоаналитическая школа рассматривает героическое начало через призму бессознательных процессов – от неудовлетворённых влечений до подавления внутренних комплексов. В работе «Психология масс и анализ человеческого "Я"» З. Фрейд интерпретирует героический образ через томление по утраченному отцу, побуждающее сына занять его место. И тот, кто осмелился на это, стал «первым эпическим поэтом, воспевавшим героическое начало». Однако, как далее утверждает Фрейд, созданный им (поэтом) образ героя «искажил действительность в духе своего страстного желания», сформировав идеализированный миф, компенсирующий собственные психологические комплексы [Фрейд, 2020, с. 81]. Тем самым трактовка героического переводится из сакральной сферы в область психологии бессознательного: героический образ предстаёт не как объективное отражение качеств героя, а как культурная сублимация невротических конфликтов.

Как отмечает С.С. Русаков, одним из ключевых потенциалов фрейдизма стала возможность «деконструировать» субъекта, представив его как совокупность нескольких конфликтующих элементов [Русаков, 2025, с. 205]. Для рыцарского идеала такая деконструкция оказалась критической: если в эпоху Средневековья образ рыцаря-героя воспринимался стихийно бихевиористски – через дело-действие, то постмодернистская рефлексия, во много фундированная методами психоанализа, стремится вскрыть внутренние «защитные механизмы» и «психические комплексы» героя. Это и ведет к дегероизации: рыцарь перестает быть монолитным образцом добродетели и превращается в субъекта, раздираемого внутренними противоречиями между биологическим Оно и социальным Сверх-Я.

Ученик З. Фрейда, австрийский психоаналитик О. Ранк, на материале германско-скандинавских мифов о Беовульфе и Лознгрине, интерпретировал отношения мифологического героя с родителями как отражение болезненных психологических эксцессов – разрыва взрослого индивида с родительской опекой, а также патологических проявлений эдипальных конфликтов. Вместе с тем Ранк указал важную социокультурную функцию героического образа: «Особенно выдающимся героям приходится определённым образом принимать на себя коллективные желания, подлежащие вытеснению, и выполнять их в качестве сверхчеловеческих подвигов» [Ранк,

2020, с. 202]. Такая интерпретация имеет прямое отношение к пониманию рыцарского идеала: рыцарь позиционируется как фигура, выходящая за рамки обыденности, способная совершать поступки, непосильные для рядового обывателя.

К.-Г. Юнг предложил принципиально иную интерпретацию, рассмотрев героический образ не как продукт индивидуальных психологических механизмов, а как архетип коллективного бессознательного – универсальную структуру, сформированную материей культуры и укоренённую в глубинных пластах человеческой психики. Согласно К.Г. Юнгу, архетип «герой» представляет собой «персонификацию libido в образе богатыря, героя или демона» [Юнг, 1994, с. 176]. Юнгианская интерпретация имеет значение для понимания устойчивости рыцарского идеала в культуре: как архетипическая структура рыцарский образ в условиях социокультурных изменений предоставляет инвариантную модель героического поведения.

Таким образом, психоаналитическая традиция – от З. Фрейда до К.-Г. Юнга – сформировала специфическую схему трактовки героического образа, характеризующуюся переводом его понимания из духовно-этической сферы в психологическую. При этом различные представители этой традиции пришли к разным выводам: если Фрейд и Ранк акцентировали психопатологические механизмы формирования героического образа, то Юнг предложил интерпретацию, объясняющую его культурную сохранность через архетипическую природу коллективного бессознательного. Именно юнгианская трактовка с позиций школы психоанализа позволяет объяснить, почему рыцарский идеал, зародившийся в конкретных социально-исторических условиях эпохи Средневековья, продолжает воспроизводиться в различных культурных формах последующих эпох – от романтической литературы XIX века до современного жанра фэнтези и феномена «супергероики».

Массовое общество и судьба героического

В искусстве и культуре XX и XXI веков явственно прослеживается тяга к прошлому, поиску архаических форм и концепций, романтизации рыцарства, заложенной ещё в XIX веке. Объяснение тому можно найти, сославшись, в частности, на У. Эко: «Постмодернизм – это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведёт к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности»¹. Постмодернизм не отказывается от рыцарского идеала полностью, но преобразует его функцию из нормативно-нравственной в эстетико-игровую.

В эпоху «массового общества» число мифов о рыцарстве неуклонно возрастает: в массовой культуре, кинематографе и индустрии развлечений активно эксплуатируется рыцарская романтическая культурема исходя из потребности массовой культуры в ярких, эстетизированных образах. Рыцарству вменяется целый спектр культурных стереотипов, его образ подвергается идеализации, восходящей к романтическим мифологемам Средневековья и творчеству романтиков XVIII–XIX вв. – В. Скотта, Ф. Шиллера, Л. Уланда. Британский исследователь Дж. Кэмпбелл так резюмирует сложившуюся социальную и культурную ситуацию: «Социум не является более носителем какого бы то ни было религиозного содержания, а представляет собой политическую и экономическую организацию. Его идеалы больше не выражают смысл таинственного священнодействия, которое символизирует небесные формы на земле» [Кэмпбэлл, 2018, с. 306]. Он же подчёркивает, что демократические идеи, технический прогресс и распространение научной методологии столь радикально преобразили человеческую жизнь, что многовековое символическое наследие, включая рыцарский идеал, попало под угрозу полного исчезновения. Массовая культура, со своей стороны, не только деконструирует рыцарский идеал, но и романтизирует его, превращая в коммерчески выгодный продукт.

¹ Эко У. 2007. Заметки на полях «Имени розы». Пер. с итал. Е.А. Костюкович. СПб., Симпозиум, С. 76.

Романтизация и одновременная коммерциализация рыцарского идеала происходит как закономерный результат его деконструкции, хотя это явление отчасти имеет и исторические корни. Так, Й. Хейзинга в работе «Осень Средневековья» указывал, что уже в позднем Средневековье рыцарский идеал обретал игровые формы. Реальная военная практика уступала место ритуализированным турнирам, куртуазным церемониям и культу Прекрасной Дамы. «Фальшь проглядывает всюду сквозь парадное рыцарское облачение. Действительность то и дело отрывается от идеала. И он все более возвращается в сферу литературы, игры и празднеств; только там способна удержаться прекрасная иллюзия рыцарской жизни» [Хейзинга, 2019, с. 134]. Современная культура же лишь доводит этот процесс до логического предела. Рыцарский образ превращается в товарный знак, тиражируемый через кинематографические франшизы, сериалы и компьютерные игры. Как показывает А. Балестрино, современная индустрия развлечений функционирует в логике «воспроизводимости», где героические нарративы конструируются так, чтобы обеспечивать бесконечную цепочку сиквелов и спин-оффов [Balestrino, 2023, p. 90]. Для представителя массового общества даже частичное принятие рыцаря-героя оказывается обременительным: такая роль требует выхода за пределы привычного комфорта, готовности к жертве и отказа от утилитарной логики. Вследствие этого рыцарь-герой вытесняется из социальной реальности в пространство массового искусства, сниженного нарратива, строящегося на цепочке доступных и понятных символов.

Фэнтези как постмодернистская форма рыцарского идеала

В прошлом столетии в странах западного мира, а также в Советском Союзе, высокую (а в СССР – крайне высокую) популярность возымел жанр научной фантастики, поле разворачивания сюжета которого – будущее, потому как именно будущее олицетворяло собой возможность рационального переустройства социально-культурной и материальной реальности в духе оптимистической перспективы. С легкой руки постмодернизма, уничтожившего веру в силу разума, рациональности истории, а также понятие самой реальности, временной вектор современной литературы (по преимуществу) совершил радикальный разворот с будущего на прошедшее. Именно прошлое позволило придать новую жизнь персонажам совсем не рациональным – сказочным эльфам, драконам, колдунам и т. п. Жанр фэнтези стал одной из важнейших художественных форм, в которых рыцарский образ продолжает существовать, но в превращенных, перверсивных формах. Романы британского писателя Т.Х. Уайта дают показательный пример того, как в рыцарский авантурный сюжет внедряются современные психоаналитические реминисценции и непринуждённый юмор, совершенно несвойственный традиции. Автор намеренно изображает рыцарей Средневековья с оттенком чужаковости, развенчивая их возвышенную насыщенность и превращая образ в нечто лёгкое и слегка комичное. Аналогичную картину мы наблюдаем в произведениях польского писателя А. Сапковского, англичанина Т. Пратчетта («Плоский мир»), американца Р. Асприна и других авторов.

Факт преемственности современным фэнтези от рыцарского классического текста (поэма, роман) подтверждается генезисом самого жанра. Фэнтези, как и современная массовая культура в целом, приняло за точку опоры не фигуру средневекового рыцаря как такового, а его идеализированную, романтическую версию, сложившуюся в XIX веке. Под влиянием романтизма, как пишет И.И. Рогов, из средневековых текстов была вычищена историческая и политическая подоплека. Место реальных исторических акторов (саксов, половцев) заняли мифологические существа – драконы и великаны. Брутальные фигуры воинов раннего Средневековья были превращены в благородных защитников, выразителей куртуазного отношения к Даме, которое в реальности сформировалось значительно позже [Рогов, 2023, с. 22]. Эта романтическая переработка средневекового рыцарского образа стала фундаментом для последующей трансформации рыцарского кода в пространство современного фэнтези, где мифологические архетипы адаптируются к запросам массовой культуры. Однако ключевая особенность фэнтези – практически неограниченный

творческий простор (в том числе свободный от требований логики), который этот жанр предоставляет своим создателям.

Классики жанра – Р.И. Говард, Дж.Р.Р. Толкин, У.Ле Гуин – сформировали его стиливые особенности, опираясь на фольклорные и мифологические основания. Фэнтезийные франшизы используют одновременно рыцарскую романтическую культуру и декорации средневековой Европы. Дж. Мартин, описывая политические интриги, гражданскую войну и социальные конфликты в «Игре престолов», опирался на реалии войны Алой и Белой Розы, и популярность этой франшизы оказалась столь велика, что ряд европейских университетов создал учебные курсы, посвящённые историческому и культурологическому измерению отражения Средних веков в этом произведении.

Влияние постмодернизма на жанр фэнтези проявляется в тенденции к переосмыслению классических стилей изложения. Так, Д.Ю. Мыльников подчеркивает сложную интертекстуальность жанра фэнтези, отмечая, что «и высокое, и низкое фэнтези фактически продолжают развивать существовавшие ещё в античных мифах и средневековых фантастических историях приёмы сюжетоизложения» [Мыльников, 2023, с. 110]. Таковая интертекстуальность создаёт основу для постмодернистской переработки – от почтительного использования архетипов до их иронического деконструирования. И.И. Рогов также замечает, что фэнтези-сеттинги (т. е. с откровенно вымышленными персонажами – эльфами, орками и т. д. и искусственно сконструированными мирами) есть новая канва классического мифологического нарратива, или переосмысление старого на новый лад [Рогов, 2023, с. 24]. Постмодернистское фэнтези воспроизводит не средневековую реальность, а лишь её пустую форму, доступную для свободной интерпретации и модификации. Это соответствует принципу плюральности постмодернистской эпистемы, а именно – универсальной относительности, что и позволяет переосмысливать традиционные нарративы.

Эстетизация истории также характерна для актов исторической реконструкции. Однако, в отличие от фэнтези, историческая реконструкция, напротив, стремится к исторической правде: рыцарство восстанавливается на основе археологических и исторических первоисточников. Современные исследователи рассматривают историческую реконструкцию как сложную форму культурной рефлексии, выходящую за рамки воссоздания материальной среды (так называемая реконструкция духа). Как отмечают Х.М. Гонсалес-Гонсалес с соавторами, реконструкция предоставляет участнику возможность глубокого эмпатического понимания прошлого, превращая историю в «живое» пространство (Living History), где принципиально важно не только внешнее сходство, но и достижение исторической аутентичности. В этом процессе происходит генерация нового знания через саму деятельность, что позволяет субъекту формировать собственную идентичность внутри определенного сообщества и трансформировать свое представление о мире через призму ценностных ориентиров изучаемой эпохи [González-González et al., 2014]. Мероприятия реконструкторов в средневековых замках и у готических соборов создают эффект экзистенциального присутствия в истории. Однако эстетизация рыцарства в данном случае не способна компенсировать утрату его подлинного исторического наполнения: сами участники реконструкций вне её рамок не являются рыцарями и не считают себя таковыми.

Рыцарство в постмодернизме превращается в симулякр. Следуя Ж. Бодрийяру, обозначим стадии этого процесса: изначально отражая фундаментальную реальность Средневековья, рыцарство в эпоху Возрождения и Нового времени маскировало и искажало эту реальность, перемещая рыцарство в область искусства эпохи «золотого века», хотя к этому времени его социокультурная почва уже весьма поколебалась. В XVIII–XIX вв. рыцарский образ в искусстве и литературе уже маскировал отсутствие фундаментальной реальности (поскольку его социокультурная среда давно исчезла). В XX–XXI вв. рыцарство окончательно теряет связь с культурно-исторической и социальной реальностью, становясь чистым симулякром.

Феномен супергероя как постмодернистская реинкарнация «рыцаря-героя»

В современной массовой культуре образ «рыцаря-героя» получает новое воплощение в фигуре «супергероя» – собирательного образа, аккумулирующего культурные и смысловые концепты, актуальные для массового общества. Супергерой как олицетворение человека с исключительными качествами воспринимается одновременно как спаситель, оплот справедливости и последняя надежда, что отчасти роднит его с классическим рыцарем. Если рыцарь реальной истории противостоял врагам своего сюзерена и христианской веры, то миссия супергероя шире – помощь человечеству в тот момент, когда надежды уже не осталось. Подобно рыцарю-герою, супергерой борется со злом, восстанавливает справедливость и служит образцом для подражания, но, в отличие от судьи или полицейского, действует за пределами социальных институтов, опираясь лишь на личный кодекс чести и моральный долг.

Концептуальная преемственность между классическим героическим архетипом и супергероем неслучайна. Как полагает Дж. Карни (и соавторы), супергерой продолжает «длинную традицию фигур, простирающихся от Геракла до Зигфрида, от Роланда до Пантагрюэля, вплоть до Питера Пэна», в которой «сущностная человечность дополняется исключительными способностями» [Carney et al., 2015, p. A206]. Супергерои представляют собой «яркие ролевые модели, часто обладающие желаемыми и романтизированными характеристиками, включая физическую привлекательность и сверхчеловеческие способности» [Coyne et al., 2025, p. 2].

При инкорпорировании в пространство массовой культуры содержательные культурные концепты неизбежно упрощаются. Героический этос приобретает утилитарные функции, связанные с коммерческой природой массового производства культурных продуктов. Стилистический приём интерлейсинга (переплетения сюжетных линий), унаследованный из рыцарского романа, в массовой культуре превращается в отлаженный механизм: «каждый фильм... содержит и намекает на следующую нарративную нить и следующие приключения» [Balestrino, 2023, p. 91]. Ю.М. Лотман, рассуждая о средневековом общественном сознании, определяет «героический эксцесс» как исключительное событие, доступное лишь тому, кто стоит вне обыденного мира и способен совершить уникальное действие [Лотман, 1992, с. 73]. Включаемый в стихию массовых развлечений героический поступок утрачивает уникальность и превращается в элемент массовой серийной индустрии (в кино это сиквел, приквел, драмеди, ситкомы, блокбастеры и т. д.). Из образа героя исчезают классические характеристики трагического, в то время как трагическое измерение классического героизма проявляется в невозможности избежать роковой развязки: герой ставится в ситуацию, где его подвиг неизбежно связан с окончательной жертвой (так, Роланд отдает жизнь за своего сюзерена Карла Великого; Беовульф погибает в схватке с драконом ради спасения своего народа). Катарсис в контексте рыцарского идеала заключается в очистительном переживании читателем этой окончательной жертвы. Смерть классического героя не только завершает нарратив, но и утверждает высшую ценность идеала.

Показательным примером трансформации рыцарского идеала в феномене супергероики является образ Бэтмена (Брюса Уэйна). В нём сочетаются основополагающие характеристики «рыцаря-героя» – отрешённость от повседневности, служение справедливости, защита слабых, действие на основе личного кодекса чести – с чертами, специфическими для героя массовой культуры. С одной стороны, Бэтмен наследует рыцарский архетип, соединяя его с фигурой романтического бунтаря XIX века. Подобно байроновскому одиночке, он отторгает обывательскую рутину, становясь добровольным изгоем, и берёт на себя миссию восстановления справедливости, сближающую его с образом странствующего рыцаря, действующего не по должностному полномочию, а по внутреннему кодексу чести. С другой стороны, современные интерпретации образа Бэтмена более актуализируют психологическую амбива-

лентность его героической миссии. Как отмечает С. Регинтовски, миссия Бэтмена «продиктована не только возвышенным идеализмом, но и глубокой психотравмой» [Reghintovschi, 2025, p. 6]. Гибель родителей становится одновременно источником его героической мотивации и причиной глубокого внутреннего надлома. Отец, ранее служивший для Брюса Уэйна нравственным образцом, оказывается не способен защитить семью, – и именно это разочарование, а не простое подражание, толкает героя к принятию на себя функции защитника. Классическая рыцарская модель (служение как долг чести) переводится в психоаналитическое измерение (героизм как компенсация травмы).

Эволюция образа Бэтмена в кинематографе и литературе последних десятилетий наглядно иллюстрирует этот процесс. Если в ранних версиях (комиксы 1940–1960-х годов) Бэтмен однозначно выступал как защитник справедливости, близкий к классическому рыцарскому образцу, то начиная с графического романа Ф. Миллера «Возвращение Тёмного Рыцаря» (1986) и трилогии К. Нолана (2005–2012) его образ существенно трансформируется. Герой утрачивает статус непогрешимого морального ориентира и предстаёт как фигура, действующая в условиях моральной неопределённости: его методы борьбы со злом вызывают сомнения, его мотивы не только альтруистичны, но и глубоко личны. В фильме М. Ривза (2022) эта тенденция достигает предела: Бэтмен показан как травмированный одиночка, чья деятельность по защите города неотделима от его личных психологических проблем.

Именно в фигуре Бэтмена обнаруживается принципиальное отличие современного супергероя от классического «рыцаря-героя». Как показывает Н. А. Балаклеец, подлинный героизм предполагает ситуацию предельного экзистенциального риска, в которой «жертва, принесённая героем ради спасения жизней других, не должна быть напрасной» [Балаклеец, 2023, с. 43]. Однако в постмодернистской культуре «выхолащивание сакрального содержания, присущего подлинному героизму, достигается путём наделения супергероев такой чертой, как бессмертие. Гектор в "Илиаде" погибает на поле сражения, как подобает герою. Но практически невозможно представить гибель супергероя – Бэтмена или Супермена» [Там же, с. 46]. Бэтмен, в отличие от классического рыцаря, фактически бессмертен: его образ бесконечно воспроизводится в новых нарративах, лишая героя подлинной жертвенности. Рыцарский идеал сохраняется в фигуре супергероя как ролевая модель, но утрачивает ту сакральную глубину, которая определяла его значимость в средневековой и ренессансной традиции.

Заключение

Различные трактовки героического образа, сформировавшиеся в философии и культурологии XX века, демонстрируют собой не последовательные стадии эволюции самого рыцарского идеала, а различные его интерпретации, т. е. представления о том, что соотносимо со смыслом феномена рыцарства, оформляются соответственно велениям культуры и времени. Каждая из рассмотренных трактовок высвечивает определённые аспекты рыцарского идеала, актуализируя те его характеристики, которые оказываются значимыми для конкретной культурной ситуации. Психоаналитическая традиция акцентировала психологические механизмы формирования героического образа, романтизм – чувственное, бунтарское и индивидуалистическое измерение, постмодернизм – проблематику актуальности героя в условиях массового общества.

Жанр фэнтези становится одним из важнейших культурных пространств, в котором осуществляется современная интерпретация рыцарского идеала. Фэнтезийные произведения используют иконографию рыцарского образа, реализуя её в новых художественных формах. При этом происходит не продолжение прямой рыцарской традиции, а её культурная «перезагрузка» – обращение к рыцарству как к содержательному творческому ресурсу для создания новых нарративов.

Феномен «супергероя» выступает наиболее репрезентативной постмодернистской реинкарнацией «рыцаря-героя»: сохраняя структурные черты последнего (борьба со злом, защита слабых, одиночество, бунтарство), «супергерой» адаптирован к запросам массовой культуры, лишён трагической необратимости и превращён в содержательный коммерческий нарратив. Образ рыцаря-героя, доказав своё культурное бессмертие на протяжении многих веков, продолжает порождать новые формы воплощения героического – сниженные, ироничные, игровые, но неизменно сохраняющие в своем основании напоминание о долге, самопожертвовании и противостоянии несовершенному миру.

Впервые в единой концептуальной рамке рассмотрены теоретические трактовки героического образа и его практические реализации в жанре фэнтези, феномене исторической реконструкции и супергероике. Показано, что в современной культуре рыцарский идеал функционирует как устойчивый культурный ресурс, к которому обращаются различные художественные и социокультурные практики.

Вклад автора в разработку проблемы состоит в комплексном рассмотрении судьбы рыцарского идеала в европейской культурной традиции XX–XXI веков в русле теоретических подходов философии, культурологии, а также и современных исследований массовой культуры.

Перспективы дальнейших исследований связаны с несколькими направлениями. Одно из направлений – изучение различных форм рыцарского идеала в разнообразных культурных контекстах, включая отечественную традицию, где европейский рыцарский идеал получил специфическое воплощение (монашество, эпоха Павла I и русский Мальтийский орден, дворянский кодекс чести XIX века, современная популярная культура). Также актуальным представляется более обстоятельный анализ конкретных фэнтезийных вселенных и супергеройских франшиз с точки зрения их отношения к рыцарской традиции. Еще одним перспективным направлением является исследование феномена исторической реконструкции с использованием методов социологии культуры и антропологии повседневности в современных гуманитарных науках.

Список литературы

- Балаклеец Н.А. 2023. Героическое измерение постгероического общества. *Logos et Praxis*, 22(2): 39–48. DOI: [10.15688/lp.jvol.2023.2.5](https://doi.org/10.15688/lp.jvol.2023.2.5).
- Кэмпбелл Дж. 2018. Тысячеликий герой. СПб., Питер, 352 с.
- Лотман Ю.М. 1992. Культура и взрыв. М., Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 272 с.
- Мыльников Д.Ю. 2023. Жанр фэнтези в зарубежном и российском кино. В кн.: Проблемы жанрообразования в современном экранном искусстве: Культурная глобализация и национальный менталитет. Отв. ред. и сост. В.Ф. Познин. СПб., Российский институт истории искусств; Петрополис: 104–138.
- Ранк О. 2020. Миф о рождении героя. Пер. с англ. А.П. Хомика, М. Кобылинской. М., Академический проект, 238 с.
- Рогов И.И. 2023. Фэнтези-сеттинги последних лет: роль и значение в современной коммуникации. *Вопросы медиабизнеса*, 2(2): 20–30. DOI: [10.24412/3034-1930-2023-0120](https://doi.org/10.24412/3034-1930-2023-0120).
- Русаков С.С. 2025. Влияние фрейдизма на становление концепции субъекта на рубеже XIX–XX веков. *Вестник Гуманитарного университета*, 13(3): 204–211. DOI: [10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.15](https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.15).
- Фрейд З. 2020. Психология масс и анализ человеческого «Я». 2-е изд. М., Академический проект, 118 с.
- Хёйзинга Й. 2019. Осень Средневековья. *Homo ludens*. Эссе. Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. М., КоЛибри; Азбука-Аттикус, 1232 с.
- Юнг К.-Г. 1994. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб., Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 176 с.
- Balestrino A. 2023. The Chivalric Romance in the Age of its Neoliberal Reproducibility: The Orlando Furioso Transcodified in Marvel's Iron Man Saga. *REDEN. Revista Española de Estudios Norteamericanos*, 5(1): 77–93. DOI: [10.37536/reden.2023.5.2184](https://doi.org/10.37536/reden.2023.5.2184).

- Carney J., Dunbar R., Machin A., Dávid-Barrett T., Silva Júnior M. 2014. Social Psychology and the Comic-Book Superhero: A Darwinian Approach. *Philosophy and Literature*, 38(1A): 195–215. DOI: [10.1353/phl.2014.0019](https://doi.org/10.1353/phl.2014.0019).
- Coyne S.M., Ashby S., Munk R.J., Holmgren H.G., Shawcroft J., Densley R., Austin T., Banks K., Van Alfen M. 2025. Mini marvels: superhero engagement across early childhood. *Frontiers in Psychology*, 16: 1537115. DOI: [10.3389/fpsyg.2025.1537115](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1537115).
- González-González J.M., Franco-Calvo J.G., Español-Solana D. 2022. Educating in History: Thinking Historically through Historical Reenactment. *Social Sciences*, 11(6): 256. DOI: [10.3390/socsci11060256](https://doi.org/10.3390/socsci11060256).
- Reghintovschi S., Reghintovschi A.E. 2025. Faces of depression. Why do we need Batman, Joker, and Bane? *Frontiers in Psychology*, 16: 1553269. DOI: [10.3389/fpsyg.2025.1553269](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1553269).

References

- Balagleets N.A. 2023. Heroic Dimension of Post-Heroic Society. *Logos et Praxis*, 22(2): 39–48 (in Russian). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2023.2.5.
- Campbell J. 2018. Tysyachelikiy geroy [The Hero with a Thousand Faces]. Translated from English. St Petersburg, Publ. Piter, 352 p.
- Lotman Yu.M. 1992. Kultura i vzryv [Culture and Explosion]. Moscow, Publ. Gnozis; Izdatel'skaya gruppa Progress, 272 p.
- Myl'nikov D.Yu. 2023. Fantasy Genre in Foreign and Russian Cinema. In: Problemy zhanroobrazovaniya v sovremenном ekrannom iskusstve: Kul'turnaya globalizatsiya i natsional'nyy mentalitet [Problems of Genre Formation in Contemporary Screen Art: Cultural Globalization and National Mentality]. V.F. Poznin, ed. St Petersburg, Publ. Rossiyskiy institut istorii iskusstv; Izdatel'skiy dom Petropolis: 104–138 (in Russian).
- Rank O. 2020. Mif o rozhdenii geroya [The Myth of the Birth of the Hero]. Translated from English. Moscow, Publ. Akademicheskii proekt, 238 p.
- Rogov I.I. 2023. Fantasy Settings of Recent Years: Role and Significance in Modern Communication. *Issues of Media Business*, 2(2): 20–30 (in Russian). DOI: [10.24412/3034-1930-2023-0120](https://doi.org/10.24412/3034-1930-2023-0120).
- Rusakov S.S. 2025. The Influence of Freudianism on the Formation of the Concept of the Subject at the Turn of the 19th–20th Centuries. *Bulletin of Liberal Arts University*, 13(3): 204–211 (in Russian). DOI: [10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.15](https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.15).
- Freud S. 2020. Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo «Ya» [Group Psychology and the Analysis of the Ego]. 2nd ed. Moscow, Publ. Akademicheskii proekt, 118 p.
- Huizinga J. 2019. Osen' Srednevekov'ya. Homo ludens. Esse [The Autumn of the Middle Ages. Homo Ludens. Essays]. Translated from Dutch. Moscow, Publ. KoLibri; Azbuka-Attikus, 1232 p.
- Jung C.G. 1994. Libido, ego metamorfozy i simvoly [Libido: Its Metamorphoses and Symbols]. St Petersburg, Publ. Vostochno-Evropeyskiy institut psikhoanaliza, 176 p.
- Balestrino A. 2023. The Chivalric Romance in the Age of its Neoliberal Reproducibility: The Orlando Furioso Transcodified in Marvel's Iron Man Saga. *REDEN. Revista Española de Estudios Norteamericanos*, 5(1): 77–93. DOI: [10.37536/reden.2023.5.2184](https://doi.org/10.37536/reden.2023.5.2184).
- Carney J., Dunbar R., Machin A., Dávid-Barrett T., Silva Júnior M. 2014. Social Psychology and the Comic-Book Superhero: A Darwinian Approach. *Philosophy and Literature*, 38(1A): 195–215. DOI: [10.1353/phl.2014.0019](https://doi.org/10.1353/phl.2014.0019).
- Coyne S.M., Ashby S., Munk R.J., Holmgren H.G., Shawcroft J., Densley R., Austin T., Banks K., Van Alfen M. 2025. Mini marvels: superhero engagement across early childhood. *Frontiers in Psychology*, 16: 1537115. DOI: [10.3389/fpsyg.2025.1537115](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1537115).
- González-González J.M., Franco-Calvo J.G., Español-Solana D. 2022. Educating in History: Thinking Historically through Historical Reenactment. *Social Sciences*, 11(6): 256. DOI: [10.3390/socsci11060256](https://doi.org/10.3390/socsci11060256).
- Reghintovschi S., Reghintovschi A.E. 2025. Faces of depression. Why do we need Batman, Joker, and Bane? *Frontiers in Psychology*, 16: 1553269. DOI: [10.3389/fpsyg.2025.1553269](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1553269).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.02.2026
Поступила после рецензирования 11.05.2026
Принята к публикации 31.08.2026

Received February 11, 2026
Revised May 11, 2026
Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Величко Илья Владимирович, ассистент
кафедры философии, Тульский государ-
ственный университет, г. Тула, Россия.

Ilya V. Velichko, Assistant at the Department of
Philosophy, Tula State University, Tula, Russia.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

УДК 299.27
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-717-722
EDN HWIYSG

От методологии ислама к постмодернистской теологии. Рецензия на книгу: Т.Е. Седанкина. Методология теологии. Казань : РИИ, 2024. 552 с.

^{1, 2} Резник Н.С., ² Резник С.В.

¹ Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова
Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
reznik@bsuedu.ru, 1327175@bsuedu.ru

Аннотация. Рассматриваемая автором монографии тема обретает актуальность в свете остроты дискуссий в отечественной академической среде по вопросу о критериях, по которым теологический текст может быть квалифицирован как научный, а также в связи с малым количеством работ на русском языке, посвященных осмыслению специфики методологии теологии. В рецензии отмечено, что представленный в монографии экскурс в историю исламской теологии является достойным восполнением пробелов в данной области исследований. На страницах монографии автор последовательно рассматривает возможность реализации научных принципов в современных теологических исследованиях. Сделан вывод о том, что представленная монография имеет интерес как для специалистов в области религиоведения, исламоведения, так и для преподавателей и учащихся духовных учебных заведений.

Ключевые слова: исламская методология, методы постмодернистской теологии, принцип гибкости методологии в теологии

Для цитирования: Резник Н.С., Резник С.В. 2026. От методологии ислама к постмодернистской теологии. Рецензия на книгу: Т.Е. Седанкина. Методология теологии. Казань : РИИ, 2024. 552 с. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 717–722. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-717-722 EDN: HWIYSG

From the Methodology of Islam to Postmodern Theology. Review of the Book: T.E. Sedankina. Methodology of Theology. Kazan : RII, 2024. 552 p.

^{1, 2} Nikita S. Reznik, ² Sergey V. Reznik

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov
46 Kostyukov St., Belgorod 308012, Russian Federation

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

reznik@bsuedu.ru, 1327175@bsuedu.ru

Abstract. The authors of the article present a review of a monograph dedicated to one of the most relevant and controversial topics, namely, the understanding of the specifics of methodology in Theology.

The topic discussed by the author of the monograph becomes relevant in light of the heated discussions in the Russian academic community regarding the criteria that can be used to classify a theological text as scientific, as well as due to the limited number of works in Russian that focus on understanding the specifics of theological methodology. The review notes that the excursion into the history of Islamic theology presented in the monograph is a worthy contribution to filling the gaps in this field of research. In the monograph, the author consistently examines the possibility of implementing scientific principles in modern theological studies. The paper concludes that the monograph is of interest to both specialists in religious studies and Islamic studies, as well as to teachers and students of religious educational institutions.

Keywords: Islamic methodology, methods of postmodern theology, the principle of flexibility of methodology in theology

For citation: Reznik N.S., Reznik S.V. 2026. From the Methodology of Islam to Postmodern Theology. Review of the Book: T.E. Sedankina. Methodology of Theology. Kazan: RII, 2024. 552 p. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 717–722 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-717-722 EDN: HWIYSG

Введение

Важность осмысления основных тем, заявленных в монографии, не вызывает сомнения. Сложнейшие проблемы, с которыми сталкивается современное теологическое образование, нуждаются в объективном научном осмыслении. По мере становления теологии как составной части системы научных институтов Российской Федерации (начиная с 2015 года по настоящее время) подобные инициативы вызывают противоречивое отношение к теологии, связанное прежде всего с отождествлением последней с религией. Острые споры в научной и общественной среде о «научности теологии» обнаружили ряд проблем, среди которых ведущими являются проблемы методологического характера. Специфика предмета теологии как новой научной дисциплины ставит перед ней проблемный вопрос применимости в ней исследовательских методов гуманитарных и естественных наук. Кроме того, следует учитывать малое количество работ такого формата на русском языке и доступных русскоязычному читателю, посвященных тематике методологии теологии. Прежде всего в их числе следует упомянуть перевод на русский язык работы известного западного теолога Бернарда Лонергана «Метод в теологии» [Лонерган, 2010]. Также следует назвать учебное пособие отечественного автора А.Л. Панищева «Методология и история теологии» [Панищев, 2021]. Указанные работы посвящены христианской методологии теологии. Большинство работ, написанных по тематике методологии теологии, имеют формат статей в периодических изданиях и посвящены исследованию методологических подходов П. Тиллиха и Б. Лонергана. На наш взгляд, рецензируемая нами монография является первой крупной работой, которая восполняет пробел в области познания исламской методологии теологии.

От методологии ислама к постмодернистской теологии

Основная часть работы включает пять разделов, состоящих из параграфов. Содержание каждого раздела отвечает общей концептуальной логике. В первом разделе «Исламская методология: от классики к метамодерну» автор обращается к рассмотрению специфики исламской методологии, одной из особенностей которой является включение в область познания метафизической реальности, что существенно сказывается на гносеологии ислама и указывает на ее многоуровневый характер. На наш взгляд, автор удачно использует термин «метамодерн» при характеристике ситуации складывающейся в современной мусульманской интеллектуальной среде: «В эпоху зарождающегося метамодерна, раскачивающего маятник между консервативным традиционализмом с его

дихотомией разрешенного-запретного, модерном, расширяющим рамки от дозволенного к сомнительному, постмодерном, продолжающим расширение вплоть до границ запретного, наблюдаются разнополярные и непримиримые методологические подходы, соединяющиеся лишь в одной точке – Традиции, восходящей к Священному тексту» [Седанкина, 2024, с. 8]. Автор на основе проведенного анализа классических исламских методологических школ, современных концепций исламской методологии, а также современных школ толкования Корана выстраивает оригинальную классификацию методологических подходов в исламской теологии: «Современное мусульманское интеллектуальное пространство характеризуется параллельным существованием консервативных, модернистских, неомодернистских и метамодернистских подходов, каждый из которых предлагает собственную методологию, неприемлемую для других, что вызывает немало споров, которые не представляется возможным разрешить, несмотря на единство основания – Откровение» [Седанкина, 2024, с. 8]. Выводы, к которым приходит автор в данном разделе, указывают на актуальность и злободневность тем, рассмотренных в монографии.

Второй раздел монографии «Принципы научного исследования: возможности реализации в теологии» посвящен одной из дискуссионных проблем современной науки и академической теологии – проблеме применения в теологических исследованиях принципов академической науки (верификации, объективности, нейтральности), принципов рациональности в теологии (семантической рациональности, парадоксальной рациональности, гибкости методологической рациональности) и соотношения светского и религиозного (конвергенции священного и секулярного, освящения секулярного, традиции и реформации, честности, самотрансцендирования). Опираясь на методологию протестантского теолога Пауля Тиллиха, автор монографии использует предложенный им принцип гибкости методологии теологии, который предполагает признание роли разума в теологии и наличия нескольких его типов для обоснования возможности их применения в исламской теологии. Включение принципа гибкости методологии теологии в исследования способствует разрешению проблемы научности теологического знания и снятию некоторых противоречий, наблюдаемых в современном теологическом дискурсе.

Следует добавить, что применение принципов академической науки в теологических исследованиях предполагает использование методологических парадигм гуманитарных и естественных наук, которые уже получили научное обоснование и признание. К числу уже апробированных относятся метод корреляции Пауля Тиллиха, теологический метод Бернарда Лонергана, принцип историко-теологического анализа. Автор монографии использует нетривиальный новаторский подход к рассматриваемой проблеме и предлагает читателю анализ использования принципов академической науки в теологических исследованиях – принципов верификации, объективности, нейтральности. Методология теологии может быть направлена как «вовнутрь» теологии (в рамках основных богословских дисциплин), так и «вовне» – на материал смежных с богословием областей знания (в литературе, истории, искусствоведении и т. д.).

Вопрос о применении принципа верификации в теологических исследованиях является дискуссионным. Так, например, советский и российский религиовед и философ религии А.Н. Красников ставил под сомнение выводы теологов, поскольку их «...главные положения (прежде всего тезис о существовании Бога) не поддаются верификации или фальсификации, а потому с легкостью и без потерь выводятся из-под огня философской и научной критики» [Красников, 2003, с. 16]. Тем не менее, как отмечает отечественный исследователь К.О. Польсков, «механическое наложение на так понимаемое богословие критериев логико-эмпирической верификации, о которой говорили позитивисты, не только невозможно, но и было бы неоправданным анахронизмом. Однако, если современную теологию понимать как вписывающуюся в представления нашего времени «науку о вере Церкви», то перед исследователями открываются и другие возможности.

Например, через обращение к прагматической теории истины можно попытаться актуализировать идею о подтверждении богословских идей в исторической перспективе по тому влиянию, которое они оказывают на жизнь конкретных людей и целых народов» [Польсков, 2018, с. 97]. Сама автор монографии утверждает, что «теологу-исследователю, имеющему личный опыт веры, а таковым, на наш взгляд, является каждый теолог, неважно, возможно ли его верифицировать или фальсифицировать, так как для него он просто Есть. <...> Существуют области знания, равнодушные к любой форме верификации. К одной из таких областей относится теология, так как для верующего человека важна сама истина, а не способы ее доказательства тем, кто ее не желает признавать» [Седанкина, 2024, с. 52].

Третий раздел монографии «Методы постмодернистской теологии» посвящен осмыслению применения в современных теологических исследованиях постмодернистских методов: метода корреляции протестантского теолога Пауля Тиллиха, универсального трансцендентального метода католического теолога Бернарда Лонергана, деконструктивной стратегии Жака Деррида. Несомненным достоинством рецензируемой монографии является глубокая проработка автором обширного теоретического материала по истории применения деконструктивной методологии в исламском мире, рассмотрение аргументов ее критиков (исламских теологов-традиционалистов) и сторонников (арабских модернистов), а также подробный анализ теологических методов Пауля Тиллиха и Бернарда Лонергана.

Остается открытым вопрос о том, как сама автор монографии определяет «постмодернистскую теологию». Отсюда возникает второй вопрос – о том, почему автор рассматривает методологические подходы Пауля Тиллиха и Бернарда Лонергана именно в разделе, посвященном рассмотрению постмодернистской теологии. Как известно, одной из особенностей постмодернистской теологии является ее внеконфессиональный характер. Если учитывать тот факт, что Пауль Тиллих «стремился объединить различные традиции – спекулятивную философию и лютеранскую теологию, провозглашение Евангелия и диалог с другими религиями, основные идеи либеральной и диалектической теологии, современного экзистенциализма и классической греческой онтологии, немецкого идеализма и религиозного социализма» [Коначева, 2020, с. 10], то исследовательская стратегия автора монографии является оправданной и верной.

Четвертый раздел рецензируемой монографии «Научно-исследовательская деятельность теолога как особый вид поклонения Всевышнему» посвящен рассмотрению интеллектуальных и психологических барьеров, с которыми сталкивается мусульманский теолог в своей научно-исследовательской деятельности. Автор монографии исследует личный опыт веры и жизни верующего опираясь не только на опыт других теологов-исследователей, но и на собственный. Опираясь на хайдеггеровское понимание теологии как особой науки, исходящей из опыта веры, автор утверждает: «Следует признать, что как бы ни хотел исследователь быть нейтральным в своих изысканиях, тем не менее интуитивно он выстраивает логические цепочки тех концепций, которые соответствуют его мировоззрению, основанному на собственном субъективном опыте» [Седанкина, 2024, с. 53]. Подтверждая, что «с одной стороны, это является некоторым нарушением принципа объективности и нейтральности» [Седанкина, 2024, с. 53], автор монографии утверждает, что «человек от природы не нейтрален, а искусственное заключение себя в рамки бесчувственной нейтральности исключает как аксиоматическое основание науки, так и человеческое основание самого человека» [Седанкина, 2024, с. 53].

На наш взгляд, главная проблема здесь заключается в том, что для современной теологии, ставшей частью системы научных институтов России, применение в теологическом исследовании принципов объективности и нейтральности остается одним из острых и дискуссионных вопросов. Принципы объективности и нейтральности связаны со стремлением к получению подлинно научного знания. В своих изысканиях теолог-

исследователь должен выполнять условия беспристрастности занимаемой им позиции и не вовлечения в процесс познания на чувственном уровне. Эти принципы важны, так как объективный подход требует нейтральности, чтобы избежать предвзятости. Теология же, изучающая религиозные явления, часто связана с субъективностью.

Следующее несомненное достоинство рецензируемой монографии – в убедительном теоретическом обосновании применения принципа гибкости методологии в теологии. Предлагаемая автором монографии методология строится на двух основаниях: «это двойное основание – "традиция" и "личный опыт веры и жизни теолога-исследователя" – является краеугольным камнем методологии теологии, которая ввиду разности подходов должна иметь гибкий характер, следуя сформулированному нами принципу гибкости методологии теологии» [Седанкина, 2024, с. 54]. Сказанное, на наш взгляд, говорит в большей степени о стремлении автора выделить специфику методологии теологии и обособлении последней от остальных отраслей знания, нежели о попытке сблизить теологию и науку.

Наконец, в последнем, пятом разделе монографии «Примеры практической реализации методологии теологии» автор приводит пять исследований, осуществленных на основе методологии теологии, представленной в предыдущих разделах монографии. Стоит отметить глубокую проработку автором герменевтических подходов Ф. Шлейермахера, М. Хайдеггера, Г. Гадамера и других представителей герменевтической традиции при рассмотрении Священной книги мусульман (Корана) как речевого события.

В качестве пожелания – следовало бы больше внимания уделить используемым на страницах монографии понятиям «метамодерн», «постмодернистская теология».

Заключение

Представленная к рецензии монография в силу затронутых в ней острых и дискуссионных тем и вопросов несомненно своевременна и актуальна. Темы возможностей применения принципов академической науки в теологии, осмысления места и роли теологии в пространстве секулярного и сакрального, новаторское осмысление методов представителей постмодернистской теологии, экзистенциальной составляющей научно-исследовательской деятельности теолога вызовут большой и неподдельный интерес не только в среде теологов, но и религиоведов, философов, исламоведов. Исследовательские наработки автора в области практической реализации методологии теологии, подтверждают тот факт, что рецензируемая монография отличается системностью и практической направленностью.

Данная монография может быть полезна преподавателям, исследователям, аспирантам и студентам, работающим и обучающимся в духовных образовательных учреждениях высшего образования, а также в светских высших учебных заведениях, в которых осуществляется подготовка бакалавров и магистров по направлению «Теология».

Список литературы

- Бернард Лонерган, SJ. 2010. Метод в теологии. М., ИФТИ св. Фомы. 400 с.
Коначева С. 2020. Само-бытие, небытие и свобода: онтология свободы Пауля Тиллиха и постмодерная теология. *Страницы: богословие. Культура. Образование*, 23(1): 10–22.
Красников А.Н. 2003. У истоков религиоведения. Формирование религиоведческой парадигмы. Проблемы философии религии и религиоведения. Калининград, Изд-во КГУ. С. 15–77.
Панищев А.Л. 2021. Методология и история теологии. М., ИНФРА-М. 242 с.
Польсков К.О. 2018. Верификация и теология. *Вопросы философии*. 9: 90–100.
Седанкина Т.Е. 2024. Методология теологии: монография. Казань, РИИ. 552 с.

References

- Bernard Lonergan, SJ. 2010. Method in Theology. M., Institute of Philosophy, Theology, and History of St. Thomas. 400 p. (in Russian).

- Konacheva S. 2020. Self-Being, Non-Being, and Freedom: Paul Tillich's Ontology of Freedom and Postmodern Theology. *Pages: theology. Culture. Education*, 23(1): 10–22. (in Russian).
- Krasnikov A.N. 2003. At the Origins of Religious Studies. Formation of the Religious Studies Paradigm. Problems of Philosophy of Religion and Religious Studies. Kaliningrad, KSU Publishing House. 15–77 p. (in Russian).
- Panishchev A.L. 2021. Methodology and History of Theology. Moscow: INFRA-M. 242 p. (in Russian).
- Polskov K.O. 2018. Verification and Theology. *Voprosy Filosofii*, 9: 90–100. (in Russian).
- Sedankina T.E. 2024. Methodology of Theology: Monograph. Kazan, RII. 552 p. (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.11.2025

Поступила после рецензирования 14.02.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received November 14, 2025

Revised February 14, 2026

Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Резник Никита Сергеевич, преподаватель Колледжа высоких технологий, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова; аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Резник Сергей Васильевич, доктор философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikita S. Reznik, Lecturer at the College of High Technologies, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov; Postgraduate student of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Sergey V. Reznik, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 167.5
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-723-729
EDN IJJYW

**Философско-антропологическая реконструкция идеологии.
Рецензия на книгу: Marius S. Ostrowski. Ideology.
Cambridge ; Medford : Polity Press, 2022. 200 p.**

Трунов А.А.

Белгородский университет кооперации, экономики и права
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а

trunovv2013@yandex.ru

Аннотация. Представлена аналитическая реконструкция концепции идеологии современного немецко-британского философа Мариуса Себастьяна Островски. Показано, что автор монографии переосмысливает идеологию как антропологически укорененную форму смыслового опосредования между субъектом и миром, а не как политический инструмент или «перевернутое сознание». Особое внимание уделяется морфологическому подходу, позволяющему анализировать идеологию как подвижную конфигурацию смыслов. Выявлены философско-антропологические основания концепции и ее продуктивность для анализа современных культурных трансформаций. Обозначены аспекты, требующие дальнейшей теоретической проработки: проблема «слепых зон» идеологии, вопрос о критериях различения идеологических конфигураций, специфика идеологических процессов в условиях алгоритмической модерности.

Ключевые слова: идеология, философская антропология, морфологический подход, культурная рационализация, идеологическая субъективность, поздняя модерность

Для цитирования: Трунов А.А. 2026. Философско-антропологическая реконструкция идеологии. Рецензия на книгу: Marius S. Ostrowski. Ideology. Cambridge ; Medford : Polity Press, 2022. 200 p. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 51(3): 723–729. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-723-729 EDN: IJJYW

**A Philosophical-Anthropological Reconstruction of Ideology.
Review of the Book: Marius S. Ostrowski. Ideology.
Cambridge ; Medford : Polity Press, 2022. 200 p.**

Anatoly A. Trunov

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
116a Sadovaya St., Belgorod 308023, Russian Federation

trunovv2013@yandex.ru

Abstract. The review presents an analytical reconstruction of the concept of ideology developed by the contemporary German-British philosopher Marius Sebastian Ostrowski. It is shown that the author reconceptualizes ideology as an anthropologically grounded form of semantic mediation between subject and world, rather than as a political instrument or "false consciousness". Special attention is paid to the morphological approach, which enables the analysis of ideology as a fluid configuration of meanings. The philosophical-anthropological foundations of the concept and its productivity for analyzing contemporary cultural transformations are identified. The paper outlines areas requiring further theoretical development: the problem of ideology's "blind spots", the question of criteria for distinguishing between ideological configurations, and the specificity of ideological processes under conditions of algorithmic modernity.

Keywords: ideology, philosophical anthropology, morphological approach, cultural rationalization, ideological subjectivity, late modernity

For citation: Trunov A.A. 2026. A Philosophical-Anthropological Reconstruction of Ideology. Review of the Book: Marius S. Ostrowski. Ideology. Cambridge ; Medford : Polity Press, 2022. 200 p. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 723–729 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-723-729 EDN: IJJYW

Монография немецко-британского мыслителя Мариуса Себастьяна Островски представляет собой один из наиболее теоретически выверенных вкладов в аналитическое исследование идеологии в современной философской мысли [Ostrowski, 2022]. В условиях поздней модерности и культурной фрагментации идеологии все чаще трактуются либо как «как фактор политического поведения на массовом уровне» [Малинова, 2025, с. 57], либо как «процессы, с помощью которых формируются, распространяются и принимаются убеждения и установки» [Buchanan, Levinson, 2024, с. 16], тогда как их фундаментальные измерения (философско-антропологическое и культурфилософское) оказываются вытесненными на периферию научного дискурса. Достаточно обратить внимание на характерную риторику общественно-политических дебатов, чтобы зафиксировать, что идеологии здесь фигурируют преимущественно как полемический маркер, обозначающий уязвимые позиции оппонентов. «Общей темой тех, кто использует этот термин в оценочном смысле, является то, что идеологии поддерживают несправедливые социальные порядки» [Buchanan, Levinson, 2024, с. 14]. Вследствие этого идеологии либо отождествляются с манипулятивными стратегиями достижения и удержания власти, либо объявляются «мертвыми» и якобы полностью вытесненными из публичного пространства. Между тем именно этот мнимый и многократно провозглашенный «конец идеологий» как раз и оказывается симптомом их наиболее эффективного функционирования [Lopes, 2015]. «Невидимость структуры» или запрет на «огосударствление» свидетельствуют не об отсутствии идеологий, а о степени их инкорпорированности в повседневную жизнь и систему материальных практик. Вследствие этого монография М. Островски может быть интерпретирована не просто как «очередной вклад» в развитие научного осмысления идеологии, но как симптом более общего теоретического сдвига в современной философской антропологии и философии культуры. Речь идет о возвращении идеологии в пространство фундаментального научного анализа, где она осмысливается не как глубоко вторичное политическое явление, производное от состояния экономики, а как базовая форма смысловой организации человеческого опыта. Тем самым М. Островски фактически переопределяет сам предмет научного осмысления идеологии, выводя его за пределы нормативных или оценочных интерпретаций.

Исходным пунктом концепции М. Островски является определение идеологии как «специфической комбинации и расположения идей» [Ostrowski, 2022, с. 15]. При этом сами идеи понимаются им как «абстрагированные или обобщенные репрезентации совокупностей перспектив, диспозиций, норм, практик, структур и систем» [Ostrowski, 2022, с. 15]. Для философской антропологии данный тезис имеет принципиальное значение, поскольку идеология у М. Островски предстает не как исторически преходящий и подлежащий устранению «рудимент» эпохи раннего или классического модерна, а как структурное условие человеческого бытия в окружающем мире.

Заметное место в этой и других работах М. Островски [Ostrowski, 2023, 2025] занимает морфологический подход, согласно которому именно способ комбинирования ядерных, периферийных и смежных концептов образует устойчивую и вместе с тем исторически изменчивую идеологическую форму. «То, как идеология комбинирует и располагает данный набор элементов, и составляет ее морфологию» [Ostrowski, 2022, с. 15]. Это позволяет отказаться от редукции идеологии к догматическим системам

прошлого и рассматривать ее как подвижную конфигурацию смыслов, адаптирующуюся к культурному контексту. Впрочем, здесь, на наш взгляд, обнаруживается и определенная теоретическая проблема. Дело в том, что морфологический подход, при всей его эвристической продуктивности, требует дополнительной и весьма изощренной работы по операционализации используемых концептов. Отсюда возникает закономерный вопрос: а не растворяется ли идеология в более широком поле культурных схем восприятия и действия? Если идеология – это именно «комбинация и расположение идей», то как быть с додискурсивными, аффективными или материальными измерениями идеологического? Конечно, эти вопросы не отменяют продуктивности рассматриваемого подхода, но указывают на специфические «зоны», требующие дальнейшей теоретической проработки.

Принципиально важно, что М. Островски намеренно дистанцируется от редукции идеологии к политике и от марксистского тезиса о ней как о «перевернутом сознании», которое маскирует «мысли господствующего класса» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 25, 45]. Он прямо указывает, что отнюдь «не всякая группа идей автоматически образует идеологию» [Ostrowski, 2022, с. 38]. Тем самым вводится строгий аналитический критерий различения идеологических и неидеологических конфигураций смыслов.

Рабочее определение идеологии М. Островски формулируется следующим образом: «Идеология, или "изм", – это комбинация и расположение идей, которые определяют то, как мы понимаем реальность» [Ostrowski, 2022, с. 48]. Идеология предстает здесь как форма культурной рационализации опыта, неустранимая и по своей сути онтологически необходимая. Это определение сразу выводит анализ идеологии в предметное поле философской антропологии. Идеология выступает как форма смыслового посредничества между субъектом и окружающим миром, обеспечивающая возможность ориентации, интерпретации и совершения практических действий. Вместе с тем М. Островски не следует и по пути К. Манхейма, который пытался релятивизировать саму оппозицию истины и идеологии через проект социологии знания [Манхейм, 1994]. Если для К. Манхейма «любое политическое и историческое мышление необходимым образом обусловлено социально» [Манхейм, 1994, с. 108], то М. Островски настаивает на специфичности идеологической морфологии. Пожалуй, ближе всего его позиция к точке зрения П. Рикёра, который рассматривал идеологию как неустранимый медиум социальной интеграции и символической легитимации существующего порядка [Ricoeur, 1986]. Однако М. Островски идет дальше, распространяя идеологическую функцию не только на коллективное, но и на индивидуальное измерение человеческого опыта [Ostrowski, 2024], что, собственно, и сближает его концепцию с разрабатываемой нами философско-антропологической программой. Именно такое расширение антропологической оптики (от коллективного к индивидуальному, от социально-интегративной функции к экзистенциальной) делает концепцию М. Островски особенно продуктивной для анализа человеческого существования как такового. В данном пункте подход М. Островски обнаруживает отчетливое сходство с философско-антропологической позицией А. Гелена, согласно которой человек является принципиально незавершенным существом, вынужденным компенсировать свою биологическую и экзистенциальную недостаточность посредством культуры [Gehlen, 1988]. Культурные и символические формы (в том числе – идеологические) выступают у А. Гелена как стабилизирующие структуры смыслов, снимающие «перегрузку» человеческого существования и обеспечивающие возможность устойчивой ориентации в мире. В этом смысле идеология у М. Островски может быть интерпретирована как одна из специфических форм культурной компенсации той самой человеческой незавершенности, о которой писал А. Гелен.

Далее М. Островски фиксирует фундаментальный антропологический разрыв «между "сырой" или "чистой" реальностью и нашим пониманием этой реальности» [Ostrowski, 2022, с. 48]. Идеология в данной логике предстает как механизм смыслового преодоления этого разрыва.

Особую эвристическую роль играет метафора «идеологической линзы». М. Островски в этой связи отмечает, что идеология «приводит (определенные) феномены в фокус» [Ostrowski, 2022, с. 50]. Идеология тем самым структурирует внимание субъекта и формирует культурные режимы видимости. По сути, данная метафора позволяет описать идеологию как механизм селективного внимания и интерпретации эмпирических фактов, который не искажает реальность произвольно, а структурирует ее в соответствии с культурно закрепленными схемами человеческого восприятия. Идеология задает не только то, как субъект мыслит, но и то, что он склонен считать значимым, опасным или желанным.

Метафора «линзы» при всей ее эвристической полезности содержит существенное умолчание. Из школьного курса физики нам известно, что при прохождении через собирающую линзу параллельные световые лучи сходятся в фокусе, но из-за ограниченного размера линзы и явления дифракции часть солнечной энергии рассеивается за пределами фокальной области. Поэтому линза не только собирает солнечную энергию в фокус, но и неизбежно оставляет нечто за пределами нашей видимости. Отталкиваясь от этой концептуальной метафоры, можно заметить, что М. Островски фиксирует селективную функцию идеологии, но уделяет явно недостаточное внимание ее вытесняющей работе. Речь идет не просто о том, что идеология «высвечивает» одни аспекты реальности и «затемняет» другие, но о структурном производстве «слепых зон», то есть того, что в принципе не может быть артикулировано. Здесь уместно вспомнить традицию, восходящую к знаменитой топике Ж. Лакана, которая описывала идеологию именно как механизм символического вытеснения и замещения Реального посредством ориентации на Другого («нехватку субъект встречает в Другом, в том намеке, который подает Другой в своей речи» [Лакан, 2004. с. 228]). Вопрос заключается в том, можно ли помыслить эти «слепые зоны», находясь внутри идеологической позиции, или для этого требуется внешняя перспектива?

Важнейшим аспектом рассматриваемой концепции является анализ преобразующей функции идеологии. М. Островски справедливо подчеркивает, что идеология стремится «воспроизвести и закрепить преднамеренный порядок, который она накладывает на идеи, в самих феноменах, которые эти идеи представляют» [Ostrowski, 2022, с. 54]. Идеология функционирует не только как система идей, но и как инкорпорированная структура, формирующая привычки, аффекты и конкретные способы действия человека в мире.

Иерархия макро-, мезо- и микроидеологий позволяет рассматривать идеологическое пространство как многоуровневую структуру. М. Островски указывает, что эти уровни отражают «социальную иерархию между идеологическими формациями» [Ostrowski, 2022, с. 73], а не их предполагаемую истинность или ложность. Исходя из этого, М. Островски описывает существующее идеологическое пространство как многослойную культурную систему, в которой различные уровни смыслов не просто сосуществуют в неких «параллельных мирах», но и постоянно взаимодействуют друг с другом. С философско-культурной точки зрения данная модель адекватно отражает сложность современных плюралистических обществ, в которых, как правило, отсутствует единый идеологический центр. Эта «многослойность» приобретает особую остроту в условиях того, что можно назвать алгоритмической модерностью. Если ранее идеологические морфологии формировались в относительно стабильных институциональных средах (политические партии, общественные движения, дискурсивные сообщества), то алгоритмическая логика создает условия для непрерывной реконфигурации идеологических элементов в режиме реального времени. При этом неясно, сохраняет ли идеология в этих условиях свою структурирующую функцию, или же мы имеем дело с качественно новым режимом производства смыслов, требующим иного концептуального аппарата?

Философско-антропологическое измерение концепции М. Островски наиболее отчетливо проявляется в анализе индивидуальной психологии. Согласно представленной аргументации, современный индивид имеет «ряд разрозненных (и потенциально несоизмеримых) субъективностей» [Ostrowski, 2022, с. 136], из которых он вынужден конструировать собственную идентичность.

Особое внимание в монографии уделяется роли технологий как медиатора идеологических трансформаций. М. Островски отмечает, что «изменения в технологиях способствовали глубоким трансформациям» [Ostrowski, 2022, с. 75]. Технологические сдвиги здесь рассматриваются не как внешний фактор, воздействующий на идеологию извне, но как материальное условие самой возможности определенных идеологических морфологий. Например, печатный станок создал условия для развития как религиозного, так и светского мировоззрения; промышленная революция способствовала смысловому оформлению либерализма и марксизма; цифровые технологии порождают специфические формы идеологической субъективности, основанные на логике персонализации и непрерывной самопрезентации в сетях публичности.

Вместе с тем необходимо отметить, что концепция М. Островски, при всей ее аналитической мощи, оставляет открытым вопрос о возможности философской критики идеологических процессов. Например, если идеология мыслится как антропологическая константа, то есть как неустранимое условие человеческой ориентации в мире, то на каком основании может осуществляться различие между идеологиями? М. Островски последовательно избегает нормативных суждений, что, безусловно, методологически оправдано, но именно это как раз и создает теоретический вакуум. Философская критика конкретных идеологических конфигураций оказывается возможной лишь с позиции других идеологических конфигураций. Получается замкнутый круг. Возможно, выходом из него могла бы стать идея градаций идеологической рефлексивности. Однако эта линия у М. Островски остается неразвернутой, что, впрочем, могло и не входить в замысел исследования, ориентированного прежде всего на аналитическую, а не нормативную работу.

Дальнейшее развитие заложенной М. Островски исследовательской программы требует, на наш взгляд, концептуальной проработки следующих вопросов: 1) как возможна критическая рефлексия идеологии при признании ее антропологической неустранимости, 2) какова специфика идеологических морфологий в условиях цифрового капитализма, 3) существуют ли градации идеологической рефлексивности, позволяющие различать идеологические конфигурации без апелляции к внешнему критерию истинности?

В целом для современной философской антропологии и философии культуры рецензируемая монография обладает высокой теоретической ценностью. Концепция идеологии, разработанная М. Островски, позволяет мыслить идеологическое не как вторичное политическое явление или разновидность когнитивных искажений, а как неустранимое антропологическое условие человеческой ориентации в мире, где производятся культурные смыслы. Вместе с тем именно признание антропологической укорененности идеологии делает особенно актуальным вопрос о возможных градациях идеологической рефлексивности, то есть о способности тех или иных идеологических морфологий не только структурировать человеческий опыт, но и частично проблематизировать собственные онтологические основания.

В условиях алгоритмической модерности, характеризующейся ускоренной циркуляцией смыслов, фрагментацией идентичностей и персонализированным режимом символического посредничества, такая рефлексивность может стать одним из немногих ресурсов философского анализа, позволяющих избежать как наивного релятивизма, так и

появления неклассических версий метанарративов модерна. Именно в этом направлении, на наш взгляд, заложенная М. Островски исследовательская программа открывает перспективы дальнейшего развития. Причем не только как аналитическая теория идеологии, но и как философско-антропологическая и социокультурная диагностика современного состояния человеческого существования.

Список литературы

- Лакан Ж. 2004. Четыре основные понятия психоанализа. Семинары. Книга XI. Пер. с фр. А. Черноглазова. М., Гнозис, Логос, 304 с.
- Малинова О.Ю. 2025. Политическая идеология как предмет политико-психологических исследований: аналитический обзор. *Политическая наука*, 4: 40–64. DOI: [10.31249/poln/2025.04.02](https://doi.org/10.31249/poln/2025.04.02)
- Манхейм К. 1994. Диагноз нашего времени. Пер. с нем. и англ. Я.М. Бергера и др. М., Юрист, 700 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Сочинения. Т. 3. 2-е изд. Пер. с нем. И.И. Прейса и А.А. Уйбо. М., Государственное издательство политической литературы, XIV + 616 с.
- Buchanan A., Levinson E. 2024. Theories of Ideology: Origins, Development, and Prospects. *Social Philosophy and Policy*, 41(1): 13–43. DOI: [10.1017/S026505252400030X](https://doi.org/10.1017/S026505252400030X)
- Gehlen A. 1988. Man: His Nature and Place in the World. Translated by Clare McMillan and Karl Pillemer. Introduction by Karl-Siegbert Rehberg. New York, Publ. Columbia University Press, XXXVI + 420 p.
- Lopes A. 2015. Is There an End of Ideologies? Exploring Constructs of Ideology and Discourse in Marxist and Post-Marxist Theories. Newcastle upon Tyne, Publ. Cambridge Scholars Publishing, XII + 199 p.
- Ostrowski M.S. 2022. Ideology. Cambridge, Medford, Publ. Polity Press, IX + 200 p.
- Ostrowski M.S. 2023. The ideological morphology of left-centre-right. *Journal of Political Ideologies*, 28(1): 1–15. DOI: [10.1080/13569317.2022.2163770](https://doi.org/10.1080/13569317.2022.2163770)
- Ostrowski M.S. 2024. Editorial: ideology and the individual. *Journal of Political Ideologies*, 29(1): 1–25. DOI: [10.1080/13569317.2024.2300213](https://doi.org/10.1080/13569317.2024.2300213)
- Ostrowski M.S. 2025. The apotheosis of conceptual morphology. *Journal of Political Ideologies*, 30(1): 1–31. DOI: [10.1080/13569317.2025.2445391](https://doi.org/10.1080/13569317.2025.2445391)
- Ricoeur P. 1986. Lectures on Ideology and Utopia. Ed. by George H. Taylor. New York, Publ. Columbia University Press, 353 p.

Reference

- Lacan J. 2004. Chetyre osnovnyye ponyatiya psikhoanaliza. Seminary. Kniga XI. [The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis. Seminar XI]. Translated from the French by A. Chernoglazov. Moscow, Publ. Gnozis, Logos, 304 p. (in Russian).
- Malinova O.Yu. 2025. Politicheskaya ideologiya kak predmet politiko-psikhologicheskikh issledovaniy: analiticheskiy obzor. [Political ideology as a matter of political psychological research: the analytical review]. *Political Science (RU)*, 4: 40–64 (in Russian). DOI: [10.31249/poln/2025.04.02](https://doi.org/10.31249/poln/2025.04.02)
- Mannheim K. 1994. Diagnost nashego vremeni. [Diagnosis of Our Time]. Translated from the German and English by Ya.M. Berger et al. Moscow, Publ. Yurist, 700 p. (in Russian).
- Marx K., Engels F. 1955. Sochineniya. T. 3. 2-ye izd. [Collected Works. Vol. 3. 2nd ed.]. Translated from the German by I.I. Preis and A.A. Uibo. Moscow, Publ. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, XIV + 616 p. (in Russian).
- Buchanan A., Levinson E. 2024. Theories of Ideology: Origins, Development, and Prospects. *Social Philosophy and Policy*, 41(1): 13–43. DOI: [10.1017/S026505252400030X](https://doi.org/10.1017/S026505252400030X)
- Gehlen A. 1988. Man: His Nature and Place in the World. Translated by Clare McMillan and Karl Pillemer. Introduction by Karl-Siegbert Rehberg. New York, Publ. Columbia University Press, XXXVI + 420 p.
- Lopes A. 2015. Is There an End of Ideologies? Exploring Constructs of Ideology and Discourse in Marxist and Post-Marxist Theories. Newcastle upon Tyne, Publ. Cambridge Scholars Publishing, XII + 199 p.

- Ostrowski M.S. 2022. Ideology. Cambridge, Medford, Publ. Polity Press, IX + 200 p.
- Ostrowski M.S. 2023. The ideological morphology of left–centre–right. *Journal of Political Ideologies*, 28(1): 1–15. DOI: [10.1080/13569317.2022.2163770](https://doi.org/10.1080/13569317.2022.2163770)
- Ostrowski M.S. 2024. Editorial: ideology and the individual. *Journal of Political Ideologies*, 29(1): 1–25. DOI: 10.1080/13569317.2024.2300213
- Ostrowski M.S. 2025. The apotheosis of conceptual morphology. *Journal of Political Ideologies*, 30(1): 1–31. DOI: [10.1080/13569317.2025.2445391](https://doi.org/10.1080/13569317.2025.2445391)
- Ricoeur P. 1986. Lectures on Ideology and Utopia. Ed. by George H. Taylor. New York, Publ. Columbia University Press, 353 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 26.01.2026
Поступила после рецензирования 26.04.2026
Принята к публикации 30.05.2026

Received January 26, 2026
Revised April 26, 2026
Accepted May 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трунов Анатолий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly A. Trunov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia.

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-730-733

EDN EXZOLG

**Особенности «религиозного ренессанса» XX–XXI веков.
Рецензия на книгу: Жиртуева Н.С. Философско-мистические
традиции мира. М. : Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2025. 274 с.**

Липич Т.И., Липич В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

lipich@bsuedu.ru

Аннотация. Монография Н. С. Жиртуевой посвящена проблеме компаративного анализа философско-мистических учений мира. Автор подчеркивает, что именно компаративное религиоведение является одним из самых перспективных направлений исследования религии на современном этапе. Оно дает возможность выявить универсальное, сущностное начало всех религий, осознание которого может стать основой для продуктивного межконфессионального диалога. Актуальность данного исследования возрастает на фоне обострения современных межконфессиональных конфликтов. Автор осуществляет глубокий анализ преимуществ и недостатков известных типологий мистических традиций и предлагает свою типологию, где основным критерием философско-мистических традиций является представление о сущности абсолютной реальности. На обширном материале автор осуществляет анализ учений индуизма, буддизма, христианства, ислама, иудаизма, даосизма, современных неорелигиозных направлений.

Ключевые слова: философия, религия, типология, абсолют, индуизм, буддизм, христианство, ислам, иудаизм, даосизм, современные неорелигиозные направления

Для цитирования: Липич Т.И., Липич В.В. 2026. Особенности «религиозного ренессанса» XX–XXI веков. Рецензия на книгу: Жиртуева Н.С. Философско-мистические традиции мира. М. : Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2025. 274 с. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 730–733. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-730-733 EDN: EXZOLG

**On the Features of the “Religious Renaissance”
of the 20th–21st Centuries. Review of Book:
Zhirtueva N.S. Philosophical and Mystical Traditions of the World.
Moscow : Vuzovskiy Uchebnik, INFRA-M, 2025. 274 p.**

Tamara I. Lipich, Vasiliy V. Lipich

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

lipich@bsuedu.ru

Abstract. The reviewed monograph by N. S. Zhirtueva is devoted to the problem of comparative analysis of the philosophical and mystical teachings of the world. The author emphasizes that comparative religious studies are among the most promising areas of research in the modern era. They provide an opportunity to identify the universal and essential aspects of all religions, which can serve as a foundation for productive interfaith dialogue. The relevance of this study increases in the context of the escalating interfaith conflicts in the world. The author carries out a deep analysis of the advantages and disadvantages of the known typologies of mystical traditions, and offers her own typology, where the main criterion of philosophical and mystical traditions is the idea of the essence of the Absolute reality. Using extensive material, the author carries out the analysis of the teachings of Hinduism, Buddhism, Christianity, Islam, Judaism, Taoism, modern neo-religious directions.

© Липич Т.И., Липич В.В., 2026

Keywords: philosophy, religion, typology, the Absolute, Hinduism, Buddhism, Christianity, Islam, Judaism, Taoism, modern neo-religious movements

For citation: Lipich T.I., Lipich V.V. 2026. On the Features of the “Religious Renaissance” of the 20th–21st Centuries. Review of Book: Zhirtueva N.S. Philosophical and Mystical Traditions of the World. Moscow: Vuzovskiy Uchebnik; INFRA-M, 2025. 274 p. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 730–733 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-730-733 EDN: EXZOLG

Эпиграфом к монографии автор выбрал высказывание Питирима Сорокина, которое отвечает исследовательскому духу данного издания: *«Мы живем и действуем в один из поворотных моментов человеческой истории, когда одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется»* [Сорокин, 1992, с. 431]. Это было актуально в XX веке, актуальным является и в наше время.

В развитии мировой цивилизации сегодняшний переходный характер эпохи свидетельствует об определенном кризисе современной культуры, одним из путей преодоления которого является анализ представленного в монографии «религиозного ренессанса». Для этого автор обращается к исследованию различных философско-мистических традиций мира, которые рассматриваются человеком как возможность поиска сверхчувственного духовного Абсолюта, необходимость переживания мистического опыта, высший тип познания. Для этой цели автор обращается к известным философско-мистическим традициям христианства, ислама, иудаизма, буддизма, индуизма, где мистический опыт выступает главной целью религиозных практик, которые создают возможности для формирования совершенного человека и общества. Автор проводит компаративный анализ этих философско-мистических учений. При этом необходимо отметить, что компаративное религиоведение является одним из самых перспективных направлений исследования религии на современном этапе, когда появляется потребность осуществления плодотворного межконфессионального диалога, который дает возможность выявления универсального сущностного начала всех религий.

Философско-мистическими учениями в начале XX века интересовались как русские религиозные философы (Н. А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.Н. Лосский, П.А. Флоренский), так и представители западной философско-религиозной мысли (У. Джемс, Р. Отто). Особый интерес к этой проблематике наблюдался после Второй мировой войны, который автор объясняет стремлением найти выходы из духовного кризиса этого периода. Многие авторы поднимали вопросы как о соотношении индивидуального и универсального начал в мистическом опыте, так и о единстве ценностных ориентаций. Сегодня эти проблемы являются особенно актуальными, так как современные политические, военные, религиозные конфликты делают невозможным безопасность всего мирового сообщества. Исходя из этого, автор монографии рассматривает эти проблемы сквозь призму анализа сущности мистического феномена и его универсальных особенностей, индивидуальных особенностей философско-мистических традиций мира и практик их реализации. Для этого автор разрабатывает типологию философско-мистических традиций мира, где основным критерием выступает представление о сущности Абсолютной реальности.

В трех главах монографии на основе компаративного анализа философско-мистических традиций мира и с использованием обширного фактического материала Жиртуева Н.С. осуществляет анализ имманентных мистических традиций (индуизм, буддизм, даосизм), трансцендентно-имманентных мистических традиций (христианские (православный исихазм, католическая мистика любви), мусульманских (суфизм), пантеистических мистических традиций (иудейские мистические традиции (каббала, хасидизм), католическая созерцательная мистика).

Не менее интересной и содержательной предстает пятая глава, посвященная современным мистическим традициям мира. Среди них автор выделяет и анализирует учение Карлоса Кастанеды, учение Шри Раджниша (Ошо), учение Шри Раманы Махарши и др. Такое многообразие «религиозного ренессанса» в XX веке возможно из-за антропологического кризиса, связанного с культурным хаосом. Об этом очень красноречиво писал П. Сорокин: «Кризис чрезвычайен в том смысле, что он, как и его предшественники, отмечен необычайным взрывом войн, революций, анархии и кровопролитий, социальным, моральным, экономическим и интеллектуальным хаосом, возрождением отвратительной жестокости, временным разрушением больших и малых ценностей человечества, нищетой и страданием миллионов...» [Сорокин, 1992, с. 432]. Жиртуева Н.С. делает вывод, что «целью мистического учения Карлоса Кастанеды является обретение свободы. А имманентный характер учения выражается в стремлении адепта "слиться" с Абсолютной Бесконечностью» [Жиртуева, с. 196]. Другими словами, это учение направлено на нивелирование самой личности. Учения Шри Раджниша (Ошо) и Шри Раманы Махарши автор рассматривает сквозь призму анализа представления о сущности абсолютной реальности, где стираются границы между духовным и материальным, сверхъестественным и естественным бытием. Но если целью своего учения, как пишет автор монографии [Жиртуева, 2025, с. 186], Ошо видел воспитание нового человека, в котором соединяются противоположности, то «Шри Рамана цель видит в отбрасывании ложного самоотождествления человека с его физической оболочкой и в познании его истинного «Я» – Атмана» [Жиртуева, 2025, с. 194].

Таким образом, делает вывод автор, появление этих учений связано со стремлением найти ответы на духовные вопросы своего времени при помощи модернизации классических религий. Автор отмечает, что появление многих неорелигиозных направлений связано, во-первых, с общим кризисом западной цивилизации, во-вторых, религиозное сознание приобретает черты эклектичности и синкретизма, когда происходит «сознательное искажение идей и норм традиционных религий, что влечет за собой формирование искаженной религиозной идентичности» [Жиртуева, 2025, с. 182]. И в третьих, идут усиленные поиски найти общие духовные ценности всего человечества. В качестве примера автор приводит возникшее в начале XX века направление неоиндуизма, которое, по мнению некоторых авторов, утверждает духовное единство человечества на основе общности восточных и западных религий [Жиртуева, 2025, с. 182].

Далее автор переходит к анализу феномена псевдомистики в современной культуре, выделяет несколько источников ее возникновения: «салонный спиритизм и оккультизм», интерес к которым возник на рубеже XX века под влиянием учений Е. Блаватской, Р. Штайнера, Папюса, А. Кроули и др. [Жиртуева Н.С., 2017, с. 68], «искания художественной элиты XX века – О. Хаксли, Л. Арагона, С. Дали, П. Пикассо, которые заложили основы сюрреалистического восприятия действительности» и «современная психиатрия, которая благодаря усилиям З. Фрейда и К.-Г. Юнга открыла человечеству жизнь бессознательного» [Жиртуева, 2025, с. 200].

В шестой главе автор рассматривает проблему научного, богословского, психологического, социального понимания мистических учений, находя между научной и мистической картиной мира различные аналогии. Подробный и внимательный анализ этих учений связан с тем, что в современном мире проблема социальных, межнациональных, межконфессиональных конфликтов как никогда важна для обеспечения мирного сосуществования государств, сообществ, наций, конфессий с различными этическими и религиозными идеалами и ценностями. По мнению автора, мистическая картина мира ориентирует общество на «переживание чувства единства и целостности бытия и преобразование внешнего мира» [Жиртуева, 2025, с. 244], что особенно проявляется в холистических и интеграционных мистических традициях (буддизме, христианстве, исламе, иудаизме). Сегодня общество находится в точке бифуркации, в ситуации выбора, формирует свою собственную идентичность. Как нами было отмечено

ранее, «одной из основных форм идентичности... является религиозная идентичность. Она включает в себя осознание своей религиозной принадлежности и активное участие в обрядах, практиках и верованиях определенной религиозной традиции» [Липич, Рудь, 2025, с. 172]. Следовательно, духовный выбор человека определит его сущность, его «идеальный облик», согласно чему в конечном итоге будет формироваться и образ будущей цивилизации.

Таким образом, исследование, проведенное Н.А. Жиртуевой, в современном российском религиоведении является уникальным. Монография хорошо структурирована, имеет внутреннюю логику, что дает читателю более полное и адекватное восприятие сложного философско-религиозного материала; написана на высоком профессиональном уровне, имеет научную и практическую значимость. Она может быть использована не только как источник для новых научных изысканий, но также как важный учебно-методический материал для обучающихся высших учебных заведений.

Список литературы

- Жиртуева Н.С. 2017. Псевдомистика в современной культуре. *Парадигмы истории и общественного развития*, 8: 65–71.
- Жиртуева Н.С. 2025. Философско-мистические традиции мира. М., ИНФРА-М, 274 с.
- Липич Т.И., Рудь И.С. 2025. Влияние цифровизации на формирование религиозной идентичности современного общества. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 50(1): 172–184.
- Сорокин П.А. 1992. Человек. Цивилизация. Общество. М., Политиздат, 542 с.

References

- Zhirtuyeva N.S. 2017. Pseudomistika v sovremennoy kul'ture. [Pseudo-mysticism in contemporary culture]. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya*, 8: 65–71.
- Zhirtuyeva N.S. 2025. Filosofsko-misticheskiye traditsii mira. [Philosophical and mystical traditions of the world]. Moscow, Publ. INFRA-M, 274 p.
- Lipich T.I., Rud' I.S. 2025. Vliyaniye tsifrovizatsii na formirovaniye religioznoy identichnosti sovremennogo obshchestva. [The Influence of Digitalization on the Formation of Religious Identity in Modern Society]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 50(1): 172–184.
- Sorokin P.A. 1992. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. [Human. Civilization. Society]. Moscow, Publ. Politizdat, 542 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.02.2026

Поступила после рецензирования 21.05.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received February 21, 2026

Revised May 21, 2026

Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Липич Василий Васильевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Vasiliy V. Lipich, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.В. ЛЫТКИНА
(22.06.1959 – 19.02.2026)

IN MEMORY OF PROFESSOR V.V. LYTGIN
(22.06.1959 – 19.02.2026)

Владимир Владимирович Лыткин родился 22 июня 1959 года в Калуге. В 1982 году он окончил исторический факультет Калужского государственного педагогического института, а в 1987 году – аспирантуру Государственного музея истории религии и атеизма. С 1982 до 2000 года Владимир Владимирович работал в Государственном музее истории космонавтики имени К.Э. Циолковского, с 1988 года – в качестве заместителя директора по научной работе. В 1989 году В.В. Лыткин защитил кандидатскую диссертацию на философском факультете ЛГУ им. А. Жданова на тему «Философские взгляды К.Э. Циолковского и его отношение к атеизму и религии» и стал одним из первых кандидатов наук в музее. В 2013 году защитил докторскую диссертацию на философском факультете Белгородского государственного университета на тему «Философско-антропологический проект К. Э. Циолковского». Всю свою жизнь В.В. Лыткин посвятил изучению идей русского космизма, входил в состав Комиссии по разработке научного наследия Циолковского при Президиуме РАН. Своими исследованиями Владимир Владимирович фактически заново открыл научное наследие великого ученого.

В.В. Лыткин более 26 лет работал в КГУ им. К.Э. Циолковского, являлся заведующим кафедрой философии, культурологии и социологии университета. Будучи руководителем аспирантуры КГУ по направлению «Культурология» В.В. Лыткин стремился поддерживать молодых ученых, способствовал развитию научного потенциала университета, был одним из организаторов международных научных чтений памяти Циолковского и научно-практической конференции «У истоков российской государственности».

В.В. Лыткин получил международную известность, сотрудничал с Международным космическим университетом (г. Страсбург, Франция). Начиная с 1994 года, он ежегодно принимал участие в работе Летних сессий Университета, а с 1996 года читал там ежегодные краткие курсы лекций, посвященные социально-философским взглядам К.Э. Циолковского и русскому космизму.

Научное наследие В.В. Лыткина включает более 100 научных публикаций и 4 монографии, одна из которых («Космические альтернативы человечества. Социально-философские, антропологические и религиозные проблемы русского космизма») основана на материалах его докторской диссертации и содержит в себе глубокий анализ идей и источников философии космизма. Обосновывая неизбежность возникновения космической антропологии и космической социологии как важнейших составляющих русского космизма, В.В. Лыткин внес свой вклад в развитие отечественной философии и заложил серьезную базу для дальнейших исследований.

УДК 141.319.8

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-735-744

EDN DOHNAD

Память в структуре индивидуальной и коллективной идентичности

Лыткин В.В., Капалин А.Н.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Россия, 248002, г. Калуга, ул. Ст. Разина, д. 26

akapalin85@gmail.com

Аннотация. В работе выявляются две фундаментальные линии осмысления памяти: как индивидуально-психологический феномен, связанный с душой и сознанием, и как социально конструируемое явление, лежащее в основе групповой идентичности. Последовательно рассматривается развитие понимания памяти от её античных трактовок как свойства души (Платон, Аристотель) через новоевропейское утверждение в качестве основы личностного тождества (Локк, Юм, Бергсон) к социологическому пониманию в XX веке. Особое внимание уделяется двум взаимосвязанным векторам: оригинальному вкладу русской философии (Трубецкой, Франк, Бердяев, Лосский) с её идеями о сверхвременной и надындивидуальной природе памяти и классическим теориям (Хальбвакс, Ассман, Нора, Рикер), где память рассматривается как коллективный феномен, формирующий коллективную идентичность. Сделан вывод о том, что память является активным процессом, опосредующим диалектическую связь между личным сознанием и социальным бытием и служащим фундаментальным условием для конструирования как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Память определена как активный процесс, обеспечивающий связность личного опыта и культурной традиции, а её изучение лежит в эпицентре проблематики человеческого «Я» и исторического бытия.

Ключевые слова: память, идентичность, коллективная память, изучение памяти, философия памяти, русская философия, прошлое, забвение

Для цитирования: Лыткин В.В., Капалин А.Н. 2026. Память в структуре индивидуальной и коллективной идентичности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 735–744. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-735-744 EDN: DOHNAD

Memory in the Structure of Individual and Collective Identity

Vladimir V. Lytkin, Andrey N. Kapalin

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
26 St. Razina St., Kaluga 248002, Russian Federation

akapalin85@gmail.com

Abstract. The article presents a historical and philosophical analysis of the evolution of memory concepts, revealing its key role in identity formation. Two fundamental lines of interpretation are identified: memory as an individual-psychological phenomenon linked to the soul and consciousness, and as a socially constructed phenomenon underlying group identity. The development of the understanding of memory is consistently traced from its ancient interpretations as a property of the soul (Plato, Aristotle) through its modern European affirmation as the foundation of personal identity (Locke, Hume, Bergson) to its sociological understanding in the 20th century. Special attention is paid to two interrelated vectors: the original contribution of Russian philosophy (Trubetsky, Frank, Berdyaev, Lossky) with its ideas of the supertemporal and suprapersonal nature of memory, and the classical social constructivist theories (Halbwachs, Assmann, Nora, Ricoeur), where memory is viewed as a collective phenomenon that shapes

group identity. The conclusion is drawn that memory is an active process mediating the dialectical connection between personal consciousness and social existence, serving as a fundamental condition for the construction of both personal and collective identity. In conclusion, it is argued that memory constitutes an active process ensuring the coherence of personal experience and cultural tradition, and that its study lies at the epicenter of the problematics of the human "Self" and historical being.

Keywords: memory, identity, collective memory, memory studies, philosophy of memory, Russian philosophy, past, oblivion

For citation: Lytkin V.V., Kapalin A.N. 2026. Memory in the Structure of Individual and Collective Identity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(3): 735–744 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-735-744 EDN: DOHNAD

Память как свойство души

Память является одной из основных психических высших функций и имеет важное значение в структуре идентичности человека.

Современные гуманитарные исследования убедительно показывают, что память является социальным явлением и наряду с индивидуальной памятью существует память коллективная. В рамках появившегося в XX веке междисциплинарного направления memory studies были разработаны основные концепции осмысления памяти как основы идентичности. Однако существующие сегодня подходы к изучению памяти и идентичности имеют богатую традицию, которая восходит к философии Античности.

В IV в. до н. э. Аристотель обращает внимание на связь памяти и времени. В трактате «О памяти и воспоминании» античный мыслитель приходит к выводу, что память присуща не всем, она связана с чувственным восприятием времени и воображением [Аристотель, 2004]. Память постижима умом и сопряжена с поступательным движением [Аристотель, 2004, с. 147] – всякий раз, когда возникает движение вещи и движение времени, человек начинает использовать память [Аристотель, 2004, с. 150]. Изучая наследие Аристотеля, П.П. Блонский отмечал, что воспоминание есть своеобразное искание, умозаключение, сделанное человеком во времени [Блонский, 1935, с. 6]. Платон считал, что память – есть то, что нужно обрести вновь. Через припоминание человек возвращает себе знание, которое душа знала до того, как воплотилась в теле, знала, изначально пребывая в мире идей [Платон, 1993, с. 30, 73d]. В то же время Платон замечает, что мало таких душ, у которых память сильна, благодаря ей у человека возникает тоска о том, что было [Платон, 1993, с. 159, 250 d]. Различие в концепциях античных мыслителей заключается в том, что Аристотель связывает память с опытом и временем, а Платон указывает на ее сверхвременную природу.

Среди средневековой традиции религиозной мысли мы считаем необходимым отметить Августина Блаженного и его «Исповедь», которая является первой попыткой автобиографии в европейской литературе. Религиозный мыслитель называет память-«желудком души», ведь именно память хранит «пищу» в виде радости и печали [Августин А., 1991, с. 249]. Память человека тесно связана с душой, в которой существует, и сопряжена с действием во времени [Августин, 1991, с. 306-]. Ф. Йетс обратила внимание на то, что Августин – христианин-платоник, и его размышления приводят к тому, что памяти присуще знание божественного [Йетс, 1997, с. 66].

Память как основа тождества личности

Идея памяти как основы идентичности человека начинает развиваться в Новое время. Англичане Дж. Локк и Д. Юм не только значительно расширили представления об идентичности, разделив идентичность человека и предмета [Орлова, 2010, с. 90; Лысак, 2017, с. 131]. В «Опыте о человеческом разумении» (1690) Дж. Локк признает, что человек состоит из материи (тела) и духа (души), и утверждает, что личностью его делает

сознание и память [Локк, 1985, С. 388]. В «Трактате о человеческой природе» (1740) Юм приходит к выводу о том, что память является важным связующим элементом идентичности человека во времени [Юм, 1996]. Идентификация личности через мышление как действие, осознание законов, память как основание – все это выводы, сделанные английскими учеными, которые сегодня продолжают составлять теоретическую основу подходов к изучению феномена идентичности и роли памяти в ее формировании.

Датский философ С. Кьеркегор в работе «Стадии жизненного пути» (1845) рассуждает о памяти, используя образ его любимого места под названием «Бухта восьми путей» (The Nook of Eight Paths) [Kierkegaard, 1988, p. 511, 526] вблизи датской коммуны Грибсков. Как пишет сам философ, это здесь он размышлял, в том числе и над тем, что память ребенка и память старика наделена разными смыслами. Опираясь на размышления датского философа, П. Хаттон пишет: «Полярные характеристики памяти проявляются, когда их рассматривают с точки зрения того или иного края жизни. Но в середине жизни они сливаются, обогащая понимание и прошлого, и будущего» [Хаттон, 2004, с. 368]. Другими словами, наше представление о прошлом определяется настоящим, даже если в основе этого представления лежат яркие образы.

Российские ученые по-разному осмысливали феномен памяти. Например, С.Н. Трубецкой рассматривал память (наравне с чувственностью и воображением) как одну из трех форм психической жизни человека [Трубецкой, 1994, с. 577]. По мнению философа, память не является особым видом или актом сознания, которую можно отделить от прочих, она развивается на родовом наследственном базисе, и памяти предшествует забвение [Трубецкой, 1994, с. 566]. Философ использовал понятия коллективной памяти и общечеловеческого знания. Воплощённая в слове коллективная память способна стать основой для дальнейшего развития науки [Трубецкой, 1994]. На сверхвременную сущность знания и памяти обратил внимание С.Л. Франк. В работе «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» (1917) он выдвинул мысль о том, что в форме знания человек возвышается над временем и живет в вечности, а благодаря памяти человек возвышается над настоящим [Франк, 1917]. Забвение (в силу того, что оно воспоминаемо) есть проявление сверхвременности памяти [Франк, 1917, с. 230]. Память является совокупностью многих разнообразных явлений и черт душевной жизни и сознания [Франк, 1917, с. 182], глубокой формой единства сознания и проявлением субъектно-объективного мирка человека [Франк, 1917, с. 176].

По мнению Н.А. Бердяева, память чередуется с забвением, при этом имеет активно-преображающий характер и потому есть «таинственная сила в человеке» и «...воскрешающая сила, память хочет победить смерть» [Бердяев, 2021, с. 10]. Современный исследователь А.М. Хамидулин обращает внимание на то, что память в творчестве Бердяева есть онтологическое основание личности человека и его самосознания, тем самым подчеркивая влияние Августина Блаженного на русского философа [Хамидулин, 2024, с. 130]. Однако в творчестве Бердяева представлен не только нарратив индивидуальной памяти. В работе «Смысл истории» (1923) мыслитель вводит понятие «историческая память» и исследует ее как коллективную духовную активность. Человек находит истинную реальность через «внутреннее приобщение судеб своего индивидуального духа к судьбам истории» [Бердяев, 2002, с. 25]. Память хранит «отчее начало», без нее «человечество пребывало бы в клочьях времени, в разорванных мгновениях времени, без всякой связи времен» [Бердяев, 2002, с. 75]. Сегодня понятие «исторической памяти» трактуется как одно из измерений индивидуальной и коллективной памяти и исследуется как сложный социокультурный феномен. Она не только является основным каналом передачи опыта прошлого, но и служит фундаментом самоидентификации человека и общества [Репина, 2017, с. 10]. Мы не утверждаем, что сегодняшнее представление об исторической памяти основано на тезисе Н.А. Бердяева, однако мы считаем необходимым обратить внимание на их схожесть.

Память как философская проблема

Французский философ А. Бергсон в своей книге «Материя и память» (1896) исследует роль тела в духовной жизни человека. Он заявил, что проблема памяти является «привилегированной проблемой». Концепция памяти, выдвинутая Бергсоном, предполагает одновременное существование памяти-привычки (она разыгрывает прошлый опыт) и настоящей памяти (она хранится в виде образов в сознании) [Бергсон, 1999, с. 565]. Прошлое по Бергсону переживает себя в двух формах – двигательных механизмах и воспоминаниях [Бергсон, 1999, с. 480], где дух черпает восприятия из материи, а возвращает его материи в виде движения [Бергсон, 1999, с. 668]. Поэтому наше осознание настоящего – уже память, которая связана с действием во времени и пространстве, прошлое остается в нашей памяти таким, каким оно было для нас.

Н.О. Лосский отчасти разделял взгляды Бергсона на природу памяти, ее неразрывную связь с фантазией и утверждал, что есть «непосредственное созерцание субъектом своего прошлого как такового» [Лосский, 1991, с. 291]. Его концепция «идеального бытия» включает в себя все то, что не имеет ни пространственного, ни временного характера, а связь между прошлым и будущим основана на активных действиях на основе прошедшего, пережитого опыта [Лосский, 1991, с. 292]. Можно согласиться с О.М. Ростовской, которая утверждает, что в памяти Лосский видел устанавливающееся глубокое единство субъекта с миром, а во взаимосвязи восприятия и воспоминания – проявление актов единого духовного процесса [Ростовская, 2020, с. 6].

Взаимосвязь мышления и памяти изучал П.П. Блонский. В труде «Память и мышление» (1935) он стремился доказать несколько основополагающих тезисов. Развитие памяти стадально [Блонский, 1935, с. 198], память наиболее сложная форма мышления. Через речь воспоминания становятся «думающими», то есть наделяются смыслами, и в речевом акте мышление и память становятся неразделимы [Блонский, 1935].

В книге *Marking the Mind: a history of memory* К. Данцигер ставит вопрос о том, что рассуждения ученых об эволюции памяти как когнитивной способности человека практически не пролили света на развитие человеческой памяти в истории. Данцигер поступательно развивает тезис о том, что функционирование индивидуальной памяти подвержено историческим изменениям, она не только тесно связана с исторически меняющимися формами внешней памяти, но и выполняет свою работу на службе задач, параметры которых устанавливаются меняющимися социальными требованиями и условностями [Danziger, 2008, p. 4]. Данцигер обращает внимание на то, что память представляет собой обширное поле для исследований междисциплинарного характера, не ограниченного лишь исследованием теорий о памяти, он призывает исследовать само историческое формирование памяти как концепции [Danziger, 2008, p. 12]. В конечном итоге ученый приходит к выводу о том, что исторически менялись как основное значение термина «память», так и рамки того, что определяло его содержательное наполнение.

Память и коллективная идентичность

Французский ученый М. Хальбвакс сделал исследовательский акцент на социальной природе памяти и ее влиянии на восприятие идентичности. Он утверждал, что память отдельного человека редко точно воспроизводит событие прошлого, поэтому память – это коллективное явление. Представления о прошлом, присущие определенным социальным группам, ограничиваются рамками в виде идей и коллективных представлений. Именно они позволяют воссоздать конкретному индивиду образы прошлого и идентифицировать себя с ним [Хальбвакс, 2007, с. 28]. Хальбвакс считал, что индивидуальная память «...не вполне изолирована и закрыта. Чтобы воскресить в памяти собственное прошлое, человеку часто приходится обращаться к чужим воспоминаниям. Он полагается на опорные точки, существующие вне его и установленные обществом. Более того,

функционирование индивидуальной памяти невозможно без этих инструментов – слов и идей, не придуманных индивидом, а заимствованных им из его среды» [Хальбвакс, 2005, с. 8]. Реконструкция воспоминаний зависит от общественной установки, события ретушируются и подчищаются, при этом человек убежден в их подлинности [Хальбвакс, 2007, с. 183] и, по меткому замечанию Д. Лоурэнталя, мы «...нуждаемся в воспоминаниях других людей для того, чтобы подтвердить собственную память и придать ей устойчивость» [Лоурэнталь, 2004, с. 312]. Ключевой тезис Хальбвакса заключается в том, что одновременно существует внутренняя (личная) и внешняя (коллективная) память. Вторая память накладывается на первую, приписывая события, общие для социальной группы индивидуальной памяти, лишь спустя некоторое время: «социальное время – совершенно внешнее по отношению к тому времени, которое переживается сознанием» [Хальбвакс, 2005, с. 10]. Ключевую роль памяти как ядра коллективной идентичности рассматривает Я. Ассман [2004]. По мнению Ассмана, дискурс о памяти ведется в контексте воспоминания в трех составляющих: воспоминания как обращения к прошлому, идентичности как политическому воображению и культурной преемственности как складыванию традиции. Социальные рамки организуют содержание памяти, а также сроки его хранения [Ассман, 2004, с. 15]. Дополняя идеи Хальбвакса о коллективной памяти, Ассман выводит ее закономерность. Он утверждает, что любая спланирующая группа стремится создать и обеспечить за собой места, которые становятся для нее воспоминаниями, сценой совместной деятельности и символами идентичности [Ассман, 2004, с. 40]. Тем самым память не только воссоздает прошлое, но и организует переживание настоящего и будущего.

Концептуально идею памяти как социального явления развивает в своих трудах французский историк П. Нора. Разработанная им в середине 80-х годов XX века концепция «мест памяти» по сути соединила память как свойство человека и общества с историей: «Переход от памяти к истории заставил каждую социальную группу дать новое определение своей идентичности через оживление ее собственной истории. Жажда помнить превращает каждого в историка самого себя» [Нора, 1999, с. 32]. Место памяти – это не только памятники материальной культуры, это коллективное действие, выраженное в традициях праздников, это речи по поводу знаменательных событий. Нора справедливо замечает, что «отчуждение частной памяти из общей памяти... возлагает на каждого обязанность помнить себя и превращает обнаружение принадлежности в принцип и секрет идентичности» [Нора, 1999, с. 34]. Сформулировав четыре исторических этапа эволюции памяти (королевская память, память государства, память нации и память граждан), Нора приходит к выводу, что процесс трансформации памяти приводит к формированию памяти-наследия [Нора, 1999], которая и становится основой национальной идентичности.

Х. Уайт разделяет понятия «исторического» и «практического». Он считает, что в то время, как историческое прошлое основано на реконструкциях ученых историков, человек опирается на прошлое в практических целях для принятия как личных, так и совместных решений. Уайт приходит к выводу, что практическое прошлое может быть осмыслено как пространство опыта и проявление в акте выбора, тем самым оно оказывает влияние на идентичность [Уайт, 2024].

Еще одним исследователем, который утверждал, что проблема памяти переплетена с проблемой идентичности, стал французский философ П. Рикер. По его мнению, память обеспечивает временную непрерывность и тем самым идентичность личности [Рикер, 2004, с. 137], и в то же время идентичность может формироваться только во временном измерении человеческого существования [Рикер, 2007, с. 142]. Подробно исследовав концепцию Рикера, Ж-М. Тета пришел к выводу, что личная идентичность – «это не некая естественная данность сознания, а результат, опосредованный «рассказами», нарративами, понятиями как разнообразные модели повествовательной конфигурации действия» [Тета, 2012, с. 101].

Память и идентичность в современных исследованиях

Отечественные исследования в области памяти носят междисциплинарный характер и концептуально продолжают линию ранее проводимых исследований.

В результате реализации программы фундаментальных исследований президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (2015–2017) появилась коллективная монография, в которой были обобщены результаты исследований в области памяти и идентичности от ведущих российских ученых, появилась монография, посвященная проблемам российской идентичности и памяти [Тишков, Ливнева, 2018]. Авторами монографии коллективная (социальная) память рассматривается комплексно, с акцентом на её конструируемый, социально обусловленный характер [Тишков, Ливнева, 2018], а идентичность понимается авторами как исторически формируемая сущность, где память для нее становится «строительным материалом» [Тишков, Ливнева, 2018, с. 6].

В.Д. Губин обращает внимание на то, что память не является автоматическим наследием, но в своем истоке она есть сверхчеловеческая способность [Губин, 2017, с. 11, с. 191]. По мнению ученого, память есть усилие: «...нужно войти в соответствующее состояние и удерживаться в нем достаточно долгое время, время, за которое замкнутся все связи и выкристаллизуется образ предмета или события, которое дополнит наше духовное состояние, станет его необходимой частью» [Губин, 2017, с. 11]. Память есть Вселенная духа, она делает нас свободными, она есть состояние свободы, онтологическое начало в человеке, проявление бытия, память управляет человеком [Губин, 2017, с. 16]. В то же время человек – «...это, как правило, существо, лишенное памяти. Или, лучше сказать, со слабо развитой индивидуальной памятью и сильно развитой памятью родовой» [Губин, 2017, с. 173], потому забвение – не недостаток, а необходимый процесс, позволяющий памяти оставаться живой и актуальной.

Е.В. Малышкин утверждает, что память, как и любое понятие, глубоко метафорично. Две основные метафоры памяти: след (память как отпечаток, хранилище) и проект (память как активное конструирование, набросок) – определяют способы её понимания в разные эпохи [Малышкин, 2011, с. 121]. По мнению исследователя, память ставит идентичность под вопрос: «...Казалось бы, память должна выстраивать мою идентичность, однако, углубляясь в собственную память и заглядывая в ее бездонность, я лишаясь всякой надежды на самость. Лелея автономию, помнящий будет обращаться к тому, что не есть он сам... Располагаясь среди разнообразия обстоятельств, благодаря которым память осуществляется, помнящий заведомо оказывается вне себя» [Малышкин, 2011, с. 21]. Утверждая, что «...личность в привычном нам новоевропейском смысле производится не столько памятью, сколько историей, то есть как раз тем, что не имеет ни автономии, ни длительности: личность формируется прохождением времени и определяется как то, в отношении к кому время, наполненное такими-то и такими-то событиями, прошло» [Малышкин, 2011, с. 17], ученый приводит к выводу о том, что идентичность – продукт не памяти, а истории. Память принадлежит длительности, а идентичность – времени, она находится между памятью и забвением, длительностью и историей, личным и безличным.

А.И. Макаров выделяет категорию «надындивидуальная память», которую можно считать расширенной и философски углублённой версией коллективной памяти [Макаров, 2009]. По мнению исследователя, «надындивидуальная память» и «социальная память» – наиболее похожие понятия, однако «...есть и различие: термин "социальная память" акцентирует внимание на социально-коммуникативном аспекте... тогда как термин "надындивидуальная память" указывает, в том числе, и на структурный момент феномена культурного наследования» [Макаров, 2009, с. 8]. Тем самым он включает в свое понятие «коллективную память» Хальбвакса, «культурную память» Ассмана, социальную память и сверхвременную память. Поэтому надындивидуальную память можно считать расширенной и философски углублённой версией коллективной памяти.

Концептуализируя прошлое как один из способов организации времени, К.П. Шевцов утверждает, что память – это не архив, а живой процесс, в котором прошлое постоянно пересматривается, вторгается в настоящее и формирует субъекта. Она связана с воображением, символизацией, утратой и необратимостью, а её природа меняется в зависимости от культурных и медийных условий [Шевцов, 2013]. По мнению исследователя, парадокс памяти заключается в том, что настоящее нуждается именно в памяти, воспроизводящей прошлое как прошлое [Шевцов, 2018]. Память является полем борьбы между индивидуальным опытом и коллективными мифами, где ключевую роль играют утрата, требование признания и травма.

Память есть взаимопроникновение, диалектическая связь индивидуального и коллективного. Через индивидуальную память тревоги и чаяния человечества утверждаются в событиях личной жизни – так «всеобщее утверждает себя в частном» [Маркузе, 2004, с. 121]. При помощи памяти связывается настоящее с прошлым, поддерживается нить непрерывности как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Она позволяет хранить даже то, что, казалось бы, уже безвозвратно потеряно. При этом для индивидуальной памяти забвение не является недостатком, оно есть «естественная "защитная" реакция бессмысленных и глупых перегрузок» [Ильенков, 2024, с. 61]. Однако сколь угодно можно стремиться придать забвению «неудобное» прошлое, но оно все равно будет напоминать о себе как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Мыслители разных эпох считали, что память связывает человека с самим собой во времени и пространстве. С одной стороны, ее индивидуальная природа неразрывно связана с представлениями о душе. Идеи о сверхвременности и коллективности указывают на всеобщее начало памяти, ее способность объединять и делать человека похожим на себе подобных. С другой стороны, память как мнемический процесс содержит материальную сущность. Ведь человек способен «...переживать наивно прекрасную стадию своего духовного развития лишь в залах музеев...» [Ильенков, 2024, с. 35], а память, хранимая в культуре, «..предстает как "воплощенный идеал" или как идеал, скорректированный естественно-природными (а потому непреодолимыми) свойствами того материала, в котором он воплощен» [Ильенков, 2024, с. 33].

Память живет в слове и знании, она проявляется в акте человеческой коммуникации, возникает в процессе действия людей и созданных ими общественных институтов, что означает ее определяющую роль в структуре индивидуальной и коллективной идентичности.

Список литературы

- Августин А. 1991. Исповедь. М., ИВО-Сид, 488 с.
- Аристотель. 2004. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 183 с.
- Ассман Я. 2004. Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности. М., Языки славянской культуры, 363 с.
- Бергсон А. 1999. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, Харвест, 1408 с.
- Бердяев Н.А. 2021. Самопознание. М., Эксмо, 544 с.
- Бердяев Н.А. 2002. Смысл истории. Новое средневековье. М., Канон+, 448 с.
- Блонский П.П. 1935. Память и мышление. М., Ленинград, Государственное Социально-экономическое издательство, 214 с.
- Губин В. Д. 2017. Метафизика памяти. М., РГГУ, 193 с.
- Ильенков Э.В. 2024. Школа должна учить мыслить! В кн.: Ильенков Э.В. Собрание сочинений. Том 3. М., Канон+: 57–83.
- Ильенков Э.В. Проблема идеала в философии. В кн.: Ильенков Э.В. Собрание сочинений. Том 3. М., Канон+: 18–57.
- Историческая память и российская идентичность. 2018. М., Российская академия наук, 508 с.
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. 2006. М., Круг, 768 с.

- Йетс Ф. 1997. Искусство памяти. СПб., Университетская книга, 478 с.
- Локк Дж. 1985. Опыт о человеческом разумении. В кн.: Локк Дж. Сочинения в 3-х т., Т. I. М., Мысль, 621 с.
- Лосский Н.О. 1991. История русской философии. М., Советский писатель, 480 с.
- Лоуэнталь Д. 2004. Прошлое-чужая страна. СПб., Владимир Даль: Русский Остров: Фонд Университет, 623 с.
- Лысак И.В. 2017. Идентичность: сущность термина и история его формирования. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 38: 130–138.
- Макаров А.И. 2016. Феномен надындивидуальной памяти (образы – концепты рефлексия). Волгоград, Изд-во ВолГУ, 216 с.
- Малышкин Е.В. 2011. Две метафоры памяти СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 246 с.
- Маркузе Г. 1994. Одномерный человек. М., REFL-book, 368 с.
- Нора П. 1999. Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 333 с.
- Орлова Э.А. 2010. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании. *Вопросы социальной теории: Научный альманах*: 87–111.
- Платон. 1993. Федон. В кн.: Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М., Мысль: 7–81.
- Платон. 1993. Федр. В кн.: Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М., Мысль: 135–192.
- Рикер П. 2004. Память. История. Забвение. М., Издательство гуманитарной литературы, 728 с.
- Рикер П. 2008. Я – сам как другой. Пер. с франц. М., Издательство гуманитарной литературы, 422 с.
- Ростовская О. М. 2020. Интерпретации феномена памяти в русской философии второй половины XIX - первой половины XX. *Власть и общество*, 5(14): 4–7.
- Тета Ж-М. 2012. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции поля Рикёра. *Социологическое обозрение*, 11 (2): 100–121.
- Трубецкой С.Н. 1994. О природе человеческого сознания. М., Мысль, 817 с.
- Уайт Х. 2024. Практическое прошлое. М.. Новое литературное обозрение, 192 с.
- Франк С.Л. 1917. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М., Издание Г. А. Лемана и С. М. Сахарова, 253 с.
- Хальбвакс М. 2005. Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, 2–3 (40–41): 8–27.
- Хальбвакс М. 2007. Социальные рамки памяти. М., Новое издательство, 346 с.
- Хамидулин А.М. 2024. Философия история Н.А. Бердяева в контексте memory studies. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 4: 130–137.
- Хаттон П. 2004. История как искусство памяти. СПб., Владимир Даль: Русский Остров: Фонд Университет, 425 с.
- Шевцов К. П. 2018. Философия памяти. СПб., Издательство РХГА, 408 с.
- Шевцов К.П. 2013. Воображаемое прошлое. О памяти и категории прошлого. *Международный журнал исследований культуры*, 2 (11): 81–85.
- Юм Д. 1996. О познании. Трактата о человеческой природе. В кн.: Юм Д. Сочинения в 2 т. Т.1. М., Мысль: 61–326.
- Danziger K. 2008. Marking the Mind: a history of memory. Cambridge, Cambridge University Press, 322 p.
- Kierkegaard S. 1988. Stages on life's way. Studies by various persons. New Jersey, Princeton University Press Princeton, 780 p.

References

- Avgustin A. 1991. Isproved'. [Confession]. Moscow, IVO – SiD, 488 p.
- Aristotel'. 2004. Protreptik. O chuvstvennom vospriyatii. O pamyati. [Protreptic. About sensory perception. About memory]. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 183 p.
- Assman Ya. 2004. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i polit. identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. [Cultural memory: writing, memory of the past and politics. identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, Publ. Yazyki slavyanskoi kul'tury, 363 p.
- Bergson A. 1999. Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'. [Creative evolution. Matter and memory]. Minsk, Kharvest, 1408 p.
- Berdyayev N.A. 2021. Samopoznanie. [Self-knowledge]. Moscow, Publ. Eksmo, 544 p.
- Berdyayev N.A. 2002. Smysl istorii. Novoe srednevekov'e. [The meaning of history. New Middle Ages]. Moscow, Publ. Kanon+, 448 p.
- Blonskii P.P. 1935. Pamyat' i myshlenie. [Memory and thinking]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 214 p.

- Gubin V. D. 2017. Metafizika pamyati. [Metaphysics of memory]. Moscow, Publ. RGGU, 193 p.
- Ilenkov E.V. 2024. Shkola dolzhna učit' myslit'! [School should teach how to think!]. In: *Sobranie sochinenii Tom 3*. [Ilenkov E.V. Collected works. T. 3.]. Moscow, Publ. Kanon +: 57–83.
- Ilenkov E.V. 2024. Problema ideala v filosofii. [The problem of the ideal in philosophy]. In: *Sobranie sochinenii Tom 3*. [Ilenkov E.V. Collected works. T. 3.]. Moscow, Publ. Kanon +: 18–57.
- Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost'. 2018. [Historical memory and Russian identity]. Moscow, Rossiiskaya akademiya nauk, 508 p.
- Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni. 2006. [History and memory: historical culture of Europe before the beginning of modern times]. Moscow, Publ. Krug, 768 p.
- Iets F. 1997. Iskustvo pamyati. [The Art of Memory]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 478 p.
- Lokk Dzh. 1985. Opyt o chelovecheskom razumenii. [An Essay Concerning Human Understanding]. In: *Sochineniya v 3-kh t. T. I*. [Locke J. Works in 3 volumes, T. I]. Moscow, Publ. Mysl', 621 p.
- Losskii N.O. 1991. Istoriya russkoi filosofii. [History of Russian philosophy]. Moscow, Publ. Sovetskii pisatel', 480 p.
- Louental' D. 2004. Proshloe-chuzhaya strana. [The Past Is a Foreign Country]. St. Petersburg, Vladimir Dal', Russkii Ostrov, Fond Universitet, 623 p.
- Lysak I.V. 2017. Identichnost': sushchnost' termina i istoriya ego formirovaniya. [Identity: The Essence of the Term and the History of Its Formation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 38: 130–138.
- Makarov A.I. 2016. Fenomen nadyindividual'noi pamyati (obrazy – kontsepty refleksiya). [The Phenomenon of Supra-individual Memory (Images – Concepts – Reflection)]. Volgograd, Publ. VolGU, 216 p.
- Malyshkin E.V. 2011. Dve metafory pamyati. [Two Metaphors of Memory]. St. Petersburg, Publ. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 246 p.
- Markuze G. 1994. Odnomernyi chelovek. [One-Dimensional Man]. Moscow, Publ. REFL-book, 368 p.
- Nora P. 1999. Frantsiya-pamyat'. [France-Memory]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 333 p.
- Orlova E.A. 2010. Kontseptsii identichnosti/identifikatsii v sotsial'no-nauchnom znanii. [Concepts of Identity/Identification in Social Science Knowledge]. *Voprosy sotsial'noi teorii: Nauchnyi al'manakh*: 87–111.
- Platon. 1993 Fedon. [Phaedo]. In: *Platon. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh. T. 2*. [Plato. Collected Works in 4 Volumes. T. 2]. Moscow, Publ. Mysl': 7–81
- Platon. 1993. Fedr. [Phaedrus]. In: *Platon. Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh. T. 2*. [Plato. Collected Works in 4 Volumes. T. 2.]. Moscow, Publ. Mysl': 135–192
- Riker P. 2004. Pamyat'. Istoriya. Zabvenie. [Memory, History, Forgetting]. Translated from the Frenc. Moscow, Publ. Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 728 p.
- Riker P. 2008. Ya - sam kak drugoi. [Oneself as Another]. Translated from the Frenc. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 422 p.
- Rostovskaya O. M. 2020. Interpretatsii fenomena pamyati v russkoi filosofii vtoroi poloviny XIX- pervoi poloviny XX. [Interpretations of the Phenomenon of Memory in Russian Philosophy of the Second Half of the 19th and First Half of the 20th Centuries]. *Vlast' i obshchestvo*, 5(14): 4–7.
- Teta Zh-M. 2012. Narrativnaya identichnost' kak teoriya prakticheskoi sub"ektivnosti. K rekonstruktsii kontseptsii polya Rikera. [Narrative Identity as a Theory of Practical Subjectivity: Towards a Reconstruction of the Field Concept. Ricoeur]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 11 (2): 100–121.
- Trubetskoi S.N. 1994. O prirode chelovecheskogo soznaniya. [On the Nature of Human Consciousness]. Moscow, Publ. Mysl', 817 p.
- Uait Kh. 2024. Prakticheskoe proshloe. [The Practical Past]. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 192 p.
- Frank S.L. 1917. Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu. [The Soul of Man: An Essay on Introduction to Philosophical Psychology]. Moscow, Publ. Izdanie G. A. Lemana i S. M. Sakharova, 253 p.
- Khal'bvaks M. 2005. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'. [Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2-3 (40-41): 8–27.
- Khal'bvaks M. 2007. Sotsial'nye ramki pamyati. [The Social Frameworks of Memory]. Moscow, Publ. Novoe izdatel'stvo, 346 p.

- Khamidulin A.M. 2024. *Filosofiya istoriya N.A. Berdyaeva v kontekste memory studies*. [N.A. Berdyaev's Philosophy of History in the Context of Memory Studies]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 4: 130-137.
- Khatton P. 2004. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*. [History as the Art of Memory]. St. Petersburg, Vladimir Dal', Russkii Ostrov, Fond Universitet, 425 p.
- Shevtsov K.P. 2018. *Filosofiya pamyati*. [Philosophy of Memory]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA, 408 p.
- Shevtsov K.P. 2013. *Voobrazhaemoe proshloe. O pamyati i kategorii proshlogo*. [The Imaginary Past: On Memory and the Category of the Past.]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury*, 2 (11): 81–85.
- Yum D. 1996. *O poznanii. Traktata o chelovecheskoi prirode*. [On Knowledge. A Treatise of Human Nature]. In: Yum D. *Sochineniya v 2 t. T.1*. [Hume D. Works in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Publ. Mysl': 61–326.
- Danziger K. 2008. *Marking the Mind: a history of memory*. Cambridge, Cambridge University Press, 322 p.
- Kierkegaard S. 1988. *Stages on life's way*. Studies by various persons. New Jersey, Princeton University Press Princeton, 780 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.01.2026
Поступила после рецензирования 13.04.2026
Принята к публикации 31.08.2026

Received January 13, 2026
Revised April 13, 2026
Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лыткин Владимир Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, Россия.

Vladimir V. Lytkin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Culture and Sociology, Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia.

Капалин Андрей Николаевич, аспирант кафедры философии, культурологии и социологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, Россия.

Andrey N. Kapalin, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Cultural Studies, and Sociology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia.